Субмарины уходят в вечность

Богдан Сушинский

секретный фарватер

Богдан Сушинский

субмарины уходят в вечность

Москва
«Вече»
2008

ББК 84(4Укр)
С91

Сушинский Б.И.

С91 Субмарины уходят в вечность : Роман / Богдан Сушинский. — М. : Вече, 2008. — 464 с. — (Секретный фарватер).

ISBN 978-5-9533-2719-0

Новый военно-приключенческий роман-версия «Субмарины уходят в вечность» известного писателя, лауреата Международной литературной премии имени Александра Дюма (1993) Богдана Сушинского посвящен событиям 1944—1945 годов.

Роман является логическим продолжением романа «Антарктида. Четвертый рейх». В основу сюжета положены исторические факты, связанные с версией о формировании специального подводного флота — «Фюрер-конвоя», таинственно исчезнувшего в конце войны. Вместе с ним исчезли несколько десятков ведущих ученых и инженеров, создававших «оружие возмездия».

ББК 84(4Укр)

ISBN 978-5-9533-2719-0

© Сушинский Б.И., 2008
© ООО «Издательский дом «Вече», 2008

1.

Апрель 1945 года. Германия. Ставка рейхсмаршала Германа Геринга в Баварских Альпах, в районе Берхтесгадена.

Растерзанная стихиями вершина горы, открывавшаяся из окна кабинета рейхсмаршала авиации Германа Геринга, напоминала полуразрушенную гробницу, неизвестно кем и когда возведенную на поднебесном альпийском плато и во имя какого правителя хранимую здесь историей и веками.

Как всегда в это послеобеденное время, Геринг на несколько минут втиснул не в меру располневшее туловище в готическую бойницу своего дома на окраине Берхтесгадена и теперь стоял перед этой горной гробницей, как перед последним святилищем, каким-то чудом уцелевшим посреди заполоненного и погибельно разрушенного врагами Третьего рейха.

Только вчера, 20 апреля 1945 года, рейхсмаршал вернулся из полуосажденного Берлина, где в бункере имперской канцелярии высшие руководители рейха в последний раз отметили день рождения фюрера. Было что-то странное и почти неестественное в том, что Гитлеру вновь удалось собрать их всех вместе: Гиммлера, Геббельса, Деница, Шелленберга, Мюллера, Бормана, Риббентропа, Кальтенбруннера, Кейтеля, Йодля... — на руинах и пепелище своей империи.

Лишь увидев всех этих, некогда немыслимо грозных, вершителей германских судеб теснящимися в основательно отсыревших за зиму подземельях ставки фюрера, над которыми уже вовсю свирепствовала вражеская авиация, Геринг вдруг по-настоящему осознал, что все они, с фюрером во главе: вся подчиненная им военно-государственная сила; сама еще недавно несокрушимо

могучая и заповедно непобедимая Германия — действительно находятся на грани неотвратимой гибели. Кажется, это уже понимали все; на каждом из пребывавших там людей уже лежала печать скорби.

И хотя фюрер все еще пребывал во власти каких-то наивно-мистических иллюзий, все еще уповал то на некие, в реальности давно разгромленные, дивизии, которые якобы должны были подойти к Берлину и оттеснить русских; то на рационализм англо-американцев, которые в последние минуты неминуемо опомнятся, чтобы вступить с ним в сепаратные переговоры за спиной у Сталина, — Геринг, как и прочие собравшиеся на пятидесятишестилетие фюрера, уже явственно ощущал нависающую над всем происходящим роковую неизбежность, меченную страшносудным клеймом: «В последний раз!»

Потому что, и в самом деле, они в последний раз собрались все вместе, в последний раз побывали в бункере рейхсканцелярии, в последний раз отмечали день рождения фюрера, в последний раз представали перед остатками Германии и многострадального народа ее в облике вождей, кумиров и полководцев.

— Господин рейхсмаршал, — возник откуда-то из горно-поднебесного миража голос адъютант-порученца майора Ингена, — из Берлина прибыл представитель Генштаба люфтваффе в ставке фюрера генерал Коллер, и просит срочно принять его по очень важному делу.

— А что, из этой русской «крысоловки» кто-то еще способен пробиваться и прибывать? — с трудом вырывался Геринг из высокогорных альпийских видений, вот уже который день спасавших его от мрачных мыслей и суеверий жестокой германской действительности.

— Как это ни странно, господин рейхсмаршал...

Бывшему командиру эскадрильи дальних бомбардировщиков майору Ингену пришлось побывать в Берлине вместе с Герингом. И теперь ему тоже не верилось, что им удалось вырваться из этой осадной «крысоловки» и что кто-то там, в подземельях рейхсканцелярии, все еще пытается имитировать деятельность ставки Верховного главнокомандования.

Пока рейхсмаршал «отдавал дань приличия» фюреру, отношения с которым уже давно были натянутыми, Инген занимался

формированием последнего транспортного конвоя из пригородного замка Геринга Каринхалле, благодаря которому по южному коридору в Берхтесгаден эвакуировались полотна известных мастеров, ценная посуда и все прочее, что еще можно было вырвать из-под сапог наступающих советских дивизий.

Поэтому он собственными глазами видел, каким массовым и паническим было бегство германского генералитета, министерств и всевозможных ведомств, направлявшихся в сторону спасительной Альпийской крепости фюрера, и какой неистребимо пораженческий дух витал над всем тем пространством, которое все еще оставалось под контролем вермахта.

Впрочем, спасительность тоже была слишком условной и призрачной, при которой новоявленные странники уповали только на то, что в альпийских редутах сдаваться все же придется англичанам и американцам, а не жаждущим мести азиатам-коммунистам.

— Если генералу действительно есть что сказать, пусть войдет, — молвил тем временем рейхсмаршал. — Но с условием, что ему действительно есть что сказать.

— Чтобы каждое слово — как удар бомбардировщика, — понимающе кивнул головой адъютант.

Когда генерал Коллер вошел, Геринг уже сидел за огромным письменным столом, вальяжно развалившись в столь же огромном, специально под его фигуру сработанном, кресле. В своем цивильном пиджаке, в серой рубашке с расстегнутым воротом и без галстука, он был похож на кого угодно, только не на рейхсмаршала авиации.

На какое-то мгновение генерал даже оцепенел, слишком уж неестественным казалось ему это странное превращение некогда грозного и непоколебимого маршала в провинциального местечкового толстячка, которого он не мог, не желал воспринимать как главнокомандующего военно-воздушными силами.

Правда, еще в Берлине полномочный представитель Геринга в ставке обратил внимание, что на торжества по случаю дня рождения фюрера рейхсмаршал прибыл в имперскую канцелярию без единого ордена на мундире, украшенном всего лишь «Золотым почетным значком летчика». И даже не догадывался, что вне рейхсканцелярии Геринг предпочитал ходить теперь в

гражданском, протестуя таким образом против несправедливых, оскорбительных упреков Гитлера по поводу того, что, дескать, его «хваленые асы» не способны избавить рейх от налетов вражеских эскадрилий[1].

А ведь единственное, что мог сказать тогда фельдмаршал в свое оправдание, но чего так и не бросил в лицо фюреру, — что у него уже давно не осталось ни асов, ни самой авиации, а посему говорить теперь о господстве в германском небе не приходится. Вот только осознавать все это фюрер уже неспособен.

Да, во время этой скандальной встречи Геринг то ли трусливо, то ли, наоборот, мужественно промолчал. Да только фюрер тотчас же узрел в этом его растерянном, дипломатическом молчании неспособность главкома люфтваффе овладеть ситуацией и окончательно взбесился.

«...В таком случае сорвите с себя все эти бесчисленные ордена! — разъяренно тыкал он дрожащим пальцем ему в грудь, попадая как раз в те награды, которые Геринг — тогда еще ведущий германский ас Геринг[2] — добывал в тяжелых боях Первой мировой в составе прославленной 1-й эскадрильи германских ВВС, больше известной по фамилии своего первого командира как эскадрилья Рихтхофенаэ». — Зачем вы нацепили их?! Чтобы убеждать нас, что военно-воздушные силы рейха все еще существуют, а вы все еще ими командуете?!»

И опять, то ли от страха перед фюрером, то ли из щадящего мужества, у Геринга не хватило силы воли перехватить эту руку и, глядя прямо в глаза ефрейтору Адольфу Шикльгруберу, решительно сказать: «Хватит! Эти награды я добывал в поединках с лучшими английскими и французскими асами! А все, что ты мог

---

[1] Исторический факт. Такая скандальная стычка между Гитлером и Герингом действительно произошла в конце 1944 года. После нее, кровно обидевшись, Геринг снял со своего мундира все награды и вообще предпочитал ходить в гражданском костюме.

[2] В мае 1918 года летчик-истребитель Герман Геринг был награжден высшей наградой Германии, орденом «За заслуги», имея к тому времени 21 победу в воздушных боях. Демобилизовался молодой ас в конце 1919 года, будучи капитаном, с должности командира эскадрильи Рихтхофена. Среди его наград уже были: орден Карла Фридриха, Железный крест I степени, орден Льва с мечами, орден Гогенцоллернов III степени с мечами и ряд других.

погубить в этой стране, в том числе и авиацию, ты уже погубил!» Впрочем, мстительная фраза эта сформулировалась в оскорбленном сознании Геринга значительно позже, когда ничего уже нельзя было изменить.

— Вам, генерал Коллер, известно, что без моего личного приказа вы не имели права оставлять ставку Верховного главнокомандующего? — все же напомнил Геринг своему подчиненному.

— Так точно, господин рейхсмаршал.

— Поэтому то, что вы собираетесь сейчас произнести, должно показаться достаточно веским для нарушения моего приказа, чтобы я не решился отдать вас под суд.

— Мы оказались в ситуации, при которой каждый должен принимать решения, пусть даже рискуя чином, должностью, репутацией или самой жизнью. Сразу же после доклада я готов вернуться в ставку, хотя не вижу в этом никакого смысла; мое пребывание здесь, в штабе люфтваффе, представляется куда более уместным.

— Считайте, что вы меня убедили. С какой же вестью вы прибыли?

— Прежде всего, хочу доложить, что в ночь с 20 на 21 апреля Риббентроп с остатками своего министерства, а также Гиммлер со своим СС-штабом покинули Берлин. Кейтель, во главе штаба Верховного главнокомандования, и Йодль, с личным штабом фюрера, тоже отбыли, насколько мне известно, во Фленсбург, поближе к датской границе и к ставке Деница.

— Кто же остался с фюрером в рейхсканцелярии?

— Борман и Геббельс.

— Вот эти-то двое шакалов и погубят его, — изрек Геринг, — а вместе с ним — и все надежды на перемирие с англо-американцами, на более или менее приемлемые условия капитуляции, с сохранением в Германии хотя бы временного правительства, способного удержать рейх от полного краха.

— Совершенно с вами согласен, господин рейхсмаршал. Узнав, что все разбегаются из рейхсканцелярии и Берлина, фюрер сначала пришел в полное уныние, а затем начал орать, что его все предали и продолжают предавать.

Услышав это, Геринг нервно передернул плечами: что ни говори, а он принадлежал к тем, кто точно так же сбежал, и «продолжает предавать» фюрера.

— Но ведь был же приказ об эвакуации из Берлина штабов и военных ведомств, — напомнил он генералу, — чтобы они продолжили функционировать даже после падения столицы и чтобы германцы видели, что власть в стране существует.

— Так точно, такой приказ был. Но фюрер потерял чувство реальности происходящего; мне порой казалось, что...

— Ладно, не будем о фюрере, — прервал его Геринг. — Переходите к главному.

— Сегодня утром, сразу же после завтрака, в бункере вновь зашла речь об эвакуации фюрера из Берлина и налаживании мирных переговоров с американцами и англичанами.

— Так-так, и что же? — навалился рейхсмаршал на стол с такой тяжестью, словно хотел раздробить его. — Не тяните, Коллер, не тяните! Что за гнусная привычка?!

— Так вот, фюрер решительно заявил, что он остается в Берлине, в рейхсканцелярии, и не собирается никуда эвакуироваться. Все присутствовавшие при этом, в частности Борман, Геббельс, генералы Кребс и Бургдорф, советник Бормана штандартенфюрер СС Цандер, адъютант фюрера майор Йоганмейер и другие, восприняли это его заявление как решение окончательное и не подлежащее дальнейшему обсуждению.

2.

Январь 1945 года. Германия. Баварские Альпы. Охотничий замок Вальхкофен на берегу озера Вальхензее.

Лунное сияние отражалось от белоснежного склона горы и охватывало женское тело холодным серебристым пламенем.

Они лежали между двумя полыхающими каминами, однако пламя их источало всего лишь некое едва осязаемое тепло, которому укрытое легкой белой вуалью тело женщины было неподвластно. Очертания его медленно растворялись в холодном предутреннем мареве зимней ночи, и, любуясь ими, Скорцени так и не мог понять: спит женщина или уже не спит; все еще жива или уже успела перевоплотиться в застывший беломраморный образ нетленного творения смерти.

— Вас что-то встревожило, мой диверсионный Скорцени? — вполголоса спросила женщина, когда оберштурмбаннфюрер попытался осторожно сойти с кровати, не нарушив при этом ее подлунного спокойствия.

Этот голос мог принадлежать кому угодно, но только не Альбине Крайдер; он зарождался где-то под невысокими сводами этой горной усыпальницы и растекался по таинственно-огненному полумраку — тихий, ненавязчивый и нежно-повелительный, каковым и должен быть сейчас голос истинной Фюрер-Евы.

— Когда вокруг твоего убежища такая тишина — это всегда настораживает и даже пугает, дьявол меня расстреляй.

— Пугающая тишина, пугающее любопытство недругов, пугающее одиночество... — все тем же, едва слышимым подлунным голосом проговорила двойник Евы Браун. — И только любовь бесстрашна.

— Бесстрашна или бесстрастна?

— И бесстрастна — тоже.

— По отношению ко всему окружающему миру — да, бесстрастна. Хотя и поглощена при этом своими внутренними страстями.

Укутавшись в толстый халат, оберштурмбаннфюрер сидел в низком кресле, у самого камина, и лже-Ева могла видеть его полуохваченный багровыми языками точеный профиль, по которому шрамы пролегали, как глубокие трещины по древнеримскому изваянию.

— Итак, вы боитесь тишины... Расскажите мне, какой именно тишины вы боитесь.

— Скорее всего, окопной.

— Понимаю, окопной тишины. Мне трудно представить себе, что это такое — окопная тишина, но я пытаюсь понять ее сущность.

— Теперь она уже воспринимается не так обостренно, а когда только вернулся с фронта...

— По-моему, вы все еще оттуда не вернулись, мой диверсионный Скорцени.

— Я-то попытался вернуться, да только теперь уже не я к фронту, а фронт ко мне подходит. Медленно, но неотвратимо.

— Этого оспорить нельзя. Даже в вечернем любовном экстазе я слышала горные отзвуки далеких взрывов. Уловив первые из

них, я предалась дичайшим иллюзиям: словно отдаюсь, лежа на передовой, между двумя линиями окопов.

— Секс на нейтральной полосе, — кивнул обер-диверсант рейха и, отглотнув из бутылки очередную порцию коньяку, мечтательно запрокинул голову.

— У вас такое уже случалось?! — насторожилась оберштурмфюрер СС Альбина Крайдер и даже чуть-чуть приподнялась.

— Насиловать русских красоток где-нибудь на нейтральной полосе, во время артналета?!

— А что?! Признавайтесь, Скорцени.

— Все было, дьявол меня расстреляй, не скрою, все. Кроме этого! Чтобы на нейтральной...

— Вот оно, запоздалое раскаяние! А почему кроме этого?

— То ли фантазии не хватило, то ли попросту случай не подвернулся — в русские, знаете ли, морозы.

— Мне тоже казалось, что свою медаль «Зимняя кампания»[3] вы, мой диверсионный Скорцени, получили не за сексуальные артналеты перед окопами русских.

— Теперь вы изменили свое мнение?

— Пока еще даже не сложила его, чтобы так, окончательно. Наверное, я слишком страстна для того, чтобы спешить с выводами. Но вы не огорчайтесь, кое-что у вас все же получается, мой сексуальный фронтовик, — почти признательно произнесла Фюрер-Ева.

Откуда-то со стороны горного хребта эхо вновь донесло до них раскаты взрывов. Очевидно, обстреливают англичане, подумал обер-диверсант. Из рассказов фронтовиков он знал, что американцы по ночам не воюют, у англичан же, наоборот, сволочная привычка устраивать артиллерийские обстрелы в обеденную пору и по ночам.

Причем обстреливают они зачастую просто так, не имея засеченных целей, не готовясь ни к атаке своей пехоты, ни к наступлению. Не зря же у вермахтовцев, особенно у бойцов из разведрот, считается особой доблестью захватить где-нибудь ночью англий-

---

[3] Медалью «Зимняя кампания» награждали в основном участников сражения под Москвой зимой 1941 года, в числе которых был и унтерштурмфюрер (младший лейтенант) дивизии СС «Дас рейх» Отто Скорцени.

ского артиллериста и приволочь его к своим окопам на всеобщее поругание. Никогда и ни над кем германские пехотинцы не измывались с таким удовольствием и такой сатанинской изобретательностью.

— ...А что касается моих страхов, — уже как бы беседуя с самим собой, проговорил оберштурмбаннфюрер СС, — то знакомый полевой хирург назвал это фронтовым синдромом, порожденным страхом перед тишиной. Что такое «синдром», я так до конца и не понял, но все остальное — правда.

— Мне бы хотелось, мой диверсионный Скорцени, чтобы отныне вас преследовал только один синдром, один страх — потерять меня.

— Мужественно молвлено, — признал обер-диверсант рейха.

Пока, приподнявшись на локте, лже-Ева взбадривала коньяком свою необузданную храбрость, Скорцени пытался обуздать свой совершенно незлой, немстительный, с налетом зимней грусти, смех.

Нет, он, конечно, согласен: эта прекрасная ночь, тем более что она еще не завершена, его сидение у камина — всего лишь антракт. Но дело в том, что один фронт действительно уже подступал к отрогам Баварских Альп, а другой подтягивался к Одеру. Да и прибыл сюда Скорцени только для того, чтобы взглянуть на «двойняшку» Евы Браун, а не для того, чтобы влюбляться в нее.

Он всего лишь хотел понять, насколько эта лже-Ева готова к «выходу на арену» и к выполнению самой судьбой, самой историей рейха предначертанной ей миссии. Вот только Альбина восприняла эту инспекционную поездку «диверсионного Скорцени» совершенно по-иному, самым решительным образом провоцируя мужчину не только на аллюрный флирт, но и на столь же аллюрное сексуальное посягательство. Ну а дальше был коньяк на двоих ...и были на удивление нежные ласки, от которых он, привыкший к «сексуальным артналетам любовный фронтовик», давно отвык; а главное — было то ли наснившееся, то ли нагрезившееся ему удивительно нежное и в то же время удивительно сильное, упругое женское тело.

Набросив на плечи белый фатоподобный халатик, Альбина вновь отхлебнула для храбрости вина из стоявшего на прикроватной тумбочке фужера, и, перекатившись через немыслимо ши-

рокое приземистое ложе, рассчитанное, как она предполагала, на половое возлежание целого взвода «сексуальных фронтовиков-окопников», свалилась прямо под ноги Скорцени.

— Я все еще у ваших ног, мой фюрер!

— Что невозможно не заметить.

— Кто бы мог предположить, что посреди этих заснеженных предгорий, под грохот ночной канонады разгорится такая страстная любовная баталия? Недооцениваете меня, мой диверсионный Скорцени, трагически недооцениваете! — проворковала она, неспешно и деловито распахивая полы его халата, под которыми скрывалось вожделенное и оголенное мужское тело.

Настоящая Ева пребывала в эти дни в Мюнхене, но собиралась переехать в ставку фюрера «Бергхоф», и Скорцени решал для себя, как поступать дальше. Ему, конечно же, хотелось свести ее там же, в ставке, со лже-Евой и посмотреть, насколько копия соответствует оригиналу. Он уже чувствовал себя создателем, или, точнее, сотворителем двойников, и познать степень совершенства одного из своих творений в сравнении с его оригиналом — это уже было из области сугубо профессионального интереса и профессиональных амбиций.

«Жаль только, что тебе не удастся сравнить этих двух женщин по их поведению в постели, — сказал себе Скорцени, нежно охватывая ладонями лицо Фюрер-Евы и приподнимая так, чтобы оно оказалось на его оголенных коленях. Касаясь его ног, волосы женщины действовали на Отто настолько возбуждающе, что от удовольствия он закрыл глаза. — Впрочем, все еще может случиться, — напомнил он себе с отчаянностью самоубийцы».

Естественно, он хотел бы если не сутки, то хотя бы несколько часов провести с ними двумя: понаблюдать, прикинуть, в чем Альбина уступает рейхсналожнице фюрера, а в чем откровенно переигрывает.

Однако осуществить это было непросто. Во-первых, нужно было получить разрешение фюрера — не Евы, а именно фюрера, что сразу же усложняло задачу. Причем добиваться этого лучше всего следовало бы в «Бергхофе», с условием, что сам фюрер либо присутствовал бы при этой встрече, либо же отдельно встретился бы со лже-Евой, а затем находился бы в ставке во время всего «сожительства» двух этих фрау.

А во-вторых, Скорцени все еще окончательно не решил, как ему поступать дальше: то ли подослать тже-Еву в бункер рейхсканцелярии вместо настоящей Евы, которая вряд ли решится приехать туда; то ли, наоборот, тайно оберегать ее здесь, в альпийской глубинке, чтобы отправить затем в эмиграцию вместо настоящей, непременно погибшей. Неважно, при каких обстоятельствах и кем именно убиенной, но обязательно... погибшей!

Вот только фюрера не было сейчас ни в «Бергхофе», ни в «Вольфсшанце», ни в Берлине. Окончательно распрощавшись в ноябре минувшего года со своей главной ставкой близ восточнопрусского города Растенбург, он, вопреки ожиданиям, осел не в «Бергхофе» и не в «Вольфсшлюхте», а подался в свое «Орлиное гнездо»[4]. И лишь немногие посвященные знали, что это Борман и Геббельс уговорили вождя отсидеться там, вдали от фронтов и бомбежек, сведя к минимуму деловые приемы и доклады генералитета. Чтобы он мог отдохнуть от всего и всех, а прежде всего от самого себя, взвинченного и издерганного, каковым он представал перед всеми в последние месяцы минувшего года, и постепенно восстанавливал бы душевное спокойствие и нервное равновесие. При этом Борман вполне резонно решил, что появление там Евы вносило бы в бытие фюрера нежелательный сумбур, от которого он только что бежал из «Вольфсшанце».

— Как думаете, мой диверсионный Скорцени, случалась ли в жизни той, настоящей Евы и того, настоящего фюрера хотя бы одна такая отчаянно безумная, по-настоящему альпийская ночь? — вполголоса спросила Альбина, нежно поводя перед этим губами по самой сокровенной мужской тайне своего учителя.

---

[4] Речь идет о ставке «Адлерсхорст» («Орлиное гнездо»), расположенной в Альпах неподалеку от «Бергхофа». В Берлин фюрер прибыл только в середине января 1945 года, когда он уже стал фронтовым городом и часть рейхсканцелярии была разрушена. Кстати, есть сведения о существовании еще одного замка-ставки фюрера «Орлиное гнездо», в районе города Бад-Наухайм, земля Гессен. Малоизвестная ставка фюрера «Вольфсшлюхт» («Волчье ущелье») располагалась в Рейнской области, близ города Мюнстерэйфаль, и сооружена была для того, чтобы фюрер мог эффективно командовать Западным фронтом. Однако фюрер почти не бывал в ней.

— По крайней мере, теперь я буду знать, что такие ночи следует именовать альпийскими.

— И все же, случалась или нет? Для меня это очень важно понять.

— Мне несколько раз приходилось видеть эту женщину, общаться с ней...

— И спать? — томно спросила Альбина. — Как она вела себя в постели?

— Спать с любимой женщиной фюрера, с его гражданской женой?!

— Но ведь это же романтично. Она тоже предавалась прелестям орального секса? Признавайтесь, Скорцени, признавайтесь, — томно, почти сладострастно допрашивала его Крайдер. — Я не стану ревновать вас, наоборот, мои ласки будут еще более изысканными.

— Но ведь это женщина фюрера!

— Именно поэтому она должна была влюбиться в вас, после всех ваших подвигов — влюбиться, мой диверсионный Скорцени. Страстно и самоубийственно. И потом, все мы — чьи-то женщины. До сих пор ни одного мужчину это обстоятельство еще не останавливало.

— Я никогда не принадлежал к трусам, но я и не самоубийца.

— Неужели вы отказали себе в праве предаться любовным игрищам с самой Евой Браун? Как предаетесь со мной?

— Отказал, — едва слышно проговорил Скорцени, предаваясь тем игрищам, которыми Крайдер только что страстно грезила и которые сама же способна порождать.

У нее это получалось прекрасно — это Скорцени мог засвидетельствовать даже на Страшном суде, не отрекаясь при этом ни от сотворенного этой женщиной греха, ни от самой женщины.

— А может, просто не представлялось случая? — спросила Крайдер, прерывая свои ласки как раз в то мгновение, когда их еще можно было прервать в надежде, что продолжение все же последует.

— И никогда не искал его.

— Все выглядело настолько безнадежно?

Обер-диверсанту понадобилось несколько мгновений, чтобы подыскать более или менее подходящее выражение.

— Настолько неинтригующе, — молвил он. — Однако мне приходилось наблюдать, как Ева Браун ведет себя в присутствии Адольфа, в присутствии других мужчин.

— Да, приходилось? И что же? — на нежном выдохе спросила лже-Ева.

— По-моему, такой, альпийской, ночи эта женщина подарить не способна. Никому.

Альбина признательно помолчала, она довольна была ответом Скорцени, независимо от того, насколько он был искренним в своих словах.

— Мне тоже так кажется, что никому. Особенно — фюреру.

— Почему «особенно»?

— Потому что она относится к Адольфу, как к своему фюреру, а нужно, чтобы к фюреру она относилась, как к своему Адольфу. Разницу улавливаете?

Скорцени опять ощутил нежное прикосновение ее губ, и тело его вновь пронзил молниеносный пламень ее подрагивающего язычка.

— А если бы вас, моя Фюрер-Ева, доставить сейчас в «Адлерсхорст», вы, умудренная жизнью и мужскими ласками, могли бы подарить фюреру такую ночь?

— «Такую», то есть настоящую альпийскую?

— Немыслимо альпийскую.

— Если «немыслимо альпийскую», то теперь уже вряд ли.

— Впервые улавливаю неуверенность в вашем голосе, Фюрер-Ева. Что стоит за вашим «теперь»?

— Будет мешать ночь, проведенная с вами, мой диверсионный Скорцени. Знаю, что потом я не раз буду говорить себе: «Лучше бы ее, ночи этой, никогда не было!» Но она случилась, и это уже факт. А человек, в постель к которому вы готовы ввергнуть меня, в моем личном восприятии, в отличие от восприятия Евы Браун, — не мой Адольф. То есть, как и для всякой прочей германки, это мой фюрер, но, увы, не мой Адольф.

— А Манфред Зомбарт? Наша Имперская Тень, наш Великий Зомби?

Прежде чем подарить Скорцени этот ответ, Альбина подарила ему минуту истинно любовного наслаждения. И только потом, позволив мужчине немного прийти в себя после сексуальной ор-

гии, уже сидя с бокалом коньяку у самого камина и неотрывно, по-колдовски глядя в огонь, произнесла:

— Позвольте вас огорчить, мой диверсионный Скорцени: этому лжефюреру я не смогу подарить ни одной ночи. Даже если вынуждена буду когда-нибудь оказаться с ним в одной постели.

— Вы меня пугаете, Альбина, — вполне серьезно заметил творец лжефюреров и лже-Ев, — я готовил вас не для постельного провала, и уж тем более — не для постельного скандала. Особенно если учесть, что, возможно, даже перед ним, лжефюрером, вам придется играть настоящую Еву Браун.

— Э, да вы, мой диверсионный Скорцени, начинаете побаиваться за свою репутацию учителя и тренера! Провала моего опасаетесь. Не стоит. «Отдаться ночью» и «подарить ночь» на нашем, женском, языке — понятия совершенно несопоставимые. Разные это понятия, мой сексуальный фронтовик!

Скорцени полусонно кивнул, таким объяснением он остался доволен. Больше всего он боялся, что Альбина ударится в женскую чувственность, в амбиции, истерику... Но, к ее чести, все выглядело вполне по-деловому, так сказать, «по-мужски».

А что касается Гитлера... Чувствовал он себя в «Орлином гнезде» плохо: то у него случались приступы горной болезни, после которой следовала бессонная ночь и полуночная ностальгическая хандра; то давал знать о себе слишком влажный и слишком холодный для него климат. К тому же он никогда настолько обостренно, до командных истерик-разносов и нервных срывов, не ощущал свою удаленность от столицы.

Русские все ближе подходили к Берлину, и фюрер опасался, как бы генералы вновь не взбунтовались и не взяли власть в свои руки, чтобы вместе с ней, с этой похищенной у него властью, сдаться на милость врага. После июля 1944 года он не доверял своим генералам ни в чем. И теперь уверен был: солдаты будут сражаться за него до последней возможности, в то время как генералы при первой же возможности предадут. Поэтому-то и ожидалось, что со дня на день вождь все же переедет в Берлин. Хотя, наоборот, в целях безопасности надо было бы держать его подальше от рейхсканцелярии.

— А ведь это действительно загадка, — вновь заговорила Альбина. — Как фюрер он мне понятен, то есть доступен моему по-

ниманию, как мужчина — нет. Наверное, поэтому мне трудно понимать Еву как женщину.

— Вы могли бы выражаться яснее, Фюрер-Ева: с кем мне нужно устраивать вам свидание — с Евой, чтобы она поделилась с вами своими женскими переживаниями, или с фюрером, чтобы он постарался убедить вас в своей мужской изысканности?

— В идеале желательно бы с обоими. Мне ведь не на сцене играть придется, когда все присутствующие в зале заранее извещены о том, что их дурачат, а в жизни, когда вся публика вокруг тебя проникнута подозрениями.

— Вы великая актриса, Альбина; вы со своей ролью справитесь.

— Хорошо, если играть Еву придется, подыгрывая лжефюреру, а если карта ляжет так, что подыгрывать придется самому фюреру, причем на глазах у всей прочей изумленной публики? Для меня это худший вариант, именно поэтому я к нему и готовлюсь.

3.

Январь 1945 года. Антарктида. Трансантарктические горы на побережье моря Росса. Астродром Повелителя Внутреннего Мира.

Астродром Повелителя арий-атлантов располагался в одной из чаш хребта Коммонуолта, который представлял собой предгорье огромного Трансантарктического массива, пролегавшего между шельфовым ледником Росса и предполярными Горами Королевы Мод.

Даже для него, Посланника Шамбалы, этот запасной, секретный астродром, который сами пилоты предпочитали называть дискодромом, до сих пор оставался недоступным, поэтому, выйдя из дисколета, он прежде всего внимательно осмотрел ледяные вершины, над которыми зависал сероватый купол низкого поднебесья. Для человека, за каких-нибудь двадцать минут перенесшегося из Северной Африки в Антарктиду, это был иной мир, иная планета и даже иная Вселенная.

Ни на склонах гор, ни в самой по-антарктически уютной эллипсовидной чаше ему так и не удалось обнаружить ничего тако-

го, что свидетельствовало бы о назначении этой горной долины. Однако это его не удивило. Посланник Шамбалы и он же — Консул Внутреннего Мира в мире наземном, уже привык к святому правилу арий-атлантов: никаких внешних строений, никаких признаков цивилизации в местах, которые служат им астродискодромами, с которых уходят в межзвездные миры и возвращаются на землю их астронавты[5].

Они ушли под землю, они завладели Внутренним Миром, который прекрасно обустроили и в котором чувствовали себя уютно и защищенно, и теперь предпочитали оставаться неведомыми ни для тех, кто все еще оставался на поверхности планеты, ни для пришельцев из иных миров. И хотя до сих пор этот район вообще оставался недосягаемым для какой-либо земной авиации или морских десантных экспедиций, арий-атланты по-прежнему маскировались так старательно и упорно, словно уже пребывали в состоянии войны со всем внешним миром.

Впрочем, так оно по существу и было: вот уже в течение многих столетий арий-атланты вели с землянами необъявленную партизанскую войну. Пока что обходилось без массовых побоищ и даже без кровопролитных боев местного значения, но это все же была война. Причем особенность ее заключалась в том, что мощь наземных сил постепенно наращивалась. И если еще каких-нибудь пять лет назад атланты — не известные землянам и хорошо вооруженные — могли чувствовать себя вполне защищенным от наземных армад, то с каждым годом эта защищенность становилась все более иллюзорной. В своем техническом развитии земляне все ближе подходили к тому рубежу, за которым защитные редуты Внутреннего Мира станут всего лишь... обычными редутами. К тому же оказалось, что у землян появились очень опасные для атлантов союзники и покровители.

— Я сообщил о вашем прибытии, — услышал Консул иронический голос командира дисколета, прозвучавший из вмонтированного в стоячий ворот комбинезона миниатюрного переговорного устройства. — Вам повезло: через десять минут вас извлекут из этой ледяной западни.

---

[5] С Внутренним Миром арий-атлантов читатель может познакомиться на страницах моего романа «Антарктида: Четвертый рейх». — *Автор.*

— Почему «повезло», Пилот? — удивленно спросил Посланник Шамбалы после некоторого замешательства. Звания «Пилот» на дисколете удостаивался только командир экипажа и только после своего третьего полета в космос. Все остальные «летуны» назывались просто: дискарий. Причем понятие «Пилот» вбирало в себя очень многое. Это было его армейским чином, его светским титулом и свидетельством высокого положения в обществе.

— Оголенная гранитная возвышенность, на которой вы сейчас стоите, называется у нас Судным камнем.

— Считаете, что название должно заинтриговать меня?

— Скорее насторожить, — жестко объяснил ему Пилот. — Если гость, которого доставили сюда по приказу командующего эскадрой, как на сей раз доставили вас, или же землянин, которого спас один из экипажей дисколетов, по каким-то причинам оказывается нежелательным для Повелителя или Духовного Хранителя Священных Истин, он так и остается здесь, преданный суду собственной судьбы. Таким же способом казнят и приговоренных к смертной казни землян или представителей двух других Внутренних Миров. Их доставляют сюда и заставляют ждать.

— Значит, сейчас я стою на месте казни, на плахе? — с интересом осмотрел Посланник Шамбалы пятигранную, едва покрытую ледяной коркой гранитную площадку, из-под которой источалось едва ощутимое термальное тепло.

— У нас не казнят, у нас предают суду собственной судьбы.

— Существенное уточнение для человека, обреченного здесь на медленную полярную гибель.

— Очевидно, вам трудно понять логику мышления и мировосприятия истинного атланта, — молвил Пилот, и в голосе его почувствовались нотки превосходства.

— Меня что, успели причислить к черной когорте нежелательных гостей страны атлантов?!

— Вас, Посланник, нет, — появился в переговорном устройстве могучий грудной голос Духовного Хранителя Священных Истин. — Черная когорта — это не для наших земных братьев из Шамбалы.

— Наконец-то нашелся человек, который изрек истину в последней инстанции! — колко молвил Посланник, прекрасно понимая при этом, что Хранитель слышал их разговор с самого на-

чала и что без его согласия Пилот не решился бы читать ему, Посланнику Шамбалы, нотации.

— Сейчас вас доставят на подземную землю обетованную. Но если вы решитесь доставить на «Базу-211», то есть на свою Рейх-Атлантиду то ли самого Гитлера, то ли Гиммлера, Бормана, Геббельса, Геринга или кого-то еще из лиц, высокоприближенных к фюреру, все они будут приглашены с визитом вежливости сюда, на астродром Повелителя...

— Именно поэтому вы и устроили мне экскурсию на этот дискодром?

— Если вы на это действительно решитесь, вам лично придется сопровождать каждого из них в отдельности на Жертвенник Повелителя. Присутствуя во время предания их суду собственной совести.

— Вот как?! Весьма польщен вашим высоким доверием! — вдруг потянуло Консула на средневеково-рыцарский стиль общения.

— Однако погибнете вы только вместе с последним из преданных этому суду. Гибель всех остальных вы будете наблюдать, находясь в термокостюме астронавта. У нас это называется судом совести и раскаяния.

— Но вы понимаете, что моя гибель приведет к войне с Высшими Посвященными Мира Шамбалы.

— Мы даже догадываемся, что Высшие Посвященные не сами станут воевать с нами, а попытаются вооружить против нас сверхоружием одну из наземных наций. Ваши покровители уже пытались сделать это, передавая высшие знания, связанные с тайной дисколета и межзвездных полетов, инженерам Германии.

То, что он услышал от Духовного Хранителя, удивило и даже поразило Посланника. Он и раньше догадывался, что невиданные, почти космические морозы, которые истребляли германскую армию на ближних и дальних подступах к Москве, превращая ее технику в заснеженные ледяные глыбы, некоторые странные решения фюрера и не менее странные катастрофы новых германских ракет и дисколетов, в создании которых германцам помогали тайные гонцы цивилизации Хранителя Земных Знаний, — все это каким-то образом предопределялось вмешательством некоей третьей силы.

— Разве, передавая знания конструкторам рейха, наш Хранитель Земных Знаний не согласовал это с вами, Духовный Хранитель Священных Истин?

— Он не только не получил согласия Повелителя Внутреннего Мира, но и действовал вопреки его запрету.

— В таком случае многое проясняется, — произнес Посланник как бы про себя, хотя Хранитель, несомненно, слышал его. — Я чувствовал, что в отношениях между нами наступил какой-то излом. Что-то происходит. С некоторых пор я оказался нежелателен в Золотой Пирамиде Жизни.

— Жрецы тайного Общества Зеленого Дракона во главе с берлинским ламой, известным вам, как Человек в Зеленых Перчатках, пытались превратить германцев в космическую нацию, передавая их конструкторам те знания, до которых наземное человечество должно было дорасти, доразвиться только в конце XXI столетия.

Воротами ангара оказалась скальная стена, которая непонятно каким образом быстро и бесшумно отошла в сторону, предоставляя пристанище дисколету. Когда она вновь стала на свое место, Консул оказался один посреди огромной горной чаши. Полярного холода он пока еще не ощущал, тем более что в чаше, очевидно, было значительно теплее, нежели за ее пределами, в Трансантарктическом предгорье. Зато ясно ощутил холод одиночества и... холод смерти.

— Я не ведал, что на знания, которыми Человек в Зеленых Перчатках снабжал конструкторов рейха, в Золотой Пирамиде Жизни был наложен священный запрет.

— Если бы я не верил вашим словам, вы так и остались бы на этом судном плато, — сурово произнес Духовный Хранитель. — Кроме того, я счел необходимым предупредить вас, что такой же запрет наложен на спасение фюрера и других руководителей рейха.

— Это окончательное решение?

— Все решения Повелителя Внутреннего Мира являются окончательными. Отменять их некому.

— Но когда вы давали согласие на создание «Базы-211», отношение к фюреру у вас было иным.

— Оно и у землян было иным. Трагедия этой планеты и ее цивилизации в том и заключается, что в судьбе ее принимают учас-

тие сразу несколько всевышних сил. К чему это приводит, вы смогли убедиться, пролетая над Германией и Россией.

— Однако, затевая эксперимент с Рейх-Атлантидой, в Золотой Пирамиде Жизни исходили из того, что судьба Германии — это судьба арийской расы. Повелитель и его советники сознательно избрали германский народ, помня о своем арийском родстве с ним.

Духовный Хранитель недовольно покряхтел. Он не любил, когда в беседе с ним начинали ссылаться на решение Повелителя и его советников. На Повелителя в этой стране атлантов имел право ссылаться только он. Потому что только ему дано было комментировать решение Повелителя как высшего носителя власти.

— Повелитель не забывает о нашем кровном расовом родстве с арийцами рейха. Иначе ваши подводники никогда не достигли бы той подземной части Антарктиды, в которой они сейчас имеют право швартоваться.

— Согласен, — попытался смягчить тон Посланник, — это принципиальное решение, с которым не все советники Повелителя и пилоты боевых дисколетов готовы были смириться.

Духовный Хранитель настороженно взглянул на Посланника. Он знал, как внимательно следят в Шамбале за всем, что происходит в стране атлантов, которая и была в свое, теперь уже очень далекое время создана только благодаря снисходительности и поддержке ее Высших Посвященных. Иное дело, что со временем арий-атланты по существу вышли из-под их опеки и контроля, получив поддержку правителя планеты Нури, цивилизация которой была создана представителями земной расы великанов, которую на Земле считают давно погибшей.

К существованию духовной страны Шамбалы астронавты-нуриды пока что относятся терпимо, однако их Высшие Посвященные уже несколько раз упреждающе демонстрировали Правителю Шамбалы, что они способны пробить все те астрально-информационные редуты, благодаря которым шамбалиды оказываются недосягаемыми и для обычных землян, и даже для атлантов.

— Мы позволим арийцам Рейх-Атлантиды, создающейся на «Базе-211», — молвил Духовный Хранитель, — развиваться зна-

чительно быстрее, нежели остальным земным цивилизациям, однако позволение это будет действительным лишь до тех пор, пока они будут находиться под нашим контролем.

— Хотел бы уточнить: под вашим покровительством, — уже явно угождал самолюбию духовного вождя атлантов-ариев Посланник Шамбалы.

— Что заставило вас прибыть в Арий-Атлантиду без моего приглашения? Не утруждайте себя, ответ мне известен: вы решились на это только ради спасения Гитлера и его приближенных. Разве не об этом вы хотели поговорить с Повелителем Внутреннего Мира?

— Вы правы: я хотел обсудить с ним — и с вами, Духовный Хранитель, тоже — судьбу фюрера и нескольких других чинов из высшего руководства рейха. Вы ведь знаете, что Германия находится на грани гибели.

— Германия не погибнет, — последовал твердый ответ Духовного Хранителя.

— Глядя на то, какие огромные воинские силы надвигаются на рейх со всех сторон, поверить в это непросто. По крайней мере, сами германцы чувствуют себя обреченными.

— В Книге земного бытия записано, что агония сотворенного германцами рейха завершится десятого мая 1945 года.

— Вот за это спасибо. Для меня важно было знать точную дату. Наши предсказатели тоже видели пришествие новой германской эры в мае, однако даты никто не называл. Тем более что на предсказания земных событий у нас наложен духовный запрет.

— Нам это известно, — иронично хмыкнул Хранитель.

— Значит, десятого мая...

— Таковой была воля Духовного Озарения Человечества.

Как только он умолк, огромный обледенелый валун, стоявший справа от гранитной плахи Повелителя, вдруг, плавно покачиваясь, поднялся в воздух, открывая перед гостем вход в пещеру.

«Значит, погибнуть тебе суждено не сегодня и не здесь, — сказал себе Консул. — Хотя создается впечатление, что Хранитель сомневался: впускать ли тебя во Внутренний Мир. И решал: заморозить тебя на этом полярном жертвеннике или же отправить на дежурном дисколете куда-нибудь на безлюдный океанический остров».

— Хранитель не решился бы на это, Посланник, — неожиданно услышал он голос своего Покровителя, одного из семи ныне здравствующих Высших Посвященных Шамбалы, который опекал Внутренний Мир планеты.

Оглянувшись, Посланник увидел на седловине хребта рослого седобородого старика с посохом в руке.

«А вот теперь я действительно спасен! — подумалось ему. — Впрочем, пока что я говорю всего лишь с Хранителем, а впереди — беседа с Этлэном Великим».

4.

Февраль 1945 года. Германия. «Нордберг» — секретная база субмарин «Фюрер-конвоя» на побережье Северного моря.

В офицерскую казарму базы фрегаттен-капитан[6] Фридрих Роланд вернулся лишь на рассвете. Двое суток отпуска, дарованные ему гросс-адмиралом Деницем, старый морской волк провел в разрушенном отцовском доме на окраине Эльмсхорна, что неподалеку от Гамбурга, почти не покидая единственной уцелевшей комнатушки, именно той, в которой прошло его детство.

Он не пил и не молился. И почти ничего не вспоминал, пребывая в каком-то необъяснимом, безысходном бездумии. И все же это было молчаливо-покаянным прощанием с древним родовым гнездом потомственных моряков Роландов, под руинами которого нашли свою гибель мать и младшая сестра; с родным краем, с Германией.

Так уж сложилось, что еще до войны бывшая жена его уехала к себе на родину, в Швецию, отец, капитан сейнера, ушел на дно вместе со своим суденышком, а единственный сын месяц назад сгорел вместе со всем своим отделением морских пехотинцев, попав где-то в Померании под залповый огонь советских катюш.

---

[6] Чин фрегаттен-капитана соответствует званию капитана второго ранга (подполковника морской службы) в российском флоте.

— Уверен, что отпуск удался! — объявил комендант офицерской казармы капитан-лейтенант Форшен, ранней птахой встретивший его в фойе.

Чудом выживший после тяжелого ранения и контузии, Форшен теперь маялся убийственной бессонницей, вполне приличествовавшей его новой, «флотско-инвалидной» должности. И еще... Контузия каким-то странным образом почти лишила его ощущения холода, и теперь каждый рассвет он встречал, обмываясь водой из ближайшего горного источника.

— Можно считать, что да, — из вежливости признал фрегаттен-капитан.

— Два вечера знакомства с красавицами из Союза германских девушек?

— Можно считать, что да, — все так же отрешенно подтвердил Роланд, мысленно представив себе руины родительского дома и чудом уцелевшую угловую комнатку с полуобвалившимся потолком.

— Пока еще эти германские девушки веселятся с нами, — с грустью вздохнул Форшен. — Не хочу дожить до того дня, когда буду видеть их в гамбургском матросском клубе в обнимку с английскими мореманами.

— Грустное это будет зрелище.

— А ведь кое-кто будет обвинять их в неверности. Хотя виноваты мы, что не защитили их.

— Обвинять будут в основном те, кто чудом выжил после объятий с русскими девицами.

Сняв сапоги, Роланд лег на койку не раздеваясь и почти мгновенно забылся глубоким, всепоглощающим сном, однако выспаться ему не позволил все тот же Форшен. Не прошло и получаса, как он ворвался в комнату и с порога прокричал:

— Фрегаттен-капитан, подъем! У телефона — гросс-адмирал Дениц!

Роланд с трудом открыл глаза и непонимающим взглядом уставился на коменданта.

— Где гросс-адмирал... Дениц? — прохрипел он, понимая, что не в состоянии ни подняться, ни беседовать с комендантом.

— Можете считать, что в моем кабинете, он требует вас к телефону.

— Гросс-адмирал подождет.

— Гросс-адмирал не может и не должен ждать! — выкрикивал Форшен каждое слово в отдельности. — И если уж он требует к телефону именно вас, фрегаттен-капитан, то из этого следует, что нужны ему именно вы, и немедленно!

— Из этого следует только одно: что чувство уважения не позволяет мне послать гросс-адмирала к черту. Вместе с вами, капитан-лейтенант.

Собрав остатки сил и мужества, Роланд поднялся и, по-лошадиному поматывая головой, побрел вслед за комендантом.

— Фрегаттен-капитан Роланд? — услышал он в трубке осипший, хронически простуженный голос Деница.

— Так точно.

— Спали?

— Спал, господин гросс-адмирал, — признал Роланд, мельком взглянув на часы. Конечно же, всякий уважающий себя командир в такое время уже должен быть на субмарине. Даже если эта субмарина все еще находится в доке.

— Завидую вашим нервам, Роланд, — неожиданно мягко отреагировал главком флота. — Сам бы с удовольствием поспал, если бы не эта проклятая старческая бессонница. Однако перейдем к делу. Ремонт вашей субмарины завершен?

— Остались кое-какие мелочи, но к завтрашнему дню...

— К мелочам мы вернемся завтра. Она способна три-четыре часа продержаться в погруженном состоянии?

— Естественно. Есть боевое задание?

— Вы помните, что субмаринам «Фюрер-конвоя» строжайше запрещено атаковать суда противника без крайней необходимости? — не преминул остепенить его гросс-адмирал[7].

— Без крайней необходимости — да, не вступать, — помассажировал виски кончиками пальцев Роланд. Он чувствовал, что повысилось давление, и вообще он смертельно устал. «Вот именно: “смертельно”», — подтвердил фрегаттен-капитан точность

---

[7] Исторический факт. Субмарины «Фюрер-конвоя» обязаны были избегать встреч с противником. Эти огромные, особой конструкции субмарины командование флота берегло для рейсов к берегам Рейх-Атлантиды и Южной Америки.

данного определения. — Такой приказ был. Однако у моря свои законы.

— Просто вы этот приказ нарушили и именно поэтому получили пробоину.

— Пробоину я получил потому, что вступил в бой. А вступив в него, потопил минный тральщик противника и серьезно повредил субмарину. Это факт. И потом...

— Молчать! — неожиданно рявкнул Дениц. Но тут же совершенно иным — спокойным, ровным голосом продолжил: — Об этом происшествии забыто. Вернемся к вопросу о субмарине: она уже на ходу? Отвечайте только: «да» или «нет»!

— Да.

— Через два часа на ее борт поднимется фюрер.

— Простите?! Я не совсем...

— Я сказал, что вы должны быть готовым принять на ее борт фюрера и его личного адъютанта. Возможно, с ними будет и известная вам Ева Браун. Впрочем, принципиального значения это не имеет.

Прежде чем как-либо отреагировать на это сногсшибательное сообщение, Роланд вновь помассажировал виски, и, закрыв глаза, на несколько секунд отключился, пребывая в каком-то полусонном-полуидиотском состоянии.

— Простите, гросс-адмирал, за назойливость, но хотелось бы знать, какова цель этого визита.

— По-моему, фюрер никогда не выходил в море на субмарине. Теперь он решил исправить эту оплошность.

— Куда я должен доставить фюрера? — почти по слогам уточнил вопрос Роланд.

— Вас будут прикрывать две боевые субмарины. О том, что у вас на борту фюрер, их командиры знать не должны. Их задача — обеспечить безопасность субмарины «Фюрер-конвоя».

— А моя задача?

— Подобрать для фюрера каюту и проверить, как он будет чувствовать себя на разных глубинах.

— У нас это называется испытанием глубиной.

— Надеюсь, трех часов достаточно, чтобы он привык к обстановке на субмарине, прочувствовал все прелести подводного путешествия и проверил себя на выдержку?

— Трех часов — вполне! Однако замечу, что до Аргентины нам придется идти несколько недель. До Антарктиды — еще дольше.

— Вот видите, фрегаттен-капитан, вы все правильно понимаете. Поэтому и решено было начать с испытания глубиной.

— И когда я должен ждать появления фюрера, чтобы?..

— Но запомните, — прервал его гросс-адмирал, — никто на субмаринах сопровождения об этой испытательной прогулке фюрера знать не должен.

— А на моей?

— На вашей же субмарине о прибытии фюрера тоже должны были бы знать только вы, старший офицер и судовой врач. Но я понимаю, что такое невозможно.

— Особенно если фюрер изъявит желание ознакомиться с субмариной.

— А он конечно же. Поэтому весь экипаж — под клятву о неразглашении. Во время посадки фюрера и фрау Браун на борт, весь экипаж должен быть выведен из подлодки и вернуться в нее должен только после того, как фюрер ознакомится с командирской рубкой и зайдет в отведенную ему каюту. Кстати, известие о посадке фюрера на субмарину может породить панические слухи и предположения.

— А по-моему, субмаринников уже ничем не удивишь.

— Думаете?

— Уверен, господин гросс-адмирал.

— Просто их еще по-настоящему не удивляли. Как и вас, фрегаттен-капитан.

Командир «U—1212» уловил в голосе, в интонациях главкома военно-морского флота какую-то хитринку, некую недосказанность, однако решил, что, возможно, это связано с приказом, который будет уточнен уже после того, как субмарина выйдет в открытое море. Однако выяснять это у Деница не стал. Понимал, что любая попытка внести в решение фюрера прокатиться на субмарине окончательную ясность — не вызовет у гросс-адмирала ничего, кроме раздражения.

— Приказ ясен, господин гросс-адмирал. Через два часа субмарина готова будет принять на свой борт самых высоких гостей. Кстати, для вас тоже приготовить каюту?

— Зачем?

«Странный вопрос, — подумалось Роланду. — Дениц не имел права задавать его».

— А если фюрер пожелает, чтобы вы сопровождали его?

— Считайте, что он этого уже не пожелал. И еще... привыкайте не удивляться, фрегаттен-капитан.

И все же что-то за этим неожиданным визитом фюрера скрывалось. Роланд не мог понять, что именно, однако что-то его во всей этой субмаринной операции настораживало.

«Не думаешь же ты, что кто-то там, в Берлине, решил взорвать фюрера вместе с твоей субмариной? — попытался остепенить себя командир подлодки, но тотчас же заметил: — А разве кто-то там, в "Волчьем логове", в июле 1944-го, мог предположить, что кому-то удастся подобраться к фюреру, пронеся взрывчатку через все мыслимые и немыслимые преграды и препятствия? Но ведь подобрались же! И бомба взорвалась! Все же этого не может быть! Сейчас всем им, как никогда раньше, нужен фюрер. Понятно, что они готовят его побег. Но состоится он только в самый последний отведенный рейху день».

Роланд вдруг уловил, что уже начинает противопоставлять себя верхушке рейха, его высшему командованию, всем тем, кто еще продолжает олицетворять «Великую Германию времен Гитлера» — как это сформулировал недавно в одном из своих радиовыступлений Геббельс. Было бы хорошо, если бы именно ему выпало доставлять фюрера на южноамериканский берег. Он твердо решил для себя, что не сможет находиться в плену или на оккупированной врагом территории. И давно помышлял о бегстве в Аргентину. Осталось решить, как и когда это сделать. Может быть, прямо сегодня?

«Бегство с фюрером на борту?! — мысленно расхохотался он, проглатывая свой небогатый завтрак в оскудевшей офицерской столовой базы "Нордберг". — А что, это целая эпопея. Особенно если сдаться вместе с ним американским или канадским властям. Сделай это, Роланд, — и на века останешься героем Второй мировой войны. Возможно, одним из самых известных. Правда, героем-предателем. Но ведь в списке подобных героев-предателей ты будешь даже не в первой десятке».

Увы, сегодня не получится, пришел к выводу Роланд, словно и впрямь решался: «Бежать или не бежать?!» К столь длительному

походу субмарина пока что не готова: горючее, продовольствие, боеприпасы... И потом, следует учитывать настроение команды, которую тоже нужно как-то готовить к подобному бегству, к дезертирству, предательству.

5.

Январь 1945 года. Антарктида. Трансантарктические горы на побережье моря Росса. Астродром Повелителя Внутреннего Мира.

...Белое одеяние седовласого Покровителя напоминало римскую тогу, а золотой венок-корона на голове свидетельствовал о принадлежности его к Высшим Посвященным Шамбалы.

Посланник понимал, что перед ним всего лишь астральный двойник Покровителя, но то, что он оказался на вершине хребта, окаймлявшего астродром Повелителя, свидетельствовал о многом. Оба они — Покровитель и Посланник — знали, что Повелитель Внутреннего Мира пресекал любую попытку конфликта своих подчиненных с представителями Духовной Страны Шамбалы, стажировку в которой он, как и все его предшественники на атлан го-арийском троне, в свое время проходил.

Однако знал он и то, что в последнее время Хранитель все чаще позволял себе принимать какие-то важные решения самостоятельно, ставя Повелителя перед свершившимся фактом. При этом он начинает пользоваться все большей поддержкой все большей части советников Повелителя и, что особенно опасно, астропилотов.

Особенно обострились отношения лидеров страны атлантов после того, как Повелитель решился на создание во Внутреннем Мире германской «Базы-211». Этим он нарушил одну из заповедей, которые имеются в священной книге арий-атлантов, в их своде законов, именуемом «Тайной доктриной основателей»: «Арий-атланты никогда не должны совершать попыток вернуть свою расу в наземный мир и никогда не должны позволить землянам потеснить их в Мире Внутреннем».

Повелитель как-то сам признался Посланнику, что этим своим «многосомнительным решением» он расколол элиту страны ат-

лантов на два лагеря. впервые за всю историю Внутреннего Мира породив оппозицию монарху.

Впрочем, разгуляться этой новоявленной оппозиции Повелитель не позволил. Он неплохо знал историю земного бытия, и был твердо убежден, что самой совершенной формой государственного правления является конституционная монархия. Имея в виду при этом, что в стране атлантов роль конституции отведена «Тайной доктрине основателей». То есть доктрине ее основателей.

Хотя в последнее время он все пристальнее присматривался к тому, что происходило и происходит в странах с откровенно диктаторскими формами правления, особенно в Германии и Советском Союзе, а также во Франции времен Наполеона.

Посланник даже начал подозревать в нем тайного почитателя Бонапарта и Гитлера. Не зря во время каждой встречи Повелитель просил привозить ему все новое — газеты, журналы, книги, в которых бы речь шла не только о формах и способах правления, но и о всевозможных причудах правителей, их характерах и странностях, их способе мышления, их изречениях. Очевидно, Повелитель пытался понять логику мышления наземных правителей, подозревая, что вскоре может столкнуться с такими же проблемами, с какими сталкиваются они.

Особенно его настораживало соседство с Рейх-Атлантидой, население когорой, как доносила ему агентура, было заражено не только гитлеризмом, но и бациллами разочарования в своих правителях. А это уже представляло опасность и для правителей Внутреннего Мира.

— Я вижу, у нас появился еще один высокий гость из духовной страны Шамбалы, — вновь ожило переговорное устройство, вмонтированное в воротник комбинезона.

— Может, и его прикажете держать здесь, на жертвеннике Повелителя?

— Повелитель Внутреннего Мира и сам время от времени появляется на этом жертвеннике, чтобы мысленно пообщаться с наземным миром, — примирительно молвил Духовный Хранитель Священных Истин. — Ибо на самом деле это не плаха для казней, хотя мы иногда используем ее и в этой роли, а Философский Камень планеты. Именно на него ступал каждый из наших предков,

кто, спасаясь во время гибели Атлантиды, совершал свое великое погружение во Внутренний Мир.

— Это многое объясняет, — признал Посланник Шамбалы.

— Конечно же, Повелитель воспользовался «юридической лазейкой», случайно или умышленно оставленной потомкам в этом постулате. Атланты не имели права «позволить землянам потеснить их во Внутреннем Мире». Но германцы, осевшие на «Базе-211», ничуточку не потеснили его подданных, они осваивают ту отдаленную часть подземного мира, которая за многие столетия так и не была освоена ими, атлантами. К тому же, Этлэн Великий объявил на заседании Высшего Совета страны атлантов, что к спасению их единокровных арийцев рейха он прибегает из чувства сострадания к ним и из желания спасти как можно больше чистой арийской крови. Той чистой, свежей арийской крови, которую давно следует впрыснуть в наши с вами вены.

— Он, несомненно, прав. — Посланник вдруг вспомнил, как во время одной из встреч Повелитель попросил своего помощника передать ему текст какой-то статьи, в которой цитировались рассуждения Гитлера: «Сумеем ли мы избавиться от провинциальной узости — вот что будет иметь решающее значение. Поэтому я рад, что мы обосновались в Норвегии и еще там-то, там-то и там-то. Швейцарцы — это просто выродившееся ответвление нашего народа. Мы потеряли германцев, которых в Северной Африке называли берберами, а в Малой Азии — курдами. Одним из них был Кемаль Ататюрк, голубоглазый человек, не имевший ничего общего с турками».

— Вы тоже считаете, — спросил Повелитель, как только Посланник «дочитал» эту статью, — что таким вот революционным образом нам следует расширять представления о потерянной германской крови?

— Если только нашим медикам и ученым удастся доказать, что в венах берберов, курдов и некоторых других народов бурлит истинно германская, а точнее арийская кровь.

— А не кажется ли вам, что это уже проблема не столько доказательств, сколько самовнушения?

— И советники вынуждены были с этим согласиться, — продолжал тем временем свое повествование Хранитель, — понимая,

что он прав: свежая кровь нам, арий-атлантам, действительно нужна. Но это должна быть истинно арийская кровь.

«И потом, — убеждал он своих советников-парламентариев, — основатели Рейх-Атлантиды твердо намерены вернуться в наземный мир, чтобы владычествовать там. Так что в течение столетия мы будем использовать их как добровольных рабов, которые помогут нам осваивать новые территории и дарить нам новые технические идеи. А когда рейх-атланты вернутся в наземный мир, мы по существу, получим наземную колонию преданных нам арийцев, которую сможем использовать для связей между мирами».

— Это благородно с вашей стороны, Атлант Арий, — подключился к их диалогу Покровитель, — что вы еще помните о том, как Высшие Посвященные Шамбалы открывали вам путь к спасению и к новой цивилизации, согревая на Философском Камне планеты.

— Но вы так и не сдержали свое слово: Философский Камень планеты так и не заговорил, хотя мы знаем, что в нем сокрыты высшие тайные знания; а главное, что благодаря сокрытому в нем коду вы имеете возможность общаться с планетой.

— Придет время, и Камень заговорит, — уверенно ответил Покровитель. — А придет оно тогда, когда вы способны будете слышать его.

— Будем надеяться, что такое время когда-нибудь настанет, — смиренно молвил Хранитель. — Мы ждем вас у себя, Посланник Шамбалы.

А еще несколько минут спустя небольшой дисколет доставил Посланника к резиденции Духовного Хранителя. Эта выстроенная из белоснежного мрамора вилла, очень напоминающая небольшой рыцарский замок, возвышалась на каменистом выступе, нависающем над миниатюрным лазурным озером. Всего в сотне метров от нее, на омываемом медлительной речушкой плато, высилось величественное строение Золотой Пирамиды Жизни, резиденции Повелителя.

Но самое главное, что в двух километрах отсюда, на берегу другого подземного озерца, находилась консульская вилла самого Посланника, тоже пребывавшая под покровительственной защитой Шамбалы.

Где бы ни приходилось бывать Посланнику, он всегда с удовольствием возвращался из наземного мира на свою виллу «Ор-

незия», которую назвал так после посещения одной из вилл под таким же названием в Италии. Но запомнилась ему эта итальянская «Орнезия» прежде всего тем, что он побывал на ней со своей юной женой-атлантkой Аис, племянницей Повелителя. Которой в честь ее замужества и в виде особого исключения позволено было, единственной из нынешнего поколения атланток, ознакомиться с наземным миром.

О таком свадебном путешествии Аис боялась даже мечтать. Для нее это было то же самое, что для обычного землянина побывать на другой планете. И этим наземным миром она была очарована и потрясена.

Вот только делиться этими восторгами с кем бы то ни было, кроме своего отца, командира эскадры дисколетов, именуемого Пилотом Пилотов, Аис было категорически запрещено. Исходя из «Тайной доктрины основателей», перед всеми остальными обитателями страны атлантов, кроме дископилотов, наземный мир должен был представать таким, каким они могли видеть его, находясь на одном из трех антарктических дискодромов. Для информационной профилактики некоторым избранным такую возможность иногда предоставляли.

Да, время от времени некоторым атлантам позволено было взглянуть на наземный мир, чтобы потом поделиться впечатлениями с остальными обитателями страны атлантов. Вот только результат всегда был одинаковым: при виде бесконечной заледенелой пустыни теплолюбивые, не привыкшие к температурным изменениям дня и ночи, как и к различиям времен года, атланты приходили в ужас. В то же время всякий дискарий или даже Пилот, который решился бы «разгласить истинную сущность наземного бытия», тут же подвергся бы казни на Судном камне.

И все же постулаты «Тайной доктрины основателей» Внутреннего Мира не были данью самодурству его правителей. Возведение правдивых сведений о наземном мире в статус тайны для посвященных стало одним из способов убиения в атлантах наземной ностальгии, развеивать которую касте дископилотов тоже запрещено было под угрозой смертной казни. Впрочем, они к этому и не стремились. Все то, что им приходилось видеть и с чем приходилось встречаться в наземном мире, их абсолютно не вдохновляло.

Однако задумываться сейчас над всем этим Посланнику не хотелось. Лучи искусственного солнца; всегда одинаково теплый, под двадцать семь градусов по Цельсию, насыщенный кислородом и озоном воздух; сочная ярко-зеленая трава лужаек на плоскогорье, между резиденцией Хранителя и протекавшей мимо Пирамиды ленивой, извилистой речушкой...

После всех тех впечатлений, которых Консул набрался во время последней инспекционной поездки по охваченной сражениями и ночными бомбежками Германии, это подземное королевство казалось ему воистину божественным творением Духовного Озарения Человечества.

6.

Февраль 1945 года. Германия. «Нордберг» — секретная база субмарин «Фюрер-конвоя» на побережье Северного моря. Борт субмарины «U-1212».

Взойдя на субмарину, которую члены команды называли между собой «Валькирией», фрегаттен-капитан Роланд сразу же вызвал обер-лейтенанта цур зее Ланцке и корабельного врача гауптшарфюрера Ольтена.

— ...Должен предупредить, — завершил свое сообщение командир субмарины, — что подводный поход фюрера является одним из высших секретов рейха. Я не знаю, чем он вызван и каковы его цели, мало того, я считаю, что мы не должны выдвигать по этому поводу никаких неосмысленных предположений.

— Неосмысленных — да, не должны, — согласился старший офицер субмарины Ланцке. — Но из этого не следует, что мы не имеем права осмысливать его.

— И по этому поводу у вас уже имеются какие-то предположения? — мгновенно отреагировал Роланд.

— Предпочту не высказывать их.

— Порой вы поражаете меня своей осмотрительностью, граничащей с мудростью, обер-лейтенант. Мы должны быть готовыми к тому, что именно наша субмарина будет использована для переброски фюрера в Южную Африку или Южную Америку.

— Но не в ходе нынешнего рейда, господин фрегаттен-капитан.

— Согласен, поскольку подлодка к длительному плаванию не готова.

— Но к длительному рейсу она не готова сейчас, а через несколько дней ее окончательно восстановят, нафаршируют продовольствием и торпедами...

— Мы это уже обсуждали, — рассеянно заметил фрегаттен-капитан, но тут же уточнил, — правда, не с вами.

«Валькирия» принадлежала к тем трем десяткам гигантских субмарин, которые были сооружены по особому указу Гитлера для перевозок в Антарктиду. Исходя из представлений привыкших к неописуемой тесноте подводников, здесь все, в том числе и офицерские каюты, способно было поражать своими размерами, а каюты капитана и кают-компании — еще и некоторым изяществом меблировки.

Поэтому сейчас, прохаживаясь по каюте, Роланд ловил себя на мысли, что это и есть его настоящий и единственный дом и что, уйдя в отставку, он станет добиваться, чтобы ему выделили какую-нибудь списанную субмарину. Собрав на ее борту таких же бездомных морских бродяг, он устроит для них приют, в котором каждый из отставных мореманов сможет дожить до конца дней своих, чтобы затем умереть так, как полагается умереть моряку: выйти на какой-нибудь посудине в море и не вернуться.

— Да, это может прослыть приютом морских самоубийц, — произнес он вслух, совершенно упустив из виду, что нарушил грань молчаливых раздумий, — однако в этом не будет ничего постыдного.

— О приюте морских самоубийц — это сказано точно, — признал обер-лейтенант цур зее, — особенно явственно предназначение это проявится, когда будет объявлена капитуляция, а мы с вами окажемся посреди океана, и во всех германских портах уже будут развеваться вражеские флаги.

— Я имел в виду совершенно иной приют, — с усталой раздраженностью заметил Роланд. — Совершенно иной. Не обращайте внимания, так, неожиданные мысли вслух. А почему вы все время молчите, Ольтен?

— Лично мне хотелось бы вернуться в университет, получить свой врачебный диплом, а затем предстать перед гросс-адмиралом уже в чине лейтенанта.

Командир субмарины задумчиво уставился на фельдшера и, прикусив нижнюю губу, долго переваливался с пяток на носки и с носков на пятки, еле сдерживаясь, чтобы не выставить этого женоподобного красавчика кретина из каюты. Какой диплом, какой гросс-адмирал?! Ольтен словно бы не понимал, в какой стране и в какой ситуации находится. Единственное, о чем он постоянно помнил, так это о том, что ему не позволили доучиться в университете, а, призвав на флот, удостоили всего лишь чина гауптшарфюрера, то есть обер-фельдфебеля войск СС, в то время как он, потомок древнего баварско-моравского княжеского рода, конечно же, претендовал на офицерский чин.

— На вас, гауптшарфюрер, возлагается особая ответственность. Вам, гауптшарфюрер, — уже откровенно тыкал Ольтена мордой в оскорбляющие его достоинство фельдфебельские нашивки, — предстоит следить за состоянием здоровья и самочувствием фюрера во время его плавания.

— Почему он выходит в море без своего личного врача? Без одного из своих врачей? Можете вы ответить мне на этот вопрос, если уж мы собрались для того, чтобы уяснить для себя причину и смысл появления на борту «Валькирии» самого фюрера?

Роланд и Ланцке вопросительно переглянулись. Им и в голову не пришло задаваться подобным вопросом. Впрочем, они и теперь считали его несущественным.

— Мы предоставим вам право, гауптшарфюрер, — молвил Ланцке, — задать этот вопрос лично фюреру. И хочется видеть вас в первую минуту после полученного ответа.

— Будь я фюрером, я бы превратил одну из таких субмарин в свою плавучую рейхсканцелярию, — совершенно неожиданно отреагировал Ольтен, выдав, наконец, то, чего, собственно, и ожидал от него командир, — хоть какую-то версию. — И этой субмариной-канцелярией вполне могла бы стать наша «Валькирия», особенно если учесть, что остальные подлодки находятся вне базы.

Выслушав его, фрегаттен-капитан застыл посреди каюты. Ланцке, конечно же, поспешил саркастически оскалить свои желто-черные полуразрушенные зубы, чтобы показать, что вос-

принимает эту версию на уровне бреда, однако сам командир с выводами не спешил. Он вдруг подумал: «Коль такая мысль пришла в голову Ольтену, которому до сих пор, кажется, вообще никогда никакие мысли не приходили, то почему бы не предположить, что и в окружении фюрера нашлись такие же мудрецы? В конце концов, ее мог подсказать фюреру сам гросс-адмирал. Пока враги и заговорщики рыщут на подступах к Берлину и рейхсканцелярии, фюрер руководит страной, находясь здесь, под тройной защитой — отборных частей СС и морской пехоты, а также скалы и металла, готовый в любое время сменить базу или вообще уйти в океан!»

— Господин фрегаттен-капитан, — появился в дверном проеме дежурный матросштабсобер-ефрейтор Карцаг, — каюта для рейхс-гостей готова. — О предполагаемом появлении на борту Гитлера он не знал, рейхсгостем на субмаринах «Фюрер-конвоя» привыкли называть любого высокопоставленного чиновника.

Однако занимался обустройством подобных гостей, как, впрочем, и их бортовой охраной, именно этот верзила, бывший инструктор унтер-офицерской школы морских пехотинцев, недавно спасенный Роландом, а точнее Деницем, от трибунала. Под который чуть было не угодил за то, что в драке в одной из гамбургских пивных буквально изуродовал каких-то троих портовых грузчиков, кстати, тоже очень крепких мужиков, давно славившихся своими пьяными дебошами.

Правда, поговаривали, что и Деницу удалось вытащить этого мордоворота-инструктора по рукопашному бою из-под ареста только потому, что он приглянулся в очередной раз нагрянувшему на базу Скорцени. Роланд в эту историю особо не вникал, однако выглядела она вполне правдоподобной: Скорцени таких крепышей уважал. Тем более что после освобождения обер-диверсант действительно беседовал с ним, и именно по его рекомендации Карцаг был переведен из морской пехоты в субмаринники, в виде телохранителя рейхсгостей.

— Кроме нас с вами, на борту есть еще кто-нибудь? — спросил его фрегаттен-капитан.

— Никого, я проверил, — угрюмо пробасил Карцаг.

— А ведь такого приказа: «Осмотреть судно» — не было, — заметил командир. — Я только хотел его отдать.

— Зато был приказ: «Команде покинуть субмарину», — еще более угрюмо пробасил Карцаг, лениво поводя широченными, слегка обвисающими плечами. Появление подобного, почти двухметрового роста, гиганта на обычной субмарине даже трудно было себе представить, однако на огромной конвой-субмарине он выглядел вполне приемлемым атрибутом командирской власти. Не случайно со дня появления Карцага на борту он стал для фрегаттен-капитана и адъютантом, и личным телохранителем, и чем-то вроде комендантского взвода. — Если кто-то задержался, то почему нарушил приказ?

Командир многозначительно взглянул на Ланцке и Ольтена, как бы восхищенно говоря им: «А, какого цербера мы себе приобрели?!»

— Объявляю благодарность, Карцаг.

— Хайль Гитлер, — все так же лениво и угрюмо проговорил штабсобер-ефрейтор, с высоты своего роста осматривая приземистых, худощавых подводников. Каждого, кто представал перед ним, Карцаг осматривал таким грозным, презрительно-гипнотизирующим взглядом, словно уже видел его перед собой растрощенным и растерзанным.

«Это не подводник, это гробовщик!» — ужаснулся боцман «Валькирии», впервые увидев его на борту, на котором доселе чувствовал себя полновластным хозяином. А ведь до появления Карцага гробовщиком он считал судового фельдшера Ольтена.

«Зато теперь нам не страшно будет высаживаться десантом на побережье Аргентины, Уругвая или США, — возразил командир. — Точно известно, что он лично принимал участие в трех десантных операциях».

Когда Карцаг, наконец, оставил каюту командира, Ольтен и Ланцке облегченно вздохнули. Само нахождение рядом с этим человеком казалось им тягостным.

— Страшная энергетика у нашего десантника, — проворчал фельдшер, считавший себя знатоком оккультных наук и вампиризма.

— Это — от ощущения его силы, — назидательно заметил командир.

— Черная она — чернее быть не может, — возразил Ольтен.

— Вам виднее, князь, — это свое «князь» Роланд всегда произносил с долей иронии, которую отпрыск древнеморавского княжеского рода предпочитал не замечать.

— Интересно, как рядом с ним будет чувствовать себя фюрер, — впервые поддержал князя Ланцке, который доселе относился к его разговорам по поводу черной и белой магии и энергетических вампиров как к шарлатанским предрассудкам.

Чернокнижно-светская беседа подводников была прервана телефонным звонком.

— Рейхсгость уже на базе, — кратко уведомил Роланда начальник арктического отдела СД оберштурмбаннфюрер Лигвиц, предусмотрительно дежуривший на ближнем посту. Этот отдел занимался безопасностью базы и подчинялся лично Скорцени, и только ему. — Кстати, имейте в виду, что с фюрером будет не Ева Браун, а другая женщина, но тоже очень важная для фюрера, а значит, и для нас с вами.

— Появление другой женщины существа нашей задачи не меняет, — заметил командир «Валькирии». — Мы встречаем фюрера и того человека, которого он пожелает видеть рядом с собой в этом плавании.

— Оч-чень верное толкование. К слову, замечу, что эта женщина — известная провидица Мария Воттэ.

— Ах, Воттэ?! Мне приходилось слышать о ней. К ее предсказаниям прибегают многие видные люди Германии.

— Однако вам прибегать к ее пророчествам я бы не советовал.

— Моя судьба мне давно известна, господин оберштурмбаннфюрер СД.

— Вот как? Впервые встречаю морского офицера, который бы, предварительно не помолившись, решился заявить, что ему известна его судьба. Причем заявить это в войну, перед выходом в кишащее врагами море.

— Хотел бы я в таком случае знать, господин оберштурмбаннфюрер, решился ли довериться ее пророчествам сам Гитлер.

— Думаю, что решился, если выходит с ней в то самое, кишащее врагами море.

— Я имею в виду — пророчествам, касающимся не сегодняшней морской прогулки, а его судьбы, неразрывно связанной с судьбой рейха.

Прежде чем ответить, Лигвиц натужно посопел в трубку: не нравилась ему такая нить разговора.

— Именно этим пророчествам он и доверился, фрегаттен-капитан.

— А по-моему, не рискнул. Или же не рискнула быть откровенной Мария, если только она действительно настоящая провидица. Иначе сейчас она бы направлялась не на подводную лодку, а в крематорий.

— Вам не кажется, что мы отвлеклись? — по-джентльменски осадил его начальник арктического отдела СД.

— Очевидно, так оно и произошло, — примирительно признал командир «Валькирии».

— Как ситуация на борту?

— На субмарине только строго оговоренные нами члены команды. Остальные моряки займут свои места во время отхода «Валькирии». Субмарина к отходу готова.

— Это интересуется Скорцени, он только что связывался со мной по рации, — на всякий случай предупредил Лигвиц.

— Ответственность за безопасность рейхсгостя я несу не перед Скорцени, а перед своей офицерской честью, — оскорбился Роланд.

— Ваша честь нас не интересует, командир. Если с рейхсгостем что-то произойдет, Скорцени вздернет всю команду. По старой пиратской традиции.

7.

Январь 1945 года. Антарктида. Столица Внутреннего Мира Акрос. Резиденция Духовного Хранителя Священных Истин Атланта Ария.

— Какие вести вы принесли нам из вашего проклятого богами мира землян, досточтимый Посланник Шамбалы? — спросил Хранитель таким непринужденным тоном, словно только что узнал о появлении Консула в стране атлантов и тем самым отсекал от их встречи все то, что было сказано обоими там, на плахе Повелителя.

— Для вас, читающего таинственные страницы книги земного бытия, мои вести особого интереса уже не представляют.

— Для меня они всегда представляют интерес. И не только потому, что говорю сейчас устами Духовного Хранителя. Напомню, что в свое время я получил дипломы двух земных университетов.

Посланник помнил об этом. Каждый претендент на пост Правителя или Духовного Хранителя страны атлантов обязан был по подложным документам получить в земных университетах два высших образования: духовное и техническое. Это позволяло им получить представление о наземной цивилизации и затем, уже в течение целых столетий, правильно истолковывать все те сообщения, которые поступали во Внутренний Мир от тайных наземных агентов. Тех самых агентов, сведения о которых время от времени просачивались в наземную прессу, как о людях в черном — воспитанных, элегантно одетых, физически очень сильных, владеющих всеми видами восточных единоборств и всеми видами оружия парней в черных деловых костюмах.

Это была особая каста наземных атлантов, на которую Повелитель мог полагаться во всех случаях. Он даже подумывал над тем, чтобы создать в наземном мире целые легионы таких бойцов, расквартировав в их по разным уголкам планеты, чтобы в один прекрасный день организовать их восстание, наподобие восстания рабов под предводительством Спартака.

Интересно, что в последнее время среди агентов все чаще стали появляться женщины. Одной из них стала любимица и любовница Скорцени некая Мария Воттэ, упорно налаживающая связь с космосом. Возможно, одна из самых загадочных женщин, которых ему пришлось знать и познать в современном наземном мире. Таилась в ней какая-то не поддающаяся разгадке вселенская тайна[8].

Посланник уже не раз подумывал над тем, чтобы вырвать ее из германского боевого котла и доставить то ли сюда, в страну атлантов, то ли на «Базу-211». Вот только она всячески избегала встречи с ним. А если такие встречи порой и случались, то явно не складывались.

— Вам уже известно, что только что я побывал в Берлине, — молвил Посланник, пытаясь возобновить разговор.

---

[8] Подробнее с судьбой этой таинственной женщины читатель может познакомиться в моем романе «Антарктида: Четвертый рейх». — *Автор*.

— Где все, кроме самого Гитлера, уже поняли, что войну они проиграли.

— Вы правы: кроме Гитлера.

— Который так до конца и не осознал: а зачем, собственно, он начинал эту войну?

Посланник с грустью взглянул на Атланта Ария. Ему не понравилось приправленное иронией безразличие, с которым Хранитель относился к гибели рейха германо-арийцев.

— Гитлер полагался на то секретное оружие, которое надеялся получить именно отсюда, от вас, в виде дисколетов, «лучей смерти» и мощных ракет с ядерным оружием. Он фанатично верил в то, что вы придете ему на помощь.

— Позволю себе напомнить, досточтимый Посланник, что эта его надежда появилась уже после того, как вы, учителя Шамбалы, умудрились привить ефрейтору Шикльгруберу, уверенность в его особом предначертании — носителя нового миропорядка и основателя новой арийской цивилизации.

— Против чего ни вы, Духовный Хранитель, ни Повелитель Внутреннего Мира не возражали.

— О чем бы мы сейчас ни говорили, — решил закрыть эту тему Хранитель, — эксперимент по сотворению фюрера Великогерманского рейха оказался неудачным.

Духовный Хранитель был слишком молод для своей должности, ему еще не исполнилось и ста лет. Рослый, с худощавой фигурой римского атлета, он действительно мог бы показаться землянину, как называли здесь каждого, кому не посчастливилось оказаться в числе обитателей Арий-Атлантиды; — восставшим из исторического небытия древнеримским патрицием. Если бы, конечно, ему пришло в голову явиться сейчас наземному миру.

— Почему же, фюрер, в общем-то, состоялся. Мало того, в своем влиянии на многомиллионные массы не только германцев, но и многих других народов он превзошел все ожидания. Другое дело, что создатели этого вождя хотели видеть его иным. И тут уж — как в плохом провинциальном театре: режиссер оказался неспособным донести свой замысел до актера, а сам актер не способен ни воплотить, ни даже понять суть его замысла.

— В этом-то и беда, что ваши учителя Шамбалы порой воспринимают все происходящее на планете как бездарную постановку бездарной трагедии бездарного автора.

Очевидно, именно так, в образе патриция, Хранитель и представал бы сейчас перед Посланником, если бы образ этот не разрушал элегантный, прекрасно подогнанный под его фигуру серебристый комбинезон, вошедший в моду еще в те годы, когда в таких же термоизоляционных костюмах из особой самовосстанавливающейся ткани совершали свои первые рейды к планетам дальнего космоса отважные арий-астронавты. И которые назывались теперь одеяниями бессмертных.

Разведывательные рейды эти происходили очень давно, однако во Внутреннем Мире, в котором все подчинено «рацио», и в котором эмоции считаются презренным наследием землян, мода, как и традиции, шлифуется и проверяется столетиями.

— Тем не менее, Хранитель, мы не должны оставаться равнодушными к тому, что цивилизация наземных арийцев приближается к своей гибели.

— Не цивилизация, а всего лишь одна из арийских держав, — мягко улыбаясь, возразил Духовный Хранитель Священных Истин. Искусство диалога всегда являлось высочайшим из искусств арий-атлантов, а Хранитель владел им превосходно. — Но мы знаем: учителя Шамбалы уже признали, что попытка сотворить в центре Европы новую арийскую расу оказалась неудачной, поскольку фюрер и его окружение давно вышли из-под их контроля.

Консул не помнил, чтобы кто-либо из Высших Посвященных Шамбалы официально признавал свое поражение в великогерманском рейх-эксперименте, но понимал и то, что данное утверждение Хранителя — всего лишь одна из формул умиротворения. А главное, что по сути проблемы он был прав.

— В расово-политическом аспекте эксперимент действительно оказался неудачным, — признал Консул, присаживаясь в одно из указанных ему хозяином кресел, расставленных вокруг бьющего прямо посреди веранды термального родника. — Однако в научно-техническом плане ученые и конструкторы рейха продвинулись настолько далеко, что в мирное время, при отсутствии военной мобилизации ресурсов и интеллектуальных усилий, им понадобилось бы для этого полстолетия.

— Не забудьте уточнить, досточтимый Посланник Шамбалы, что все их усилия были нацелены на создание оружия, а все помыслы — на истребление себе подобных землян, — присел Духовный Хранитель по ту сторону источника и, нажав на кнопку переговорного устройства, вмонтированного в предплечье левого рукава, попросил принести две чаши напитка Атлантиды.

— Так уж устроена человеческая цивилизация: любая высшая, священная идея утверждается у нас истреблением себе подобных, разрушением их государственности и захватом их земель.

— После сотворения страны атлантов столь неразумно и погибельно устроенным остается только наземный мир, — все так же, мягко улыбаясь, уточнил Духовный Хранитель. И это прозвучало как пощечина. — Тот мир, ответственность за который взяли на себя не мы, а ваши Высшие Посвященные Шамбалы.

— Мы уже не раз обсуждали эту проблему, — сухо напомнил ему Посланник.

— Но не в связи с массовым переселением сюда, во Внутренний Мир, проигравших ими же развязанную войну гитлеровцев, — впервые за все время их встреч и общений употребил Хранитель этот сугубо земной и сугубо политический термин — «гитлеровцы».

— Признаю: не в связи...

— Так вот, вы должны знать, что Повелителю, министрам, идеологам и полководцам германцев, которые создали такое учение и такую державу, никогда не найдется места во Внутреннем Мире. Где, как вы сами убедились, царят традиции, основывающиеся на мудрой гармонии бытия и целей.

«К этому все шло, — мысленно молвил себе Посланник. — Но никогда раньше по поводу судьбы высшего руководства рейха столь прямо и категорически Хранитель еще не выражался. Что, в таком случае, произошло?»

Служанка появилась настолько неслышно, словно не шла, а парила в воздухе. А ведь это была атлетического сложения женщина, в таком же одеянии астронавтов, в каком пребывал и Духовный Хранитель. Точный возраст ее определить было трудно, однако Посланнику хотелось верить, что она значительно моложе своего хозяина. Тем более что после возвращения из наземного мира ему трудновато было избавляться от обычных человеческих

представлений, согласно которым в семьдесят лет женщина уже представала древней старухой.

— Признаю, что эти традиции царят здесь, Духовный Хранитель. Но признаю и то, что под натиском несметного количества врагов там, в наземном мире, гибнут сотни тысяч наших единокровных братьев-арийцев, интеллект и генофонд которых помог бы создать нам здесь, во Внутреннем Мире, могучую державу арий-атлантов. Именно эта держава арийцев подпитывала бы наши слабеющие династии атлантов свежей кровью, новым разумом и идущим параллельным путем развития интеллектом.

Духовный Хранитель помнил, что род Консула тоже принадлежал к арийской расе. Он вел свое начало от династии правителей Атлантиды, которую во время гибели Атлантиды спасли и приютили Высшие Посвященные Шамбалы. Одна ветвь этой династии ушла во Внутренний Мир, чтобы создать династию ее повелителей и Духовных Хранителей. Именно к этой династии принадлежат он, Атлант Арий и нынешний Повелитель Этлэн Великий.

Другая же ветвь осталась в Шамбале и заложила основы династии ее посланников, которые из поколения в поколение служат посланниками и помощниками посланников Шамбалы во Внутреннем Мире, а также и консулами и помощниками консулов Внутреннего Мира в мире наземном. Это династия послов, благодаря которым вот уже в течение многих веков поддерживается хоть какая-то связь между тремя планетарными цивилизациями.

— Мне нравится, что вы пытаетесь принять участие в судьбе наземного крыла арийцев, досточтимый Посланник Шамбалы. Но с чем вы собираетесь обратиться к Повелителю в этот раз?

8.

Февраль 1945 года. Германия. Верхняя Бавария. Замок Штуберг.

...Выслушав очередную «тронную речь фюрера», Мария Воттэ отошла к камину и несколько минут стояла там, всматриваясь в его угасающее колдовское пламя.

Отдавая под ее опеку Манфреда Зомбарта, этого именуемого Имперской Тенью лже-Гитлера, Скорцени просил, прежде всего,

вдохнуть в него дух истинного арийца, взбодрить его, а главное — постараться заглянуть в будущее, предугадать, как ляжет карта этого эсэсовского «висельника и проходимца», как почти любовно называл он лучшего из своих воспитанников.

Теперь Мария понимала, что диверсант был прав: что-то в образе фюрера Имперской Тенью было утеряно. Прежде чем встретиться с Зомбартом, провидица просмотрела несколько хроникальных съемок, в которых фюрер представал перед публикой в своих наиболее эмоциональных проявлениях, пробуждая в слушателях «ярость истинных германцев» и одновременно восходя к вершинам собственного рейхспастырского мастерства. А затем просмотрела съемки вхождения в образ Имперской Тени и была приятно удивлена: в отдельных случаях Великий Зомби, как величало Зомбарта его окружение, значительно переигрывал Гитлера.

Доходило до того, что это Гитлер иногда казался провидице двойником фюрера — того, истинного фюрера, который восставал, вернее, должен был восставать, в потрясающих эмоционально-истерических экзальтациях Великого Зомби. Так что в выборе лже-Гитлера Скорцени не ошибся, и готовили его к своей миссии правильно.

— Идите за мной, мой фюрер, — задумчиво проговорила Мария, отрывая, наконец, взгляд от порождаемого осиновыми поленьями пламени, и, не оглядываясь на Великого Зомби, открыла едва приметную дверь, находившуюся рядом с камином.

— Божественная купель готова, Мария, — едва слышно молвила ожидавшая ее за дверью эсэсовка, приставленная к Воттэ в виде служанки и телохранительницы самим Скорцени, и, освещая себе дорогу фонарем, повела ее узким, прорубленным в скале ходом к небольшому подземному озерцу. — Температуру я проконтролировала, вам и фюреру понравится.

Благодаря теплому источнику вода в этой Божественной купели была теплой всегда, но когда ее хотели прогреть до температуры «любовной ванны», то открывали небольшой шлюз, направляя в нее воду из соседнего термального источника.

Хотя о Божественной купели знали во всей округе, владелица замка Штуберг, баронесса Хельга фон Штубер, как и предшественницы, продолжала окружать ее ореолом таинственности и допускала до нее только аристократов, только за очень солидное

вознаграждение и только после клятвы хранить тайну ее существования.

Мария не оглядывалась и не слышала, как звуки шагов Великого Зомби, все еще держащегося на вежливом расстоянии от них, постепенно растворяются в вулканической породе горы. Но каким-то внутренним чутьем она ощущала его присутствие и, успокоенная этим, старалась не отставать от идущей впереди оберштурмфюрера СС Лилии Фройнштаг[9].

Особенно мощно начал извергаться талант Зомбарта в начале прошлого лета, и для Воттэ не осталось тайной, почему это произошло: именно в те дни шла интенсивная подготовка к покушению на Гитлера, именно в те дни решалась судьба и самого Адольфа Шикльгрубера, и всего того национал-социалистского движения, которое он возглавлял. Но что из этого следует? Что в те дни небесные силы решали: все еще на какое-то время оставлять Гитлера в этом бренном мире или же убирать отсюда?! Похоже, что именно таким колебаниям они и были в то время подвержены!

Однако, открыв для себя эту странную связь, Воттэ предстала перед еще большей загадкой: почему этот взрыв фюрер-гениальности произошел как раз в дни подготовки к покушению на фюрера? Все было бы просто, если бы у нее была уверенность, что Скорцени знал о подготовке к покушению на Гитлера и, соответственно, готовил Великого Зомби к исполнению великой миссии — физической замены Гитлера с полным перевоплощением его в фюрера великогерманской нации.

Вот только о «заговоре генералов» Скорцени не знал — в этом Мария была убеждена. Если бы личный агент фюрера был посвящен в него, то или подавил бы в самом зародыше, или, наоборот, организовал так же блестяще, как организовывал другие свои операции.

Зомбарт все еще брел по слабо освещенному в этой части электрическими светильниками тайному ходу, а Мария уже сбрасывала с себя одеяния. По какому-то странному стечению обстоятельств все владелицы замка Штуберг очень быстро вдовели, однако ни одна из них в глубокий траур не впадала и повторно замуж не выходила. К чему? В их распоряжении всегда было немало молодых

[9] С этим образом читатели знакомы по моим романам «Черный легион», «Ветер богов», «Странники войны» и другим — из многотомной эпопеи «Война империй». — *Автор*.

аристократов, а право первой купельной ночи со вновь прибывшим гостем замка (семейные пары сюда не приезжали, это было не в традициях Божественной купели) давно стало почти неизменным правилом вежливости баронесс фон Штубер.

Правда, саму Хельгу, принявшую замок в наследство от отца, вдовья судьба обошла стороной: в свои тридцать замужем она так и не побывала. Был у нее, правда, в женихах некий майор из какого-то старинного графского рода, обитавшего в Швабии, но еще во время Польской кампании он исчез где-то в районе Люблина. После этого Хельга заставила всех вокруг забыть о себе как невесте, но постоянно напоминала о себе как о властной владелице Штуберга и его романтической Божественной купели.

Впрочем, право первой купельной ночи с гостем замка никогда не мешало существованию еще и традиции первой лесбиянской ночи со многими юными аристократками, ибо все владелицы рано или поздно начинали грешить еще и лесбиянскими страстями.

Вспомнив об этом, Мария вдруг поймала на себе жадный, испытующий взгляд Лилии Фройнштаг. О нет, это не был взгляд завистницы, засмотревшейся на почти идеальную фигуру «черноволосой ведьмы», как называли, юности Марию ее ревнивые сверстницы; и это не был взгляд соперницы. Рядом с ней, на залитой розоватым электрическим светом плите возлежания, под которой, согревая ее, уносился куда-то в глубину гор термальный ручей, исходила истомой опытная, страстная лесбиянка.

«Не сейчас!» — мысленно погасила ее порыв Мария. А вслух произнесла:

— ...И пока что вы оставите нас.

— Естественно, — нервно застегнула некстати расстегнувшийся короткий купальный халат Лилия. Она уже успела принять легкую ванну, и тело ее источало теперь пропитанный серой, терпковатый запах купели — избавляющей, согласно молве, от бесплодия, излечивающей от ста недугов, а главное, приводившей в «лукавое бешенство» все купающиеся пары. — Я буду в дежурке для слуг и охраны.

— Полагаюсь на вас как на надежную охрану, — предусмотрительно исключила Мария обязанности служанки.

— Но если все же понадоблюсь — воспользуйтесь, — указала Фройнштаг на стоявший в нише, рядом с плитой возлежания,

армейский полевой телефон, подаренный Хельге ее двоюродным братом и другом Скорцени оберштурмбаннфюрером Вилли Штубером. Тем единственным мужчиной, в которого Хельга была давно и безнадежно влюблена.

— Постараюсь воспользоваться, — загадочно как-то заверила ее Мария. — Обычно у меня это получается.

О «безнадежности» своей любви Лилии поведала сама Хельга, хотя и добавила при этом, что к замку Штуберг Вилли «прорывался» уже много раз, и вообще, прибегает к этому при малейшей возможности. «Как-никак, — объяснила тогда баронесса, — я оказалась его первой женщиной, а такое не забывается».

— Но если только я действительно понадоблюсь, — по-лебяжьи запрокидывая голову, томно предостерегла ее Лилия.

Когда Зомбарт появился у плиты, Мария, совершенно нагая, уже медленно входила в купель.

— Не тратьте попусту время, мой фюрер, — решительно подбодрила его. — Вдохновение рождается здесь, в Божественной купели, а там, на плите возлежания, оно уже источается. Впрочем, я бы предпочла источать его в самой купели.

О существовании в купели трона любви Марии поведала вчера сама Хельга, принявшая ее в замке по просьбе Скорцени. Это было выдолбленное в подводном камне небольшое кресло, садясь в которое и упираясь, в зависимости от роста, в одну из каменных ступенек, женщина оказывалась в позе полулежащей русалки. Однако, усаживаясь на этот трон, Мария загоралась не столько сексуальной страстью — ибо никакой особой страсти Великий Зомби, как и сам фюрер, у нее никогда не вызывал, — сколько страстью колдуньи. Отдаваясь Манфреду, предавая его «плену своих рук и ног», Мария почти мгновенно ввела его в состояние транса, подчинила себе, подавила волю и, доведя до такого состояния, устроила гипнотический допрос с пристрастием:

— Вы знали, что готовится заговор против Гитлера, мой Великий Зомби? — любовным шепотом обжигала ему ушко.

— Нет.

— Но Скорцени все же готовил вас к тому, что в июле вы замените в ставке «Вервольф» фюрера?

— Не готовил. К замене — да, но не в июле.

— А когда? К чему он вас готовит? Каковой представляет себе вашу судьбу?

— Не знаю, когда это произойдет. Мне не говорят, что со мной будет.

Мария почти не ощущала его как мужчину: ни ласки нежного любовника, ни грубой страсти самца, наподобие той, которой она была смята и повержена в объятиях Скорцени или еще более могучего Кальтенбруннера. Однако ничего этого от Зомбарта сейчас и не требовалось.

— С вами работал кто-то из сотрудников «Аненэрбе»?

— Какой-то провидец, кажется, профессор.

— Только он? А кто-то из тибетцев с вами встречался?

— Встречался. Но я почти ничего не помню.

— Гипноз? Я спрашиваю, мой фюрер, это было воздействие гипноза?

— Какое-то затмение. Полусон-полубред.

— Перед этим следовали уколы или появлялся какой-то странный напиток?

— Настоянный на травах, до сих пор помню его мятно-полынный привкус.

«Теперь становится понятно, почему я не могу пробиться к его сознанию, — страстно изогнулась она, пытаясь вырвать у Зомбарта хотя бы несколько последних секунд его мужского интереса к себе, — почему я не могу получить из космоса никаких сведений о его будущем! Его заблокировали. Знали, что мы — я или кто-либо другой — попытаемся заглянуть в его будущее, подчинить Имперскую Тень себе, стремясь при этом всячески влиять на его решения. И захотели обезопасить и его самого, и Германию, а следовательно, и весь мир от появления еще одного фюрера — более мудрого и уравновешенного, но от этого, возможно, еще более опасного».

Ей давно следовало бы признаться Скорцени, что Великий Зомби недоступен для нее, однако мешала профессиональная гордость. К тому же приближалось окончание войны, и она боялась оказаться ненужной Скорцени, единственному человеку, который способен был защитить ее от гестапо, давно пытавшемуся избавиться от нее как от опасного источника сведений, которым неминуемо воспользуются враги.

Даже идею этой встречи в Штуберге подала обер-диверсанту она, зная, что, вводя мужчину в сексуальный транс, в значительной степени разрушает защитные свойства его воли и характера.

— И в июле прошлого года, и минувшей осенью ты еще чувствовал себя фюрером, — остывала Мария от жалкого налета страсти вместе с окончательно обессилевшим мужчиной. — Тогда что же произошло в декабре? Думай, думай, — окончательно перешла она на «ты», чтобы разговор выглядел доверительнее, — что такого важного, необычного происходило у тебя в декабре?

— Потерял волю к жизни.

— Почему? Почему ты потерял волю к жизни? — обхватив руками шею и затылок, тормошила его Мария, понимая, что Великий Зомби вот-вот окончательно вырвется из-под ее власти.

— Не я потерял. Фюрер! Кто-то к нему прилетал оттуда, из небес, и фюрер понял, что те, высшие, покровители его, окончательно отвернулись от него. Отвернулись и приговорили.

Детали того, как именно это самоумерщвление Гитлера повлияло на него, провидица выяснять не стала. Приказав ему замереть и ни о чем не думать, она прижала голову Великого Зомби к своей груди и, закрыв глаза, по-змеиному изогнувшись, тоже впала в некое состояние транса. Однако ничего такого, что бы выдавало в этих ее действиях сексуальную страсть, отыскать сейчас было невозможно. Тем более что в это время она уже отчетливо возрождала в своих футуристических видениях какой-то огромный грот, море, что-то странное, не похожее ни на корабль, ни на обычную лодку...

«Неужели субмарина?!» Точно, она! Похожую на эту, явившуюся ей в видениях, подлодку Мария могла видеть в кинохронике о военном флоте и Денице!

А вот и они с Зомбартом... «С Зомбартом?! Вдвоем с Великим Зомби?!»

Они идут тускло освещенным чревом субмарины. Двухметрового роста верзила в морской форме сжимает ее в своих объятиях и отрывает от пола! Ну, этого она могла бы и не видеть! А вот мертвецки бледное лицо Зомбарта, мечущегося по каюте без иллюминаторов, — это уже важно.

Еще одно видение. Берег моря или океана. Горы, густые леса, которые она видит словно бы с птичьего полета, какой-то южный,

явно латиноамериканский, город... И некий внутренний голос, подсказывающий ей: «Аргентина. Это Аргентина».

* * *

...Манфред Зомбарт уже безмятежно спал в отведенной ему гостевой комнатке, когда в комнатушке, занимаемой самой Марией Воттэ, появилась хозяйка замка Хельга фон Штубер.

— Вы довольны Божественной купелью? — без всяких вступительных слов поинтересовалась она.

Это была по-германски бедрастая русоволосая женщина, с толстоватой, но все еще четко очерченной талией и грубоватым баварским лицом, в чертах которого не было ничего отталкивающего, но еще меньше просматривалось в нем что-либо такое, что могло бы по-настоящему привлекать мужчин, не говоря уже о женщинах.

— Довольна, — обронила Мария, не желая обсуждать с ней милые подробности их «термальной» любви с Манфредом Лжефюрером.

В эти минуты она осмысливала всю ту информацию, которую удалось заполучить во время сексуальной пытки в купели, и менее всего желала, чтобы ее отвлекали от этого занятия. Понемногу наслаждалась вином, курила и... осмысливала.

— А мне кажется, что никакого удовольствия вы не получили. Если не возражаете, поздно вечером мы отправимся туда вдвоем. Это действительно нужно делать поздно вечером, поскольку днем чары Божественной купели дремлют.

— Я подумаю над вашим предложением.

— Но я зашла к вам не по этому поводу. Только что звонил адъютант Скорцени.

— Так, и что он вам поведал? — мгновенно вырвалась из состояния мысленной апатичности провидица.

— Через пять минут с вами будет говорить сам оберштурмбаннфюрер, — о Скорцени Хельга всегда говорила с искренним уважением и, похоже, даже побаивалась его. — Разговор предстоит важный. Он просил вас ждать у телефона.

Уже много раз она понуждала Вилли Штубера, чтобы он каким-то образом затащил в замок этого своего грозного шефа,

однако всякий раз слышала в ответ: «А не может ли твоя коллекция "купельных мужчин" обойтись без черепа Скорцени?» И единственное, что ей оставалось в данной ситуации, — это в очередной раз объяснять Вилли, что коллекционирует она вовсе не черепа, а нечто совершенно другое. Но, щадя его, Вилли, самолюбие, по отношению к Скорцени обещает быть милостивой.

— Вы уже успели побывать в Божественной купели? — сразу же поинтересовался обер-диверсант.

— Чем бы я еще здесь занималась... без вас, Скорцени? — и, не позволяя ему опомниться, сразу же пошла в наступление, тут же поинтересовавшись: — Почему вы не предупредили меня, что собираетесь перебрасывать его в Аргентину?

— Потому что не обязан этого делать, — не стал церемониться с ней человек со шрамами. — Но с Зомбартом я об этом путешествии тоже пока что речи не вел. И то, что вы упомянули Аргентину, свидетельствует, что, в конце концов, вами был взят и этот альпийский редут.

— Но я увидела и кое-что иное: впервые попав на субмарину, он придет в ужас, поскольку боится замкнутого пространства. Советую устроить ему экскурсию с обкаткой, иначе в многодневном плавании он может не выдержать.

— Значит, и субмарину вы тоже увидели?

— Одну из тех, которые прячете где-то в скалах.

— Вот этого вы уже видеть не могли! — резко предупредил ее Скорцени. — Ибо это вам видеть не положено. И в море выйдете вместе с Зомбартом, в виде наказания — и вам, и ему. С вами он постарается выглядеть мужественнее.

— Как буду выглядеть я, вам безразлично?

Скорцени выдержал паузу и камнедробильно пробасил:

— Мне и самому уже хотелось бы вспомнить, как именно вы выглядите. Особенно в Божественной купели. Но к этому разговору мы еще вернемся. На морскую базу вас доставят самолетом завтра утром.

В своем домашнем кабинете при разговоре Марии со Скорцени баронесса не присутствовала. Но когда провидица вышла из него, то увидела, что Хельга уже ждет ее у входа в гостиную — в халате и с полотенцем на плече.

— Так сколько лет было мальчишке-кузену Вилли Штуберу, когда вы впервые принялись соблазнять его в Божественной купели, баронесса?

— Не помню, — машинально ответила Хельга. — А что? И потом, откуда вам это известно? Я никогда и ни с кем на эту тему... — запнулась она на полуслове, вдруг вспомнив, кто стоит перед ней.

— Мне так показалось, что вам было тогда лет шестнадцать, а ему — не более тринадцати. Хотите сказать, что ошибаюсь?

— Одно могу сказать: я многое отдала бы, чтобы вернуться в те блаженственные минуты, — вскинула баронесса подбородок, и, насмешливо взглянув на Марию, скрылась в гостиной.

— Да не волнуйтесь вы, я не собиралась вас осуждать! — крикнула ей вслед Мария. — Это меня подвело сугубо женское любопытство.

...На традиционное вечернее купание Великий Зомби, конечно же, дальновидно предпочел не явиться, предоставив трем молодым женщинам возможность развлекаться на троне любви и на плите возлежания так, как им заблагорассудится. И за это эсэс-лесбиянки были очень признательны ему.

9.

Январь 1945 года. Антарктида. Столица Внутреннего Мира Акрос. Резиденция Духовного Хранителя Священных Истин Атланта Ария.

Служанка поставила перед мужчинами два высоких хрустальных кубка с коричневатого цвета напитком Шамбалы и удалилась так же неслышно, как и пришла. Когда она ставила эти бокалы, то не поздоровалась и вообще, ни один мускул на лице ее не дрогнул. Как ни один мускул не дрогнул и на лице Атланта Ария. Тем не менее Посланнику вновь, уже в который раз, показалось, что женщины-атлантки еще менее эмоциональны, нежели мужчины. Настоящие заводные куклы — без чувств, без эмоций, без каких-либо страстей и пристрастий.

— И все же вы — землянин. — Посланнику так и не удалось привыкнуть к тому, что о землянах в стране атлантов говорят,

как об инопланетянах, причем очень часто «землянин» звучит в устах атланта не только как определение, но и как приговор. — Стоит вам увидеть женщину, как вы тотчас же начинаете думать только о женщинах. Когда я проходил обучение в наземных университетах, меня это всегда поражало: эта страсть, эти любовные стенания...

— Но замечу, что вы уже неоднократно обращались к земным воспоминаниям, хотя, казалось бы... — явно намекнул Посланник на то, что положение Хранителя должно претить подобным экскурсам в годы земной молодости.

— Хранители для того и проходят тайное обучение в наземных университетах, чтобы иметь возможность сравнивать. В том числе и разницу в отношениях к женщинам.

Посланник мог бы объяснить, что лично ему приходится жить между тремя мирами: миром «священного воздержания» Шамбалы, в котором о женщинах вообще не принято ни говорить, ни вспоминать и в котором к сексуальным страстям относятся как к чему-то низменному и недостойному Высшего Посвященного; земным миром любви, измен и сексуальных экзальтаций; и миром арий-атлантов, в котором не существует ни браков, ни ревности, ни любовно-сексуальных табу, однако над всем этим воцаряется интимное хладнокровие, граничащее с сексуальным безразличием.

Вот только ни объяснять, ни вообще рассуждать на эту тему *Посланник не стал.*

— Позвольте, Хранитель, вернуться к разговору о судьбе высшего руководства рейха, — сказал он. — Я должен знать, с чем мне возвращаться в наземный мир и как вести себя в Германии, высшее руководство которой все еще рассчитывает на ваше вмешательство.

— Заступничество, — с иезуитской вежливостью уточнил Хранитель Священных Истин.

— И заступничество — тоже.

— До сих пор мы никого, представителей ни одного из племен, ни одного из народов в наш антарктический Внутренний Мир не впускали. Только благодаря этому мы процветаем, не вникая и не встревая в бесконечные войны и конфликты мира землян. Но вот по вашей просьбе...

— ...Благосклонно поддержанной вами, Духовный Хранитель, — некстати напомнил Посланник Шамбалы.

— ...Так вот, по вашей просьбе Повелитель нарушил обет предков и впустил несколько тысяч германских арийцев в одну из неосвоенных нами частей Внутреннего Мира. Что дальше? Теперь вы хотите переселить туда всю выжившую в войне часть Германии? Но это люди с иным способом мышления и существования, чем мы. Они могут уничтожить всю сотворенную природой систему Внутреннего Мира, вступят в несанкционированный нами контакт с наземными народами, а затем еще и спровоцируют войну этих двух миров, которой мы благополучно избегаем вот уже около трех тысячелетий.

— До полного падения Берлина и всей Германии мы успеем организовать только один, последний поход субмарин «Фюрер-конвоя», которые доставят сюда не более семисот новых колонистов, — как можно вежливее объяснил Посланник.

— Наиболее выносливых, на храбрость в боях и на чистоту крови основательно проверенных, — тотчас же уточнил Хранитель, стараясь напомнить Посланнику, что разрешение на последний исход германцев из рейха тоже было дано с оговорками.

— Кстати, появление на фронтах хотя б одной эскадры ваших боевых летающих дисков могло бы приостановить дальнейшее наступление русских.

— Будьте точны в выражениях, Посланник, — резковато, едва сдерживая раздражение, потребовал Хранитель. — Само их появление, только появление, — ни русских, ни англо-американцев сдерживать уже не способно. По воле ваших Высших Посвященных в небе над Германией уже не раз появлялись дисколеты ваших союзников-инопланетян. Однако своим появлением пилотов англо-американцев повергнуть в шок они так и не смогли. Или, может быть, повергли и каким-то образом изменили ход событий? Может быть, нам не все известно?

— Повергали, однако на ход событий это не влияло, — вынужден был признать Посланник.

— А поскольку дисконавты в бои не вступали, хотя Гитлер не раз умолял об этом вашего Повелителя устами Человека в Зеленых Перчатках, то пилоты самолетов постепенно привыкли к их появлению.

— В том числе и русские?

— Русские почему-то решили, что это пока что безобидное для них изобретение германцев. Так что теперь, да будет воля Повелителя, сдержать врагов рейха можно только истреблением всей враждебной ему авиации и миллионов солдат противника. Иного способа воздействия не существует.

— Или же мы не видим его.

— Следует ли все сказанное вами воспринимать с той точки зрения, что вы собираетесь убеждать Повелителя в необходимости участия нашего дисколетного флота в наземной войне?

— Я действительно хотел бы предложить Повелителю продемонстрировать участие в войне третьей стороны, не заинтересованной в гибели рейха. Это заставило бы врагов Германии прибегнуть к переговорам.

— Никакая демонстрация русских не остановит. Понадобится вести настоящие боевые действия. Но ради чего? Ради того, чтобы германские армии вновь оказались под Москвой и Парижем? И во всей Европе воцарился режим и культ фюрера?

— Однако останавливают Повелителя и вас не эти суждения. Существуют какие-то более сдерживающие факторы.

— Не отрицаю, существуют. Да будет вам известно, что Духовное Озарение Человечества не позволит нам пойти на истребление значительной части наземных обитателей, а следовательно, пойти против постулатов «Тайной доктрины основателей», против его, Духовного Озарения, воли и против воли Книги земного бытия. Если же мы нарушим наши священные заветы, то по приказу Духовного Озарения против нас восстанет сама планета Земля. И тогда нашей цивилизации спасения уже не будет. На этот раз уже не будет.

— Вот теперь многое проясняется.

— Однажды наши предки, вожди Атлантиды, уже пошли против воли Духовного Озарения. Чем это кончилось для нашей страны и нашей расы — вам известно.

— Вы потеряли все, что ваши предки создавали в течение многих веков, — проговорил Посланник, покачивая головой в такт каждому слову. — Поучительная судьба. Жаль, что она все еще остается неизвестной для других земных цивилизаций, а значит, не способна быть предостережением.

— И лишь небольшой группе избранных был указан путь к спасению, только ей позволено было освоить Внутренний Мир, условия для жизни в котором, как вы понимаете, созданы специально для нас. Во имя нашего возрождения.

Посланник понимал, что Хранитель прав: при всем техническом и духовно-астральном могуществе и страны атлантов, и духовной страны Шамбалы их повелители, как и повелители инопланетных цивилизаций, находятся под неусыпным контролем Духовного Озарения Человечества, того Вселенского Разума, который в земных школьных учебниках и в священных книгах землян именуют просто Богом.

— Теперь вы делаете священное дело: спасаете избранных Третьего рейха.

— Однако в этой новоявленной Рейх-Атлантиде не найдется места вождям гитлеровского рейха. Их время ушло вместе с уходом в прошлое Второй мировой войны.

— И это уже даже не подлежит обсуждению? — осторожно поинтересовался Посланник, отпивая кисловато-терпкого напитка Шамбалы. Довольно неприятный на вкус, он, тем не менее, почитался в стране атлантов как лечебный и бодрящий, восстанавливающий силы.

— Не подлежит, — резко отреагировал Хранитель. — С Повелителем уже все оговорено.

Посланник вздохнул и нервно повел подбородком. Знал бы Хранитель, в какую ситуацию они со своим Повелителем ставят его, Посланника Шамбалы, вынужденного подвизаться в роли посредника. Его Покровитель, Высший Посвященный Шамбалы, считает, что фюрера и нескольких его ближайших сторонников следует во что бы то ни стало вывезти из Германии, чтобы они и впредь возглавляли элиту рейха, только уже здесь, в Рейх-Атлантиде. Но этому противятся реальные хозяева Внутреннего Мира, и идти против их воли не только опасно, но и бессмысленно.

И потом, как быть в том случае, когда Гитлер и его рейхсканцеляристы ринутся к субмаринам и самолетам, чтобы добраться до Новой Швабии? Раскалывать элиту Рейх-Атлантиды и истреблять руководителей погибающего рейха? Выступать в роли истребителя ему не хотелось. Не его это амплуа, не его.

— Я слышал, что вы все же готовитесь переправлять фюрера сюда, в Антарктиду, или в Южную Америку.

— Готовимся.

— Зачем?

— Возможно, это будет не сам фюрер, а его двойник.

— Вот я и спрашиваю: зачем?

— То поколение германцев, которое составит основу новой волны эмиграции в Латинской Америке, воспитано на идеологии нацизма и на самой личности фюрера.

— Разве вашим покровителям в Шамбале непонятно, что эксперимент с созданием тысячелетнего рейха провалился и от него следует отказаться?

— Это уже будет решаться не в Шамбале, а в Лондоне, Нью-Йорке и Москве. Мы не можем столь радикально вмешиваться в жизнь нынешней цивилизации, чтобы принимать на себя руководство целыми земными империями. Да это и невозможно. У нас нет способов воздействия на интеллект каждого из сотен миллионов людей, привыкших жить, исходя из сложившихся исторических условий и традиций. Тем более что...

— Мы остановились на том, — вторгся в его монолог Хранитель, — что в Латинскую Америку отправится двойник фюрера.

— И таковым будет ваше окончательное решение?

— Окончательное. Двойник готов?

— Можно сказать, что да, готов.

— А вы гарантируете, что он не попытается захватить реальную власть в рейхе? Или в той стране, где он окажется во главе большой, имеющей военный опыт и фанатически настроенной германской эмиграции?

— Этого ему не позволят.

— И все же двойник Гитлера должен быть сугубо физическим, а не идейным.

— Он понадобится нам в Южной Америке как организатор секретных баз рейха. Пусть нынешние победители Германии думают, что арийцы стремятся превратить в новый рейх одну из южноамериканских стран, над которыми ни у англо-американцев, ни у русских контроля нет.

— Понимаю, это отвлечет их от поисков секретной германской базы в Антарктиде, — согласился Хранитель.

10.

Январь 1945 года. Германия. Баварские Альпы. Охотничий замок Вальхкофен на берегу озера Вальхензее.

«...И потом, — размышлял Скорцени, уже лежа в постели и глядя в занавешенное белоснежно-лунной пеленой окно, — с какой целью фюрер рвется в столицу? В чем смысл его вторжения в город, который вот-вот окажется в полном окружении, в эту гигантскую военно-полевую мышеловку? Оно еще имело бы какой-то смысл, если бы враг наступал только с востока, а вся северо-западная Германия оставалась бы в виде надежного тыла, наподобие того, которым в свое время прикрыта была Москва. А так, война проиграна, живая сила, запасы горючего и технического оснащения — на исходе.

Если понадобится еще немного продержаться, оборону столицы генералы наладят без него. И для ведения переговоров с западными противниками тоже лучше находиться вне Берлина. Нет, Гитлера нельзя допускать сейчас до рейхсканцелярии. В противном случае он доведет и столицу, и страну до полного краха, а вермахт и войска СС — до полного истребления».

— Каковой будет моя дальнейшая судьба, Отто? — неожиданно вырвал его из потока размышлений голос Фюрер-Евы...

— С этим вопросом тебе лучше обратиться к предсказателям.

— Вы, мой диверсионный Скорцени, знаете то, что неведомо ни одному предсказателю, — игриво повела она пальцами по его волосам.

— Весьма польщен, Фюрер-Ева.

— Я хочу знать, что мне уготовано.

— А кто этого не хочет? Хотя... лично мне не хотелось бы знать, что меня ждет и каким выдастся мой последний день. Интрига теряется. Как при чтении книги, когда знаешь, каким будет конец.

— Не заговаривайте мне зубы, Скорцени, это нечестно. Мы беседовали об этом во время нашей недавней встречи с Зомбартом.

— А что может знать Зомбарт?

— Он предполагает, что нас, вероятнее всего, убьют, а трупы наши сожгут, чтобы имитировать убийство Гитлера и Евы Браун.

— Вполне приемлемый вариант.

— Вам так кажется?! — ужаснулась Крайдер.

— Чем он вам не нравится? Не ново, да. Но разве вы готовы предложить что-либо более оригинальное?

— А вас не волнует, что речь идет именно обо мне?

— А с кем еще мы могли бы вести об этом речь? Смиритесь с тем, что вы незаменимы.

Альбина посопела, как обиженный ребенок, и надолго умолкла.

— Возможно, я не стала бы тревожить вас, Скорцени, но кто-то из очень высоких чинов откровенно намекнул Зомбарту, что исход нашего с ним восхождения будет именно таким, — придерживалась своей линии Альбина Крайдер.

— Я не стану выяснять, кого имел в виду Зомбарт, — полусонно пробормотал Скорцени, — но если узнаю, кто этот болтун, то изуродую его так, что труп его можно будет выдавать за кого угодно, вплоть до неандертальца.

— Не сомневаюсь, что подобные перевоплощения вы совершаете профессионально. Но это не ответ на мой вопрос. Я не знаю, когда еще мы с вами увидимся и увидимся ли вообще. Поэтому важно, чтобы ответ прозвучал прямо сейчас.

— А если скажу, что ответ мне тоже неизвестен?

— Это выглядело бы правдоподобно в устах любого другого человека, только не в ваших, мой диверсионный Скорцени. Вы — единственный, кто по сути этой операции знает все, потому что именно вы ее задумали, спланировали, подобрали и подготовили для нее людей.

Скорцени не ответил, и Фюрер-Ева с тревогой ждала, когда он прервет свое молчание. И лишь когда услышала, как он всхрапнул, испугалась, что действительно уснет.

— Вы неправы, Скорцени. Неправы, несправедливы и жестоки. Не знаю, как в отношении Зомбарта, но уж я-то заслужила того, чтобы знать хотя бы эту правду. Только эту, и ничего более. Я ведь вижу, что охраняют меня, как заключенную. Куда бы меня ни доставляли, место моего пребывания тотчас же превращается в некое подобие комфортабельной тюрьмы.

— Но ведь комфортабельной же! — пробормотал обер-диверсант рейха. — Такого в любые века удостаивались немногие, и обязательно избранные.

— Но ведь тюрьмы. Поэтому смилостивьтесь надо мной, ответьте: меня действительно собираются убить вместо этой стервы, фюрер-наложницы?

— Не скрою, такой вариант, в самом деле, прорабатывался, — наконец заговорил оберштурмбаннфюрер СС.

— Но от него отказались?

— Пока что не полностью.

— И вы говорите об этом так спокойно! — ужаснулась Альбина. — Лежа в постели с единственной в этом идиотском мире женщиной, которая по-настоящему любит вас, но которую вы готовы отправить на смерть, как жертвенную овцу!

— Удачное сравнение: в такой подмене, в жертвовании двойником ради спасения оригинала — несомненно, есть что-то от жертвоприношения. Мы так и назовем эту операцию — «Жертвенник».

— Лучше уж «Жертвенный баран»! — с горечью произнесла Альбина.

— Только без истерик! — жестко предостерег Скорцени. — Паникеров и провокаторов пристреливаю сразу же. И никаких псалмопений по этому поводу! Никаких псалмопений!

— Считайте, что меня уже пристрелили. Причем за компанию с тем Скорцени, в которого я еще недавно была так безумно влюблена.

— Любовь здесь ни при чем, — грозно пророкотал своим гортанным басом обер-диверсант рейха. — Нам хорошо вдвоем в постели — это факт, но судьба не для того свела нас в этих стенах, чтобы мы разыгрывали шекспировские трагедии. Идет война, перед судом которой все мы в той или иной степени предстаем в роли жертвенных баранов. И я не способен изменить эту веками создававшуюся традицию.

— Я понимаю, что меня в любом случае убьют, никто не согласится оставлять в живых такого свидетеля.

— Вам, штурмбаннфюрер СС Крайдер, не хуже меня известно, что двойники только для того и существуют, чтобы служба безопасности могла подставлять их под пули наемных убийц и как чучело огородное выставлять перед публикой в тех ситуациях, когда существует реальная угроза покушения. И именно их тела предъявляют в виде доказательства смерти тех, чьими тенями им выпало быть.

— Как же убийственно вы меня успокоили, мой диверсионный Скорцени!

— Это я умею, — скромно признал «самый страшный человек Европы». — Единственное, что у меня по-настоящему получается. Но, на всякий случай, снова растревожу вашу душу одним предположением: сейчас, буквально в последние дни, вырисовывается еще один вариант, которому лично я отдаю предпочтение. Но то, что вы сейчас услышите, является особой, имперской тайной.

— Выкладывайте, Скорцени, выкладывайте, — приподнялась Альбина на локте и уперлась подбородком в грудь мужчины. — Ничего у меня не получается так хорошо, как выведывать у мужчин их тайны, которые они, как правило, пытаются маскировать под имперские и сверхсекретные.

— Если фюрер как проигравший войну верховный главнокомандующий вдруг окончательно решит, что должен разделить судьбу своей армии и уйти из этого мира с достоинством, то вместо него в эмиграцию может отправиться двойник.

Альбина вновь поднялась с их «внебрачного ложа» и, укутавшись в халат, уселась в то кресло у камина, в котором еще недавно сидел Скорцени.

— Думаете, он решится на этот самурайский шаг? — спросила уже оттуда, не отрывая при этом взгляда от огня.

— В самом деле, самурайский.

— Так решится или струсит?

— Полной уверенности все еще нет.

— Во всем неопределенность, Скорцени, во всем! Вы меня разочаровываете. Как вы можете планировать свои диверсионные операции, не научившись уверенно прогнозировать свои собственные действия и действия врага? Не выработав в себе абсолютно никакой интуиции?

— Что бы вы ни говорили в мой адрес, Фюрер-Ева, я все равно не изменю своего убеждения в том, что проведенная с вами альпийская ночь — лучшая в моей жизни.

— Понимаю, что ложь — тоже из арсенала диверсанта. Но, по-моему, вы в ней слишком преуспели.

— Рядом с фюрером уже находятся люди, — примирительно молвил Скорцени, — которые морально готовят его к столь обы-

денному в сознании японцев, но столь необычайно мужественному в восприятии европейцев шагу.

— И тогда германцы останутся без фюрера?

— Тогда в эмиграцию подастся Имперская Тень. Великий Зомби.

— «Великий Зомби, сотворенный гением Скорцени» — так когда-нибудь будут отзываться об этом творении рук обер-диверсанта рейха пронырливые историки. И это «гением Скорцени» будет звучать, как «гением Микеланджело».

— Скорее всего, историю жизни двойника фюрера они будут начинать словами: «В годы Третьего рейха в Германии объявился некий проходимец, австриец с итальянской фамилией Скорцени...»

Они оба рассмеялись, и опять между каминами и снежно-лунным окном-бойницей воцарилось тревожное молчание.

— А не получится ли так, что вместе с ним в эмиграцию отправят настоящую Еву? Для правдоподобия.

— Пока что могу лишь сказать, что ее судьба будет решаться между правдоподобием смерти настоящего фюрера и правдоподобием жизни его двойника.

Альбина никак не отреагировала на эти его слова, она замерла в ожидании того, что еще скажет, чем утешит ее этот «диверсионный Скорцени». Вот только сам обер-диверсант решил, что все, что он мог сказать ей, он уже сказал.

«...Но если его появление в Берлине может оказаться погибельным и для этого города, и для армии, — вернулся обер-диверсант к прерванным размышлениям, — тогда почему бы не заманить Гитлера на какое-то время сюда, в этот замок, о существовании которого в качестве новой ставки фюрера враги даже не догадываются? А что, — с нежностью ощутил он на своей груди волосы Фюрер-Евы, вернувшейся в постель после очередных колдовских гаданий на поленьях камина, — устроить охоту бунтарей-заговорщиков на фюрера в охотничьем замке Вальххофен! В этом что-то есть от высшего класса диверсионной авантюры».

— О чем вы думаете сейчас, мой диверсионный Скорцени?

— Раскладываю свой имперско-диверсионный пасьянс.

— И каковы результаты?

— Пока что не очень удачно.

— Вы уж постарайтесь, — с детской нежностью погладила его ладошкой по груди.

«В общем-то, превратить этот замок в еще одну ставку фюрера будет не так уж сложно. Хотя и не ко времени. Дополнительно укрепить подступы к нему несколькими дотами; приспособить под бомбоубежище подземелье, которое, находясь в скальном грунте, выдержит любой авианалет; ну а горные окрестности можно усеять частями СС, всевозможным общевойсковым сбродом и, конечно же, зенитными батареями».

Работы предстояло много, зато здесь фюрер полностью стал бы управляемым и оторванным от верховного генералитета, а значит, не составило бы особого труда заменить его Имперской Тенью. Тем более что ему, Скорцени, уже давно приказано было создавать здесь, в Баварских Альпах, в районе Берхтесгадена, Радштадта и Грасса, на германо-австрийском и германо-швейцарском пограничье, неприступную «Альпийскую крепость». Которая, по давнему замыслу, и должна была стать последним пристанищем-оплотом фюрера.

Хотя и при таком повороте событий тоже возникал вопрос: «Так все же пристанищем кого — фюрера или лжефюрера?! Борман и Геббельс пока что твердо решили для себя только одно: что они неотступно будут следовать за фюрером, оставаясь с ним до последних часов его жизни.

Впрочем, на этом этапе краха Германии и арийской идеи окончательные, стратегические решения принимаются уже не в Берлине и не в каком-либо из хорошо известных тебе волчьих логов фюрера, — напомнил себе Скорцени. — И ты это прекрасно знаешь. Фюрер всегда стремился быть под опекой Высших Посвященных, которых обожал, которым верил и на поддержку которых возлагал значительно больше надежды, нежели на армию, авиацию и ракетные полигоны в Пенемюнде. И вот теперь они отторгли его, предали и отторгли».

— Я понимаю, что в этом фюрерском пасьянсе далеко не все будет зависеть от вас, мой диверсионный Скорцени. И что такое пожертвовать какой-то там Альбиной Крайдер в то время, когда на полях сражений и за их пределами жертвуют миллионами других жизней!

— Когда я решу вас казнить, моя Фюрер-Ева, на нагрудной дощечке появится надпись: «Казнена за извращение армейской философии!»

— О казни я как раз и хотела повести речь. Смерть я постараюсь встретить достойно. Но хотелось бы под своим именем, а не под именем этой подфюрерной стервы Евы Браун.

— Ваше пожелание, Фюрер-Ева, будет учтено. На нагрудной дощечке появится уточненная надпись: «Некая Альбина Крайдер. Казнена за злостное извращение армейской философии».

— Вы неисправимы, мой диверсионный Скорцени.

— А нельзя ли расщедриться на более уточненную надпись на нагрудной дощечке казненного: «Вы — неподражаемы, мой диверсионный Скорцени!»?

Порой Отто действительно казалось, что судьба рейха решается сейчас не в Берлине, а в подземельях Антарктиды. Мало того, создавалось впечатление, что именно такой трагический исход, такой крах национал-социалистского рейха был запрограммирован где-то там, под сводами Золотой Пирамиды. Причем он вполне допускал, что Высшие Посвященные специально свели в этой войне два диктаторских режима, две великие империи, две мощные идеологии, чтобы, в конечном итоге, покончить с обеими. Только сначала руками коммунистов будут истреблены фашисты, а затем уже настанет очередь и самих коммунистов.

Даже согласившись на создание во Внутреннем Мире колонии Рейх-Атлантиды, Повелитель Внутреннего Мира Этлэн Великий в то же время, очевидно, решительно воспротивился появлению в новой подземной державе высших руководителей рейха. Эксперимент по созданию антарктической Рейх-Атлантиды он предпочитал начинать с чистого листа.

Конечно, все это пока что только предположения. Давно следовало бы встретиться с Посланником Шамбалы и обсудить эти вопросы с ним. Но он куда-то исчез, словно бы давал понять, что судьба гибнущего рейха уже не интересует его.

...Что же касается Евы Браун, то в ставку «Орлиное гнездо» фюрер ее не приглашал, да она и не стремилась туда. Неопределенность местопребывания фюрера, его постоянная взвинченность и всенарастающая подозрительность, а еще временная отчужденность от Евы Браун и заметное охлаждение в их отношениях — все это заставляло Скорцени избегать резких шагов, выжидать и терпеливо предугадывать, как развернутся события дальше.

11.

Февраль 1945 года. Германия. «Нордберг» — секретная база субмарин «Фюрер-конвоя» на побережье Северного моря. Борт субмарины «U-1212».

Едва ступив на трап, Мария Воттэ, прибывшая в мундире унтерштурмфюрера СС, тотчас же предупредила командира субмарины:

— Только не спешите с погружением. Нужно хотя бы полчаса для того, чтобы фюрер свыкся с гнетущей, полумогильной атмосферой вашей субмарины. — Она специально пропустила двойника фюрера Манфреда Зомбарта вперед и, пока тот осторожно, неуверенно продвигался по палубе подлодки к командному мостику, решила переговорить с фрегаттен-капитаном.

— А что, вам уже когда-нибудь приходилось бывать на субмарине? — спросил Роланд, как только встречавшие фюрера моряки, приветствуя его, вскинули руки.

— Нет, конечно. Тем не менее знаю, в каком отсеке находится наша каюта — вон в той части субмарины, справа от нас; и догадываюсь, что охранять фюрера, по всей видимости, будет вон тот рослый матрос, — указала на стоявшего у рубки, в числе нескольких других подводников, матросаштабсобер-ефрейтора Карцага, — судьба которого столь же страшна, как и его энергетика.

— Я немного наслышан о вас, унтерштурмфюрер Воттэ, и понимаю: если вам где-то очень нужно побывать, то вам не обязательно бывать там в действительности.

— Правильно сформулировано.

— Однако меня больше интересует состояние фюрера, — все же недовольно проворчал командир «Валькирии», — чем энергетика приглянувшегося вам матроса.

— Меня — тоже. Именно поэтому после пятнадцати минут его пребывания в каюте снова выведите фюрера сюда, на палубу. Хотя бы минут на десять. Он должен осознать, что из этой стальной гробницы выход возможен. Из этой и сегодня — еще возможен.

— Фюрер настолько боится замкнутого пространства?

— Он боится своих снов, в которых его все чаще живьем закапывают в могилу.

— Он вам в этом сознавался?!

— Если бы сознался, я бы сочла, что он готов к длительному переходу через Атлантику, и не настаивала бы на этой многочасовой прогулке на субмарине.

— Позвольте, а за себя вы не опасаетесь?

— Не больше чем вы теперь опасаетесь за себя, фрегаттен-капитан, в своем сиротском одиночестве, после ночи, проведенной на гибельных руинах родного дома.

На отразившееся на лице Роланда удивление Мария внимания не обращала. Добравшись в сопровождении штабсобер-ефрейтора до отведенной им с Манфредом подводной кельи, она увидела, как лжефюрер затравленно мечется по неожиданно просторной каюте, словно опасается, что сейчас его здесь закроют и, оставив субмарину, навсегда забудут.

— Присядьте, фюрер.

— Что? — замер он посреди каюты.

— Я сказала: присядьте, мой фюрер.

— Хотя бы вы... не называйте меня фюрером. Во всяком случае, пока мы наедине. И вообще, я имею право быть самим собой.

— Кем это, позвольте узнать?

— Манфредом Зомбартом.

Улыбка, которой плеснула ему в лицо Мария Воттэ, очень напоминала полусадистскую улыбку Скорцени.

— А кому вы здесь нужны в облике этого, как его там, Манфреда Зомбарта?! Кому вы, мразь, нужны?! Вы думаете, что вас приглашают сюда, отдают вам честь, приветствуют фюрерским приветствием, выставляют личную охрану и даже приставляют к вам одну из самых красивых и властных женщин рейха только потому, что вы — Манфред Зомбарт?! А что вы, тля казарменная, сделали для того, чтобы ваше имя значило для кого-либо в Германии хотя бы тысячную частицу того, что значит для всех нас, германцев, имя Адольф Гитлер?

— Но вы должны понять... — испуганно смотрел на нее Имперская Тень, сидя на небольшом стульчике и ухватившись рукой за краешек стола.

— Все, что я должна знать, я давно знаю без вас, — отрубила Воттэ. — Встать. Я сказала: встать! Вы хотите представать передо мной Зомбартом? — спросила она, наблюдая, как Имперская

Тень медленно приподнимается со своего места в углу каюты, между столиком и лежанкой. А как только он поднялся, хищно произнесла: — Тебе очень хочется побыть здесь Зомбартом? Ну так будь им! — и отвесила такую мощную оплеуху, что Манфред вновь рухнул на стул.

— Как?! Вы решили позволить себе даже такое?!

— Неужели ты, мразь, считаешь, — буквально прорычала Мария, угрожающе склоняясь над ним, — что я снизошла бы до того, чтобы соблазнять в «Божественной купели» некоего казарменного придурка Зомбарта, если бы Скорцени не попросил провести вечер с неким кретином, из которого он пытается лепить если не фюрера, то хотя бы паршивого лжефюрера? Именно так: паршивого лжефюрера!

— Еще одно слово, и я пристрелю тебя!

— Одним из тех холостых патронов, которыми мы тебя снабдили? Послушай, может, мне плюнуть на данное Скорцени слово, выйти и объявить матросам, что в каюте их субмарины оказался человек, подло выдающий себя за фюрера?! Чтобы они тотчас же растерзали тебя?!

Зомбарт силился что-то ответить, но так и не смог.

Понаблюдав в течение этой паузы, как бледнеет и без того бледное лицо Зомбарта, провидица едва слышно навеяла ему:

— У тебя есть один способ спасти свою шкуру: это мужественно перенести прогулку на субмарине. Чтобы я получила право сообщить Скорцени, что ты готов к переходу через Атлантику. Иначе тебя попросту вздернут. Война завершается. Гитлер покидать рейхсканцелярию не намерен, да его и не очень-то хотят выпускать оттуда.

— Действительно не хотят?

— Речь сейчас идет о вас... мой фюрер, а не о Гитлере. И поскольку он остается, чтобы свести счеты с жизнью в своем бункерном кабинете, то вы, мой фюрер, — с каким-то особым сарказмом произносила Мария это «мой фюрер», — никому больше не нужны. По крайней мере, здесь, в Германии.

Понимая, что дальше накалять страсти бессмысленно, да и опасно, Воттэ выдержала небольшую примирительную паузу и уже совершенно иным, спокойным тоном сказала:

— Сейчас я приглашу командира, и вы отправитесь с ним осматривать субмарину. Кстати, насколько меня информиро-

вали, это не обычная боевая субмарина. Она принадлежит к секретному соединению субмарин «Фюрер-конвоя» и отличается особо крупными размерами. Здесь есть так называемые каюты для рейхс-гостей, в одной из которых мы сейчас находимся и которых на обычных субмаринах нет. Позывной субмарины — «Валькирия», именно так моряки и называют ее между собой. Вам эти познания пригодятся для поддержания разговора с фрегаттен-капитаном. И помните: вы — фюрер! Эти люди обожествляют или, по крайней мере, обязаны обожествлять вас. Вы должны заставить их обожествлять своего, то есть вами сотворяемого, фюрера.

Она сняла трубку внутреннего телефона и попросила связать ее с командиром.

— Фюрер хочет видеть вас, фрегаттен-капитан, — жестко произнесла она. — Он хотел бы ознакомиться с устройством субмарины. И скомандуйте, чтобы ваша субмарина выходила в море. Погружалась, или как там у вас это называется, и выходила.

— Как чувствует себя фюрер?

— Это самая большая субмарина в вашем соединении, фрегаттен-капитан? — абсолютно не отреагировала на его вопрос прорицательница.

— Нет, недавно спущены на воду три субмарины новейшего образца. На одной из них есть специальная каюта для очень высоких рейхсгостей, поэтому в настоящее плавание фюрер, очевидно, выйдет на ней. Моя субмарина была избрана случайно, просто новейшие субмарины сейчас в океане.

Когда фрегаттен-капитан прибыл, Мария сказала, что она не станет утомлять их своим присутствием и вопросами, и довери-тельно сообщила, что тридцати минут ей вполне хватит для того, чтобы штабсобер-ефрейтор Карцаг посвятил ее в особенности моряцкой жизни.

Встретившись с ней взглядом, фрегаттен-капитан понимающе ухмыльнулся и кивнул.

— Карцаг получит соответствующие наставления, — молвил он, взглядом давая понять Марии, что и сам не прочь был бы оказаться на месте этого мощного везунчика. Зомбарт в это время рассматривал имевшийся в каюте спасательный жилет. Он тоже прекрасно понимал намерения провидицы. — Мы с фюрером вер-

немся не ранее чем через час. Я бы очень просил вас, мой фюрер, после осмотра субмарины оказать мне величайшую честь и пообедать в командирской каюте.

— Если только ваше длительное отсутствие, фрегаттен-капитан, не скажется на действиях команды «Валькирии», — сурово предупредил его Великий Зомби.

— У меня достаточно опытный старший офицер, мой фюрер.

Пока они обменивались репликами, унтерштурмфюрер внимательно следила за выражением лица Роланда, все пытаясь понять: догадывается он о том, что перед ним не фюрер, а его двойник, или не догадывается?

«Если и догадывается, — молвила себе, когда мужчины оставили ее в каюте одну, — то неплохо изображает простачка, прекрасно понимая, что за появлением здесь двойника фюрера тоже скрывается какая-то политическая игра».

Как только Карцаг вошел, Мария, не давая ему возможности опомниться и окончательно оробеть, храбро сомкнула руки на его шее:

— Если я скажу, что у меня в жизни никогда не было в постели моряка, — этого намека вам хватит? Или понадобится еще какой-то, более утонченный?

12.

Январь 1945 года. Германия. Баварские Альпы. Охотничий замок Вальхкофен на берегу озера Вальхензее.

Уснули они только под утро, при этом Скорцени был уверен, что в сладострастные утренние часы он окажется предоставленным самому себе: вдали от столицы, от начальства и вождей; в обнимку с прекрасной женщиной — пусть и не такой уж любимой, но все же щедро подаренной ему судьбой на этом заснеженном предфронтовом предгорье.

«Альпийская ночь, — мысленно бормотал он, погружаясь в предутреннюю истому, — прекрасная альпийская ночь! Блаженственно!»

Но именно эта, подаренная ему судьбой женщина безжалостно, хотя и сочувственно, вынуждена была вырвать его из запоздалого блаженства, чтобы вернуть к холодной фронтовой реальности.

— Сюда готов ворваться ваш адъютант, гауптштурмфюрер СС Родль.

— *Дьявол меня расстреляй.*

— С дьяволом все понятно. А что сообщить томящемуся в коридоре Родлю?

— Вы же знаете, Фройнштаг, что пистолет у меня в кобуре, — сонно пробормотал Скорцени.

— А при чем здесь ваш пистолет? — поинтересовалась Альбина, прощая ему упоминание Фройнштаг.

Она давно была знакома с оберштурмфюрером Лилией Фройнштаг[10], которая помогала ей входить в образ Фюрер-Евы, и также давно знала о том, что Отто и Лилию давно связывает «постельная дружба». Именно так — «постельная дружба» — и охарактеризовала свои отношения с первым диверсантом рейха сама Фройнштаг, давая при этом понять, что как женщина она заслуживает более естественной роли, чем «постельная женщина».

— Чем-то же вы должны застрелить моего адъютанта.

— Он только что из штаба полка альпийских стрелков, — объяснила Альбина. — Вас требуют к телеграфному аппарату.

— Из Берлина! — послышался из-за двери голос Родля.

— Убирайтесь к черту, Родль! А еще лучше, пойдите и узнайте, чего там от меня хотят.

— *Это невозможно! Требуют вас, господин оберштурмбанн*фюрер!

— Неужели эти пьяные карабинеры опять арестовали Муссолини?! — совершенно искренне *изумился «освободитель велико*го дуче». — В следующий раз придется похищать не Муссолини, а карабинеров.

— Вполне допускаю, что арестовали. Но требуют вас из штаба Гиммлера! Просят, чтобы вы лично подошли к аппарату!

— Гиммлера тоже пристрелить? — ехидно поинтересовалась Альбина, усаживаясь в то же кресло у камина, в котором вчера

---

[10] Подробнее об отношениях Отто Скорцени и Лилии Фройнштаг — в моих романах «Похищение Муссолини», «Черный легион», «Ветер богов». — *Автор*.

преподносила оберштурмбаннфюреру уроки оральной нежности, и пытаясь хоть как-то привести себя в порядок.

Как ни странно это выглядело, однако Крайдер вновь появилась в своем нежно-розовом пеньюаре и вновь, в который уже раз, демонстрировала абсолютное невосприятие к холоду. Какое-то непостижимое для европейца, почти эскимосское невосприятие. К тому же, поглядывая на нее, Отто ощущал, что его опять влечет к этой женщине в соблазнительном пеньюаре, столь неестественно выглядевшем между погасшим камином и промерзшим окном. Жаль только, что к страстям его Альбина оставалась такой же демонстративно невосприимчивой, как и к холоду.

Правда, в течение ночи Скорцени несколько раз оговаривался, называя ее Фройнштаг, и хорошо, что у Крайдер хватило такта так ни разу и не одернуть его. Но это не значит, что она смирилась с сексуальным беспамятством обер-диверсанта.

— Гиммлера — нет, — проворчал Скорцени, отбрасывая часть одеяла и поспешно одеваясь. При дневном свете на него всегда нападала какая-то юношеская стеснительность, справляться с которой так и не научился. И хорошо еще, что Фройнштаг, не ведавшая такого чувства, как любовный стыд, всячески пыталась избавить своего любимого мужчину от этой «девичьей химеры»: она-то как раз предпочитала секс под лучами солнца. Луна ее не вдохновляла.

— Потому что Гиммлера вы все же побаиваетесь.

— Вы не прагматичны, Фройнштаг... простите, Крайдер. Все намного проще: адъютанта Господь мне пошлет другого, а Гиммлера — уже нет. Второго Гиммлера — ни найти, ни выдумать уже невозможно, дьявол меня расстреляй.

— Какая глубина мысли! А главное, рейхсфюреру очень повезло.

— Не дразните меня, Альбина. Нет никого страшнее в гневе своем, чем не вовремя разбуженный Скорцени.

Альбина подошла к мужчине и по-детски уперлась теменем ему в ту часть груди, которую он все еще не успел спрятать под не застегнутой армейской рубашкой. Это были минуты женского блаженства. Альбине трудно было бы убедить себя, что она влюблена в этого мужчину, ибо ничего похожего на традиционную влюбленность у нее не просматривалось. Да и «самый страшный человек Европы» — далеко не тот человек, к которому можно было воспылать девичьей влюбленностью. Но все же что-то

между ними происходило такое, что нельзя было воспринимать только через постельные оргии. Во всяком случае, за этим мужчиной она в прямом смысле пошла бы на край света, и только под его властью она согласна быть рабыней.

«Не отчаивайся, — осадила себя Крайдер, — "на край света" — это тебе еще предстоит». А вслух спросила:

— Мне дожидаться вас здесь, мой диверсионный Скорцени?

— Лучше — в столовой. Я прикажу, чтобы вас хорошо накормили, а тем временем опять развели огонь в каминах.

— Мы проведем еще одну ночь здесь, вместе?

— Мы проведем еще много ночей, у многих каминов, — любовно прогромыхал своим невовремя разбуженным басом Скорцени. Альбина, конечно же, не поверила, но все равно посмотрела ему вслед по-девчоночьи благодарно и растроганно.

«Может, — подумал оберштурмбаннфюрер, — она не рассчитывает, что в эту прикаминную постель мы заберемся еще днем. Но, скорее всего, именно так оно и будет».

Когда Скорцени вошел в здание штаба, все пять офицеров, два из которых были подполковниками, то есть равными по чину с обер-диверсантом рейха, а один — в чине полковника, — подхватились со своих мест, словно увидели перед собой генерала.

— Что здесь происходит, дьявол меня расстреляй? — прорычал Скорцени так, словно ворвался в логово заговорщиков.

— Обсуждаем ситуацию на западных фронтах, — встревоженно объяснил полковник Никольс. — Стало известно, что две дивизии американцев движутся в нашем направлении.

— Так остановите их, полковник! — еще воинственнее прогромыхал оберштурмбаннфюрер. — Какого дьявола?! Что тут обсуждать?

Полковник растерянно переглянулся со сгрудившимися по ту сторону застеленного картой Южной Германии стола и еще более беспомощно пожал плечами:

— Это невозможно, господин комендант «Альпийской крепости», — осипшим голосом промямлил он, удивив Скорцени своим обращением.

Отто знал, что в свое время из ставки фюрера во все части, расположенные в Альпах, направлена была директива фюрера с приказом о создании «Альпийской крепости» и что создание «альпийских редутов» поручается оберштурмбаннфюреру СС Отто

Скорцени. Но еще никто и никогда не обращался к нему так, как обратился этот восточный тиролец: «Господин комендант "Альпийской крепости"».

— А то, что какие-то две паршивые дивизии янки движутся сюда, в сердце Баварских Альп, и их некому остановить, — это возможно?! Чего вы ждете, мои неукротимые бонапарты? Поднимайте своих стрелков-тирольцев и сметайте все на своем пути. И никаких псалмопений по этому поводу! Никаких псалмопений!

— Это приказ? — побледнел приземистый, худощавый, как все восточные горцы-тирольцы, полковник.

— Это пожелание, — неожиданно вмешался вошедший вслед за своим патроном адъютант Родль, вовремя сообразив, что полковник попросту не знает особенностей характера первого диверсанта рейха и еще не научился понимать, когда Скорцени говорит всерьез, а когда мрачно, по-диверсантски, шутит.

— Но для начала, изройте все окрестные горы дзотами и снайперскими точками, — как ни в чем не бывало уточнил Скорцени, прощая Родлю его вмешательство, а полковнику Никольсу — его наивность.

— *Именно этим мы сейчас и занимаемся*, господин комендант.

— Вся надежда теперь только на ваших альпийских стрелков-тирольцев, полковник. Только на них, дьявол меня расстреляй.

Скорцени помнил, что почти весь полк был укомплектован австрийцами из Восточного Тироля[11], из района Никольсдорфа, привыкшими к горным условиям и к альпийским ледникам и прекрасно владеющими своими кавалерийскими карабинами.

— Господин оберштурмбаннфюрер, — появился из соседней комнаты начальник связи полка, — я уже сообщил в штаб рейхсфюрера, что вы прибыли и находитесь у телеграфного аппарата.

— А где я могу еще находиться?

Когда Отто скрылся в соседней комнате, полковник Никольс вновь переглянулся со своими офицерами. Все они выглядели так взлохмаченно, словно только что по ним прошелся горный смерч. Они понятия не имели, зачем Скорцени появился в замке Вальх-

---

[11] Восточный Тироль — историческая область Австрии, расположенная на границе с Италией. Из этих горцев штаб вермахта формировал части альпийских стрелков; в частности, немало из них входило в состав дивизии «Эдельвейс», действовавшей в свое время на Северном Кавказе.

кофен, но понимали, что появился он не случайно. За этим, рассуждали штабисты, конечно же, должна последовать какая-то фронтовая авантюра, наподобие той, которую совсем недавно, в декабре прошлого года, Скорцени осуществил в Арденнах[12] и за которую фюрер наградил его почетной планкой к Рыцарскому кресту.

Поэтому, когда оберштурмбаннфюрер потребовал, чтобы их полк альпийских стрелков, имевший на своем вооружении всего лишь одну батарею устаревших австрийских гаубиц, двинулся вперед и где-то там, очевидно, в районе Шварцвальдского нагорья, остановил две дивизии американцев, полковник и его подчиненные никакого подвоха в этом приказе не узрели. Мало ли что может взбрести в голову этому диверсионному авантюристу!

Как только Скорцени появился в замке, в полку сразу же стали распространяться слухи, что их готовятся перебросить в Северную Италию для поддержки Муссолини, прижатого войсками, верными королю, к австрийской границе, и добиваемого красными партизанами. Так что версия выглядела вполне правдоподобной.

А вот появлению в том же замке какой-то смазливой эсэсовки никто никакого значения не придал. Мало ли существует женщин, тем более эсэсовок, с которыми имеет право развлекаться в перерывах между заданиями личный агент и любимчик фюрера, совершавший во имя Германии подвиг за подвигом! Интригуя на их любопытстве, адъютант Скорцени умудрился выкачать из офицеров полка не одну кружку дармового баварского пива.

— Получено предупреждение: сейчас начнет поступать приказ Гиммлера, — почти торжественно объявил капитан-связист. Не так уж часто ему приходилось принимать телеграммы от столь высокого эсэсовского чина.

— Не интригуйте меня, — уселся Скорцени перед аппаратом на поданный ему грубо сколоченный стул. — Я и так растроган, дьявол меня расстреляй!

---

[12] Речь идет об осуществленной Скорцени операции «Гриф», в результате которой несколько его диверсионных отрядов, переодетых в английскую форму, действовало в тылу противника во время арденнского наступления группы армий «Б» под командованием генерал-фельдмаршала Моделя и группы армий «Х» генерал-полковника Штудента. Эти события описаны в моем романе «Операция "Гриф"», из цикла романов «Война империй», который готовится к изданию. — *Автор*.

Медленно приходивший в себя, но все еще бледный полковник Никольс еще не знал, что в эти мгновения, видя перед собой на телеграфной ленте слова приказа рейхсфюрера Гиммлера, точно так же бледнеет самый бесстрашный человек рейха. Это, конечно же, доставило бы ему удовольствие.

«Оберштурмбаннфюреру Скорцени. Срочно. Совершенно секретно, — читал герой неудавшегося арденнского наступления. — Приказ № 831. Всем находящимся в вашем подчинении истребительным батальонам со всеми имеющимися подразделениями сегодня же выступить к Шведту-на-Одере, и создать плацдарм восточнее Одера, чтобы в дальнейшем перейти оттуда в наступление и нанести решительный удар по противнику. Командиром всех войск, находящихся в районе Шведта-на-Одере, назначаю оберштурмбаннфюрера СС Отто Скорцени. Командующий группой армий "Висла" Гиммлер»[13].

Аппарат умолк, а Скорцени еще с минуту сидел перед ним и, поигрывая желваками, смотрел на застывшую ленту с душещипательным посланием Гиммлера.

То, что он только что прочел, представлялось ему полным абсурдом. Во-первых, он знал, что все истребительные батальоны понесли большие потери, ослаблены, а главное, их нерационально и почти бессмысленно использовать на каком-либо участке фронта в открытых боях, во время которых русские будут перемалывать их своими катюшами и авиацией.

А во-вторых, не для того он готовил своих диверсантов на специальных курсах особого назначения «Ораниенбург»[14], а также в других разведшколах и лагерях специальной подготовки. Понятно, что куда рациональнее было бы сосредоточить их

---

[13] Исторический факт. 31 января 1944 года Скорцени действительно получил приказ подобного содержания от Гиммлера, которого фюрер к тому времени, неожиданно для всего генералитета рейха (поскольку Гиммлер вообще не имел какого-либо опыта командования военными соединениями, какого-либо боевого опыта!), назначил командующим группой армий «Висла».

[14] Под этим ничего не говорящим названием скрывалась особая разведывательно-диверсионная школа, в которой готовили не только диверсантов, но и руководителей повстанческих движений для тех стран, которые фюрер намеревался держать в орбите своего влияния. Руководил этими курсами сам Отто Скорцени.

сейчас здесь, в районе «Альпийской крепости», а уже отсюда, несколькими диверсионными рейдами пройтись по тылам англо-американцев, повторяя операцию в Арденнах. Или же бросить их на укрепление обороны центрального сектора Берлина, в районе рейхсканцелярии.

— Что вы застыли передо мной, капитан, как шотландский стрелок перед оголенной королевой? — наконец обрел Скорцени дар речи, а вместе с ним — и дар своего мрачного, непостижимого юмора. — Карту северо-восточной Германии сюда!

Карта нашлась очень быстро; чего-чего, а карт в этом легковооруженном, «карабинном» и в условиях современной войны почти небоеспособном полку оказалось предостаточно. Скорцени развернул ее на коленях и, переведя взгляд северо-восточнее Берлина, отыскал на Одере небольшой городок Шведт-на-Одере. Первое, что его поразило, — русские уже в каких-нибудь ста пятидесяти километрах от Берлина. А если учесть, что южнее Шведта, в районе городка Бад-Фрайенвальде, река делала огромный изгиб в сторону столицы, — то и в пределах ста километров.

Именно этот изгиб давал ему отгадку «полководческого замысла» Гиммлера: если создать мощный плацдарм напротив Шведта, на правом берегу Одера, то со временем можно будет ударить с севера по русским войскам, втянувшимся во фрайенвальдский мешок, отрезав их от основной массы русских. Однако понимал он и то, что подобный плацдарм имел бы смысл где-нибудь на Висле, год назад. Но не теперь, когда благоразумнее было укреплять левый берег реки, а не играться в ганнибальские игрища на захваченном русскими правобережье, бросая при этом в бой остатки отборных истребительных батальонов. Некогда полноценных и даже элитных.

— Что вы опять застыли, капитан? Облачите-ка имеющийся на ленте текст в форму приказа, отпечатанного на нормальном листе бумаги и заверенного подписью полковника Никольса и печатью полка.

— Есть подготовить письменный приказ!

Поморщившись от его крика, Скорцени с грустью посмотрел ему вслед и опять нацелил свой взор на карту в районе Шведта-на-Одере. Хотя единственное, чего ему сейчас хотелось, — это плюнуть на карту и приказ Гиммлера и вернуться в охотничий

замок, к бренным телесам неутомимой, не знающей девичьего стыда и мнимой стеснительности Фюрер-Евы.

...То, что идея бросить на этот плацдарм Скорцени со своими батальонами родилась в голове самого Гиммлера — это было ясно. Рейхсфюрер уже вовсю заигрывал с американцами и даже пытался вести с ними самостоятельные, втайне от Гитлера и Бормана, переговоры. Но при этом ему все время приходилось ощущать на своем затылке дыхание личного агента фюрера по особым поручениям, готового по первому же намеку фюрера наброситься на его штаб. Как когда-то, во время июльского заговора против Гитлера, набросился со своим фридентальским батальоном особого назначения «Ост», под командованием барона Фелькерсама, и частью охранного батальона «Великая Германия» — на расположенные на Бендлерштрассе штабы генералов Фромма и Бека.

...Войдя в общую комнату, в которой полковник все еще совещался со своим несгибаемым штабом с таким глубокодумием, словно в миле отсюда ожидали своей жертвенной крови поля Ватерлоо, оберштурмбаннфюрер приказал Никольсу немедленно связаться с расположенным неподалеку запасным аэродромом и от его, Скорцени, имени приказать, чтобы там приготовили транспортный самолет.

Услышав о транспортном самолете, полковник молитвенно уставился на обер-диверсанта.

— Куда нас будут перебрасывать?

— Вас, полковник, — никуда. Вы со своим бессмертным штабом так и просовещаетесь здесь до последнего залпа этой войны.

— Извините, господин оберштурмбаннфюрер, но мы располагаемся там, где нам было в свое время...

— Вермахт, — прервал его Скорцени, — люфтваффе, кригсмарине и даже несгибаемые войска СС — все, решительно все потерпят в этой войне сокрушительнейшее поражение. И только ваш бессмертный тирольский полк выйдет из этой войны непобедимым, не произведя при этом ни единого выстрела в сторону врага!

— Но, видите ли, — вновь попытался что-то объяснить командир бессмертных и непобедимых тирольцев, однако Скорцени все так же жестко осадил его:

— Оправдываться вы будете перед Народным трибуналом под председательством Фрайслера[15], — вновь прибегнул к своей тактике мощной психологической атаки Скорцени. Тактике, которая до сих пор в его диверсионно-актерском исполнении срабатывала всегда: и по отношению к своим, и по отношению к врагам. — Но пока этот приговор не прозвучал, сообщите-ка мне: ваши полковые разведчики проходили хоть какую-то специальную подготовку?

Вопрос прозвучал настолько неожиданно, что Никольс не сразу сообразил, о чем это оберштурмбаннфюрер. Несколько мгновений он — худенький, низкорослый — стоял перед громадиной Скорцени, как карлик перед деревенским громилой и, вытянув шею, напряженно всматривался ему в глаза, пытаясь понять: шутит Скорцени (опять шутит?!) или все же вопрос прозвучал всерьез?

— Разведчики? — пожал он плечами. — Кажется, да, как было предписано.

— У нас есть взвод разведки, — пришел ему на выручку один из подполковников. — Его служащие проходили ускоренную подготовку в лагере под Пенцбергом в начале прошлого года...

— Да-да, все так и было, — попытался приободриться полковник.

Очевидно, речь шла о каком-то местном вермахтовском лагере ускоренной подготовки армейских разведчиков, о котором Скорцени даже не слышал, но, чтобы подыграть полковнику, напыщенно произнес:

— Ну, если в знаменитом секретном лагере под Пенцбергом!.. И вообще, вы почему это скрыли от меня, что у вас имеется целый взвод таких храбрецов?

— Они у нас по штату, — вновь сник полковник Никольс.

— Так, может, среди них обнаружится и несколько фронтовиков?

— Человек пять — не больше, направленных сюда после госпиталя.

— В таком случае быстро сформируйте мне отделение из наиболее крепких и фронтовых и благодарите карающего Господа и

---

[15] Под председательством Роланда Фрайслера (1892—1945) были приговорены к смертной казни многие участники июльского (1944 года) заговора против фюрера.

милующего Скорцени, что на сей раз полку удалось обойтись малой кровью, — дожимал он командира полка, который пока что, до окончательного узаконивания «Альпийской крепости», никоим образом не обязан был подчиняться ему.

Поблагодарив только «милующего Скорцени», полковник тотчас же связался со своим знакомым, начальником запасного аэродрома, и уже через полминуты обер-диверсант слышал, как он орал в трубку: «Да мне наплевать на то, имеются у вас самолеты или нет! Вы обязаны выполнить приказ коменданта "Альпийской крепости"! Скорцени, кого же еще?! Оберштурмбаннфюрера СС Отто Скорцени — слышали о таком?! Того самого, подполковника, того самого!»

...Да, тогда, после молниеносно проведенной первым диверсантом рейха карательной операции «Валькирия», германский генералитет еще долго содрогался от расстрелов во внутреннем дворе самого Бендлерштрассе, от приговоров Народного трибунала. А то и в смертельных петлях виселиц тюрьмы Плетцензее. Поэтому замысел Гиммлера ему был ясен: собрать охранные батальоны и во главе со Скорцени бросить их на гибель где-нибудь в районе Шведта-на-Одере. Неясно было только, кто подсказал ему, что плацдарм следует создавать в районе именно этого городка, севернее изгиба реки, подумалось Скорцени; сам рейхсфюрер до этого вряд ли додумался бы.

* * *

Прежде чем отбыть на аэродром, Скорцени на предоставленной ему машине вернулся в замок и сразу же встретился с начальником расположившегося здесь же отделения гестапо унтерштурмфюрером Кройтом. Этот гестаповец прекрасно знал о существовании Альбины Крайдер, но понятия не имел, кто она такая, и даже не имел права интересоваться ее персоной. Сам тот факт, что женщина пребывала под покровительством Скорцени, приводил его в чиновничий трепет.

— Через два часа я отбываю в Берлин, в распоряжение фюрера, для выполнения очередного задания, — прогромыхал своим басом Скорцени, войдя в кабинет начальника отделения гестапо, располагавшийся в просторном флигеле, некогда служившем охотникам своеобразным заезжим двором.

— И какого задания не сей раз? — не удержался Кройт, но, встретившись с изумленным взглядом Скорцени, тотчас же поспешил извиниться за излишнее любопытство.

— Вы всегда задаете подобные вопросы офицерам СД, лейтенант Кройт?

— Простите, господин оберштурмбаннфюрер, но я знаю обо всех ваших операциях, я восхищаюсь ими и, собственно, в войска СС я попросился только потому, что форму офицера СС носит диверсант Скорцени.

— Шеф гестапо Мюллер на вас обиделся бы. А я — снисходительно прощаю. Мало того, я поручаю вам особо секретную операцию.

— Какую именно? — загорелись глаза унтерштурмфюрера.

Эберхарду Кройту едва исполнилось девятнадцать, и в армию он пошел еще два года назад добровольцем, прервав обучение в какой-то местной технической школе. Обер-диверсант уже знал, что является кумиром этого парня, и только поэтому относился к его уже не впервые проявлявшемуся любопытству снисходительно.

— Вы видели женщину, с которой я приехал?

— Госпожу Крайдер? Конечно. Я сразу обратил внимание: красивая женщина.

— Это я и сам каким-то странным образом определил. Поэтому сразу же довожу до вашего сведения, что эта прекраснейшая из женщин — оберштурмфюрер СС. Вы слышали, что я сказал, лейтенант?

— Она — обер-лейтенант войск СС.

— И мой специальный агент.

— И ваш специальный агент, — охотно подтвердил Кройт, — именно так я и понял.

— Только что она сумела ликвидировать агентурную сеть русских здесь, в Баварии. Однако ликвидировали мы не всех. Есть сведения, что русская разведка охотится за ней. Поэтому какое-то время ей понадобится находиться здесь. Под вашей личной охраной. Питаться она тоже будет вместе с вами. А посему слушайте мой приказ: с этой минуты хватать и под пытками допрашивать каждого, кто осмелится интересоваться ее особой. Через пару дней я прикомандирую сюда одного из своих подчиненных, ко-

— Как вы фамилия вашего шефа из Штайнгадена? Ну, того, который угрожает разжаловать вас до унтершарфюрера[16] и отправить на фронт?

— Вам известно даже это?! — удивленно взглянул Кройт, но почему-то не на Скорцени, а на его адъютанта, словно ожидал от него подсказки.

— Вас спросили его фамилию и чин, — жестко напомнил Родль, зная, как Скорцени способен взрываться после таких наивных вопросов.

— Гауптштурмфюрер Шлипер.

— Наберите его номер, — приказал Скорцени и кивком головы показал Роллю: «Ваш выход, адъютант».

— Гауптштурмфюрер Шлипер? — тотчас же взялся за телефонную трубку адъютант. — Я — гауптштурмфюрер Родль, адъютант личного агента фюрера по особым поручениям и коменданта особого укрепленного района «Альпийская крепость» Отто Скорцени. Сейчас с вами будет говорить сам оберштурмбаннфюрер Скорцени.

— Вы получили приказ фюрера, из которого следует, что вверенный вам район находится теперь в зоне «Альпийской крепости»? — прорычал Скорцени, буквально вырвав трубку из рук адъютанта.

— Так точно, получил, — услышал он в трубке высокий, козлиный какой-то голосок Шлипера.

— А у моего адъютанта создалось впечатление, что вы этого приказа фюрера в глаза не видели. Или, может, вы не согласны с ним?

— Я не могу себе такое...

— Нет, вы так и скажите: «Меня не интересует мнение фюрера по поводу того, как Баварские Альпы следует превращать в неприступные для врага редуты, последние редуты рейха!» — совершенно сбивал он с толку владельца тоненького козлиного голоска, не позволяя ему при этом и слова молвить в ответ. — Вы слышали, Шлипер: последние редуты. И это не я сказал, это сказал фюрер! И сказал он это о нашей благословенной Богом Баварии,

---

[16] Чин унтершарфюрера СС соответствовал общеармейскому (вермахтовскому) чину унтер-офицера.

столица которой, Мюнхен, стала родиной национал-социализма. Родиной, а не пристанищем всякого бездельничающего сброда и все еще не повешенных дезертиров. Или вы и с этим тоже не согласны?!

— Вы, очевидно, не так поняли меня.

— Что вы там блеете, Шлипер, как гимназистка накануне первого аборта? Какого дьявола ваша территория забита всяким сбродом, именующим себя беженцами, каждый второй из которых — дезертир?!

— Наши агенты совместно с патрулями полевой жандармерии...

— А я сказал: очистить! Причем самым решительным образом! — громыхал Скорцени в трубку так, что своды кабинета Кройта буквально содрогались от его баса. — И еще. Моя ставка находится сейчас в замке Вальхкофен, и он же, по всей вероятности, в скором времени станет ставкой фюрера. Так вот, комендантом этой ставки назначен оберштурмфюрер Кройт. А я сказал: оберштурмфюрер, — настоял Скорцени, хотя окончательно сбитый с толку Шлипер и не собирался возражать. — Поэтому немедленно подготовьте представление о повышении его в чине, начертав на нем: «По личному приказу личного агента фюрера Отто Скорцени». По личному!

— Представление будет готово сегодня же, — пропел своим странноватым для мужчины, а тем более — для офицера гестапо, голоском гауптштурмфюрер. Но только потому, что Скорцени специально выдержал небольшую паузу, чтобы дать ему пропеть эти заверения.

— И займитесь, наконец, своими прямыми обязанностями, Шлипер! Не заставляйте меня усомниться в целесообразности вашего пребывания в рядах СС. Прямо скажу: вы меня огорчаете, Шлипер! А *я никому* не советую огорчать меня, слышите, вы, Шлипер или как вас там, — никому! — швырнул он трубку на рычаг и, не обращая внимания ни на Кройта, ни на Родля, вышел из кабинета.

Выходя вслед за ним, Родль снисходительно взглянул на все еще растерянно стоявшего за столом Кройта. Это был победный взгляд режиссера, который гордился талантом буквально из ничего сотворенного им великого актера.

13.

Апрель 1945 года. Германия. Ставка рейхсмаршала Германа Геринга в Баварских Альпах, в районе Берхтесгадена.

Выслушав генерала, Геринг еще несколько мгновений стоял молчаливо, почти всем туловищем наваливаясь на стол, а затем медленно и не сводя глаз со своего представителя в рейхсканцелярии, осел в кресло.

— Вы тоже уверены, что это решение фюрера — окончательное? — И от генерала не скрылось то, как по-охотничьи азартно загорелись глаза бывшего первого аса рейха.

— Возможно, фюрер и изменит свои взгляды на ситуацию, вот только русские своего стремления во что бы то ни стало захватить его живьем — не изменят. В этом можно не сомневаться.

— Я придерживаюсь того же мнения, считая, что фюрер подписал себе приговор, — цинично ухмыльнулся Геринг, не проявляя при этом ни капли сочувствия или сожаления. — Так что теперь дни его сочтены. Но это его воля, и никто из нас не вправе...

— А вот что касается переговоров с англо-американцами, то... — Коллер выдержал паузу, еще выразительнее вытянулся по стойке смирно и, одернув френч, уже более тихим, почти вкрадчивым голосом продолжил: — На предложение Бормана о том, чтобы фюрер лично начал эти переговоры, тот ответил: «Это следует поручить Герингу. Пусть он занимается этим. Геринг — более подходящая для таких переговоров фигура, нежели я. Он гораздо лучше умеет обходиться с противной стороной». Понятно, что, услышав это...

— Стоп! Вот здесь уже торопиться не надо. Повторите-ка мне, Коллер, все то, что вы только что сказали. Слово в слово повторите именно то, что произнес фюрер. Надеюсь, вы понимаете, насколько в этом вопросе важны любые нюансы? И еще раз перечислите имена всех присутствовавших при этом разговоре.

Генерал покорно выполнил просьбу Геринга, стараясь как можно точнее воспроизвести всю сцену разговора и перечислить всех присутствовавших, кого ему только удалось запомнить.

Рейхсмаршал нервно потер руки, вновь задумчиво посмотрел в окно, из которого открывался вид на «альпийскую гробницу» и, молитвенно уставившись на нее, произнес:

— А ведь я предчувствовал, что сегодня что-то должно было произойти, явственно предчувствовал.

— И это действительно произошло, — подтвердил генерал, однако Геринг, словно бы не расслышав его, возмутился:

— Что вы опять умолкли, Коллер?

— Понятно, что, услышав эти слова фюрера, я, как ваш личный представитель в рейхсканцелярии, счел необходимым немедленно вылететь из Берлина, чтобы как можно скорее передать волю фюрера и уведомить о той исторической миссии, которая отныне на вас возложена. У меня все, мой... рейхсмаршал, — еле удержался генерал, чтобы не сказать: «Мой фюрер». — Кстати, я побаивался, как бы Борман и Геббельс... не забыли сообщить вам об этом историческом решении фюрера.

— Почему же вы сразу не сказали мне об этом решении? — наконец начал натужно подниматься со своего кресла Геринг, по-привычке одергивая пиджак, словно это был армейский френч, и силясь вытянуться по стойке. — Почему вы тянули, Коллер? Ведь то, что вы услышали от фюрера, совершенно меняет ситуацию, меняет расстановку сил в рейхе. А главное, теперь дорога́ каждая минута.

— Именно поэтому я здесь, господин рейхсмаршал. При этом я помню об указе фюрера, которым вы объявлены были преемником в случае его смерти и полномочным представителем, наместником фюрера «в случае непредвиденных обстоятельств»[17].

— Это хорошо, что вы помните об этом, генерал Коллер, это хорошо. Потому что многие то ли успели позабыть об этом, то ли принципиально стараются об этом не вспоминать. Словно бы такого указа никогда не было или же фюрер когда-либо отменял его. И это тоже оскорбительно, генерал. Это оскорбительно!

---

[17] Речь идет об указе Гитлера от 29 июня 1941 года, которым Геринг был объявлен официальным правопреемником фюрера в случае его смерти и наместником — в случае непредвиденных обстоятельств. Впрочем, устно Геринг был объявлен правопреемником фюрера еще 31 августа 1939 года, а за день до этого назначен председателем Имперского совета по обороне.

— Но им следует напоминать об этом, господин рейхсмаршал, решительно напоминать! — с истинно армейской твердостью произнес генерал.

— Кстати, те, кто присутствовал при этом заявлении фюрера... Как они отнеслись к распоряжению главы нашего государства? — умышленно употребил Геринг термин «распоряжение». — Прежде всего я имею в виду Бормана и Геббельса.

— Это повергло их в смятение. Не преувеличиваю: в полное смятение.

— Привело, говорите?..

— Именно так, господин рейхсмаршал, в смятение. Просто я не знаю, как еще можно определить это состояние. Возразить фюреру они, конечно, не посмели, однако заметно было, что такое распоряжение оказалось для них полной неожиданностью. Они знали о некоторых, скажем так, сложностях, возникших в ваших отношениях с фюрером...

— Это понятно, Коллер, это понятно! — вновь занервничал Геринг. Всякое напоминание о размолвке с фюрером все еще было неприятно ему.

— ...Поэтому рассчитывали, что фюрер поручит заниматься переговорами кому-то из них, скорее всего Борма́ну. Так что приказ, именно приказ фюрера о начале ваших переговоров с представителями враждебной стороны остается в силе.

— Именно так, генерал: он остается в силе, — постучал костяшками согнутых пальцев по столу новоявленный наместник фюрера. — Коллер, подберите из числа моих штабистов еще двух офицеров; вместе с адъютантом Ингеном вы составите штаб наместника фюрера.

— Рад слышать это, господин рейхсмаршал.

— И еще, срочно вызовите из Берхтесгаде́на, из фюрер-ставки «Бергхоф», начальника рейхсканцелярии доктора Ламмерса.

— Этого еще зачем? — не мог скрыть своего давнишнего неприятия Ламмерса генерал Коллер.

— Понадобится юридическое толкование указа фюрера, которое он должен дать в присутствии вас и нескольких офицеров моего личного штаба.

— В таком случае, да, — признал Коллер. — В нужный момент всегда можно прикрыться словом юриста, а тем более — началь-

ника канцелярии ставки фюрера. Но предварительно я подготовлю доктора Ламмерса к этой церемонии.

— Кстати, кто из более или менее высоких чиновников находится сейчас в Берхтесгадене? — спросил Геринг в тот момент, когда генерал уже взялся за ручку двери.

Генерал оставил в покое ручку, вернулся на два шага назад и, слегка склонив голову в истинно чиновничьем поклоне, уточнил:

— Исходя из того, что эти люди могут быть привлечены к работе в новом правительстве? — в такие мгновения он уже чувствовал себя во фраке то ли премьера вновь создаваемого правительства Германии, то ли заместителя будущего фюрера по кадрам. Фюрера, которого ему еще только предстояло сейчас сотворить.

— В правительстве? — слегка растерялся рейхсмаршал. — А что, возможно, и в правительстве...

— Извините, господин рейхсмаршал, но это имеет принципиальное значение. Люди захотят знать, кому им следует подчиняться: главнокомандующему люфтваффе или законному наследнику фюрера.

— Считайте, что речь идет о правительстве, — ожесточился Геринг, проскрипев зубами. Дотошность генерала уже начинала раздражать его. Рейхсмаршал понимал, что Коллер хоть сейчас готов провозгласить его в «высоких берхтесгаденских кругах» новым фюрером, а сам Берхтесгаден — новой столицей рейха. Вот только он, Геринг, к подобной авантюре пока еще не был готов. «Коллера бы сейчас в адъютанты ко Скорцени или в его заместители! Они бы сразу же приглянулись друг другу».

— Во-первых, у нас есть уже упомянутый имперский министр и он же начальник рейхсканцелярии доктор Ламмерс, а также рейхслейтер и заведующий личным секретариатом Гитлера Филипп Боухлер. Поскольку речь идет о преемственности власти и обязанностей фюрера, пребывание здесь этих высокопоставленных канцеляристов времен Гитлера очень важно. Можно даже сказать, что они — основа вашего, рейхсмаршал, имперского двора, теперь уже двора Геринга.

Когда прозвучало это «имперского двора», рейхсмаршал вдруг почувствовал, как на спине у него, между лопатками, проступает липкий пот. Вот теперь он действительно ощутил себя

в шкуре заговорщика, который рвется к власти за спиной у патрона. Но самое страшное, что при этом Геринг понял, насколько он все еще не готов к роли ни заговорщика, ни тем более — фюрера.

— Известно, — продолжал тем временем генерал Коллер, — что Гитлер сам отдал приказ о перенесении своей ставки в «Бергхоф», а военной канцелярии — в Берхтесгаден, намереваясь выехать вслед за ними. Но затем почему-то изменил свое решение и 20 апреля объявил по одному из запасных радиопередатчиков — основной, замечу, вышел из строя, — что он «намерен оставаться в Берлине до конца, чего бы ему это ни стоило».

— Именно так оно и было, — нервно потер руку об руку Геринг, ощущая, как предательски они потеют и липнут.

— Так вот, — ехидно осклабился генерал, — уже сегодня он поймет, что, прежде всего, это стоило ему власти.

— Согласен, согласен, это важные детали, — признал Геринг, понимая, что по существу генерал уже подсказывает ему мотивацию, с которой он должен предстать перед англо-американцами, а также перед людьми, коих собирается привлечь к работе в своем правительстве. — Однако вернемся к чиновникам, оказавшимся в Берхтесгадене.

— Прибыл также ваш адъютант-порученец полковник Берндт фон Браухич.

— Да, он уже здесь? Почему до сих пор не доложил о своем прибытии?

— Простим ему этот проступок, рейхсмаршал, списав на его усталость. И потом, знаете ли, не время. В сложившейся ситуации полковник фон Браухич — тоже довольно приметная личность.

— Только потому, что приходится сыном популярному в Германии и известному на Западе фельдмаршалу фон Браухичу, — проворчал Геринг, всегда ревниво воспринимавший сообщение об известности своего адъютанта на Западе.

— Однако мы и это обстоятельство тоже будем учитывать. Словом, как только последует ваш приказ о создании правительства, мы протрубим всеобщий сбор и получим столько людей, сколько нам понадобится.

14.

Конец января 1945 года. Германия. Баварские Альпы. Охотничий замок Вальхкофен на берегу озера Вальхензее.

Прощание с Альбиной Крайдер было недолгим и происходило без особых сантиментов. Взглянув на его озабоченное лицо, Фюрер-Ева сразу же поняла, что Скорцени нужно улетать. поэтому не стала ни сокрушаться, ни выяснять у него, какими он представляет себе их дальнейшие отношения.

Затолкав, без всяких лишних слов, мужчину в постель, женщина раздела его ровно настолько, насколько следовало его раздеть, чтобы испытать радость обладания своим «диверсионным Скорцени». И даже когда сексуальный экстаз развеялся, она, опустившись у кровати на колени, еще какое-то время благоговейно обнимала его тело, словно рабыня — тело своего уставшего от любовных утех повелителя.

Это была искреняя, воистину рабская преданность своему мужчине, своему повелителю. И Скорцени впервые подумал о том, что ведь, в сущности, в Альбине Крайдер умирает почти идеальная жена: чувственная, сексуальная, отзывчивая, преданная.

«Так, может быть, именно такой женщины и не хватает сейчас фюреру? — задался вопросом Скорцени. — Причем именно сейчас, когда он уже не на вершине славы и успеха, когда и начатое им дело, и военные успехи, здоровье, сама жизнь — все летит под откос.

А что, если взять и предложить Гитлеру Альбину Крайдер? Не как лже-Еву, а просто как женщину, достаточно подготовленную для того, чтобы полноценно заменить Еву Браун, к которой он уже давно и явно охладел. Впрочем, тебе и самому не помешало бы привести в свой дом такую женщину. Вот только где он теперь, твой дом, и время ли задумываться над этим?»

— Вы еще не остыли ко мне, мой диверсионный Скорцени? — ворвалась в его размышления Альбина Крайдер.

— Хотелось бы остыть, но пока что не получается, — решил подразнить ее Отто.

— И даже не пытайтесь. Вообще, в чувственных делах лучше не провоцировать ни себя, ни друг друга. Тут все само собой скажется.

Скорцени не ответил, и в комнате воцарилось странное, какое-то неестественное молчание. Альбина вновь попыталась возбудить Скорцени ласками, однако мужчина воспротивился этому, причем воспротивился не потому, что обессилел физически, а потому, что психологически не готов был к продолжению какой-либо любовной игры.

Уловив его настроение, Альбина покорно отказалась от дальнейших попыток разжечь любовный костер и, убрав голову с его живота, улеглась рядышком. Какое-то время они оба так и лежали, свесив ноги на пол и глядя в украшенный огромной хрустальной люстрой потолок. Это были минуты вселенской умиротворенности и сладостной усталости.

Тем временем сквозь морозные узоры на окнах в комнату пробились несмелые лучи красноватого зимнего солнца, которое словно бы стремилось — как только что к этому стремилась женщина — воспламенить в мужчине веру в свое полузабытое тепло, в свою нерастраченную нежность. И появление его обрадовало Скорцени, поскольку начальник аэродрома очень опасался, что самолет не сможет вылететь из-за непогоды.

— А ведь если бы это солнце не появилось, пилот мог бы отказаться взлетать, разве не так? — мечтательно молвила Крайдер.

— В таком случае мне пришлось бы уезжать на машине до Штайнгадена, а оттуда добираться железной дорогой или проклинать войну и разбомбленные дороги, пересаживаясь с машины на машину. Так что природа на моей стороне.

— Она, как всегда, на стороне сильных, мой диверсионный Скорцени.

— Послушайте, Крайдер, а может быть, действительно, уже сейчас предложить вас фюреру?

— Предварительно изгнав из его супружеского ложа Еву Браун? Или же изгнанием должна была бы заняться я? — на удивление спокойно уточнила Альбина, хотя Скорцени прекрасно понимал, что любая другая женщина восприняла бы это его предложение — да к тому же сделанного в таких интимных обстоятельствах — с чувством оскорбленной гордыни.

— *Это уже несущественно.*

— Именно это как раз и существенно, мой диверсионный Скорцени, — постепенно становился тверже и жестче ее голос. — По-настоящему женщина может войти в сердце мужчины только тогда, когда заставит его изгнать свою предшественницу не только из постели, но и из сердца. Так что, прежде чем затевать подобную авантюру, хорошенько подумайте, готовы ли вы к ней, а также готовы ли я и фюрер.

— Не заставляйте меня вникать в ваши с фюрером любовные таинства, Крайдер.

— Нет уж, извините. Уводить от фюрера его Еву — это вам, мой диверсионный Скорцени, не Муссолини уводить из-под носа у пьяных итальянских карабинеров!

— Лихо вы меня... — признал Скорцени. — Но, кажется, справедливо, — едва слышно добавил он и вдруг, по-детски посапывая, уснул. Альбине и самой хотелось уснуть, но она почему-то не решилась сделать это и продолжала лежать *с открытыми глазами*, превозмогая сонливость, как часовой, которого утром забыли сменить на посту.

* * *

Пока длилось это трогательное прощание, гауптштурмфюрер Родль, вместе с капитаном-связистом, долго и упорно налаживал связь с замком Фриденталь. Он обязан был передать только что прилетевшему из Аргентины барону фон Штуберу, оставшемуся на специальных курсах особого назначения вместо Скорцени, приказ трубить сбор всех истребительных батальонов, точнее *их остатков, и быть готовым к выдвижению* в район Шведта-на-Одере.

«Сидеть бы Штуберу на своей базе "Латинос", комендантом которой его назначили, — сочувствовал при этом Родль давнишнему другу Скорцени, — и отказываться от прилета сюда под любым предлогом. Ведь под Шведтом все может случиться». Как ни странно, это свое суеверное «все может случиться» он почему-то относил только к Штуберу. Скорцени шведтские риски и опасности как бы и не касались — настолько он уверовал в бессмертие своего патрона.

Связаться, в конце концов, все же удалось, однако после разговора со оберштурмбаннфюрером Штубером у Родля сложилось твердое убеждение, что идти на Шведт будет не с кем. Услышав приказ Гиммлера, барон лишь по-великосветски снисходительно рассмеялся.

— Во Фридентале пока что есть только батальон «Центр», — объяснил он адъютанту Скорцени. — По численности чуть больше штатной роты. Да и то основательно деморализованной.

— Тем не менее, — посоветовал Родль, — поднимайте его боевой дух и попутно выясняйте судьбу остальных батальонов; часа три в запасе у вас еще есть.

— Но ведь Скорцени прекрасно известно, что наших парней благоразумнее было бы использовать здесь, на территории Берлинского оборонительного района.

— В роли вешателей дезертиров, — саркастически поддержал его адъютант. — Мне, барон, известна гениальная антипартизанская тактика, выработанная вами еще на Украине, когда вы окопались в Подольской крепости: «Не надо искать русских, они нас сами найдут!»

Они оба знали, что скрывается за этой фронтовой шуткой. Во время пребывания специального отряда «Рыцари Черного леса» в старинной крепости где-то на Днестре, Штубера обвинили в бездеятельности и странных, подозрительных связях с командиром местного партизанского отряда лейтенантом Беркутом[18], так что дело чуть было не дошло до военного трибунала.

— Тактика действительно была гениальной, — спокойно парировал барон.

— В штабе партизан в этом не сомневались, — позволил себе подшучивать над ним Родль на правах адъютанта Скорцени. — Чего не скажешь о штабистах из группы войск «Центр».

— И заключалась она в том, что мы не устраивали карательные экспедиции по истреблению партизанских отрядов, мы эти партизанские отряды сами... создавали из преданных нам людей. Так что должен вам доложить, Родль, — не терял барон присутствия духа, — что действовал этот метод в тылу у русских безотказно.

---

[18] Подробнее об этих событиях — в романах из эпопеи «Война империй»: «Река убиенных», « Живым приказано сражаться», «Жребий вечности» и других. — *Автор*.

— Понятно, теперь вы пытаетесь использовать свой русский опыт в «тылу у фрицев», — не отказал себе Родль в удовольствии съязвить еще раз.

В замок, отказавшись от штабной машины, Родль возвращался пешком. Это был километр горной дороги, по одну сторону от которой пролегал хвойный лес, а по другую — невысокая горная гряда со скалами, пещерами и крутыми распадками, в глубинах которых дремали под покровом льда и снега какие-то безымянные речушки.

«А ведь партизанские отряды германцев здесь, очевидно, так и не появятся, — подумалось Родлю, когда он осматривал огромный пологий склон, уводивший своими сосновыми кронами к горе Цугшпитце, восставшей на пограничье между отрогами Баварских и Лехтальских Альп, между Баварией и австрийским Тиролем. — И не только потому, что никто не заботится о создании их баз и подпольных лесных групп партизан — основателей отрядов, а потому, что многие германцы, а тем более австрийцы, воспримут появление здесь англо-американцев или даже русских как избавление от Гитлера и гитлеризма.

Не тот дух сейчас у германского народа, чтобы он способен был годами сражаться в тылу врага, как это происходило на Украине, в России, в Белоруссии, даже в Польше. Не тот дух, не та психология, не тот патриотический настрой. А ведь Скорцени и тот же Вилли Штубер вполне способны создать здесь отряды альпийских стрелков-партизан. Так, может, предложить обер-диверсанту не идти на Шведт, а готовить базовые партизанские лагеря в горах?» — грустно улыбнулся своим мыслям адъютант «самого страшного человека рейха».

* * *

— Я вынуждена буду остаться здесь? — спросила Альбина Крайдер, когда, как и утром, за дверью неожиданно послышался голос адъютанта Родля, сообщавшего о том, что самолет основательно подремонтирован и готов к вылету.

— Здесь вам будет неплохо, Фюрер-Ева, — заверил ее Скорцени уже из ванной, где он приходил в себя и облачался в форму. — Вашим опекуном становится унтерштурмфюрер Кройт, начальник местного гестапо.

— Этот юный, хотя и не очень симпатичный, гренадер с прыщеватым лицом и гусиной шеей?

— Не знаю, насколько он кажется привлекательным для женщин, но, когда мы прогуливались в окрестностях замка, он смотрел на вас влюбленными глазами.

— В том-то и дело, что влюбленными глазами он смотрел на вас, мой диверсионный Скорцени.

— Издеваетесь...

— При чем здесь издевательство? Лейтенант узнал вас, вы — его армейско-диверсионный кумир; он несколько раз просмотрел фильм о том, как вы освобождали из-под ареста великого дуче.

— То есть надобности поближе знакомить вас с Кройтом уже нет, — подытожил Скорцени. — Остается лишь уточнить, что именно этому лейтенанту войск СС поручено отвечать передо мной за вашу личную безопасность. За безопасность моего личного секретного агента.

— Я так понимаю, что отныне этот гренадер-гестаповец будет моим личным телохранителем, — произнесла она это слово, четко акцентируя внимание на двух его составных: «тело» и «хранитель».

— И мне остается лишь позавидовать, ибо в данном случае ему действительно есть что хранить.

— Еще бы: тело самой Евы Браун!

— Стоп! — возмутился Скорцени. — Больше это имя всуе не произносить! Особенно во время разговоров и постельных утех с Кройтом. При этом предупреждаю, что ни о каких играх со лже-Евой этот гестаповец все еще не догадывается.

— Хорошо, что вы сообщили об этом. В любом случае общение с этим гренадером я сведу к минимуму.

— Почему же? Главное, не позволяйте ему устраивать вам допросы. Занимайте его ум любыми иными увлечениями, у вас это прекрасно получается. И учтите, что ваши личные отношения с унтерштурмфюрером меня не интересуют, к ревнивцам я не принадлежу.

— Это-то меня и огорчает, — проворковала про себя Крайдер. — «Во время разговоров и постельных утех»! Нет, чтобы смертоносным ядом источать неуемную ревность к каждому мужчине, который посмеет приблизиться к такой, а главное, твоей — вот именно, ТАКОЙ и ТВОЕЙ — женщине!

— Но вести себя с ним вам все же следует высокомерно. Это вы — старше по чину, по крайней мере до тех пор, пока его официально не повысят до оберштурмфюрера, и положению; вы — владелица этих апартаментов, вы — личный секретный агент Скорцени, не говоря уже о том, что и по возрасту... Впрочем, это уже не столь важно, — вовремя остановился он.

Провожать его до ворот замка Альбина не стала. Но когда Скорцени оставлял скромно уставленную комнату их любви о двух каминах, вновь уперлась теменем ему в грудь и какое-то время стояла в этой, уже ставшей ритуальной в их отношениях, позе.

— С этой минуты, унтерштурмфюрер Кройт, эта женщина пребывает под вашим покровительством, — молвил Скорцени, когда начальник гестапо провел его за ворота замка. Он все еще пребывал под впечатлением от разговора оберштурмбаннфюрера со Шлипером и мучительно соображал, как бы поэффектнее отблагодарить своего защитника.

— Я предприму все усилия.

— Об этом я и хотел сказать: усилия вам понадобятся немалые, — ухмыльнулся Скорцени, даже не пытаясь скрывать двусмысленности своей фразы. — Но на всякий случай запомните: я сказал не «в ваших руках», а «под вашим покровительством». Если в следующий раз я увижу развешанные по обе стороны от ворот замка головы ее обидчиков, вам эта жестокость простится.

— Я признателен вам, господин Скорцени.

— Еще бы: я оставляю вам лучшую из своих женщин!

— Я не о женщинах — о гауптштурмфюрере Шлипере.

— В вашем возрасте я не позволял себе осквернять женщин упоминанием подобных имен, Кройт. Но замечу, что вы мне еще рано или поздно понадобитесь. Возможно, даже в ипостаси моего особого агента.

Отделение разведчиков полка альпийских стрелков во главе с обер-ефрейтором Гроссером уже было построено у трапа самолета. Скорцени медленно прошелся мимо строя этой десятки, придирчиво присматриваясь к фигуре, обмундированию и вооружению каждого из этих людей. Особого впечатления они не производили, почти все как один — приземистые, худощавые, украшенные заостренными скулами и мясистыми тирольскими носами. Но все

же теперь он прибывал во Фриденталь, имея под своим командованием хоть какую-то горсть более или менее подготовленных людей, которые должны были стать костяком формирующегося полка. То есть это была сугубо психологическая поддержка.

— На Восточном фронте кто-то из вас побывать уже успел?

Таковых оказалось всего двое. Скорцени задержался возле них дольше, чем возле остальных, что было своеобразной данью их опыту.

— Как только прибудем в замок Фриденталь[19], — обратился Отто к своему адъютанту, — карабины заменить автоматами и каждому выдать по ножу, пистолету и по три гранаты. В замке провести занятие, определив степень подготовки этих альпийских стрелков.

— Мы подготовим их самым надлежащим образом, — угрожающе заверил Родль, скептически осматривая каждого из бойцов.

— С этой минуты, — объявил Скорцени, останавливаясь напротив обер-ефрейтора, — подчиняетесь только мне, выполняете только мои приказы, даже если они переданы через моего адъютанта гауптштурмфюрера Родля. Отныне вы — моя отборная королевская гвардия.

Как и обещал начальник запасного аэродрома, в районе Ингольштадта их встретили два истребителя прикрытия. Это оказалось дальновидным решением, поскольку на подлете к Галле на них неожиданно наткнулось звено русских бомбардировщиков. Русские пилоты поначалу решили, что на их пути попался одиночный самолет, однако пилот транспортника заметил их первым и связался с командиром истребителей, которые из-за быстроходности своей оказались далеко впереди.

Отстав от своей тройки, один из советских пилотов решил, что с транспортным самолетом он справится в одиночку, и слишком поздно заметил, как из туманной серости поднебесья наперехват ему вышли два «мессершмита».

Скорцени видел, как загорелся нападавший самолет и как германские пилоты встревали в схватку с двумя оставшими-

---

[19] В замке Фриденталь под Берлином располагались руководимые Скорцени диверсионные специальные курсы особого назначения «Ораниенбург», которые в Берлине порой называли просто — «Фриденталь-ские курсы».

ся русскими коллегами, однако исход этого сражения его уже не интересовал. На подлете к Бранденбургу они оказались под прикрытием звена германских истребителей, сопровождавших их до посадки на берлинском аэродроме. А еще через час он со своими альпийскими стрелками уже подъезжал к воротам Фриденталя.

15.

Февраль 1945 года. Германия. Городок Ораниенбург неподалеку от Берлина. Замок Фриденталь. Специальные курсы особого назначения «Ораниенбург».

«Фридентальские курсы» располагались не только в самом укрепленном замке Фриденталь, но и на довольно большой, охваченной высокой каменной оградой, территории. Вбирая в себя старинный парк, небольшой пруд с прилегающими к нему кустарниками и оврагами, а также несколько древних и совершенно новых построек, используемых под казармы и учебные корпуса, — эта база позволяла инструкторам обучать курсантов всем премудростям ведения боя в разных местностях и условиях, не выводя их за пределы диверсионной Мекки. Что, с точки зрения конспирации, было очень важным.

Войдя в свой кабинет начальника курсов, Скорцени тотчас же вызвал оберштурмбаннфюрера фон Штубера, желая услышать от него доклад о состоянии истребительных батальонов, на которые вдруг начал возлагать такие странные надежды рейхсфюрер Гиммлер.

Штуберу было лет тридцать. Впечатление от худощавого аристократического лица его — римского типа, с широким раздвоенным подбородком — немного искажал приплюснутый «боксерский», очевидно уже претерпевший пластическую операцию нос. А густые, черные, слегка волнистые волосы и смугловатый цвет кожи указывали на то, что в нем играла некая южная кровь далеко не арийского, не нордического происхождения. Во Франции он вполне сошел бы за корсиканца, в Италии — за уроженца Сарди-

нии, а в Австрии — за потомка какого-то загулявшего германского офицера и венгерки.

«Кажется, в нас обоих бурлит кровь испанских мавров, господин Скорцени, — по-дружески намекнул ему барон во время их первой, теперь уже давнишней, встречи, когда Скорцени пытался выяснить его родословную. — Одно доподлинно известно: что в свое время мой предок по материнской линии служил в испанской армии, а по отцовской — в армии Наполеона, командиром батареи осадной артиллерии».

— Так с каким воинством, барон, мы отправимся в район Шведта-на-Одере, чтобы раз и навсегда остановить там русских? — мрачновато поинтересовался Скорцени, постукивая по столу тыльной стороной карандаша.

— Мне непонятно, почему рейхсфюрер решил пополнять свою группу армий «Висла» именно нашими батальонами. Тем более что людей в них осталось очень мало.

— Сколько? Конкретнее, Штубер, конкретнее. У меня возникает подозрение, что в Шведте нам придется считать свое воинство не по батальонам и даже не поротно, а каждый шмайсер в отдельности.

— Понял. Подаю более конкретные данные. Батальон «Центр», который находится сейчас под моим командованием, насчитывает всего около двухсот бойцов. Батальон «Норд-Вест» пока что расположен в районе Тешендорфа, — Скорцени сразу же пододвинул к себе карту, чтобы отыскать этот расположенный чуть северо-западнее Ораниенбурга городок. — И по численности тоже не превышает одной роты.

— Где сейчас расквартирован 600-й парашютный батальон[20]? — не отрывая взгляда от карты, поинтересовался Скорцени.

---

[20] Исторический факт. После того как Гиммлер приказал Скорцени создать плацдарм в районе Шведта-на-Одере, в распоряжении обердиверсанта оказались лишь остатки батальонов «Центр», «Норд-Вест» и 600-го парашютного. Уже в Шведте в его распоряжение были переданы 3-й танково-гренадерский батальон, и, наконец, Геринг, опасаясь за свою виллу, передал под его командование даже свой элитный охранный батальон «Герман Геринг». В конечном итоге в распоряжении Скорцени оказалось столько всевозможных частей, что он, будучи подполковником войск СС, по существу пребывал на генеральской должности.

— В районе городка Нейштрелице. Он с боями отходил от польского Старгарда-Щецински, куда был десантирован в тыл русских частей и полка Армии людовой.

— При этом ему прежде всего следовало истреблять коммунистов из людовой.

— Именно так десантники и поступали. Только что батальон пополнился бойцами из аэродромной обслуги и техперсонала, чьи аэродромы остались по ту сторону Одера, и численность его достигает трехсот пятидесяти солдат. Конечно, называть его парашютным можно теперь только условно.

— Условно батальоном, условно парашютным, — проворчал оберштурмбаннфюрер, внимательно всматриваясь в изгиб Одера чуть южнее Шведта. — Какие-то части у нас еще появятся?

— В Шведте сейчас расквартирован только 3-й танково-гренадерский батальон, который тоже лишь два дня назад переправился с правого берега Одера.

— А значит, тоже до основания потрепан...

— Я связывался с его командиром, майором Лимбахом. Во-первых, он считает, что его батальону нужны отдых и пополнение, а во-вторых, абсолютно уверен, что не обязан подчиняться вам, поскольку находится в подчинении командира танковой дивизии генерала...

— Меня не интересует, кому он до сих пор подчинялся! — взревел Скорцени, хлопнув ладонью по столу. — Отныне все части, которые находятся в радиусе пятидесяти километров от Шведта, будут подчиняться мне. И только мне.

— Он все допытывался, на какую должность вы назначены — командира дивизии, корпуса... Насколько я понял, у вас будут полномочия коменданта особого оборонительного района, разве не так? Дело в том, что у человека, просто создающего «плацдарм восточнее Шведта-на-Одере», как того требует Гиммлер, никаких прав и полномочий нет. Тем более что, извините, но рейхсфюрер так и не позаботился о том, чтобы повысить вас в чине хотя бы до полковника. А со стороны Польши к Шведту перешли и еще, возможно, будут переходить с остатками своих полков и дивизий, полковники, генерал-майоры и даже генерал-лейтенанты.

— Комендант особого Шведского оборонительного района — именно так и должна именоваться отныне моя должность, — ухва-

тился за эту подсказку старого фронтовика Скорцени, стараясь не придавать значения всему тому, что было сказано по поводу его чина.

Хотя это действительно поражало многих: вокруг Скорцени появлялась масса людей, которые, занимая не Бог весть какие должности и будучи совершенно безвестными даже в Германии, не говоря уже о Европе, давно умудрились стать бригаденфюрерами и даже группенфюрерами[21]. В то время как Скорцени (самого Скорцени!) только под конец войны фюрер соизволил повысить всего лишь до чина оберштурмбаннфюрера, то есть подполковника СС.

Так вот, Вилли Штубер был из числа тех близких ему людей, которые считали такое отношение к Скорцени несправедливым. Кроме всего прочего, барону еще и неудобно было оттого, что теперь они со Скорцени пребывают в одном чине. И он же, сын армейского генерала, весьма скептически относящегося «к выскочке фюреру», был одним из тех, кто считал, что Гитлер попросту опасается повышать Скорцени в чине, потому что боится его как сильной волевой личности — его славы, его влияния и решительности.

Тем временем раздумья самого коменданта Шведтского плацдарма прервал телефонный звонок.

— Скорцени слушает, — громыхнул он в трубку.

— Здесь майор Инген, адъютант рейхсмаршала Геринга. Будьте на связи, с вами будет говорить рейхсмаршал.

— Он уже в Берлине?

— Все еще в «Каринхалле», мы пытаемся вывезти из вилы все самое ценное. Здесь рядом Шведт! Здесь Одер! Русские уже неподалеку, они вот-вот прорвутся к правому берегу реки! Это фронт, Скорцени! — прокричал бывший командир эскадрильи дальних бомбардировщиков таким тоном, словно пытался поразить воображение оберштурмбаннфюрера чем-то совершенно невероятным. — Их самолеты носятся над нами с такой наглостью, словно у нас уже не осталось ни одного зенитного орудия.

---

[21] Чины бригаденфюрера СС и группенфюрера СС соответствовали общеармейским чинам генерал-майора и генерал-лейтенанта.

— И ни одного германского истребителя, — добавил обер-диверсант, деликатно напоминая Ингену, чьим адъютантом он является.

Реакция его была совершенно неожиданной:

— Я всегда утверждал, что каждое ваше слово, Скорцени, — как точный удар бомбардировщика.

Вспомнив эту давнишнюю поговорку бывшего аса, обер-диверсант поневоле улыбнулся.

— Вы, Скорцени? — тотчас же послышался в трубке фальцетный, с налетом одышки, голос Геринга.

— Так точно, господин рейхсмаршал.

— Я только что беседовал с Гиммлером, теперь уже как с командующим группой армий «Висла». Пытался выяснить, сумеют ли его войска продержаться хотя бы на Одере, поскольку на Висле уже давно русские. Он сообщил, что вам приказано собрать в один кулак истребительные батальоны и создать плацдарм в районе Шведта. Я не знаю, что он имел в виду, поскольку, как мне только что доложили из штаба, в районе Шведта в некоторых местах русские уже вышли на правый берег Одера.

Он сделал паузу, и Скорцени решил воспользоваться ею, чтобы внести некоторую ясность, а заодно заручиться поддержкой авиации.

— Мне тоже не совсем ясен приказ. Особенно если учесть, что общая численность солдат всех трех батальонов, которыми я могу распоряжаться, едва достигает штатной численности одного батальона. Вы слышите меня, рейхсмаршал, я намерен связаться с Гиммлером, как только прибуду в Шведт. Но в любом случае оборонять Шведт я буду и прошу поддержать меня авиацией.

— Попытайтесь задержать их, Скорцени. Мобилизуйте все мыслимые ресурсы. Если нам удастся продержаться до весны, западные союзники русских пойдут на перемирие с нами. Есть все основания предполагать, что пойдут.

Скорцени был уверен, что этого не произойдет, потому что у англичан и американцев сейчас одна цель: окончательно покончить с Гитлером и гитлеровской Германией. Прежде всего покончить, любой ценой. Все остальное — потом. Однако он прекрасно понимал, что телефон прослушивается и что фюрер жесточайшим образом реагирует на любые попытки кого-либо из его высо-

ких военных чинов наладить контакт с англо-американцами или русскими для ведения переговоров. Хотя и понимал при этом, что с ним, Гитлером, никто из воюющих сторон вести переговоры уже не намерен.

— На моем участке русские прорваться не смогут, господин рейхсмаршал, — твердо заверил Скорцени, отдавая себе отчет в том, что телефонный разговор с главкомом авиацией — не повод для бесплодных философско-дипломатических дискуссий. — Мы будем сдерживать их любой ценой и до последней возможности.

— Именно так я и сказал Гиммлеру: «Единственный человек, который способен задержать русских в районе Шведта, — это Скорцени. Только он, со своими истребительными батальонами, способен остановить волну панического отступления наших войск, навести порядок в ближайших тылах и организовать надлежащую оборону на этом участке фронта».

И тут вдруг Скорцени понял, что идея бросить его, начальника отдела диверсий VI управления Главного управления имперской безопасности, в этот фронтовой котел, родилась у Гиммлера именно после телефонного совета Геринга. Уяснив это, Скорцени про себя зло выругался, однако вслух высказываться не стал. В конце концов, он ведь получил приказ не Геринга, а своего начальника, в чьем подчинении находится и руководитель РСХА Кальтенбруннер. Но и Геринг словно бы почувствовал свою вину, поскольку то, что он произнес в следующую минуту, буквально поразило обер-диверсанта:

— Я не только окажу вам поддержку авиацией, Скорцени, — как-то по-особому доверительно молвил он, — но и помогу пехотой.

— Набранной из аэродромной обслуги?

— Оберштурмбаннфюрер, — голос его вдруг зазвучал как-то по-особому торжественно, словно он произносил речь перед собранием руководящих членов партии в мюнхенском Коричневом доме, — с завтрашнего дня я передаю в ваше полное подчинение свой охранный батальон «Герман Геринг». Батальон полностью укомплектован людьми и прекрасно вооружен. Вы поняли меня, Скорцени? С завтрашнего дня!

— Не обещаю, рейхсмаршал, что сумею вернуть его вам в таком же составе, — мстительно ухмыльнулся Скорцени. — Однако завтра, к двенадцати ноль-ноль, я жду прибытия батальона «Герман Геринг» в Шведт-на-Одере.

Геринг хотел добавить еще что-то, однако, услышав приказной бас оберштурмбаннфюрера, мгновенно вступившего в командование его, Геринга, личным батальоном, от неожиданности поперхнулся. Он, конечно же, ожидал проявления благодарности и был поражен тем, что обер-диверсант рейха воспринял его жертвенность как нечто само собой разумеющееся.

— Где будет располагаться ваш штаб, Скорцени?

— Штаб? А действительно, где будет располагаться мой шта́б? — обратился Скорцени уже к Штуберу.

— Извините, забыл сообщить. В наше распоряжение будет предоставлен старинный замок Шведтбург. Командир батальона «Норд-Вест» со своими храбрецами уже готовит его к нашему прибытию.

— Если вы пожелаете навестить нас, господин рейхсмаршал, то найдете в замке Шведтбург, — объявил Скорцени тем же торжественным то́ном, каким Геринг только что дарил ему свой охранный батальон.

— Бывал в этом замке, — ответил рейхсмаршал. — Отличное место для штаба, в нем успешно можно обороняться даже в случае прорыва русских или высадки ими десанта. А спросил потому, что готов отдать в ваше распоряжение свою виллу «Каринхалле», в которой имел удовольствие принимать вас.

— Это была незабываемая встреча, — даже не пытался скрывать иронии Скорцени, поскольку оба они прекрасно помнили, что визит этот чуть не завершился скандалом. — Когда меня вытеснят из Шведтбурга, я воспользуюсь вашим предложением, господин рейхсмаршал.

Скорцени прибыл тогда в «Каринхалле» по поручению Гиммлера, который требовал передачи в его ведение так называемого института Геринга, штат которого занимался составлением досье не столько на врагов, сколько на высокопоставленных чиновников рейха. Среди прочих спецов, в нем числились сотрудники, занимавшиеся прослушиванием телефонных разговоров со ставкой фюрера «Вольфшанце». Почему фюрер простил это Герингу, до сих пор остается загадкой.

Положив трубку, Скорцени с минуту сидел, внимательно всматриваясь в заиндевевшее окно. Это были минуты, которые сам он обычно называл минутами священного бездумья.

— Помнится, в середине января мы с вами, барон, направили батальон «Ост» в Польшу.

— Это происходило без меня, но кое-какими сведениями я уже обладаю.

— Какими же?

— Командир батальона барон фон Фолькерсам получил ваш приказ усилить оборону польского городка Иноврощлав, юго-западнее Быдгоща.

— Да, такой приказ был, — резко отреагировал Скорцени, понимая, что посылал он этот элитный истребительный батальон практически на его собственное... истребление. — И теперь я хочу знать, выполнен ли он.

— Выполнен. Хотя город русскими, естественно, взят.

— А вы что, ожидали, что солдаты «Оста», подобно тремстам спартанцам, остановят всю русскую армию под Иноврощлавом, как под Фермопилами? Вы этого от них требовали, барон?

— Нет, подобными желаниями я не преисполнялся.

— Тогда какого дьявола переступаете с ноги на ногу? Почему вы не включили хотя бы остатки этого батальона в состав войск нашего оборонительного района? Я вас спрашиваю, Штубер!.. — произнес Скорцени, однако, встретившись с поминально-растерянным взглядом своего заместителя, осекся на полуслове.

— Простите, оберштурмбаннфюрер, — растерянно оглянулся Штубер на вошедшего гауптштурмфюрера Родля. — Мне казалось, что вы в курсе...

— Хотите сказать, что полег весь батальон?! Я спрашиваю: весь? Все до единого?!

— Вырвались из окружения и вернулись сюда, в замок Фриденталь, только пять бойцов батальона. Два офицера и трое рядовых.

— И среди них — Фолькерсам?

— Сам командир «Оста» барон Фолькерсам тоже погиб во время прорыва[22].

Пораженный его сообщением, Скорцени с минуту молчал, а затем вдруг грохнул кулаком по столу, как бы изгоняя этим уда-

[22] Из записи в дневнике Отто Скорцени известно, что «...из всего батальона («Ост». — *Автор.*) во Фриденталь вернулись лишь два офицера и трое рядовых, да и те были уже не люди, а жалкие развалины».

ром из себя жалость и сострадание, а заодно приводя в чувство своих коллег, и прорычал:

— ...И никаких псалмопений по этому поводу, господа офицеры! Никаких псалмопений!

16.

Начало февраля 1945 года. Германия.
Восточный фронт. Замок Шведтбург
в районе города Шведт-на-Одере.

Замок был небольшим и полуразрушенным и на заснеженной вершине холма, облепленного крестьянскими домами и всевозможными местечковыми строениями, казался то ли обезглавленным, поруганным собором, то ли давно заброшенным монастырем. Однако в левом крыле было достаточно комнат, чтобы даже в таком полуразрушенном виде превратить его в штаб обороны Шведтского укрепрайона.

Собственно, района как такового не существовало. Скорцени еще только приходилось создавать его сейчас, из своих полуукомплектованных истребительных батальонов, из не имеющего опыта боевых действий охранного батальона «Герман Геринг», а также из расквартированного в Шведте 3-го танково-гренадерского батальона и остатков тех частей, которые отводились с правого берега Одера, где русские уже вспахивали последние линии германских оборонительных рубежей.

— Я требую объявить мой приказ всем жителям Шведта, — громыхал своим басом Скорцени, выстроив перед собой бургомистра этого города, являвшегося одновременно и командиром его фольксштурма, — Шрадера-Роттмерса, партийного уполномоченного, начальника полиции и еще каких-то городских чиновников. — Объявить и жесточайше потребовать его выполнения. Приказ этот будет звучать так, — взял со стола написанный им самим от руки текст. — «Вражеским войскам удалось подойти к правому берегу Одера в районе Шведта, а также прорваться на левый берег его севернее города. В связи с этим все население Шведта, не занятое в обороне города, подлежит принудительной эвакуации. Всех мужчин, способных

держать в руках оружие, мобилизовать в подразделения фольксштурма».

— Господин комендант укрепрайона, — появился Штубер, назначенный Скорцени своим начальником штаба, — только что сообщили, что в отдельных местностях русские зацепились за правый берег южнее Шведта, в районе города Марынь. Наши войска контратакуют, но...

— Никаких «но»! — осадил его Скорцени. — Достаточно того, что наши войска контратакуют. Вот почему, — вновь обратился к бургомистру и его чиновникам, — дальше мой приказ звучит так: «Остальных жителей города и окрестных деревень мужского пола мобилизовать для работ по созданию оборонительных рубежей на левом берегу Одера и непосредственно в черте города. Никто не имеет права покинуть район Шведтского плацдарма без письменного разрешения. Постам СС и полевой жандармерии обеспечить проверку документов на улицах города и на вокзале.

Лед на Одере в районе Шведта взорвать, все низменности в окрестностях города, которые защищались дамбами, затопить. Все мосты через Одер, в том числе и мосты на плотинах, заминировать и подготовить к взрыву по моему приказу. О любом невыполнении приказаний немедленно доносить. Дезертиров и паникеров расстреливать на месте. Исходя из приказа рейхсфюрера СС Гиммлера, объявляю, что семьи всех тех, кто сдастся в плен, не будучи раненым, подлежат уничтожению, ибо этого требуют долг перед народом и традиции германцев».

— Мы немедленно доведем этот приказ до сведения жителей, — дрожащей рукой принял его текст мэр города, седовласый толстяк с отвисшими небритыми щеками, похожими на неухоженные бакенбарды престарелого гренадера.

— И еще. Как мне доложили, в эти часы через город проходят бесконечные колонны беженцев с правобережья. Всех гражданских мужчин, всех военнослужащих тыловых частей, всех, кто способен держать в руках автомат, задерживать и ставить в строй. Всех, кто забыл о своем долге перед рейхом, расстреливать. Или вешать. На ваше усмотрение, господа. Из подростков, не подлежащих призыву в армию, формировать отряды юных истребителей танков и подразделения гитлерюгенда.

Две недели спустя, после того как были выполнены все приказы обер-диверсанта рейха, Шведт и его ближайшие окрестности действительно были превращены в мощный плацдарм, в зону которого вошли Ангермюнде, Цеденник и ряд других близлежащих городков. Лед на Одере был взорван, мосты через него разрушены, а на берегах затопленных низменностей, по которым не мог пройти ни один русский танк, ни одна машина, появились двойные линии окопов и блиндажей. В опорные пункты были также превращены многие дома и целые кварталы; каждая кирха и каждый замок перевоплощались в крепость; даже стоявшие в речных заливах суда и катера преобразовывались в своеобразные плавучие огневые точки, препятствовавшие переправе русских.

Скорцени прекрасно понимал, что плацдарм сковывает большую массу русских войск и что его падение открывает путь вражеским дивизиям к непосредственной линии обороны Берлина. Но в то же время он прекрасно понимал, что удерживать сколько-нибудь долго этот плацдарм будет невозможно, ибо уже через неделю вся эта немногочисленная, но стойкая группировка окажется в полном окружении.

— Господин оберштурмбаннфюрер, — доложил ему Штубер, когда однажды поздно вечером Скорцени вернулся в Шведтбург после очередного объезда нескольких районов плацдарма, — у рации командующий группой армий «Висла» рейхсфюрер СС Гиммлер.

— Какая еще группа армий «Висла», когда враг уже на левом берегу Одера?! — проворчал Скорцени, направляясь вслед за Штубером в комнату, служившую штабным узлом связи. — Назвали бы уж, для приличия, группой «Одер».

— Кстати, когда Гиммлер, который хорошо помнит меня, спросил, как у вас дела, я ответил, что теперь под вашим командованием находятся войска численностью до двух дивизий, а вам все еще не дали даже полковничьего чина.

— Кто позволял вам задавать такие вопросы, Штубер? — не особенно огорчившись — у него и кроме бестактных вопросов Штубера было чем огорчаться, — спросил Скорцени.

— Не позволили, а вынудили... Все те армейские чины, которые прямо высказывают недоумение тем, что генерал и два десятка полковников вынуждены выполнять приказы подполковника.

— Считайте, что оправдались. И как отреагировал Гиммлер?

— Промолчал, напомнив, после неуместной паузы, чтобы я поскорее отыскал вас.

В сущности, Штубер был прав: Скорцени действительно порой чувствовал себя неловко оттого, что приходилось отчитывать генерала и полковников. Но знал он и то, что ни Гиммлер, ни тем более Гитлер не решатся повышать его в чине. Это было уже понятно всем, кто его знал, кто следил за его подвигами и продвижением по службе. Однако обер-диверсант рейха не желал впадать сейчас в амбиции обойденного в чинах.

— Я знаю, что, невзирая ни на что, вы все еще удерживаете свой Шведтский плацдарм, — донесся до него сквозь легкие помехи взволнованный, глуховатый голос командующего группой армий. — Это вызывает удивление даже у очень опытных фронтовых генералов.

— Как офицер, я всегда руководствуюсь девизом Генриха Саксонского: «Приказ должен быть выполнен!»

— Сколько еще продержится ваша группа?

— До полного окружения, а также физического истощения и истощения боеприпасов. Точнее, не более пяти суток, — твердо ответил оберштурмбаннфюрер. — Так что целесообразнее влить эту группу подразделений в первую линию обороны Берлина. Кроме всего прочего, таким образом мы спасем от истребления остатки наших истребительных батальонов..

— Тем более что фюрер и так убежден, что они уже перебрасываются в Альпы для создания укрепленного района «Альпийская крепость», последнего оборонного рубежа рейха. В тот горный район, в который кое-кто из фельдмаршалов советует фюреру передислоцироваться вместе со своим личным штабом уже сейчас. Вы понимаете меня, Скорцени, уже сейчас. В то время как «Альпийская крепость» еще не создана.

— И каков будет приказ?

— У нас все еще достаточно генералов для того, чтобы принять у вас командование Шведтским плацдармом и заняться отводом его подразделений к линии берлинской обороны. Вы же с остатками своих истребителей отбываете в «Альпийскую крепость», не забывая при этом о подготовке к эвакуации руководства рейха с помощью известного вам морского соединения. Поскольку окон-

чательного решения по поводу линии поведения рейхсканцелярии и личного штаба фюрера еще не принято, нужно предусматривать варианты.

Скорцени понимал, что скрывалось за этой недосказанностью Гиммлера. Ни он, ни кто бы то ни был иной не мог с точностью сказать, как поведет себя фюрер дальше, какое примет решение. Одни предлагали до конца оставаться в Берлине и добиваться сепаратных переговоров с Западом, другие настаивали на немедленном перебазировании рейхсканцелярии и штаба Верховного главнокомандования в «Альпийскую крепость» или на север, в район Фленсбурга, под защиту флота, войск СС и отборных частей морской пехоты Деница.

При этом не исключалось и тайное бегство в Испанию, Аргентину или Юго-Западную Африку, с передачей фюрерских полномочий Герингу, Деницу или Гиммлеру и с подменой Гитлера на им же, Скорцени, взлелеянного двойника.

Предложений возникло несколько, однако решение обязан был и мог принять только сам фюрер. Но он его упорно не принимал, ставя в затруднительное положение всех, кто все еще пытался заботиться о его безопасности и его спасении во имя спасения нацистского движения. Или кто желал скорейшего самоотстранения его во имя успешных переговоров с англо-американцами.

— Когда именно прикажете отбыть в «Альпийскую крепость», рейхсфюрер?

— Завтра к восьми утра за вами прибудет транспортный самолет.

* * *

Лишь спустя несколько дней Скорцени узнал, что, по странному стечению обстоятельств, уже через полчаса после разговора Гиммлера с комендантом Шведтского плацдарма ему позвонили из приемной Гитлера.

— Как хорошо, что вы оказались на месте, Гиммлер, — как всегда, слегка прогнусавил личный адъютант Гитлера обергруппенфюрер СС Юлиус Шауб. — С вами будет говорить фюрер.

— О чем? — поспешил поинтересоваться командующий группой армий «Висла». Иногда такое любопытство срабатывало, и

Шауб успевал сообщить или хотя бы намекнуть, что именно может интересовать хозяина ставки. И был слегка обескуражен, когда ответ услышал голосом самого вождя:

— О Скорцени будем говорить, Генрих, о Скорцени. Почему никто не докладывает, где сейчас находится этот мой личный агент по особым поручениям?

— По моему приказанию он командует группировкой войск на плацдарме в районе Шведта, где уже проявил себя как исключительно храбрый офицер.

— Так это он создал тот самый знаменитый Шведтский плацдарм?! — искренне удивился Гитлер, хотя рейхсфюрер мог поклясться, что в одном из донесений о боях на Одере уже называл имя обер-диверсанта.

— Причем сражался там с исключительной храбростью, — решил воспользоваться слабостью Гитлера и поднять настроение, расхваливая подвиги его любимца. — Там, где оборону держал Скорцени, ни один русский не прошел. Будь в нашем распоряжении хотя бы несколько таких генералов, мы остановили бы коммунистов еще на Висле.

— Или на Волге, — проворчал Гитлер. — Помнится, Шауб, Рыцарским крестом Скорцени мы уже награждали.

— Да, он награжден им, — ответил вместо адъютанта Гиммлер.

— В таком случае передайте Скорцени, что я награждаю его Дубовым венком к Рыцарскому кресту[23].

— С радостью сообщу, мой фюрер.

— Однако он должен быть сейчас не на Шведтском плацдарме, а в Альпах, — сразу же перешел на сухой приказной тон Гитлер. — Ему было поручено готовить последние редуты нашей обороны — «Альпийскую крепость».

— Он занимался этим, хотя у него были и другие поручения, — понял Гиммлер, что слегка запоздал с переброской обер-диверсанта в Альпы. Однако фюрер уже не слушал его.

— Очевидно, вы, Генрих, не понимаете всей важности создания мощного оборонительного района в Альпах, в непосредственной близости от границы с нейтральной Швейцарией,

[23] Скорцени действительно отличился, командуя войсками на одерском плацдарме в районе Шведта. За это он был отмечен особой офицерской наградой — Дубовым венком к Рыцарскому кресту.

которая будет служить естественным прикрытием наших тылов, — постепенно входил он в привычный ораторский раж. — Там, превратив каждый альпийский перевал в неприступную крепость, мы остановим врага, вынудив его вступить с нами в тяжелые бои и в столь же тяжелые переговоры! Оттуда, со склонов Альпийских гор, мы, волна за волной, пойдем в решительное наступление, которое, в конечном итоге, приведет к расколу антигерманской коалиции и заставит большевиков откатиться назад за Одер...

Терпеливо выслушивая его слишком затянувшуюся речь, Гиммлер постепенно отключался от восприятия ее, зато все яснее понимал то, чего фюрер не договаривал. Совершенно ясно было, что Гитлер не случайно вспомнил о Скорцени. Не исключено, что в Альпах, на границе с Италией и Швейцарией, фюрер решил создать свой новый, особо секретный бункер.

Поэтому Скорцени понадобился фюреру и для того, чтобы создать этот секретный объект, а затем охранять его, и для того, чтобы в минуты опасности обер-диверсант мог переправить его на какую-то секретную квартиру в Швейцарии, где осело немало германцев и где Гитлер довольно долгое время мог чувствовать себя в относительной безопасности. И потом, главное ведь было — пересидеть первые полгода оккупации, пока поулягутся страсти.

«Да, но как, в таком случае, быть с приготовлениями к эвакуации фюрера и его ближайшего окружения на секретную базу в Аргентину?» — тотчас же задался вопросом Гиммлер, хотя понимал, что найти ответ на него не способен. Мало того, он вдруг с ужасом вспомнил, что ведь и комендант секретной аргентинской базы «Латинос», рассматривавшейся в качестве первого пункта адаптации фюрера к латиноамериканским условиям, тоже волей случая оказался теперь рядом со Скорцени. А значит, следовало позаботиться, чтобы вместе со Скорцени из Шведта убыл и Вилли Штубер.

— Так, когда вы намерены вернуть Скорцени назад в Альпы? — неожиданно спокойно спросил Гитлер, вырывая рейхсфюрера из мечтательного потока полузабытья.

— Он вылетает туда завтра утром, мой фюрер. — Гиммлер еще хотел добавить: «Вместе с губернатором Германской Патагонии и

комендантом базы "Латинос"», однако благоразумно остановился, прервав себя на полуслове. Кто знает, как мог бы отреагировать вновь размечтавшийся о личном спасении фюрер на сообщение о том, что и комендант «Латиноса» находится сейчас на Одере, вместо того, чтобы создавать неприступную «Патагонскую крепость» где-то в далекой Аргентине.

17.

Начало марта 1945 года. Германия. Замок Викингбург, ставка «фюрера подводных лодок» гросс-адмирала Карла Деница.

В этот раз обер-диверсанта Отто Скорцени гросс-адмирал Дениц встретил лично, причем сделал это еще у ворот замка Викингбург, в котором обосновался вместе со своим штабом секретного соединения субмарин «Конвой фюрера»[24].

— Это хорошо, что вы прибыли, оберштурмбаннфюрер. Нужно обсудить несколько очень важных для всех нас проблем.

— По первому вашему зову, господин гросс-адмирал, — пророкотал своим зычным басом личный агент фюрера по особым поручениям.

И хотя Дениц не мог не уловить в этих словах «самого страшного человека Европы» определенной доли иронии, тем не менее руку ему пожимал со всей возможной вежливостью.

— Тем более хорошо, Скорцени, что вы сумели сделать это раньше всех остальных, кто будет принимать участие в нашем совещании; а значит, у нас появится возможность пообщаться наедине.

— И, как я понял, речь на этой «тайной вечере» пойдет о судьбе субмарин «Фюрер-конвоя»?

---

[24] Подробнее о ставке Деница и особом, секретном соединении субмарин «Конвой фюрера» (или «Фюрер-конвой») — в романе «Антарктида: Четвертый рейх». Напомню также, что еще в 1935 году фюрер удостоил Деница титула «фюрер подводных лодок», а 30 января 1943 года назначил его главнокомандующим военно-морскими силами Германии. — *Автор*.

— «Тайная вечеря», говорите? — почему-то насторожился Дениц. — Иносказательно, однако довольно правдиво. И состоится она действительно под вечер. Но так пожелал наш гость, — он выдержал небольшую паузу и, только встретившись с вопросительным взглядом Скорцени, заметил: — Вы знаете, о ком идет речь — о Посланнике Шамбалы и Консуле Внутреннего Мира, как он себя именует. Так что говорить мы будем уже не столько о судьбе подводного флота, которая, судя по последним событиям на фронтах, теперь уже окончательно решена, сколько о судьбе «Базы-211»[25].

— Все-таки об Антарктиде, — согласно кивнул Скорцени. — Этого следовало ожидать. Именно сейчас судьба Рейх-Атлантиды и будет решаться по-настоящему.

— Как и судьба самого рейха.

— ...Которую теперь уже, похоже, пытаются решать без нас, германцев. Консул в замке?

— Думаю, что он уже в Германии. Но где именно — представления не имею. Он так ни разу и не сообщил, где обитает. Я так понимаю, что он из тех, кто везде и нигде. Но знаю, что, прежде чем прибыть сюда, он побывал на приеме у Правителя Внутреннего Мира. Предполагаю, что подземные норд-арийцы встревожены наплывом в их мир германцев, людей чуждой им цивилизации, чуждых взглядов и чуждой философии жизни. — Он хотел добавить еще что-то, но вдруг запнулся на полуслове и, резко оглянувшись на оберштурмбаннфюрера, спросил: — Только искренне, Скорцени: вы, лично вы, верите во все это?

— Во что именно?

— Ну во все это — во Внутренний Мир, в Повелителя Этлэна Великого, в существование где-то там, под километровыми толщами антарктического льда, неведомой нам цивилизации арийцев с их столицей Акрос?

Худощавый, с усталым, осунувшимся лицом, на котором выразительнее всего просматривались не глаза, а коричневатые мешки под ними, в непомерно длинном черном плаще, Дениц напоминал сейчас стареющего, полуразуверившегося во всем, что сумел по-

---

[25] «База-211» — кодовое название секретной подземной базы рейха в Антарктиде, именуемой мною Рейх-Атлантидой.

знать в стенах своего рыцарского монастыря, философствующего монаха. Разрушала этот образ лишь форменная фуражка с высокой тульей, надетая вместо скромного монашеского капюшона.

Глядя на этого «адмирала-гросс-монаха», Скорцени снисходительно улыбнулся:

— Вы — один из очень немногих людей, господин гросс-адмирал, которым хорошо известно, что перед вами — один из таких же немногих людей, которым удалось не только побывать во Внутреннем Мире, но и вернуться в рейх. Что удается немногим и атлантами не поощряется.

— Но вы были только в той части подземелья, в которой пытаемся обосноваться мы.

— Этого вполне достаточно.

— Правда, я читал отчет командира авианосца «Швабенланд» барона фон Риттера. Но я не очень-то доверяю человеку, который сам себя почти любовно называет Странствующим Бездельником.

— Времена меняются, господин гросс-адмирал. Нам теперь придется поверить во многое из того, во что еще недавно позволяли себе не верить. И потом, не забывайте, что неверие — привилегия победителей, а мы с вами — увы!.. Кстати, фюреру о нашем совещании известно?

— Я информирую фюрера о его результатах. — По тому, как долго Дениц не отвечал и каким уклончивым был его ответ, Скорцени понял: если фюрер и извещен, то вскользь, и организаторы этой встречи не очень-то настаивали на его участии. Однако обердиверсанта, которому сам фюрер поручил отвечать за безопасность операции «База-211», это не очень-то смутило.

— Ситуация ясна, — почти угрожающе изрек он, и одному Богу было известно, что на самом деле скрывается за этой его фразой.

— ...И потом, вы ведь сами назвали его «тайной вечерей».

— Именно это я и имею в виду.

— А в общем, мы с Гиммлером и Борманом пришли к мнению, что совещание наше будет предельно доверительным, конфиденциальным и строго секретным, — проговорил Дениц, внимательно всматриваясь в брусчатые узоры замкового двора, обагренные предзакатными лучами весеннего солнца.

— Борман тоже принимает в нем участие?!

— Вас это удивляет?

— А вас — нет? Хотя само участие в этом совещании такой личности, как Борман, делает его крайне важным и полномочным.

— Таково повеление рейхсфюрера Гиммлера. Он считает, что решения, которые должны быть приняты сегодня, затрагивают высшие интересы нации, а следовательно, и высшие интересы высших руководителей рейха. Как вы понимаете, я не стал оспаривать этот философско-канцелярский термин.

— Дальновидно, — проворчал Скорцени.

— Но прежде чем прибудут остальные участники этого действа, у вас будет возможность соприкоснуться с еще одной тайной Антарктиды, в которую трудно будет поверить даже вам, верящему всему, что рассказывают о ней таинственные консулы таинственных Атлантид.

— Опять интригуете, гросс-адмирал?

— Чего стоят мои мелкие интрижки в сравнении с вашими диверсионными авантюрами, господин обер-диверсант рейха?!

* * *

У входа в здание их уже ждали адъютант Деница капитан-лейтенант Фридрих Наубе и человек, которого Скорцени уж никак не ожидал увидеть здесь, — хранитель архива «Аненэрбе» Ридэ[26]. Одет был этот хранитель вечности все так же небрежно, как и во время их предыдущей встречи, — в какую-то полувоенную одежду, без каких-либо знаков различия. Однако на его внешний вид уже, похоже, никто внимания здесь не обращал. Как и на бесцеремонность его поведения.

Увидев Скорцени, аненэрбист тут же, не церемонясь, взял его под локоть, вошел вместе с ним в вестибюль замка раньше гросс-адмирала и доверительно сообщил:

---

[26] Подробнее об этом литературном герое — в романе «Антарктида: Четвертый рейх». Название института пишется по-разному: «Аненербе», «Анэнэрбе», «Аннербе». В этом романе употребляется то написание названия, которое имеется во всех материалах Нюрнбергского военного трибунала, — «Аненэрбе».

— Там, у меня в сейфе начальника отделения «СД-Нордберг»[27], есть нечто такое, что заставит вас совершенно по-иному взглянуть на историю нашей цивилизации.

— Фауст-патрон, изобретенный неандертальцами?

— Равносильно этому, — ничуть не смутился Ридэ. — Почти равносильно.

А спустя несколько минут они сидели за круглым, работы мастера времен рыцарей короля Артура, богато инкрустированным столом, на котором лежали копии каких-то старинных карт. На той, что покоилась сверху, выпускнику Венского университета и бывшему управляющему одной из венских строительных фирм Отто Скорцени сразу же бросились в глаза странные очертания какого-то огромного острова или континента, немного напоминающего Антарктиду.

— Да-да, это древняя карта Антарктиды, — взволнованно подтвердил хранитель тайн «Аненэрбе», — которая еще в 1513 году была составлена турецким адмиралом и исследователем морских берегов Пири Рейсом. Копию ее посчастливилось сделать одному из наших агентов в Турции, что стоило нам немалых денег. Зато это не какая-то там копия копии. То, что вы держите сейчас в своих руках, — фотокопировано, как утверждают, с карты, начерченной самим адмиралом Рейсом.

— Карта XVI века? Но ведь Антарктида, насколько я помню, была открыта значительно позже. Уж не помню, когда именно, однако...

— Я уточнял: ее открыли более трех столетий спустя после появления этой турецкой карты, а точнее — в 1818 году.

— Но уже один этот факт способен взорвать всю историю нынешней цивилизации!

— Способен, да только не взорвал.

— Почему? Не поверили в подлинность?

— Пытались не поверить, но из этого ничего не вышло. Тогда наша профессура решила игнорировать этот факт: мол, не переписывать же из-за какой-то там, невесть откуда появившейся, карты всю мировую историю! Карту, напоминаю, нашли в конце двадца-

---

[27] «Нордберг» — название секретной подземной (причалы вырублены в толще прибрежной скалы) базы субмарин «Фюрер-конвоя», располагавшейся поблизости от замка Викингбург.

тых годов нынешнего столетия, но сделали вид, будто ничего не произошло. И в этом еще одна загадка нашей цивилизации!

— Еще одна из ее подлостей, — уточнил Скорцени.

— Именно это я и подразумевал. Кстати, адмирал Рейс известен еще и как автор пособия для лоцманов — своеобразного морского атласа «Китаби Бахрие», в котором описаны заливы, порты, острова, течения и всевозможные банки в Эгейском и Средиземном морях. Согласитесь, что автору такого колоссального по тем временам труда, работу над которым Пири Рейс завершил еще в 1528 году, можно доверять.

— Проникаюсь уважением к нашему турецкому адмиралу. Что дальше?

— *В одном из боев* матросы Пири Рейса захватили в плен какого-то опытного моряка, то ли генуэзца, то ли португальца, который, спасаясь от виселицы, попросил свести его с адмиралом. В разговоре тет-а-тет он поведал Пири Рейсу, что ходил лоцманом-рулевым на одном из кораблей Колумба и своими глазами видел карту, которой пользовался этот мореплаватель.

— Услышав это, адмирал-картограф завистливо вздрогнул.

— Еще бы! Рулевой клялся, что очертания берегов Америки, которую Колумб якобы открыл, уже давно были... нанесены на карту, которой он пользовался. Как были нанесены и очертания еще одного неведомого материка, известного нам теперь под названием Антарктида. Просто Колумб держал все это в секрете.

— Адмирал Рейс, конечно же, загорелся идеей заполучить эту карту, а лоцман-рулевой точно так же загорелся идеей сохранить свою жизнь, — *подзадорил* рассказчика Отто Скорцени.

— Фрагмент этой карты был спрятан моряком на его судне, и он предложил вполне полноценный обмен: жизнь на карту.

— На вашем месте я бы не стал осуждать этого португальца, вполне достойный обмен, — постепенно входил в азарт Отто Скорцени. Он всегда представал своеобразным слушателем, которого как слушателя хватало ненадолго, поскольку он тут же превращался в сорассказчика. — Иметь бы у себя в рукаве такую карту в судное время! Так ведь не окажется же, Ридэ, не окажется!

— Не наговаривайте на себя, Скорцени, у вас — окажется.

— А посему вернемся к нашему неспокойному адмиралу.

— О том, что Рейс, основываясь на данных карты этого генуэзца и других старинных чертежах и сведениях, начертил собственную карту мира, было известно давно. Вот только карте этой не повезло, точно так же, как и ее составителю. В 1554-м то ли в 1555 году адмирал чем-то очень провинился перед султаном Османской империи Сулейманом Вторым Кануни и был казнен.

— Даже имея в рукаве такую карту?! — в свойственной ему ироничной манере прокомментировал Скорцени. — Вот как иногда случается, доктор Ридэ! А вы даже не позволяете мне поплакаться на судьбу. Однако не отвлекайтесь, хранитель имен казненных, не отвлекайтесь.

— После казни адмирала — карта его на столетия исчезла из поля зрения мореплавателей и ученых, так что само существование ее некоторыми исследователями ставилось под сомнение дескать, быть такого не могло! Обнаружили ее случайно, уже то ли в 1928, то ли в 1929 году, на полке, в одной из секретных комнат-чуланов султанского дворца, куда публику обычно не впускали.

— Странно: столько лет не знать о существовании карты, находящейся в султанском дворце! Сразу же наталкивает на мысль о фальсификации.

— Согласен, наталкивает. Но в данном случае ее не было. Тем более что обнаружил карту наш германский ученый Дейсман.

— Мы его все еще не казнили? — поспешил уточнить Скорцени.

— По-моему, не успели, он успел уйти из жизни по собственному желанию.

— На всякий случай надо бы уточнить. После казни адмирала — создателя этой карты во все века казни подлежали все люди, которые эту карту или ее копии, — вежливо ухмыльнулся Скорцени, — где-либо обнаруживали. Должна же существовать некая романтическая традиция!

Ридэ натужно покряхтел, пытаясь напомнить о том, что к числу обнаруживателей относится теперь и он сам. Однако Скорцени это его напоминание не смутило.

— Точнее, это был всего лишь фрагмент карты, начерченной на шкуре газели, — продолжил он свой рассказ, с трудом приспосабливаясь к манере общения, навязываемой ему обер-

диверсантом рейха. — Атлантическое побережье Антарктиды там определялось очень легко, поскольку оно располагалось рядом с вполне узнаваемым побережьем Южной Америки и Западной Африки.

— Но в таком случае получается, что у нас в руках старинная карта Новой Швабии?[28] По существу, карта наземного мира Рейх-Атлантиды?

— Причем наши специалисты-картографы утверждают, что территория, именуемая ныне Новой Швабией, обозначена на карте турка-адмирала с поразительной точностью. Словно допотопный картограф старался специально для нас. Взгляните-ка на карту Новой Швабии, составленную нашими картографами по данным аэрофотосъемки. Впрочем, с такой же точностью на нее нанесены Южная Америка, с обозначением Андской горной гряды и реки Амазонки, острова, которые мы называем Фолклендскими и несколько других островов.

— Однако ценность этой карты только в том, что она старинная. У любителей старины это, может быть, и вызвало бы какие-то особые чувства, но мы-то больше думаем о современной Рейх-Атлантиде и мудрим над современными картами.

— Карта адмирала Рейса — всего лишь начало нашего удивительного экскурса в прошлое Антарктиды. Еще большее удивление вызывает карта, составленная неким картографом, кажется испанцем, Оронтеусом Финеусом (или Финиусом) в 1531 году. Больше всего поражает тот факт, что на средневековой карте Финеуса указаны горы, острова, проливы. В частности, картографы сумели вычленить на ней очертания Берега Принца Харальда, полуострова Пальмера, мыса Герлахера на Земле Мэри Бэрд, мыса Норвегия, хребта Регулла, острова Падда в заливе Лютцова-Хольма и многих других объектов.

— Но и это еще не все, — подсказал Ридэ личный агент фюрера, внимательно, сквозь лупу, всматриваясь в очертания какого-то

---

[28] Новой Швабией называли значительную территорию Антарктиды в районе Земли Королевы Мод, которая была исследована и зафотографирована пилотами гидросамолета, базировавшегося на исследовательском судне «Швабенланд» в 1939 году, и на которую Германия претендовала. Подробнее об этом — в моем романе «Антарктида: Четвертый рейх». — *Автор*.

островка неподалеку от Антарктиды, который на обычной карте этого материка, с которой он знакомился перед путешествием в Рейх-Атлантиду, в глаза ему почему-то не бросился.

— Действительно, не все, поскольку справа от вас лежит еще одна карта, на сей раз составленная уже значительно позже, в 1739 году, французским картографом Филиппом Буаше.

— Легкомысленный француз — в роли картографа! — покачал головой Скорцени. — Стоит ли полагаться в таком святом деле, как мореплавание, на карты французов, как считаете, доктор Ридэ?

— Ценю ваш неувядаемый юмор, оберштурмбаннфюрер, — все же не удержался хранитель аненэрбовской вечности. — Признаюсь, по-человечески он мне даже импонирует. Однако прошу взглянуть на эту карту. Из нее следует, что на самом деле Антарктида — не целостный континент. На карте Буаше он разделен проливом на два субконтинента, которые в свое время были соединены ледовым панцирем. Мало того, сами эти субконтиненты тоже как бы подразделяются на близко лежащие друг от друга острова.

— Вдобавок ко всему это еще и не единый материк?

— Похоже, что на самом деле речь идет об архипелаге больших островов, по размерам своим сопоставимым, скажем, с островами Калимантан и Новая Гвинея. Но, как уверяют наши мудрецы из института «Аненэрбе», мореплаватели могли видеть эти острова только за четыре тысячи лет до нашей эры, когда Антарктида еще не была покрыта многокилометровым ледовым панцирем. Мало того, они убеждены, что такую карту можно было составить, только пользуясь данными фотосъемки из воздуха, точнее из космоса. Однако земной науке неизвестна цивилизация, которая бы в столь древние и, по нашим понятиям, первобытно-дикие времена могла любоваться пейзажами Антарктиды из поднебесья.

Ридэ умолк, а Скорцени, словно бы забыв о его существовании, еще минут пять рассматривал и эти карты, и карту, надпись на которой свидетельствовала, что она была составлена в 1559 году турецким картографом Хаджи Ахмедом, и на которой внимание его сразу же привлекла солидная полоса суши, соединяющая полуостров Сьюард, что в американском штате Аляска, с современным российским полуостровом Чукотка.

— ...Причем в данном случае подделка, я так понимаю, тоже исключается? — наконец произнес он.

— Об этом не может быть и речи. Точно установлено, что все эти карты появились задолго до официального открытия Антарктиды. Адмирал Рейс еще даже не догадывался, какая печальная участь ждет его при дворе султана, а картограф Оронтеус Финеус уже наслаждался собственной картой мира, работу над которой, напомню, завершил в 1532 году.

— Из чего следует, что существовали первоисточники, которыми картограф Финеус пользовался независимо от турецкого адмирала. Они пользовались совершенно разными первоисточниками.

— И это заставляет склоняться перед всеми этими картографами с еще большим почтением. Еще раз обратите внимание, насколько отчетливо просматриваются очертания Антарктиды на всех картах. Тут есть над чем призадуматься людям, которые решили сотворять новый рейх в подземельях этого континента.

* * *

Еще какое-то время Скорцени внимательно рассматривал картежные чертежи, сравнивая по ним очертания Антарктиды и. в частности, Новой Швабии. Как инженер-строитель по образованию он имел представление о том, что такое чертеж вообще и мог себе представить, какую работу пришлось провести древним картографам. Но особое внимание его занимала все же карта турецкого адмирала. Изобразить материк таким, каким он представал без многокилометрового ледового покрытия! И это в первой половине XVI века! В такое действительно трудно поверить.

— А теперь скажите мне, любезнейший доктор Ридэ: зачем вы вручили мне эти карты? Что мы с вами, два «выдающихся мореплавателя», способны, дьявол меня расстреляй, из них извлечь?

— Во-первых, мне посоветовал ознакомить вас с этими картами гросс-адмирал Дениц. Причем сделал это сразу же после того, как с ними ознакомился фюрер.

— На этом вы могли бы и завершить. Очевидно, фюрер и посоветовал ему посоветовать...

— Во-вторых, нашим инженерам, которые осваивают сейчас и будут осваивать Новую Швабию в будущем, важно знать, что собой представляет ее территория: где материк, а где соединенные ледовым покровом острова, полуострова, мысы, а еще — затаившиеся подо льдами проливы, заливы и фиорды.

— Логично, — признал Скорцени.

— А разве не логично использовать эту карту для того, чтобы попытаться выяснить у Консула Внутреннего Мира, обладают ли подобными картами атланты? А если не обладают, то какими картами пользуются в таком случае их инженеры и навигаторы? А главное, каковы источники их познания?

— Причем не исключено, что именно в их книгохранилищах и покоятся те протокарты, которыми пользовались наши средневековые картографы, — заметил оберштурмбаннфюрер.

— Возможно, у них даже есть карты, составленные их древними предками, теми атлантами, которые когда-то обитали на поверхности одного из континентов. Кстати, по одной из версий, Колумб получил эту секретную карту из рук представителя некоего тайного рыцарского ордена.

— Какого именно?

— Существует несколько предположений, — уклончиво ответил доктор Ридэ.

— Не того ли, к которому имеете честь принадлежать вы, славный рыцарь фон Ридэ?

Хранитель архивов «Аненэрбе» резко отшатнулся от стола и, плотно сжав губы, с холодным безразличием уставился на первого диверсанта рейха.

— Вы не должны были знать этого, Скорцени. До сих пор все было слишком тщательно законспирировано.

— Да уж, ваши учителя из тайного общества «Золотой рассвет», созданного элитой английских розенкрейцеров, пытались маскировать вас то под неудавшегося спортсмена-простака, то под несостоявшегося офицера, слишком увлекающегося картами... В принципе, мир мог знать вас в любой придуманной вами ипостаси, единственное о чем он не должен был догадываться, так это о том, что вы являетесь одним из масонов высокого градуса,

засланным в свое время в тайное общество розенкрейцеров, а уже оттуда — в общество «Золотой рассвет».

— Вы преждевременно умолкли, господин обер-диверсант. Свою разоблачительную речь вам следовало завершить утверждением: «Но самым удачным внедрением оказалось внедрение вас, доктор Ридэ, в ипостась хранителя тайн института "Аненэрбе".

— Я не произнес эти слова только потому, что не желал показаться вам банальным, — мрачновато улыбнулся Скорцени.

— Считаете, что меня следует отправить в концлагерь?

— Вы слишком опасны, чтобы вас куда-либо можно было отправлять, кроме неба. Просто отныне вы будете моим агентом, внедренным и в «Аненэрбе», и в общество «Золотой рассвет», и в масонские дебри розенкрейцерства. Или, может быть, вы не согласны с таким поворотом шарнира вашей судьбы?

— Война завершается не тогда и не так, как бы нам с вами этого хотелось, поэтому таким людям, как мы, следует объединяться.

— Вот именно, объединяться. Условия мы оговорим позже. Тайнами розенкрейцерства тоже причастимся как-нибудь на досуге. Пока что меня интригует только один вопрос: «Под плащами рыцарей того ордена, который нацеливал Колумба на неизведанный европейцами континент, скрывались посланцы Внутреннего Мира, агенты арий-атлантов?»

— Этот вопрос вам придется адресовать Консулу Внутреннего Мира и Посланнику Шамбалы. И если удастся что-либо разузнать, я на коленях готов умолять вас поделиться со мной этой информацией. Только со мной, ради удовлетворения собственного любопытства. А в общем, мне кажется, что вам будет о чем потолковать с этим шамбало-атлантом, — подытожил доктор Ридэ.

— Нам давно есть о чем поговорить, — многозначительно и, как показалось доктору Ридэ, угрожающе произнес Скорцени, все еще неотрывно всматриваясь в очертания Антарктиды на древней карте турецкого адмирала. — Предполагаю, что у нас будут долгие разговоры, дьявол меня расстреляй! И пусть эти подземельные атланты не думают, что там, в Новой Швабии, мы окажемся в роли низшей, по отношению к ним, расы.

18.

Апрель 1945 года. Германия. Ставка рейхсмаршала Германа Геринга в Баварских Альпах, в районе Берхтесгадена.

К тому времени, когда Ламмерса ввели в кабинет, Геринг уже сидел за столом, облаченный в маршальский мундир, увешанный всеми полагающимися его владельцу наградами. И ничего, что он давно потерял всякую связь с вверенными ему частями, а над его штаб-квартирой то и дело проносились эскадрильи вражеских бомбардировщиков, которые в этих краях полностью господствовали в воздухе и почти не обращали внимания на тявканье берхтесгаденских зенитных батарей... В восприятии каждого германца он все еще оставался... «тем самым Герингом»!

Стараясь абстрагироваться от этих мелочно-житейских реалий, рейхсмаршал начал сотворять для себя какой-то особый, «бонапартистско-фюрерский» мир иллюзорного величия, резко переходя при этом из состояния оскорбленного самоунижения — в состояние какого-то неистового самовозвеличивания.

Он вдруг вновь, со всей мыслимой остротой, узрел в своей судьбе вещий знак предначертанного величия: «Германия еще узнает, что Геринг — это все же Геринг! — сказал он себе. — Пройдет несколько десятков лет, и статуи Герману Герингу, нет — Великому Герману, — будут возвышаться по всей Германии. и трудно будет найти в Германии такой дом, в котором бы не было бюста рейхсмаршала Геринга, Великого Германа!

А что, возможно, именно так тебя и станут называть историки этой мировой войны: Великий Герман, — ибо имя твое созвучно с именем твоего арийского народа, с именем непобедимого германца»[29].

Неожиданно Геринг вновь почувствовал себя рейхсмаршалом, преемником фюрера, политиком, способным вершить судьбу своей страны и своего народа; словом, он почувствовал себя...

---

[29] Это же убеждение Геринг выскажет со временем в своем предсмертном письме, адресованном жене, известной германской актрисе Эмме Зонненман.

Герингом! Человеком, чье имя всегда, независимо от исхода этой войны, будет стоять рядом с именем фюрера.

Осознание этого настолько возвышало сейчас Великого Германа в собственных глазах, что он намерен был как можно скорее уведомить весь окружающий мир и о своем пришествии к власти, и о своей готовности вести переговоры с главами всех воюющих сторон.

— Вас уже уведомили, господин Ламмерс, по какому поводу вы приглашены сюда?

— В общих чертах.

— И объяснили, что все это очень секретно?

— Все, чем мне как начальнику рейхсканцелярии приходилось заниматься в последние годы, — невозмутимо поведал ас юриспруденции, — всегда было чрезвычайно секретным.

— Это упрощает наше общение. Нужно юридически истолковать один очень важный документ. Подчеркиваю: очень важный, который может иметь историческое значение в определении дальнейшей судьбы рейха.

— Я готов дать все необходимые толкования, если только характер документа, который будет мне предъявлен, окажется подвластным моей компетенции.

— Что значит «если окажется подвластным моей компетенции»?! — грозно, не скрывая своей подозрительности, насупился рейхсмаршал, переводя взгляд с Ламмерса на генерала Коллера, и обратно на Ламмерса. Чуть позади них держались адъютант Геринга майор Инген и еще два офицера из Генштаба военно-воздушных сил рейха. — Вам что, не сообщили, какого именно характера документ мы намерены анализировать?

— Конечно же, сообщили, — ответил вместо начальника канцелярии генерал Коллер.

— Тогда в чем дело, Ламмерс? — подозрительно уставился рейхсмаршал на невзрачного, ссутулившегося канцеляриста. — Вам выпала историческая миссия, а вы опять все пытаетесь усложнять?

— Это всего лишь обычная канцеляристская формула, — как можно сдержаннее, демонстрируя свою кротость, объяснил Ламмерс, нервно протирая носовым платком некстати запотевшие очки.

— Конечно-конечно, — поддержал его генерал, — это всего лишь формула.

— Ну разве что... — благодушно согласился Геринг. — Однако я просил бы вас, господин Ламмерс, впредь обходиться без этих ваших «формул», поскольку речь идет о делах государственной важности.

— Я весь — внимание, господин рейхсмаршал.

— Как генерал Коллер уже, очевидно, уведомил вас, фюрер приказал мне заниматься переговорами с западными противниками, то есть американцами и англичанами. При этом, насколько мы с генералом Коллером поняли, фюрер ссылается на свой указ от 29 июня 1941 года, в соответствии с которым, в случае непредвиденных обстоятельств, я становлюсь полномочным представителем фюрера.

— Что, в общем-то, вполне естественно, — пробормотал Ламмерс исключительно для поддержания разговора.

— Так вот, в настоящее время фюрер находится в бункере рейхсканцелярии, в осажденном врагами Берлине. Покидать бункер он отказывается, а обязанность вести переговоры с противником возлагает на меня.

— И в чем же, позвольте узнать, коллизия? — воспользовался Ламмерс подаренной ему паузой.

— Сейчас я покажу вам текст упомянутого указа фюрера и попрошу, чтобы вы ответили: достаточно ли сейчас оснований для того, чтобы считать, что непредвиденные обстоятельства, которые фюрер имел в виду в этом указе, уже наступили. Или же мне придется тратить время на то, чтобы доставлять из осажденного Берлина еще какой-то дополнительный указ фюрера, что, как вы понимаете, связано с большими трудностями, а главное, с потерей драгоценного времени.

— Генерал Коллер подробнейшим образом ознакомил меня с ситуацией в рейхсканцелярии, — поспешил со своими выводами Ламмерс, — поэтому я с полной уверенностью утверждаю, что такие непредвиденные обстоятельства уже наступили.

— Спасибо, господин Ламмерс, я с вами согласен. Тем не менее прошу изучить названный мною указ фюрера, причем сделать это в присутствии нескольких моих офицеров, а затем еще раз подтвердить то, что вы только что сказали. Дело в том, что данный

указ мне придется предъявлять иностранным дипломатам в качестве доказательства моих полномочий. Поэтому я хотел бы, чтобы вы не просто изучили его, но и, как начальник канцелярии, дали свое письменное заключение.

Он открыл сейф и почти торжественно вручил Ламмерсу экземпляр указа.

— Мы выйдем в гостиную, — молвил генерал, положив руку на плечо Ламмерса, — внимательно там изучим его и сразу же подготовим письменное заключение.

— Только не тяните с этим.

— Печать для господина обер-канцеляриста мы доставим.

«А ведь для тебя этот генерал Коллер — настоящая находка, — мысленно поздравил себя Геринг, глядя вслед Коллеру и Ламмерсу. — Он уже видит себя адъютантом наместника, а со временем и преемника фюрера, и на этом пути остановить его кому-либо будет трудно».

* * *

Все то время, которое понадобилось Ламмерсу и Коллеру для составления нужной бумаги, Геринг простоял у окна с видом на «альпийскую гробницу». Теперь рейхсмаршал уже не сомневался, что эта горная вершина излучала какую-то таинственную силу, которая влияла на ход исторических событий в рейхе, постепенно перемещая их центр именно сюда, в Берхтесгаден. Что между ним и «гробницей» установилась некая астральная связь, позволяющая ему перенимать всю ту власть, которой некогда был наделен сам Гитлер. «Всю ту власть, которой доселе был наделен фюрер!» — пытался утвердиться в этом мнении Великий Герман.

«Шарнир времени», на который при каждом удобном случае любил ссылаться в своих монологах фюрер, действительно сработал, однако на сей раз против него самого, вознося на гребень истории новую силу, новую волю, нового правителя. И кто знает, возможно, это ему суждено будет войти в историю континента как спасителю Германии от коммунистических орд, как человеку, который, приняв трагическое наследие фюрера, помог установить мир между уставшими от войны и разрушенными войной странами Западной Европы.

Упершись руками в стены окна-бойницы, Геринг уткнулся лбом в стекло и с минуту простоял так, впитывая в себя влажную успокоительную прохладу. Он устал, сказывались физические и моральные нагрузки последних дней, и, как ни бодрился, все же чувствовал себя прескверно. Несколько дней он провел на своей вилле «Каринхалле», в то время когда русские уже прорывались к Одеру и их батареи уже стояли на правом берегу реки, напротив Шведта-на-Одере, всего в нескольких километрах от его виллы. Кто бы мог предположить — в нескольких километрах?!

Жену, Эмми Зоннеман, с дочерью он заранее отправил сюда, на виллу в Берхтесгадене, а сам не оставлял «Каринхалле», пока оттуда не ушли два железнодорожных состава с картинами, драгоценностями и прочим имуществом. А потом еще сформировал автоколонну с наиболее ценными вещами и на легковой машине, под чисто символической охраной, долго и трудно пробирался сюда чуть ли не через всю Германию, по узкому коридору между русскими и англо-американскими войсками. Коридору, который в любое время мог быть перекрыт вражескими десантами и над которым множество раз появлялись эскадрильи бомбардировщиков.

— Заключение, господин рейхсмаршал, подготовлено, — услышал Геринг позади себя голос начальника канцелярии ставки фюрера. Медленно, слишком медленно повернувшись лицом к нему, бывший лучший ас Германии молча уставился на имперского министра. — Оно однозначно истолковывает нынешнюю ситуацию в ставке фюрера и в Берлине в целом как подлежащую определению «непредвиденные и чрезвычайные обстоятельства», наличие которых позволит вам действовать во исполнение указа фюрера от 29 июня 1941 года.

Ламмерс умолк, считая свою миссию выполненной, но и Геринг тоже не спешил с какой-либо реакцией на его сообщение.

— И какой же из этого, господин начальник рейхсканцелярии и имперский министр, следует вывод? — негромко, но очень уж внушительно спросил генерал Коллер.

— Вам задал вопрос представитель люфтваффе при рейхсканцелярии, — наконец-то ожил и сам Геринг.

Ламмерс растерянно оглянулся на генерала и пожал плечами, давая понять, что все, что его обязывала сказать данная процедура, он уже сказал.

— Из этого заключения следует, что, исходя из письменно изложенной воли фюрера, вы как его политический преемник можете приступать к реализации пунктов, указанных в завещании. Но только при одном условии...

— Каком еще условии?! — почти прорычал генерал Коллер. — Опять эти канцеляристские оговорки! Мы же все выяснили, господин Ламмерс.

— И все же как юрист я считаю своим долгом предупредить господина рейхсмаршала.

— Говорите, Ламмерс, говорите, — почти тем же генеральским рычанием подбодрил его хозяин кабинета.

— Особенность создавшегося положения такова, что лучше было бы, если бы фюрер сам каким-то образом письменно подтвердил невозможность для себя исполнять обязанности канцлера Германии.

— Но ведь вы же сами утверждаете, что обстоятельства непредвиденные и фюрер не может исполнять свои обязанности.

— Я говорю это только из ваших слов. Тем временем ваши враги легко могут представить десятки телеграмм, радиограмм и даже письменных приказов фюрера, которые будут доказывать, что ваши действия, ну, скажем, слишком поспешны и необоснованны. Вы понимаете, о ком идет речь, и понимаете, что люди, которых мы оба имеем в виду, легко и быстро сумеют доказать это. Так что лучше было бы, чтобы фюрер каким-то образом уполномочил вас стать его полномочным представителем.

Геринг и Коллер растерянно переглянулись, и Геринг понял: даже всезнающий генерал не знает, как ему теперь реагировать на слова руководителя имперской рейхсканцелярии. А выход неожиданно нашел адъютант Инген. Он шагнул к Ламмерсу, бесцеремонно выхватил у него из руки письменное заключение, сняв очки, словно не доверял им, поднес текст к непозволительно близоруким глазам и, самодовольно хмыкнув, похлопал пальцами по листу бумаги.

— Прошу прощения, господа, но всех тех слов, которые господин Ламмерс только что произнес, в письменном заключении нет!

— Но там есть — потянулся было главный канцелярист рейха к бумаге, однако Инген предусмотрительно отвел свою руку и даже чуть-чуть приподнял ее.

— А коль на бумаге этих слов, господин канцлер, — особо подчеркнул он это свое «господин канцлер», — нет, то и мы с вами их не слышали. Ну, может, и слышали какие-то частные пожелания Ламмерса, однако не запомнили. Пребывая под постоянными англо-американскими авианалетами и приближающимися артобстрелами, — вы слышите меня, Ламмерс, пребывая под непрерывными авианалетами противника! — мы сочли эти частные замечания канцеляриста несущественными. Поскольку думали не о канцелярист'ских тонкостях, а о судьбе германского народа.

— Вы согласны с мнением майора Ингена? — как можно спокойнее поинтересовался Геринг.

— Мое письменное заключение заверено моей подписью и печатью рейхсканцелярии, — с грустью посмотрел имперский министр на почти зажатый в кулаке лист гербовой бумаги, с которой адъютант Инген расставаться не намерен был. И по глазам его рейхсмаршал понял: если бы этот листик вновь оказался в руках Ламмерса, тот наверняка помчался бы его переписывать. Но генерал Коллер вновь вмешался в ситуацию:

— И все же пусть господин Ламмерс лично вручит свое письменное заключение полноправному представителю фюрера. Инген, верните ему бумагу. В ваших руках она не очень-то смотрится. И больше никаких уточнений или возражений, господин Ламмерс.

Последние слова Геринг дослушивал уже стоя посреди кабинета и готовясь принять указ фюрера и заключение из рук начальника рейхсканцелярии. И когда этот момент наступил, в кабинет ворвался с фотоаппаратом какой-то шустрый старичок, очевидно, заранее заготовленный все тем же неутомимым Коллером.

— Согласитесь, господин рейхсмаршал, что акт действительно исторический и неповторимый! — прокричал фотограф заранее заученную фразу. — Понятно, что он должен быть увековечен для истории.

— И он будет увековечен, — решительно подтвердил Геринг, выдержав на себе вопросительный взгляд Коллера, который все еще хотел видеть своего патрона таким, каким и должен быть истинный правитель рейха. Пусть даже... поверженного рейха.

* * *

Когда эта церемония была завершена, Геринг отпустил всех, кроме своего адъютанта Ингена, и, опустившись в кресло, вновь впал в апатическое состояние растревоженного бездумья.

Усевшись у приставного столика, майор какое-то время встревоженно наблюдал за состоянием рейхсмаршала, а затем, понимая, что ему опять не хватает подпитки решительностью, вдруг с надеждой спросил:

— Может быть, вернуть генерала Коллера?

— Зачем? — вяло отреагировал Геринг.

— Для поднятия духа, — объяснил майор, немного поколебавшись. — Исключительно для поднятия духа.

— В данном случае его излишняя бодрость может только помешать. То, что вы привезли мне из Берлина — всего лишь слова очевидца некоего разговора. Тем временем фюрер все еще жив, и мне предстоит каким-то образом уведомить его о том, что я не стремлюсь лишить его власти или перенять все его полномочия, а всего лишь собираюсь выступать в роли его наместника в Баварии и Швабии. Это должна быть телеграмма, однако составить ее следует таким образом, чтобы не дать повода Борману, моему злейшему врагу, использовать ее против меня, чтобы я не оказался в руках людей Бормана, в руках гестапо, в руках местного штаба СС.

— Борман не решится, господин рейхсмаршал. Фюрер сам предложил вашу кандидатуру как наиболее приемлемую для переговоров, я это слышал. Ни Борман, ни Геббельс не решатся ослушаться его.

— Теперь эти негодяи могут решиться на что угодно. Они понимают, что авторитет фюрера пал и что он уже почти не влияет на ход событий. Не зря же они решили до конца оставаться возле фюрера. Расчет может быть только один: они ждут от него полномочий для начала переговоров, но не с англо-американцами, как этого хотим мы, а с русскими. Вот почему я опасаюсь оказаться в руках Бормана[30].

[30] Исторический факт. В эти дни Геринг действительно панически боялся оказаться в руках своего злейшего врага Бормана. И опасения его оказались не напрасными.

— Тогда давайте срочно стянем сюда солдат из охраны аэродромов, несколько десятков летчиков и механиков из ближайшего аэродрома, оказавшихся без машин. В конце концов, можно вооружить несколько легко раненных летчиков из местного госпиталя плюс офицеры нашего штаба. Думаю, сотню людей мы наберем. Да подготовим звено штурмовиков, которые в нужный момент поддержат нас с воздуха.

— Возможно, такое решение было бы правильным, — задумчиво признал Геринг. — Но тогда нам придется сражаться со своими же, с отрядами СС, которых окажется значительно больше, и они, конечно же, одолеют нас, но перед этим на всю Германию объявят людьми, предавшими родину и фюрера.

— Если дело дойдет до ареста, они в любом случае объявят вас предателем, иначе не смогут объяснить народу, с какой стати вдруг арестовали национального героя Геринга. Самого... рейхсмаршала Геринга!

Аргумент был убийственным. Геринг вдруг почувствовал, что, объявляя самого себя наместником фюрера, он переступает некий Рубикон, на том берегу которого уже не будет ему ни веры, ни пощады, а будет лишь несметное количество явных и тайных врагов.

— Вот именно, не смогут, — подвел он печальный итог своих недолгих раздумий и колебаний, — поэтому нам придется уповать сейчас лишь на понимание фюрером моих действий и моих устремлений.

— А вдруг этого понимания не будет? — поеживаясь, повел плечами майор, предпочитавший при любом раскладе иметь под стенами ставки рейхсмаршала хотя бы сотню преданных ему пилотов. — Что тогда? Добровольно отдаваться в руки гестапо?

— Если фюрер правильно воспримет мою телеграмму и даст свое согласие, — не стал предаваться дальнейшим гаданиям Великий Герман, — то уже завтра я смогу связаться с американским генералом Эйзенхауэром, как мужчина мужчине пожать его руку и предложить нашу полную капитуляцию на Западном фронте.

— Вы уверены, что фюрер согласится на полную капитуляцию?

— А разве он еще способен будет влиять на развитие событий?

— В той степени, в какой все еще способны влиять на людей его магическое имя и наша потребность поклоняться фюреру, уверовав в непогрешимость его мыслей и действий, — напомнил

ему адъютант. Но хотя Геринг и вынужден был признавать правоту его слов, однако не в его правилах было отступать.

— Не забывайте, Инген, что в основу переговоров будет заложена мысль о том, что через неделю-другую мы, уже совместными германо-американскими силами, ударим по Красной Армии. И фюрер будет уведомлен об этом.

Майор демонстративно пожал плечами и, отведя взгляд куда-то в сторону, многозначительно промолчал.

— С такой оговоркой фюрер, возможно, и согласится, — наконец сказал он, хотя нетрудно было догадаться, что это была всего лишь уловка подчиненного, не желавшего обострять отношения со своим командиром.

— В таком случае мудрствования кончились, майор, я сажусь сочинять телеграмму фюреру.

— С этим действительно следует поторопиться, это правильно, — поддержал его адъютант Инген. — Телеграмму фюреру... конечно, — мялся он у двери, все не решаясь оставить рейхсмаршала наедине с самим собой. — И все-таки, — наконец решился он, — может, есть смысл вновь пригласить нашего генерал-майора Коллера?

— Это еще зачем?!

— Ну, как всегда, для поднятия духа.

— Убирайтесь вон, майор! — взъярился Геринг, сжимая кулаки. — Какое еще «поднятие духа»?! Я сказал: «Убирайтесь вон!»

— Извините, рейхсмаршал. С моей стороны это был самый мудрый совет из всех, на которые я способен, — признал Инген, пятясь к выходу.

19.

Ноябрь 1944 года. Атлантический океан. Борт германской субмарины «U-1230» (позывной — «Колумбус») из состава «Фюрер-конвоя».

При подходе к побережью США командир субмарины Ральф Штанге сам внимательно осмотрел в перископ место высадки. Разглядеть очертания береговой линии он так и не

сумел, хотя где-то неподалеку должен был находиться островок; но и ничего подозрительного тоже не заметил. Во всяком случае, поблизости не оказалось ни одного судна, да и где ему взяться здесь, вдали от портов, в темную, абсолютно беззвездную ноябрьскую ночь?

Настоящей, океанской волны не было, а под прикрытием прибрежного островка Смит легкое волнение, вызываемое незначительными порывами северного континентального ветра, казалось еще более спокойным и безопасным, чем было на самом деле. В любом случае, пора было отдавать команду на всплытие. И Штанге отдал ее.

— До берега около мили, — напутствовал он агентов Эриха Гимпеля и Уильяма Колпага, пока матросы готовили к спуску на воду надувную резиновую лодку. — Дальше мелководье, прибрежные подводные скалы.

— Это приемлемо, — признал Колпаг. — Но если бы вы протянули еще хотя бы метров двести.

— Мы и так двигаемся самым малым. На северо-востоке от вас будет городок Саутпорт, на юго-западе — курортное местечко Норт-Мертл-Бич, а прямо по курсу, в двух милях от берега, на шоссе Мертл-Бич — Уилмингтон, небольшой поселок Шаллот. Судя по карте, главное для вас — к утру оказаться в Уилмингтоне, откуда несложно будет добраться до места назначения. Впрочем, все это вы знаете и без меня.

— Спасибо за поддержку, командир, — поблагодарил Колпаг, американец по происхождению, выпускник Массачусетского технологического института, в беседах с которым капитан-лейтенант пытался совершенствовать свой английский.

— С прибытием на родину, Билли! — воспользовался командир субмарины его агентурной кличкой, по которой тот проходил как агент СД руководимого Скорцени отдела диверсий Главного управления имперской безопасности. Среди агентов которого числился теперь уже и сам капитан-лейтенант.

— Наверное, я удивлю вас, Эрих, но растерзанная авианалетами и окруженная врагами Германия кажется мне сейчас умиротвореннее и роднее, нежели моя этническая родина.

— Может, потому, что вы все же полунемец?

— Не только. Предчувствие, капитан, предчувствие.

— Но ведь со Скорцени вы своими предчувствиями почему-то не поделились, агент Билли.

— Чтобы он, высказав свои собственные предчувствия, тотчас же пристрелил меня?

— И я о том же, агент, — сухо молвил командир субмарины. — Поэтому обойдемся без сочувствий и предчувствий.

— Вы даже не способны представить себе, какой уютной и надежной кажется сейчас ваша тесная, пропитанная дизельной гарью субмарина и как я завидую лично вам и всем тем, кто остается в ней.

— Очевидно, таким, как Скорцени, надо родиться, — не стал успокаивать его командир субмарины. — Мы с вами слишком сентиментальны.

И как только диверсанты налегли на весла, приказал погружаться. Все, что он мог сделать для этих двоих агентов, приступавших к выполнению операции «Эльстер», он уже сделал. О том, сумели ли его красавцы достичь берега и закрепиться на нем, Скорцени узнает уже завтра к вечеру, во время первого сеанса радиосвязи.

— Каковы наши дальнейшие действия, господин капитан-лейтенант? — встретил его в командирской рубке старший офицер субмарины лейтенант цур зее Йохан Хорн.

— Поднимаем пиратский флаг «Веселый Роджер» и начинаем жестко «инспектировать» весь торговый флот США и их соседей.

— В таком случае не слышу приказа: «Поднять “Веселый Роджер”»!

— Всему свое время.

К удивлению капитан-лейтенанта, Хорн не просто поверил в серьезность его намерений, но и воспринял это сообщение со счастливой улыбкой человека, авантюрные мечтания которого наконец-то начали сбываться.

— Но мы действительно будем предоставлены самим себе, командир?!

— На военном флоте такого не бывает. Во всяком случае, не должно быть.

— Однако история флота знает прецеденты. Вспомните хотя бы средневековый английский флот его величества. Сколько су-

дов занималось пиратством, нападая на суда других стран, но при этом отдавая часть добычи...

— Мы не под английским флагом служим, — перебил его Ральф Штанге, едва сдерживая раздражение. — И не нужно просвещать меня, не хуже вас знаю, что такое пиратство, — напомнил Хорну капитан-лейтенант, успев пожалеть, что спровоцировал старшего офицера на этот всплеск пиратских эмоций. — К тому же напомню, что пираты вне закона, это международное преступление.

— Какая разница, под каким флагом, черт возьми?! К тому же, развязав войну, мы и так оказались вне закона. Главное — вольная охота у вражеских берегов — на все, что достойно нашего внимания! Не кажется ли вам, Штанге, что нам выпала честь стать первыми пиратами-подводниками в истории мореплавания?

— О подводном пиратстве вы говорите с таким восторгом, словно давно мечтаете о нем.

— С того дня, когда впервые оказался в чреве субмарины, — жизнерадостно поведал Хорн. Коренастый, русоволосый, с четко очерченными линиями римского носа и властного подбородка, он производил впечатление человека решительного и бесшабашного, истинного, из глубины веков явившегося германца, каковым только его можно представить себе.

— Странно, что до сих пор не пытались захватить одну из тех двух субмарин, на которых служили до того, как попали на эту благословенную Богом субмарину.

Хорн умиленно улыбнулся и, игриво покачав головой, развел руками.

— Ну, извините, капитан-лейтенант, не решился. Случая не представилось, экипаж не тот подобрался. Да и следовало набраться опыта. Кстати, старшим офицером я назначен впервые, — выкладывал он свои доводы, словно бы действительно оправдывался за то, что до сих пор не удосужился стать предводителем джентльменов удачи. — И потом, мы ведь будем нападать не только ради грабежа; вспомните наставления гросс-адмирала: «Каждое потопленное судно противника — еще один шаг к победе!»

— Мы их делали, эти шаги, лейтенант цур зее. Мы свой долг выполняли.

— Хотя нас и сковывали приказы начальников и флотская дисциплина.

— Что вы хотите этим сказать, Хорн?

— Что в душе все мы — вольные стрелки. И только так: вольные стрелки океана!

— Сомневаюсь, что пиратская мечта ваша сбудется, Хорн, однако стремление похвальное.

— Я ведь, собственно, не пиратом стремлюсь быть, — неожиданно смутился Хорн, опасаясь, как бы командир и впрямь не заподозрил в нем бунтовщика-пирата.

— Кем же еще?

— Ну, скажем, германским морским рейдером.

— Морским мстителем, значит?

— Вот мы и поняли друг друга. Что такое настоящая война — в этом томми и янки разберутся лишь после того, как столкнутся с действиями наших вольных морских стрелков-подводников. Только надо бы создать секретное хранилище торпед. Как можно больше торпед, господин Штанге. Одно из хранилищ можно было бы организовать в районе аргентинской базы «Латинос», к которой мы направляемся, еще по одной — в гротах острова Пасхи и на каком-то из Маршалловых островов.

— Когда последует объявление о капитуляции, оно будет касаться всех, — резко ответил командир субмарины. — В том числе и нас с вами.

— Кроме команд тех субмарин, которые будут выполнять секретный приказ командования кригсмарине.

— Такого приказа не последует.

— Была бы подана идея. Она заставит наших штабистов задуматься над такими понятиями, как долг, честь, а главное, наша, германская месть. И потом, никто ведь не способен будет отменить приказ фюрера: «Война — до победного конца!»

— Вас, Хорн, привлекает не перспектива войны до победного конца, который уже ни при каких обстоятельство не может быть победным, — проговорил командир субмарины таким тоном, словно уже зачитывал приговор, — а кровавая пиратская вольница.

— Направляя торпеды на вражеские суда, я буду воздерживаться от каких-либо меморандумов по поводу войны и мира.

Поняв, что разговор зашел в тупик, Штанге не пытался продолжить полемику, чтобы, на несколько мгновений умолкнув, сообщить:

— Хорошо, я доведу до сведения командования ваш гениальный нельсоновский план, лейтенант цур зее. При первой же возможности. Не уверен, правда, что он вызовет восторг у гросс-адмирала Деница.

* * *

Найдя спасение от навязчивого лейтенанта в своей каюте, Штанге открыл сейф и извлек из засургученного пакета приказ главкома военно-морского флота.

«Строго секретно. Командиру субмарины "U-1230" капитан-лейтенанту Ральфу Штанге. Благодарю за участие в операции "Эльстер", — прочел он машинописный текст на фирменном бланке Верховного штаба кригсмарине. — Приказываю следовать в район мыса Пунта-дель-Эсте (Уругвай), принять на борт группу людей, которые будут вам представлены, и идти с ними до Новой Швабии (Антарктида), где высадить указанную группу вместе с пассажирами, принятыми ранее на борт на базе "Нордберг".

По пути в Новую Швабию вам следует зайти на базу "Латинос" в районе аргентинского полуострова Вальдес, залив Сан-Матиас. Позывной для радиосвязи с радистом станции — "Патагония".

«Если учесть, что полуостров и база находятся в аргентинской Патагонии, — пожал плечами Штанге, — то можно представить себе, как долго ломали себе головы штабисты флота, чтобы придумать такой позывной».

«На связь с вами, — продолжил он чтение приказа, — субмарина снабжения позывной «Черный призрак» выйдет в районе острова Барбадос. На базе "Латинос" разрешаю трое суток отдыха с проведением техосмотра субмарины. У берегов Новой Швабии на связь выйдет субмарина сопровождения позывной "Гарольд". Место выгрузки груза будет указано ее командиром. Курс субмарины должен держаться в секрете.

Хайль Гитлер! Гросс-адмирал Дениц».

Штанге подошел к карте и нашел уходящий далеко в океан полуостров Вальдес, который формировал сразу три залива: Сан-Матиас, Гольфо-Нуэво и еще какой-то безымянный, но полностью прикрытый со стороны океана заливчик, открывавшийся

восточнее городка Пуэрто-Лобос. Он сразу же признал, что место для базы выбрано удачно: и в плане ее защищенности со стороны океана, и в плане обороны, а самое главное, рядом находились Магелланов пролив и пролив Дрейка, а еще — контролируемые англичанами Фолклендские острова, на которые претендует Аргентина. И до Новой Швабии тоже рукой подать.

Важно и то, что прилегающая к базе территория Патагонии была мало заселена, а следовательно, ее нетрудно будет контролировать, а также заселять германскими эмигрантами. Да и отступать, в случае морской блокады, тоже будет нетрудно, имея в своем тылу один из горных массивов Анд и чилийскую границу.

«Так, может быть, есть смысл после похода к Новой Швабии вернуться сюда и окончательно бросить якорь в Аргентине? — подумал капитан-лейтенант, наливая себе стопочку шнапса. — В крайнем случае можно официально попросить убежища у аргентинских властей и основать где-нибудь в районе реки Рио-Негро (это чуть севернее залива Сан-Матиас, а значит, в данном случае климат был потеплее) — свое поселение. Все равно ведь войне уже конец. И когда перед командой станет выбор: английский лагерь для военнопленных в Германии или рыбацкое поселение в Аргентине, подводники, конечно же, изберут поселение. Во всяком случае, до прояснения ситуации в самой Германии».

Оставаться на секретной антарктической «Базе-211» тоже пожелают немногие. Члены команды уже частью знали, а частью догадывались, что условия жизни на самой «Базе-211» неважные и что лишь немногие из ее обитателей смогут со временем переселиться в так называемый Внутренний Мир, который тоже превращался для всяк попадавшего туда в место пожизненной ссылки. Хорошо еще, если не каторги.

Правда, в запасе оставался авантюрный пиратский вариант лейтенанта Хорна. Однако Штанге не был его сторонником, поскольку в данном случае речь шла о чести мундира военного моряка, офицера. Если же у Хорна найдутся сторонники, то, в крайнем случае можно будет провести переговоры и отдать ему субмарину. В конце концов, все равно ее нужно будет оставлять; а аргентинским властям заявить, что субмарина захвачена группой

мятежников под угрозой применения оружия. Что окажется недалеким от правды.

Штанге опустошил еще одну рюмочку шнапса, зажевал ее кусочком вяленой рыбы и только теперь поместил приказ гросс-адмирала в свой капитанский сейф. Нет, окончательного решения он пока что не принял, но ведь у него есть запас времени, определяемый рейсом в район Новой Швабии. К тому же у него будет возможность ознакомиться с условиями, в которых находится база «Латинос», с отношением к ней местных властей и вообще к новоявленным германским колонистам. Что тоже немаловажно.

Иное дело, что мнение некоторых членов команды нужно прощупывать уже сейчас. Правда, делать это следует очень осторожно, чтобы не предстать перед командой в образе заговорщика или отъявленного предателя. В то же время лучше было бы сдаться властям еще до объявления фюрером капитуляции. Когда американцы и англичане предстанут перед аргентинскими властями в облике победителей, им придется превращать германских моряков в лиц, подлежащих интернированию.

— Если я все еще правильно воспринимаю все происходящее, — молвил старший офицер, когда командир субмарины вновь явил ему свой лик, — дальнейший наш путь будет определяться приказом, содержащимся в вашем, господин капитан-лейтенант, секретном пакете?

— Вы все верно воспринимаете, Хорн, что случается с вами далеко не всегда.

— Я имею право знать, что в нем содержится?

— Не имеете, лейтенант. И вам это хорошо известно, — молвив эти слова, Штанге вдруг поймал себя на том, что уже начинает вести себя со старшим офицером, как с тайным противником, готовящим заговор с целью захвата субмарины. Возможно, это всего лишь самовнушение, а может быть, уже ощущение реальной угрозы. Скорее всего, действительно угрозы, причем реальной.

— Опять эти ваши гестаповские страхи, командир. Хотя, насколько я знаю по настоянию гросс-адмирала, действия гестапо на кригсмарине не распространяются.

20

Ноябрь 1944 года Германия Остров Узедом в Балтийском море Испытательный ракетный полигон в Пенемюнде

Господин конструктор самолет со штандартенфюрером Одинсом на борту приземлится через пять минут

С кем с кем на борту?! — поморщился Вернер фон Браун оторвавшись от чертежа ракеты «Америка А9 А10» уставился на своего стажера Адриана Вильке вошедшего в кабинет в сопровождении адъютанта барона

Со штандартенфюрером Карлом Одинсом

Я хорошо расслышал его фамилию унтерштурмфюрер

— С начальником «Зондербюро 13» секретного отдела института «Аненэрбе» которое

Не надо объяснять мне что собой представляет «Зондербюро 13» — осадил фон Браун стажера — я об этом прекрасно осведомлен

Совершенно сбитый с толку Вильке беспомощно оглянулся на адъютанта Нейла однако не получив от него никакой поддержки — Нейл сделал вид что не заметил его призыва о помощи — вновь непонимающе уставился на своего шефа Он ждал разъяснений

Еще в сорок третьем году Адриан Вильке был студентом Берлинской технической школы и на него как на подающего надежды будущего авиаинженера распространялась военная бронь которая и спасала его до поры до времени от призыва в армию Но в сорок третьем очевидно испугавшись что все свои победы Гюрер добудет не поделившись славой с ним Вилке он добровольцем пошел в армию вступил в СС и попросился на службу в Штваффе на военный аэродром чтобы получать практические [illegible] обращения с авиатехникой

В [illegible] можно недоученный студент так и остался бы техником [illegible] авиационных полков если бы не его вмешательство в [illegible] тр[illegible]кторскую идею самого Брауна Однажды в штаб люфт[illegible] [illegible] на имя Геринга пришло странное письмо В нем никому

не известный техник из запасного военного аэродрома предлагал усовершенствовать уже действующий механизм, с помощью которого ракеты Фау небольшого веса можно было запускать с самолета «Хейнкель»[32].

Рейхсмаршал принадлежал к тем счастливым людям, которые ни черта не смыслили в подобных технических новациях, а посему даже не пытался разобраться в них. Зато у него хватило ума сразу же позвонить Брауну и предложить ему встретиться с «одним аэродромным умником, уже трижды подвергавшимся арестам за недисциплинированность, но, очевидно, кое-что смыслящим в технике».

— ...Позволю себе напомнить, что вы сами просили господина Одинса прибыть сюда, — даже не пытался скрывать теперь своего возмущения Адриан Вильке, не понимая, почему Ракетный Барон ведет себя таким образом. — Мне еле удалось дозвониться до него. А когда я сказал ему, что звоню от самого барона фон Брауна, то доктор Одинс набрался наглости спросить: «Кто это такой — этот барон фон Браун?». — От главного конструктора Фау не ускользнуло, что фразу «Кто это такой — этот барон фон Браун?» обиженный стажер произносил с особыми, мстительными, интонациями.

— Хотите сказать, что он так и не вспомнил, кто же такой барон фон Браун? — поинтересовался конструктор, набросив на себя вуаль безразличия.

Усовершенствование, которое предложил тогда аэродромный техник, занимавшийся мелким ремонтом и техническим обслуживанием «Хейнкелей», само еще было слишком несовершенно, однако идея его оказалась вполне приемлемой. И хотя Браун был удивлен, почему она не пришла в голову ему самому, тем не менее взялся за ее усовершенствование и вскоре внедрил в приспособление для запуска.

---

[32] Одна из модификаций ракет Фау действительно запускалась с самолетов «Хейнкель». Необходимость в таком способе запуска была продиктована тем, что английские радиоспециалисты сумели освоить технику выведения из строя пилотного механизма ракет с помощью радиоволн. Запуск с самолетов стал этапным периодом освоения ракет перед их переводом на пилотирование летчиками-смертниками.

После этой встречи Ракетный Барон решил не упускать Вильке из виду и, созвонившись с Герингом, оставил при себе в роли стажера и инженерно-технического порученца.

— ...Вспомнил, естественно, но как-то не сразу и лишь после того, как я пристыдил его.

Вильке опять призывно взглянул на адъютанта, и тот не устоял.

— Все так и было, господин барон. Я присутствовал при их разговоре. И даже взял у господина Вильке трубку, чтобы напомнить штандартенфюреру СС о вашем договоре. Я ему так и сказал, что, пребывая в должности адъютанта барона фон Брауна, я лично присутствовал при состоявшемся между вами, барон, и штандартенфюрером разговоре, и слышал, как штандартенфюрер обещал господину барону...

— Хватит, — не то чтобы резко, но довольно иронично прервал его Браун, вальяжным движением руки указав Вильке на дверь. — Очевидно, вы попросту сбили его с толку моим титулом, Фрид, — обратился к адъютанту так, как обычно обращались к нему в померанском имении Браунов.

О чем бы Нейл ни докладывал Ракетному Барону, он всегда произносил свой монолог с таким вызывающим возмущением, словно своей службой в роли адъютанта делал одолжение не только Вернеру фон Брауну, но и всему рейху.

Браун привез Нейла из отцовского имения в Померании, где тот работал трактористом и водителем грузовика. Рекомендуя его сыну в роли адъютанта, отец объяснил: «Характер у этого парня вздорный, однако человек он преданный и хотя и разгильдяй, но разгильдяй исполнительный, а главное, можешь быть уверенным, что гестапо не подсунет тебе в адъютанты какого-то продажного бюргера».

Вернер, правда, был убежден, что отец подсовывал ему этого «исполнительного разгильдяя» по совершенно иной причине — чтобы получить хоть какую-то гарантию, что тот не сгинет в первом же бою где-нибудь под Смоленском или Ленинградом, а значит, вернется в имение. Но это уже было из области их семейных тайн.

А что касается характера, то у Нейла он действительно был вздорным, в этом отец был абсолютно прав.

* * *

...Хотя Одинс и дослужился до штандартенфюрера, но даже беглого взгляда на него было достаточно, чтобы понять, что ношение военной формы ему противопоказано, как, впрочем, и сама армейская служба. Перед Брауном стоял аскетического вида пятидесятилетний полустарец, с запавшими пергаментными щеками и согбенной костлявой спиной. И только лихорадочный взгляд его больших темно-коричневых глаз выдавал в нем человека решительного, волевого и по характеру своему исключительно сильного.

— Вынашиваете новый тип ракеты? — спросил он, кивком головы поприветствовав Ракетного Барона, и бесцеремонно изымая у него из-под руки два листа с чертежами и расчетами.

Пока Браун приходил в себя, пораженный наглостью и бесцеремонностью гостя, Карл Одинс успел бегло просмотреть начертанное, пренебрежительно отбросить чертежи и усесться в кресло у приставного столика.

— Простите, штандартенфюрер, но я не позволял вам...

— Бросьте, Браун, война завершается, и ваши боевые ракеты, коль бы совершенными они ни представали, окажутся никому не нужными.

— Прошу прощения, но, при всем уважении к вам, Одинс, я не собираюсь обсуждать с вами проблемы войны и мира.

Уже после первого телефонного разговора с начальником «Зондербюро-13» фон Брауну удалось выяснить, что в течение своей не столь уж продолжительной жизни Одинс успел побывать священником, а затем, лишившись сана, податься в монахи; какое-то время он был членом ордена нового храма», основанного неким почитателем Гитлера Либенфельсом; затем принимал участие в жизни основанного Карлом Хаусхофером ордена Братьев Света, который со временем стал называться Орденом Общества Врил, а также числился в ордене Черные рыцари Туле.

И что именно он, уже прослывший к тому времени заядлым чернокнижником, в 1933 году стал соорганизатором, вместе с профессором Германом Виртом, знаменитой выставки «Аненэрбе» («Наследие предков»), на стендах которой экспонировались древнейшие рунические и проторунические письмена, тексты

коих были собраны в пещерах Анд и обнаружены в подземельях разрушенных палестинских храмов.

— Что же вы намерены обсуждать со мной?

— Вы знаете круг моих интересов.

Выставка рунических и проторунических текстов, возраст которых достигал десяти-двенадцати тысяч лет, произвела тогда огромное впечатление на ревнителей арийской культуры, под ее впечатлением было основано сначала общество «Наследие предков», а затем и научно-исследовательский институт «Аненэрбе».

— Если бы я мог предоставить вам чертежи какого-либо межпланетного корабля, способного...

— Я не для того пригласил вас, Одинс, чтобы выслушивать ваше паясничание.

Лицо штандартенфюрера приобрело вид одного из тех древнейших пергаментов, благодаря которым оно стало узнаваемым. Он явно обиделся, и лишь прирожденный такт, а возможно, только мудрая осторожность не позволили ему напомнить барону фон Брауну, что перед ним сидит старший по возрасту и чину. Впрочем, возможно, он понял, что слишком увлекся и пошел в своем легкомыслии значительно дальше того, что ему было позволено в общении с этим талантливым и властным человеком.

— Помните наш разговор о старинных тибетских манускриптах, — спросил он, с трудом пригасив собственную гордыню, — которые нашей экспедиции удалось заполучить с помощью одного тибетского ламы?..

— ...Именуемого Человеком в Зеленых Перчатках?[33]

— Спасибо, что вы так легко и быстро вспомнили, о ком идет речь, — слегка склонил голову начальник «Зондербюро-13».

Барон фон Браун действительно многое узнал об этом таинственном бюро, не поинтересовался только тем, как относятся к нему в последнее время Гитлер и его ближайшее окружение. А вот штандартенфюрер помнил, что отношение это стало опасно

---

[33] Речь идет о тибетском ламе, который жил до войны в Берлине и которого называли Человеком в Зеленых Перчатках. Он прославился своими точными предсказаниями, которыми охотно пользовался фюрер. Посвященные считали его хранителем ключей от королевства Агарти, то есть, в переносном смысле, хранителем знаний о Шамбале. Подробнее о нем — в моем романе «Антарктида: Четвертый рейх». — *Автор*.

пренебрежительным. Разочаровавшись в истинности поддержки со стороны Высших Посвященных, прочих потусторонних и инопланетных сил, фюрер теперь готов был возненавидеть всех сотрудников «Аненэрбе», всех членов Общества наследия предков, всех предсказателей, чернокнижников и контактеров.

Одинсу уже не раз передавали мнения Гитлера, Геббельса, Бормана и даже Геринга, которые сходились в том, что все эти тайные общества, включая некогда возглавляемый самим Гитлером «Германен-Орден», а также ассоциацию тайноведов «Политика герметика», — инспирированы и жестко контролируются тайными еврейскими организациями. И нацелены они на раскол германского национал-социалистского движения, его подрыв и уничтожение. Причем некоторые коллеги Одинса уже находятся в концлагере, а часть из них даже погибла в застенках гестапо или в печах крематориев.

— Что нового вы способны сообщить мне об этом ламе и его тибетских манускриптах?

Только теперь Одинс водрузил на столик свой огромный портфель и извлек из него объемистую папку с золотистой свастикой на черном кожаном переплете.

— Все доставленные в рейх манускрипты, созданные на санскрите, нам удалось прочесть и в значительной степени расшифровать.

«Санскрит!» — вспомнил барон. Когда он просил адъютанта связаться с начальником "Зондербюро-13", то не знал, что речь идет о Карле Одинсе, том чудаковатом профессоре, знатоке древних манускриптов и санскрита, с которым он в свое время встречался вместе с конструктором Германом Шернером[34]. Ну конечно же, перед ним организатор не только выставки рунических текстов, но и руководитель тибетской экспедиции охотников за манускриптами!

Одинс тогда еще только приступал к расшифровке одного из манускриптов, но, полагаясь на сведения берлинского ламы, был уверен, что его группу ждут очень важные открытия.

---

[34] Речь идет о конструкторе дисколетов (по современной терминологии — летающих тарелок), одном из главных героев моего романа «Антарктида: Четвертый рейх». — *Автор*.

И что же вам удалось накопать в этих индусских молитвен
ках доктор Одинс?

Самые важные технические знания оказались в манускрип
е Шакуна Виманас. Все что можно было выудить из него на
о ся вот в этом отчете. По существу речь идет об описании
к нструкции двигателя огромного космического корабля и об
о ании строения самого корабля, используемого не доси древ
цивилизацией для полетов на другие планеты.

Это уже привлекает мое внимание, постепенно оттаивал
н, осознавая, что действительно был слишком жестким с
весьма полезным ему человеком.

По одному из дипломов я, как и вы, господин барон, маши
троитель, и мне кажется, что полностью овладеть описанной
м докладе технологией человечество сможет только в конце
ующего века. Хотя окончательный вердикт, конечно, за вами
мбаннфюрер Браун и вашими специалистами.

Понятно, что за нами.

Кета, и мне бы очень хотелось встретиться с конструктором
Г ханом Шернером.

Барон удивленно взглянул на Одинса. «Нет, вряд ли штандар
фюрер догадывается, на какую мозоль самолюбия он мне
ь о что умудрился наступить, попытался успокоить себя
Бр ун. Скорее всего это пожелание вызвано обычным профес
о альным интересом».

Пока что это невозможно.

Объясните, барон.

Никаких объяснений.

Неужели и его упрятали в концлагерь как неблагонадежно
к к бы между прочим поинтересовался знаток санскрита.
Р ве можно так вести себя с оруженными конструкторами?!

Прекратите ваши причитания, Одинс.

Но ведь согласитесь, непозволительное расточительство
у ов и судеб, совершенно непозволительное.

На какое-то время их взгляды встретились. Первым желанием
барона фон Брауна было отреагировать бурно и возмущенно
к и положено реагировать на подобные предположения вер
одданному служащему СС. Но перед ним сидел полковник
во ск СС, а главное, Браун прекрасно понимал, что на сей раз

вопрос Одинса спровоцирован был фактом из его, Брауна, собственной биографии.

Судя по всему, Одинс прекрасно осведомлен, что в марте прошлого года он, Вернер фон Браун, и инженер Греттруп были арестованы агентами гестапо прямо здесь, на острове Узедом, и на самолете доставлены в Берлин, в Главное управление имперской безопасности на Принц-Альбрехтштрассе. Поскольку либеральничать с Брауном в гестапо не собирались, то на первом же допросе он был обвинен в «саботаже создания секретного оружия рейха, срыве ракетной программы вооружения вермахта и неподчинении фюреру».

Оберштурмбаннфюрер СС, которому выпало допрашивать Брауна, сам оказался выпускником машиностроительного факультета Берлинской высшей технической школы и начинал свою карьеру инженером на авиастроительном заводе. Он с интересом и нескрываемым сочувствием выслушал рассказ Брауна об удачах и технических трудностях ракетной программы фюрера и о том, как сложно продвигается создание сверхсекретного оружия по программе создания дисколетов — о которых уже был в какой-то степени наслышан... Мало того, Браун мог поклясться, что сочувствие *это было искренним.*

Однако все, что оберштурмбаннфюрер мог сделать для своего арестованного коллеги, так это доверительно сообщить, что обвинение, подобное тому, которое ему *выдвинуто, в гестапо обычно* звучит как приговор. А еще инженер-эсэсовец сообщил барону, что на него и Греттрупа был донос, в котором управление гестапо извещали, что конструктор барон фон Браун не желает превращать создаваемые им ракеты в оружие рейха, рассматривая их лишь как средство для полета в космос.

А спас его другой инженер-машиностроитель, начальник Пенемюнденского центра генерал-майор Вальтер Дорнбергер. Узнав от кого-то из генералов об аресте барона фон Брауна, он несколько раз безуспешно пытался дозвониться до шефа гестапо Мюллера, пробовал увещевать кого-то из его заместителей, подступался к фюреру через кого-то из его порученцев. Но когда генерал вдруг понял, что все его усилия оказались бессмысленными и что он только зря теряет время, вместе с которым может потерять одного из талантливейших конструкторов Пенемюнде, — он решился вылететь в ставку фюрера в Берхтесгаден и пробиться на прием

к начальнику штаба Верховного главнокомандования вермахта фельдмаршалу Кейтелю[35].

Как потом выяснилось, это был единственно верный шаг. Фюрер уже знал об аресте Ракетного Барона и, проинформированный о его саботажничестве, неистовствовал от злости: теперь он понимал, почему рейх до сих пор не стал обладателем по-настоящему эффективного секретного оружия устрашения! Конечно же, он вряд ли стал бы вытаскивать опального Фау-ракетчика из подземелий гестапо. А вот Кейтель, внимательно выслушав доводы доктора Дорнбергера, к которому всегда питал некое уважение, оказался прозорливее.

Нет, о мечтаниях зарвавшегося барона фон Брауна относительно полетов в космос фельдмаршал, естественно, говорил как о «преступном стремлении уйти от ответственности за провалы в создании секретного сверхоружия рейха». Однако согласился, что лишать космических иллюзий Ракетного Барона все же выгоднее прямо там, на ракетном полигоне в Пенемюнде, нежели в тюрьме гестапо. И сумел убедить фюрера, что парни из гестапо слегка погорячились.

Однако самое удивительное ожидало Брауна впереди. Как потом выяснилось, был еще один человек, который вступился за него, причем не перед Кейтелем или гестаповским Мюллером, а перед самим фюрером. И именно его заступничество значительно облегчило задачу фельдмаршала Кейтеля. Этим человеком оказалась летчица-испытательница Ганна Райч.

Дело в том, что перед отлетом в Берхтесгаден генерал-майор Дорнбергер в порыве отчаяния позвонил и этой любимице фюрера, которая незадолго до этого приезжала в Пенемюнде и, судя по всему, тайно обсуждала с Брауном возможность полета в космос. Мало того, у Дорнбергера даже закралось подозрение, что именно она и могла проболтаться то ли самому фюреру, то ли кому-то из его окружения о космических планах Брауна.

---

[35] Исторический факт. Вернер фон Браун действительно был арестован гестапо 15 марта 1944 года и обвинен в саботаже ракетной программы фюрера. После войны этот недолгий арест помогал ему оправдываться перед американскими военными и научной общественностью — он выступал в роли «космического мечтателя», которого гитлеровцы заставляли работать на военную программу рейха.

Как бы там ни было, но в тот же день, когда генерал увещевал фельдмаршала Кейтеля, в трубке фюрера послышался звонкий голосок хрупкой, но безумно смелой обожаемой им летчицы-арийки: «Мой фюрер, вы, очевидно, не догадываетесь, какая жуткая несправедливость совершается в эти дни за вашей спиной!»

«О чем вы, Ганна?» — как можно нежнее спросил Гитлер, предполагая, что летчица в очередной раз намерена пожаловаться на рейхсмаршала Геринга, недолюбливавшего ее уже хотя бы потому, что ее просто-таки обожал фюрер.

«Люди Мюллера арестовали талантливейшего из ваших конструкторов, создателя ракет Фау штурмбаннфюрера СС Вернера фон Брауна! Мыслимо ли такое, мой фюрер?!»

Пауза, которую выдержал Гитлер после этого сообщения, была настолько долгой и томительной, что Ганна усомнилась: а не положил ли вождь трубку? И голос его летчица услышала только после того, как уже решила, что связь прервана и надо бы перезвонить.

«А вам известно, за что он арестован гестапо, Ганна?»

«Мне известно только то, мой фюрер, что арестовывать этого талантливого человека гестапо не за что. Наоборот, оно должно охранять и защищать доктора Брауна от покушения на него вражеских агентов. Очень жаль, что ваш гестаповский Мюллер так до сих пор и не понял этого. Исправьте эту несправедливость, мой фюрер. Если вы казните Брауна, Германия потеряет лучшего из своих конструкторов ракет, а все наши враги будут аплодировать его палачам».

«Почему сразу казнить? — мгновенно и довольно бурно отреагировал Гитлер, выдавая, что ему все же известно было об аресте Ракетного Барона. — Ни о какой казни не может быть и речи!»

«А у меня такое предчувствие, что завтра на рассвете его казнят».

И опять какая-то странная пауза, преодолев которую, фюрер удрученным голосом произнес: «Его не казнят, Ганна. Не должны казнить. Это всего лишь ваше предчувствие».

«Женское предчувствие, — напомнила ему отважная заступница. — Поэтому я верю в вашу мудрость».

Между звонками Райч и Кейтеля прошло не менее получаса, однако за это время фюрер так и не позвонил гестаповскому

Мюллеру, еще раз подтвердив устоявшееся в близких к нему кругах мнение о том, что даже он опасался, а то и побаивался обергестаповца. Но зато фюрер оказался готов к разговору с Кейтелем и затем, в телефонном разговоре с непосредственным начальником Мюллера обергруппенфюрером Эрнстом Кальтенбруннером сослался именно на звонок и ходатайство Кейтеля, предоставив шефу Главного управления имперской безопасности самому вырывать доктора Брауна из подвалов гестапо.

Что же до штурмбаннфюрера СС Брауна, то он, основательно грешивший на златокудрую Ганну, так до сих пор и не понял: то ли она действительно спасала его из солидарности, то ли пыталась искупить свою вину. Впрочем, теперь это уже особого значения не имело.

— Почему вдруг вы заговорили о лагере? — холодно возмутился теперь барон, услышав предположение руководителя «Зондербюро-13».

— А что я должен был еще предположить?

— Что угодно. Только не заводить речи о концлагере. Шернера это попросту не касается, — сухо отрубил Браун, с трудом удержавшись, чтобы не добавить: «К сожалению, не касается».

Впрочем, несмотря на свою завистническую неприязнь к Шернеру, он сделал бы все возможное, чтобы тот избежал участи, которая в середине марта 1944-го уже чуть было не постигла его самого.

— В таком случае надеюсь увидеться с ним; мне нравится дикая раскованность фантазий этого парня. Особенно буйствующая в тех случаях, когда речь идет о дисколетах. Что-что, а дисколеты — мания, противостоять которой он не в состоянии.

— Вы правы: «дикая раскованность фантазий». Возможно, вскоре он вновь появится на ракетном полигоне в Пенемюнде. — Браун так и не решился известить руководителя «Зондербюро-13» о том, что Шернер уже давно находится в Рейх-Атлантиде; попросту не имел права этого делать.

— Если и в самом деле появится, — не рискнул он поверить словам Ракетного Барона. — Это поможет вам в освоении многих доселе тайных технологий прошлых цивилизаций.

— Можно подумать, что в своем «Зондербюро-13» вы уже давно подобрались к ним, — удостоил его иронического взгляда барон фон Браун.

— В любом случае конструктор Шернер... — попытался доктор Одинс высказать какую-то очередную глубокомысленную сентенцию, однако фон Браун решительно лишил его такого удовольствия.

— Лучше поведайте нам, что вы там умудрились накопать в двух остальных манускриптах?

— Эти манускрипты именуются «Самарангана сутрадхаран» и «Виманика Шастра»[36].

— Не утруждайтесь, их названия мне все равно ни о чем не говорят: совершенно чуждая отрасль знаний.

— Технология, которую нам удалось позаимствовать из этих наставлений древних технократов, показалась мне более доступной и приемлемой.

— Она оказалась бы еще более приемлемой, если бы вы извлекли ее хотя бы на полгода раньше, — проворчал Ракетный Барон, все еще не отрываясь от отчета. — Слишком поздно все мы осознали, что победа сокрыта не столько в создании огромных количеств самолетов и танков, но и в сотворении оружия особого назначения, оружия возмездия.

Сразу же после освобождения из-под ареста Брауна пожелал видеть фельдмаршал Кейтель. Если барон верно понял, то старый вояка пригласил его по настоянию Гитлера; возможно, подобный разговор был одним из непременных условий освобождения Брауна. Кроме того, Кейтель явно хотел довести до сведения конструктора, что своим освобождением тот обязан именно его сочувственному ходатайству.

«Я не знаю, — устало ворчал Кейтель, постукивая тыльной стороной карандаша по карте Советского Союза, от которой не отрывал своего взгляда, — сумеете ли вы, доктор Браун, в конце концов, отправить свою ракету в космос. Зато прекрасно знаю, что если с согласия фюрера вас во второй раз отправят в подвалы гестапо за саботаж и срыв программы создания оружия возмездия, то помочь я вам уже ничем не смогу».

«Я не саботировал осуществление этой программы и не срывал ее! — возмутился фон Браун так, словно вновь оказал-

---

[36] Исторический факт. По одной из версий, именно благодаря этим старинным манускриптам германским конструкторам удалось заполучить сведения, касающиеся конструкции дисколета и его двигателя.

ся перед следователем гестапо. — Просто моих собственных научных познаний, как и познаний моих подчиненных, пока еще недостаточно, чтобы создать сверхмощное оружие некоего космического образца, наподобие все тех же непобедимых дисколетов. К таким глобальным переворотам в технике приходят постепенно».

«Кто бы мог подумать?!» — саркастически «подыграл» ему фельдмаршал.

«И потом, не всегда же нам забрасывать ракетами этот чертов Лондон! Когда-то же ракеты должны будут служить науке. Вот я постепенно и нацеливаюсь на выход в космос».

Он еще говорил и говорил, поскольку Кейтель хотя и не отводил взгляда от своей «карты проигранных Советам битв», однако же и не перебивал его.

«А не пробовали вы поведать все это следователям гестапо во время ваших допросов?» — злорадно поинтересовался фельдмаршал, дождавшись, пока барон истощит свое красноречие.

«Я так все и высказал», — почти с гордостью за свою смелость объявил конструктор.

Кейтель впервые оторвал взгляд от «карты проигранных битв» и посмотрел на Брауна как раз тем омерзительно-сочувственным взглядом, которым обычно встречают появление в прихожей порядочного семейства опостылевшего всем городского сумасшедшего.

«То есть гестаповцам попросту не от чем было докладывать фюреру? А я-то думаю, почему вас так упорно держат в гестапо...»

«Не понимаю, о чем вы».

«Вот и гестаповцы тоже никак не могли взять в толк, о чем это вы».

«Простите, господин генерал-фельдмаршал, но я хотел бы прояснить смысл ваших намеков», — все еще храбрился фон Браун.

«А ведь фюрер ожидал от вас только одного: клятвенного заверения в том, что вы никогда больше не станете увлекаться вашей так называемой чистой наукой о космосе, да к тому же в ущерб выполнению программы перевооружения вермахта, который я имею честь представлять. Так что вам есть о чем поразмыслить в этом своем Пенемюнде, доктор Браун».

Барон хотел как-то возразить, однако Кейтель вдруг вспомнил, что по чину он значительно выше Брауна, и проворчал:

«Прекратите оправдываться, а лучше научитесь думать! Причем не только над своими чертежами. Все, не смею вас больше задерживать!»

— К каждой последующей ступени своего развития мы приходим тогда, когда нам позволяют к ней прийти, — философски заметил руководитель «Зондербюро-13» и секретной программы-операции «Уранус», врываясь сейчас в неприятные воспоминания технического руководителя ракетного центра. — Только тогда, когда нам это великодушно позволяют те, — указал он пальцем куда-то вверх, — кому действительно позволено... позволять.

— Убеждены, что только тогда?

— Поскольку меня в этом постарались убедить.

— Лично я никогда с таким подходом и таким пониманием не соглашался. Но и отрицать подобные сентенции становится все труднее.

— А каково нам, каждый день соприкасающимся со все новыми и новыми сведениями о появлении над Германией и союзными нам территориями летающих дисков?

21.

Ноябрь 1944 года. Германия. Остров Узедом в Балтийском море. Испытательный ракетный полигон в Пенемюнде.

Даже после беглого знакомства с предоставленными ему бумагами барон фон Браун понял: Одинс был прав — этот отчет логичнее было бы представить сейчас Шернеру.

С той поры, как маркграф Герман фон Шернер отбыл в «ссылку» в Рейх-Атлантиду, исследования, касающиеся дисколетов, погибельно застопорились. Над созданием этих «блюдец» работали сейчас две конструкторские группы, однако обе они вели себя так, словно вдруг оказались в какой-то интеллектуально-технической трясине. Раньше они замыкались в своих конструкторских решениях на Шернере и только затем уже от случая к

случаю выходили на него, Брауна. И вот теперь Шернера нет, что сразу же отразилось не только на технических решениях, но и на царившем в этих группах духе.

Отразилось уже хотя бы потому, что конструкторы не знали, над чем работает в своей сверхсекретной подземной лаборатории сам маркграф Шернер и как далеко он в своих поисках продвинулся. При этом ходили упорные слухи, что Шернеру открыли доступ к технологиям арий-атлантов и в эти дни он уже совершенствует их конструкции, в то время как им, пенемюнденцам, отведена роль открывателей неких «Фау-велосипедов».

Одна из групп, во главе с итальянским инженером Джузеппе Беллуццо, завершала работу над летающим диском, действующим на основе двигателя конструктора Виктора Шаубергера. Этот умник долгое время трудился над маниакальной идеей создания вечного двигателя, из-за которой чуть было не угодил в психиатрическую лечебницу.

С механикой своей вечно вертящейся «дьявольской машины» он так и не сладил, хотя и уверен, что подступился к ее тайнам очень близко, тем не менее усилия его были вознаграждены. Увлекшись идеей свободной энергии, сотворяющейся лишь из воздуха и воды, он предложил новый тип двигателя, работающего на энергии взрыва.

Но даже этот самонадеянный выскочка многое отдал бы за то, чтобы встретиться сейчас с Шернером, выведать, над чем он трудится, а главное, вписывается ли его, Шаубергера, двигатель в общую концепцию двигателей дисколетов. При этом его устраивал любой ответ. Шаубергер не боялся оказаться на обочине дисколетного прогресса, его вполне устраивал свой собственный путь. Впрочем, не такой уж он и свой.

Перед приходом доктора Одинса барон как раз знакомился с чертежами последней модели этого «бездымного и беспламенного взрывного двигателя, — как указывалось в его техническом паспорте, — который обеспечивает скоростной подъем дисколета за счет диамагнитной левитации, создающейся благодаря работе двенадцати реактивных двигателей».

Конечно, лучше было бы видеть их в работе, но и техническая документация тоже способна была поражать. С немыслимой силой всасывая в себя воздух, эти двигатели одновременно и охлаж-

дали основной, взрывной, двигатель, и создавали вакуумный эффект в окружности двух-пяти метров вокруг диска. Именно этот вакуум позволял диску развивать огромную скорость и, маневрируя, почти мгновенно менять направление движения и высоту полета.

В этом типе двигателя — идею которого Шаубергер тоже позаимствовал из сведений, полученных частью от группы, исследовавшей инопланетный дисколет, потерпевший крушение в районе Фрейбурга, а частью — из записей «бесед с ангелами» провидицы Марии Воттэ и секретных изысканий сотрудников «Зондербюро-13», — вроде бы все выглядело логично. Как и в конструкции диска Беллонцо[37].

Но все же чего-то этим творениям рук человеческих не хватало для того, чтобы сравниться с аналогичными неземными творениями. Может быть, именно той «дикой раскованности фантазий», которая была присуща Герману Шернеру и о которой с таким восторгом отзывается сейчас штандартенфюрер СС доктор Одинс.

— Коль уж речь зашла о космическом покровительстве и контроле... — нарушил паузу шеф «Зондербюро-13», роясь в своем объемистом фиолетовом портфеле.

— В самом деле, коль уж зашла... — оживился барон фон Браун.

— Уверен, что вас заинтересует один запечатленный нами космический «аргумент», оспорить который будет трудно даже вам, известному в этой отрасли скептику.

Ракетный Барон прекрасно понимал, что шеф «Зондербюро-13» не мог появиться ни с чем, и действительно с нетерпением ожидал, когда тот откроет свой легендарный фиолетовый портфель, таинственность которого зарождалась уже с немыслимого цвета его кожаной оболочки.

— Взгляните-ка, господин конструктор, на этот снимок.

---

[37] Итальянский конструктор Джузеппе Беллуццо (Giuseppe Belluzzo) проходил в научных кругах рейха под псевдонимом Беллонцо, поэтому в военной и послевоенной литературе сконструированный им дисколет, как правило, именуется диском Беллонцо (иногда — диском Белонце). Кроме того, Беллуццо известен как конструктор паровых турбин, а отдельные положения его книги «Принципы графической термодинамики» анализировал в одной из своих ранних научных работ Эйнштейн.

Браун взял в руки фотографию, на которой была запечатлена в полете одна из испытательных ракет типа «Америка А9-А10», рассчитанных на бомбардировку США. Причем нетрудно было выяснить, что снимок сделан во время ее перехода на горизонтальный полет. Тип ракеты барон тоже определил без особого труда, по очертанию носовой части и характерному оперению...

— Ну и что на этом снимке должно было бы заинтриговать меня, досточтимый?.. — начал он и вдруг заметил в левом верхнем углу — едва заметный, как бы зарождающийся из утренней голубовато-белесой дымки дисколет! — Стоп! Все ясно! Вот так сюрприз! Уверены, что это не подделка и не оптический казус?

— Абсолютно уверен.

— Ну-ну, мне бы вашу уверенность!..

Нервно пошарив в ящике стола, фон Браун выхватил оттуда мощную лупу и стал осматривать корпус этого летательного аппарата.

— Съемка велась из одного самолета?

— С двух. Операторами «Зондербюро-13», которые давно научились отличать солнечные блики и всевозможные световые эффекты от вполне реальных дисколетов.

— Убеждайте меня, штандартенфюрер, убеждайте... — вполне доброжелательно подбодрил его главный конструктор.

— Хотя, согласитесь, не нужно быть специалистом, чтобы понять, что здесь происходит, — высыпал он на стол перед Ракетным Бароном теперь уже целый ворох снимков, благодаря которым можно было проследить, как странный летательный аппарат, не обращая внимания на самолеты наблюдения, приближается к ракете и, в буквальном смысле оседлав ее, сопровождает.

— Вот это уже выглядит убедительнее, — признал фон Браун, и шеф «Зондербюро-13» уловил, как едва заметно задрожал его голос.

— Так стоит ли сомневаться в том, что наше с вами продвижение к новым образцам оружия возмездия пребывает под контролем?

— Дело сейчас не в контроле, — поморщился фон Браун. — И вообще, если инопланетные пришельцы отслеживают развитие земной техники, из этого еще не следует, что они его контролируют.

— Если отслеживают, значит, уже обеспокоены, уже пытаются контролировать, — настаивал на своем утверждении Одинс. — Причем я бы не спешил называть эти корабли инопланетными. Они вполне могут оказаться земными, но иноцивилизационными...

— Может быть, и так, иноцивилизационными, — согласился Браун. — И к нашим ракетам их влечет не чистое любопытство. Определенным образом они уже пытаются системно контролировать нас, ограничивать в поисках, дозировать наши эвристические приобретения. Понимаете, о чем я?

— Понимаю. Иное дело, понимает ли тот, — постучал он давно не стриженным, неухоженным ногтем по одной из фотографий, — тот, кто находится за штурвалом дисколета. Вам не кажется странным его поведение?

— Не кажется, — решительно покачал головой фон Браун.

— По-моему, он решает для себя: сбивать эту мощную ракету германцев или предоставить ей возможность лететь дальше. Или, может быть, ждет решения своего центра, в который уже сообщил о запуске нового типа ракеты.

— Решение своего центра он знает: «В ход войны землян не вмешиваться! Ни в коем случае и ни под каким предлогом!» Если бы такого приказа не существовало, они давно попытались бы втянуться в нашу драку.

— Каков же тогда у них приказ?

— Пока что — только проводить активную разведку.

— Не отрицаю, разведку они ведут постоянно, причем делают это порой демонстративно, щеголяя своей неуязвимостью. Но ведь это уже вполне человеческое честолюбие. Неужели действительно за штурвалом сидит антарктический атлант?

— Сидя здесь, за этим столом, и обладая всего лишь этими снимками, выяснить истину нам не удастся. Зато очевидно, что в данном случае срабатывает еще и вполне понятное любопытство дисконавта. Взгляните на эти виражи: ведь совершенно ясно, что дисконавт пытается спровоцировать ракету на маневр и таким образом выяснить, пилотируема ли она, — объяснил барон. А затем, вновь бегло просмотрев большую часть снимков, задержал взгляд на одном из них, из которого следовало, что, удовлетворив свое любопытство, дисконавт бросает свою машину вправо и вверх.

Теперь-то уж он явно демонстрировал германским летчикам, ведущим наблюдение за ним, что́ они имеют дело с искусственным летательным аппаратом, а не с каким-то атмосферным феноменом.

— И я того же мнения, барон, — задумчиво проговорил штандартенфюрер Одинс. — Пока что в ход наших научных разработок они не вмешиваются.

— Но уже обеспокоены и пытаются отслеживать, чем мы с вами здесь занимаемся и как далеко продвинулись на этом поприще.

Одинс собрал снимки, зачем-то перетасовал их, как карточную колоду и, швырнув в свой фиолетовый портфель, утомленно откинулся на спинку кресла.

— А теперь, — молвил он, полусонно прикрыв глаза, — я обязан сказать вам то, ради чего, собственно, прибыл сюда. Дело в том, что, спустя несколько секунд после увиденного вами контрольного облета, ракета вдруг резко отклонилась от курса, ушла на северо-запад и упала западнее Нордмарша, одного из островов архипелага Северо-Фризских островов. Кто-то может объяснить мне, как она там оказалась?

— Это точные данные — отклонение наступило сразу же после данного облета? — насторожился фон Браун.

— Доказано методом хронометража.

— Вот оно что!

— И как этот факт соотнести с нашей с вами теорией о невмешательстве третьей, небесной, силы в ход войны? Ибо уверен: он, факт этот, не единичный. Кстати, теперь в отчетах о неудачных запусках своих «Фау», кроме обычных, технических причин, вы можете ссылаться и на воздействие извне, прилагая наши, проверенные экспертами, фотографии.

— То есть ссылаться на то, что создать полноценные ракеты мне мешают инопланетяне, шастающие над Пенемюнде на своих дисколетах?!

— Но разве фюрер, начальник штаба Верховного главнокомандования Кейтель, рейхсмаршал Геринг и все прочие — не обязаны обладать данной информацией?! Да всем нам уже давным-давно пора знать реальное положение вещей!

— Спасибо, доктор Одинс, возможно, я и стану когда-нибудь посмешищем для всего штаба Верховного главнокомандования, но только не в связи с этими вашими «лунатиками». Хотя снимки

я бы попросил вас оставить. И вообще, теперь понятно, что все мы здесь, в Пенемюнде, находимся у них под колпаком.

— Знать бы только, у кого именно «у них», — проворчал шеф «Зондербюро-13», вновь извлекая из портфеля колоду фотографий. — И существует ли какой-либо доступный нам способ установления контакта с этими дисконавтами.

* * *

Подержав снимки на весу, штандартенфюрер Одинс неохотно положил их на стол перед конструктором, словно расставался со своим состоянием. В свою очередь Барон резким движением, словно карточный игрок — выигрыш, сгреб их в ящик своего стола и сразу же закрыл на ключ.

«Похоже, что он попросту уничтожит эти снимки, — с тоской подумал начальник секретного "Зондербюро-13", понимая, что потерял их навсегда, поскольку фотопленка уже сдана в архив "Аненэрбе", куда доступ ему в последнее время закрыт. — Он не только уничтожит их как вещественные доказательства, но и сделает все возможное, чтобы никто никогда не смог узнать об их былом существовании.

Но почему?! Зачем до сих пор обманывать себя? Не лучше ли было бы явиться с этими снимками в ставку фюрера и поделовому обсудить на заседании штаба Верховного главнокомандования? А возможно, и на каком-то высшем совете рейха, с участием всех высших должностных лиц Германии и некоторых ведущих ученых».

Вот только барона фон Брауна его страхи не касались. Он был рад, что снимки оказались у него, и, конечно же, не собирался показывать их кому бы то ни было из высшего руководства. Барон был уверен, что сообщение о вмешательстве высших сил в ход войны и подконтрольность им ракетного центра в Пенемюнде обязательно повлияет на ход мыслей фюрера.

Как именно повлияет, этого Браун не знал, но все может быть: вдруг Гитлер решит, что разрабатывать ракетную технику бесперспективно и, на радость Герингу и Кейтелю, бросит все средства и усилия на резкое увеличение численности авиации и самоходных артиллерийских систем!

Браун устало помассажировал виски и, откинувшись на спинку огромного кожаного кресла, которое все чаще заменяло ему постель, холодно уставился на доктора Одинса.

— Так вы спрашиваете, существует ли какой-то способ установления контакта с этими дисколетчиками? Существует.

— Что-что вы сказали?! — приподнялся из-за стола доктор Одинс.

— Вы прекрасно слышали, что я сказал, — не стал церемониться с ним фон Браун.

— И как давно?..

— Что «как давно»?

— Как давно вы уверены в том, что способны установить с ними контакт?

— Это уже не столь важно. Главное, что такую попытку мы обязательно предпримем.

От волнения шеф «Зондербюро-13» — еще в конце 1942 года созданного специально для того, чтобы собирать и изучать всю информацию, касающуюся небесных дисков и возможных контактов землян с инопланетянами — даже вспотел.

Одинс давно чувствовал себя обойденным и оскорбленным тем, что существуют некие тайные знания рейха, к которым его упорно не подпускают. Одной из таких тайн как раз и оставался Внутренний Мир Антарктиды.

Понятное дело, Одинс узнал о его существовании еще в начале 1943 года, то есть буквально через два-три месяца после назначения его на должность начальника «Зондербюро-13». Но это были самые поверхностные знания, каковыми они, в конечном итоге, и остались. Одинс не скрывал, что подобное отношение к нему оскорбительно, однако все попытки его пробиться к архивам «Аненэрбе» или к архивам института Германа Геринга ни к чему не привели. Мало того, люди из ведомства Кальтенбруннера недвусмысленно предупредили его, чтобы он не пытался вникать в те секретные сведения, которые им самим не добыты. А на те, которые сотрудникам «Зондербюро-13» все же удавалось добыть, СД, то есть служба безопасности СС, тотчас же накладывала свою лапу.

Только из страха перед агентами СД Одинс и решился столь безропотно расстаться со снимками, передав их в «надежные руки» барона фон Брауна.

— Считаете, доктор Браун, что в принципе этот контакт с дисколетчиками все-таки возможен?

— С дисколетчиками — вряд ли, они наверняка получили приказ в непосредственный контакт с землянами не вступать. А вот с их руководителями. И потом, я ведь сказал, что будет предпринята попытка — и не более того.

— Но вы сказали это впервые, а значит, за вашими словами скрывается некая возможность. Я так полагаю, что вы рассчитываете на активизацию своего антарктического канала. Строго конфиденциально: Герман Шернер сейчас в Рейх-Атлантиде?

— Разве что строго конфиденциально...

— Если не он, то уж руководство этого антарктического анклава Германии имеет право обсудить проблему дисколетов с руководством Внутреннего Мира, — продолжал демонстрировать свою информированность доктор Одинс.

— Мы не будем касаться проблем, которые находятся вне наших компетенций, — самым бестактным образом прервал его Ракетный Барон, как уже не раз делал это во время деловых разговоров.

— А если речь пойдет о еще более секретных видах созданного вами оружия, нежели ракеты Фау?

— Выражайтесь яснее, Одинс. Мне хорошо известно, что, прежде всего, вас интересует экспериментальный полет диска Беллонцо.

— И диска Беллонцо — тоже.

— В таком случае запомните, что состоится этот полет не раньше конца января.

— Если только к тому времени ракетный центр в Пенемюнде будет оставаться под нашим контролем, — кисловато и почти сочувственно усмехнулся Одинс. — Будем реалистами: время работает против нас.

— Меня это тоже волнует, — сознался барон. — Время уже давно работает против нас. Тем не менее ваше присутствие в «ложе для гостей» во время пробного полета будет оговорено.

— А присутствие Шернера? — все никак не мог угомониться доктор Одинс, уверовавший, что без Пенемюнденского Умника, как называли его здесь между собой технари, любые попытки поднять в воздух некие диски неминуемо окажутся бесполез-

ными. — Или, может быть, вернуть его в рейх уже не в ваших силах?

— Не терзайте себя предчувствиями, Одинс, к тому времени Шернер вновь будет радовать нас своим присутствием в рейхе. Во всяком случае, мы попытаемся добиться этого.

— Знаю, что это будет непросто: обычно оттуда не возвращаются, — согласно кивнул Одинс, поспешно запихивая свои бумаги в портфель и поднимаясь. — Вернуться оттуда — все равно, что с того света.

— Вы все правильно понимаете. Но, кажется, нам удалось договориться с представителем Повелителя Внутреннего Мира. В связи с особыми условиями, создавшимися в рейхе.

— Проще говоря, в связи с его гибелью, — опять понимающе кивнул Одинс, не терпевший каких-либо недомолвок. — На пробный полет пилотируемой ракеты допуск мне тоже обеспечен? — поинтересовался он уже от двери. — А то у меня создалось впечатление, что вы пытаетесь скрыть от меня этот этапный шаг в области космонавтики.

Услышав его просьбу, Ракетный Барон лишь недовольно покряхтел: о пробном полете пилотируемой ракеты дальнего действия штандартенфюрер Одинс знать не должен был. И уж тем более не должен был связывать его с космонавтикой: после второго ареста «за саботаж ракетной программы фюрера» добряк Дорнбергер действительно уже вряд ли сумеет спасти его. К тому же Брауна всегда раздражало, что, при всей секретности его программы, некий канал утечки информации все же существовал. Вот только пролегать он мог по одной линии — линии гестапо. И это больше всего удручало барона.

— Если вы обратитесь по этому поводу с официальной просьбой.

— Считайте, что соответствующая бумага уже на вашем столе. И не забудьте самым подробным образом ознакомиться с нашим докладом. Над ним трудились лучшие умы «Зондербюро-13», которые по совместительству считаются и лучшими умами рейха.

— Кто́ бы в этом мог усомниться?!

Не успела закрыться за доктором Одинсом дверь, как Браун тотчас же с жадностью набросился на его доклад. Прочтя его через несколько минут, барон поднялся и долго стоял у покрывшегося

легкой изморозью окна. Факты, которые излагались в тайнописаниях этого «зондербюриста», и в самом деле навевали на сложные и противоречивые раздумья. Но какими бы тревожными они ни казались сейчас конструктору «оружия возмездия», за ними все равно просматривались отчетливые проблески будущего космического озарения. Хотел бы он дожить до того времени, когда дисколеты будут садиться прямо вот здесь, на посадочную полосу Пенемюнденского аэродрома!

Под впечатлением от тех откровений, которыми делились с ним подопечные Одинса, мечта сия уже не казалась Брауну совершенно несбыточной. Вопрос в том, кто и когда выйдет на контакт с дисколетчиками. И дай-то Бог, чтобы первыми среди пассажиров дисколетов не оказались русские! Все, что угодно, только не это!

Набросив на плечи шинель, штурмбаннфюрер вышел на крыльцо. Мороза не было или, по крайней мере, его не ощущалось, зато давал о себе знать резкий холодный ветер, прорывавшийся в створе между двумя ивовыми островами, подступавшими прямо к поселку технического персонала. А еще в этом же створе виднелась надстройка какого-то военного корабля, который неподвижно застыл между морем и небом, соединяя при этом окончания двух кос, когда-то давно, возможно, объединявших эти два острова.

Обычно отец приезжал на «утиный остров» Узедом с большой компанией померанских аристократов, которым хотелось отвлечься от обыденных дел и развлечься с местными женщинами, для которых ночь, проведенная в постели приезжего аристократа, считалась таким «выходом на промысел», как для их мужей и отцов — выход в море на истерзанных штормами рыболовецких суденышках. И славились эти женщины удивительной изобретательностью и бесстыдством.

Мог ли тогда барон Браун-старший, прирожденный охотник и прожигатель жизни, предположить, что настанет время, когда на этом же «утином острове» его сын будет запускать в небеса боевые ракеты, *уносящиеся в сторону Лондона? А ведь избрал* Вернер Браун этот остров в качестве ракетного центра только благодаря «утиным наездам» в местные плавни своего отца.

«Мог *ли предположить* отец? А сам ты можешь представить себе, — поиграл желваками фон Браун, — что через каких-нибудь два-три месяца на этом острове уже будут «охотиться» русские

или англичане? Только в роли подсадных уток будут выступать конструкторы их лаборатории фон Брауна. И ты, в лучшем случае, окажешься в одном из бараков для военнопленных, сооруженных здесь же. Так, может быть, уже сейчас следует позаботиться о том, каким образом избежать этого позора, чтобы потом не прибегать к услугам личного оружия?»

Мысль о предкапитуляционном «исходе» из Узедома посещала его все чаще, однако барон так ни разу и не развил ее до какого-то логического завершения. Зато он помнил слова, молвленные Германом Шернером перед его отплытием в Антарктиду:

«Не отчаивайтесь, барон: возможно; Антарктида — еще и не самый худший вариант. Опасаюсь, что перед приходом русских рейхсканцелярия прикажет уничтожить не только все экземпляры и всю техническую документацию, касающуюся ракет Фау и особенно дисколетов, но и самих носителей их идей. И перестреляют нас, как племенных жеребцов, чтобы не сотворяли славы врагам рейха».

Тогда эти слова Шернера возмутили барона, но теперь он начинал относиться к ним совершенно по-иному, с убийственным реализмом человека, которого поставили в очередь, выстроившуюся перед крематорием.

... Но уже через полчаса, отбросив все страхи и панические сантименты, фон Браун звонил руководителю института «Аненэрбе» доктору Вольфраму Зиверсу, единственному из известных ему в рейхе людей, которые имели связь с Посланником Шамбалы, а главное, обладали хоть каким-то влиянием на него.

— Удалось ли вам выяснить что-либо по поводу судьбы нашего Пенемюнденского Мечтателя, доктор? — Это была уже третья его попытка добиться возвращения конструктора Шернера из Новой Швабии в Германию.

— Посланник Шамбалы обещал провести переговоры по этому поводу с Повелителем Внутреннего Мира.

— С той поры утекло столько времени, что ему давно пора было бы эти переговоры провести. — Лишь уважение к Зиверсу не позволяло Ракетному Барону напомнить ему, что точно такие же ответы ему уже приходилось слышать дважды.

— Знаете, барон, мы со своими боевыми субмаринами и грешными командами «Фюрер-конвоя» все чаще оказываемся перед

причалами «Базы-211», как перед воротами рая, не ведая, снизойдут ли привратники до того, чтобы впустить нас на землю вожделенную. И потом, что за надобность такая — возвращать этого парня сюда? По слухам, он там неплохо прижился, женился на германке-невесте, которую привез из рейха, создал некую новую конструкцию дисколета...

— Если он действительно создал ее, доктор, то там, в Антарктиде, а нужна она здесь, в рейхе.

— У людей, которые попадают на другой континент и контактируют с другой цивилизацией, и взгляды становятся иными.

— Что вы хотите этим сказать, доктор Зиверс?

— Их дисколеты создаются для совершенно иных целей. Проигранная нами война уже мало кого интересует. Кстати, у меня состоялась встреча с Консулом Внутреннего Мира перед его очередным отлетом в Антарктиду... — Зиверс прервал рассказ и выдержал приличествующую случаю паузу.

— И чем она закончилась для... Консула? — иронически поинтересовался доктор Браун.

— Вообще-то информация, насколько я понял, была конфиденциальной.

— То есть расстаться с этой информацией вы согласны только принудительно и только в подвалах гестапо?

— Не произносите название этой богоугодной организации всуе, — молвил Зиверс и недовольно покряхтел. — Консул сообщил весьма любопытную новость: по его мнению, летающие диски, которыми снабжены пилоты страны атлантов, производятся не в Антарктиде. — Штандартенфюрер опять выдержал паузу, однако, не дождавшись реакции Ракетного Барона, встревожился. — Вы все еще на связи, барон? Почему вы молчите?

— Я внимательно слушаю вас. Было сказано, что дисколеты производят не в Антарктиде, не во Внутреннем Мире.

— Совершенно верно.

— Консул в этом уверен?

— Создание таких мощных летательных аппаратов предполагает наличие не менее мощной промышленности, целой авиастроительной отрасли. Ничего этого в стране атлантов он не обнаружил.

— Вы даже не представляете себе, Зиверс, какую информацию только что выдали мне! Можете считать себя гением от разведки.

— Ну, к разведке я, допустим, никакого отношения не имею.

— В разведке не обязательно быть профессионалом. Наоборот, порой самых поразительных успехов добиваются самородки. Примеров тому масса.

— Тогда считайте самородком Консула.

— Кажется, мы ушли в сторону от магистральной темы. Продолжайте.

— Консул заявил, что дисколеты не атлантами изобретены и не ими созданы. И произведены они не на нашей планете. Но вот откуда, из какой именно планеты они доставлены в Антарктиду, этого он не знает.

— В данном вопросе это уже не столь существенно. Главное, что их производят не в Антарктиде, а значит, атланты не владеют секретами технологии производства их двигателей. Это для нас сейчас самое ценное. Атлантов всего лишь приобщили к техническому прогрессу некие инопланетяне.

— Это действительно важно, — признал Зиверс.

— И теперь я понимаю, какой это было ошибкой — отправлять в Новую Швабию целый легион инженеров и конструкторов во главе с Шернером!

— Причем лучших инженеров и конструкторов.

— Мы попросту оголили свои лаборатории.

— Заставив этих людей работать на сомнительное будущее, а не на завтрашнюю победу, — в унисон ему вторил Зиверс.

— Заставив их работать на арий-атлантов, — уточнил барон фон Браун. — Повелитель Внутреннего Мира только потому и согласился на создание в его владениях «Базы-211», что желает превратить эту базу в свой индустриальный Рур или Урал.

— А ведь, похоже, что именно так все и задумано.

— Они там, в своей Золотой Пирамиде Жизни, решили, что, заселив какую-то часть подземной Антарктиды германской элитой, смогут соединить возможности двух миров. Причем не исключено, что германцев они рассматривают лишь как вспомогательную научно-техническую и физическую силу.

— Неужели они пытаются воспринимать нас в своей Арий-Атлантиде всего лишь как рабов?! — возмутился Зиверс. — Только

поэтому и предоставили нам возможность колонизовать какую-то часть их подземелья?

— Они рассматривают нас как вспомогательную силу. Такое определение неоскорбительно для нас и справедливо по отношению к ним. Им хочется соединить возможности двух миров.

— Возможно-возможно, — механически как-то пробубнил Зиверс, думая при этом о чем-то недосказанном.

— Когда Консул вернется в Германию?

— Не знаю. По-моему, сам он тоже этого не знал.

— Мне бы очень хотелось встретиться с ним. Именно сейчас, в свете открывшихся фактов. В конце концов он земной человек, а не какой-то инопланетянин, поэтому мы можем сесть с ним в каком-нибудь кабачке и за кружкой пива все обсудить.

— Мне моя роль ясна. Но боюсь, что ничего нового вы от Посланника Шамбалы не узнаете. Может, есть смысл разыскать берлинского ламу?

— Человека в Зеленых Перчатках? Бессмысленно. Он уже поставил на рейхе крест.

— Кстати, сами вы, барон, туда, в подземную Атлантиду, не собираетесь?

— Нет. Там и без меня уже есть кому трудиться в конструкторских бюро атлантов.

В подземелья Антарктиды барон фон Браун, конечно же, не собирался. Однако и возможности отсидеться там хотя бы годвторой, пока здесь, на руинах рейха, все уляжется, тоже не исключал. Именно поэтому он не прочь был бы встретиться с Шернером, чтобы доверительно поговорить с ним об условиях жизни и работы на «Базе-211». Слишком уж неспокойно становилось в эти дни в Германии. К тому же у него не было никакой возможности связаться с представителями какой-либо из воюющих стран, чтобы обсудить планы возможного послевоенного сотрудничества с их учеными.

— Позвольте напомнить вам, барон, что группа ведущих ученых отправлена в Антарктиду по воле и приказу фюрера, — завершил этот разговор совершенно неожиданным пассажем Зиверс. — И что работает она на «Базе-211» уже на победу Четвертого рейха, и, следует полагать, уже в третьей мировой войне.

22.

Декабрь 1944 года. Атлантический океан. Борт субмарины «U-1230» (*позывной* — «Колумбус») из состава секретного соединения субмарин «Фюрер-конвоя».

...На «дойную корову» команда «Колумбуса» наткнулась лишь спустя несколько суток, уже у берегов Бразилии. И восприняла это, как спасение: запасы горючего были на исходе, а курса прохождения местных танкеров командир субмарины «U-1230» не знал.

Даже сюда, до экваториальных вод, Штанге довел субмарину только благодаря тому, что, под угрозой торпедной атаки, перекачал в ее топливные емкости остатки горючего из венесуэльского рудовозного судна «Сан-Фернандо», оставив его дрейфовать на милость океана. Когда механики субмарины выключили насосы и отсоединили от горловин танков «венесуэльца» топливные шланги, перепуганная команда его стояла, как ей было велено, выстроившись по правому борту и, молясь Господу, не верила, что германцы так и уйдут, не отправив их новенькое судно на океанское дно.

Подводникам и самим не верилось, что командир «Колумбуса» пощадит новенький рудовоз «Сан-Фернандо», тем более что рядом с ним на мостике стоял один из «странных гостей» субмарины, рослый офицер в форме лейтенанта СС.

Однако эсэсовец Кеммер (он же — штурмбаннфюрер Вилли Штубер) не вмешивался. И вообще, похоже было, что не судьба венесуэльских моряков его интересовала, а все то, что происходило при перекачке топлива. Впервые в жизни оказавшись на субмарине, этот эсэсовец вел себя так, словно теперь намеревался остаться на ней навсегда. Каждый день его видели то у торпедных аппаратов, то в машинном отсеке, в радиорубке или в аккумуляторном отсеке, где его внимание привлекла техническая новинка — шноркели, благодаря которым аккумуляторные батареи теперь можно было заряжать под водой.

А еще он дотошно допытывался у боцмана, какие существуют способы аварийного выхода из затонувшей субмарины через

торпедные аппараты, а также о спасении с помощью воздушного пузыря из командного отсека.

Кеммер-Штубер не стеснялся спрашивать и переспрашивать, уточнять и повторять движения моряков, имитируя те или иные их действия, и у бывалых моряков это вызывало уважение. Порой он напоминал моряка-новобранца, не успевшего пройти даже начальный курс овладения морскими азами. Вот только все еще оставался открытым вопрос: зачем ему вся эта наука понадобилась? Уж не собирается ли он принимать командование субмариной на себя? Тем более что его повсюду сопровождает гороподобный верзила в гражданском, которого Штубер называл не иначе как «мой вечный фельдфебель» и который, по всей вероятности, выполнял при нем роль телохранителя.

Понятно, что ни одному лейтенанту рейха телохранитель не полагался. Но в том-то и дело, что на судне мало кто верил, будто Штубер действительно пребывает в чине всего лишь лейтенанта СС.

«Захватывать субмарину он, возможно, и не собирается, — рискованно судачили в команде, — однако, наблюдая за его "учебой", наш капитан-лейтенант явно нервничает. Чем-то ему не нравится этот офицер СД».

И Ральф Штанге действительно нервничал. Многое он отдал бы, чтобы как-то избавиться от этого слишком любопытного эсэсовца.

— Позвольте полюбопытствовать: почему вы не пустили этого красавца «Сан-Фернандо» на дно? — поинтересовался Штубер (которого командир субмарины пока что знал лишь как унтерштурмфюрера Кеммера), когда субмарина отошла от судна, команда которого, опускаясь на колени, благодарила Бога за неожиданную милость воинственных, безжалостных германцев.

— Разве с Венесуэлой мы тоже воюем?

— А что, нет?

— До сих пор с этой страной мы не воевали

— Так объявите ей войну, Штанге! Что вас сдерживает? И потом, не следует забывать о солидном тоннаже судна, который очень пригодился бы вам в отчете о походе к американским берегам.

— Мне известно, что вы довольно придирчиво знакомились с моими отчетами и донесениями последних месяцев.

— Лишь с очень немногими. Но и они вызвали у меня массу вопросов.

— Которые вы решили задать мне прямо здесь, на борту «Колумбуса», по другую сторону Атлантики? Или рассчитываете, что, пуская на дно суда нейтральных стран, я подарю вам несколько новых вопросов?

— Хотите сказать, что все те корабли, о которых докладывал командующий подводным флотом адмирал Эберхард Гот во времена «Битвы за Атлантику»[38], принадлежали только американскому флоту?

— Хотелось бы верить, — загадочно улыбнулся Штанге. — Хотя, исходя из опыта своего рейдирования в Карибском море, отличить американское судно от мексиканского или венесуэльского удавалось далеко не всегда. Чтобы убедиться в этом, нужно побывать в шкуре подводника, а не просиживать в секретном отделе штаба флота.

— Вот как? Я, по-вашему, где сейчас отсиживаюсь?

— Вы, господин лейтенант СС, — исключение. Не о вас речь. А что касается рейдирования Карибского моря и, в частности, Мексиканского залива... Единственное, что успокаивало в те дни нашу не столь уж чистую и благоухающую совесть, так это то, что американцы нередко прибегали к услугам судов тех стран, которые в списках врагов Германии не значились.

— Говорят, однажды вы даже умудрились захватить какой-то островок.

— Преувеличивают. Какой еще захват острова?! — пожал он плечами. — Захватом я бы эту прогулочную высадку на остров не назвал.

Увидев рядом стаю акул, Штанге умолк и навел на них бинокль. Стая неслась прямо к «Сан-Фернандо», какой-то особый

---

[38] Основной целью операции германского подводного флота «Битва за Атлантику» было — перекрыть морские линии, по которым американцы вели переброску войск, боеприпасов и военного снаряжения в Европу. Началась эта битва еще в 1939 году, однако наибольшего успеха германский подводный флот, которым (исключая стаи «Фюрер-конвоя») в то время командовал адмирал Эберхард Гот, добился в 1942 и весной 1943 года. В этот период субмарины рейха промышляли даже в Карибском море.

инстинкт гнал ее туда, где должна была разразиться трагедия, на обломках которой можно было устроить свой кровавый пир. Должна была бы, но не разразилась. На сей раз вожака стаи явно подвело чутье. Но при этом акулы не обращали абсолютно никакого внимания на субмарину.

— Так уточним: преувеличивают или откровенно, по-моряцки, врут? — спросил Штубер, наблюдая в бинокль, как, поверив, наконец, что субмарина действительно уходит, один из моряков сорвал, себя куртку и начал признательно размахивать ею, очевидно, выражая таким образом благодарность германским подводникам за сердоболие.

Однако кто-то из офицеров, возможно сам капитан, вырвал эту куртку из его руки, швырнул за борт, а затем боксерским ударом в подбородок отправил «признательного» в нокаут. За матроса вступились его товарищи. То, что происходило потом на палубе рудовоза, похоже было на обычную, хотя и очень короткую, корабельную потасовку.

— Все же правильнее было бы офицеров расстреливать, — резюмировал Штанге, тоже наблюдая эту сцену в свой бинокль.

— И желательно, вместе с кораблем?

— Поди знай, куда и зачем они везут это стратегическое сырье, руду?!

— Что же вас остановило? Почему не прозвучало команды «Огонь»?

— Я ведь не могу объяснять офицеру СД, что меня остановило чувство жалости по отношению к этим ни в чем не повинным трудягам моря. И что даже если я потоплю у берегов Латинской Америки сто подобных судов, на исход войны это уже никак не повлияет.

— Объяснять офицеру СД вы, конечно, можете и так, — сдержанно резюмировал Штубер. — Но стоит ли демонстрировать сострадание? К тому же в кармане жилетки у вас имеется еще одно, более достойное объяснение.

— Имеется. Я так и не знаю, где сейчас находится эта чертова «дойная корова» и когда мы набредем на нее. А до тех пор торпеды приходится беречь. Мы и так расщедрились на них, отбиваясь от англичан в районе Азорских островов.

— Очевидно, английский командор испугался, решив, что вы хотите создать свою пиратскую базу на острове Санта-Мария или на Сан-Жоржи.

— А ведь неплохо было бы отсидеться да отоспаться на одном из этих морских португальских владений.

Стая действительно подошла к рудовозу, разделилась надвое, как бы охватывая жертву с флангов, а затем закружилась вокруг нее в азартном боевом вихре. На фоне почти полнейшего штиля, который царил сейчас в этой части океана, эта боевая пляска казалась особенно демонстративной и зловещей.

— Кстати, вы так и не поведали нам, на каком острове отсиживались в Карибском море.

— На одном из Малых Антильских, принадлежащих Нидерландам. После двух успешных атак в районе британского острова Кайман американцы и британцы устроили на меня настоящую охоту. Мы работали в паре, однако моего напарника английские пилоты потопили недалеко от острова Аруба, а меня блокировали с воздуха, на воде и под водой. Правда, они просчитались, решив, что я во что бы то ни стало попытаюсь прорваться сквозь архипелаг Подветренных островов, где-то в районе Гренады, Тобаго или Сент-Люсии, проливы между которыми перекрыть не так уж и сложно. Вот в этих проливах они и поджидали меня.

— И что же вас спасло? Какое провидение?

— На самом деле я со своей последней торпедой на борту забился под нависшую скалу в маленьком скалистом заливчике какого-то островка и пять суток лежал там, на мелководье, с выключенными двигателями, пока англо-американцы не решили, что мне все же удалось уйти в открытый океан. Но прежде чем прийти к такому решению, они хорошенько прочесали всю акваторию Малых Антил. Если бы нас там обнаружили, то никакое чудо нас уже не спасло бы. Мертвая мишень.

— Но вы заранее знали об этом укрытии?

— Даже не догадывался о существовании ни этого островка, ни этого удивительного, слегка смахивающего на грот, укрытия.

— Надо бы сообщить о гроте штабу подводного флота. Пусть предупреждают о его существовании командиров всех атлантических стай.

— Вряд ли он теперь уже кому-либо понадобится, но на всякий случай... А тогда, — уже поддался Штанге азарту рассказчика, — на берег мы выходили, точнее выползали, через узкий разлом в скале. Как оказалось, неподалеку, на склонах небольшой горы, расположился небольшой поселок, основную часть населения которого составляли представители какого-то местного индейского племени, а власть осуществлялась спившимся губернатором-нидерландцем, двумя чиновниками и двумя полицейскими.

— И ни одного взвода солдат?

— Ни одного.

— Этот факт вы можете скрывать, Штанге. Утверждайте, что остров взяли штурмом и колонизировали, — продолжал иронизировать штурмбаннфюрер. — Излагайте вашу исповедь колонизатора.

— Еще один полицейский пост находился во втором и последнем поселке этого островка, расположенного в пяти милях, на противоположном берегу. Однако он нас не интересовал. Оставив на борту только троих моряков во главе с боцманом, я в первый же вечер повел команду в поселок. Мои разведчики захватили влюбленную парочку нидерландских колонистов.

— В самые пикантные минуты? Это не по-джентльменски.

— Каково же было наше удивление, когда оказалось, что по убеждениям своим парень, как и его отец, был национал-социалистом, и на острове у них даже действовала небольшая, из десяти человек, организация нидерландских фашистов, обожествляющих Гитлера и Муссолини. Как только первый порыв страха пленников развеялся, парень настолько взбодрился, что выказал готовность присоединиться к команде, с условием, что в Германии я похлопочу о присвоении ему чина лейтенанта СС.

— Вот они, последние из племени нацистских романтиков, — сдержанно проговорил Штубер, и капитан-лейтенант так и не понял: молвлено это было всерьез или же с иронией? — Жаль, что в самом рейхе их становится все меньше.

— Истинно так, — согласился с ним Штанге. — Однако вернемся к романтикам. Выяснилось, что девица разделяла взгляды своего эсэс-возлюбленного, что сразу же облегчило нашу жизнь. Они то... — начал было Штанге, однако договорить не успел. Появившийся на мостике посыльный прокричал:

— Господин капитан-лейтенант, акустик засек субмарину! Движется в направлении дрейфующего «Сан-Фернандо». Похоже, что субмарина наша, из «Карибской стаи».

— Но это всего лишь его предположение?

— Старший офицер Хорн — того же мнения.

— Объявить тревогу! Готовиться к погружению!

— Поздно, — как можно спокойнее произнес Кеммер-Штубер. — Субмарина всплывает.

— Уже?! — припал к окулярам бинокля капитан-лейтенант. — Это ж как понимать?! Их акустик не обнаружил нашего присутствия?

— Почуяв большую и беззащитную добычу, на субмарине попросту потеряли страх. И нюх.

— Тем более — погружаемся.

— Это наша субмарина! — появился на мостике старший офицер Йохан Хорн. — Радист вышел на условленную волну и связался с их радистом. Никаких сомнений, это — наши моряки!

— Ну и?.. — вновь поднес бинокль к глазам Штанге. — Кто этой акулой командует?

— Субмарина идет под флагом командора Кнохена.

— Не может быть! Вы не ослышались?

— Никакой ошибки, командора Кнохена.

— Неужели этот Ржавый Утопленник все еще на плаву?! Мне сказали, что связь с ним давно потеряна и, скорее всего, он уже покоится на дне.

— Пока что — на борту субмарины, — заверил командира лейтенант Хорн, — которая — вот она!

— Пусть радист сообщит ему, что я помиловал команду этого судна, хотя судовую рацию мои люди из строя вывели. И что Кнохен опоздал: горючего на «Сан-Фернандо» уже нет. Он ведь наверняка рыщет в поисках его. Так порадуем же командора хотя бы одной «радостной» вестью.

Лейтенант тотчас же бросился к микрофону командного отсека, чтобы передать команду радисту.

— Этот Ржавый Утопленник, — продолжил свой рассказ Штанге, — умудрился в качестве командира корабля оставить на дне эсминец, морского охотника и две субмарины. И всякий раз каким-то чудом всплывал. Предыдущая субмарина, которой он

командовал, получила у Нормандских островов две пробоины, потеряла ход и легла на неглубокое дно. Закрывшись со своим вестовым в командирском отсеке, он приказал закачивать туда воздух, чтобы максимально повысить давление, а затем быстро открыл люк, и большим воздушным пузырем их выбросило из отсека. Однако уже на поверхности матрос скончался, что-то там у него произошло то ли с легкими, то ли с сердцем.

— Господин капитан-лейтенант, — вновь появился на мостике Хорн, — ваше радиосообщение на субмарину «Демон» передано.

— Так они действительно истратили все горючее? Если да, придется с ними поделиться.

— Я запросил. Горючим они заправлены. Вчера перехватили танкер.

— Это упрощает ситуацию.

— Командор уведомил, что сейчас его субмарина приблизится к нам.

— Если у него найдется бутылка хорошего кубинского рома, пусть причаливает. Правда, многовато нас здесь собралось. Как бы не налетело звено американских морских штурмовиков.

Пока офицеры делились мнениями и предположениями, моряки «Демона» тоже успели взять на абордаж несчастный «Сан-Фернандо» и, ничем особым не поживившись, вернулись на субмарину.

— Однако обратимся к незавершенной истории Ржавого Утопленника, — молвил Штанге, все еще осматривая «венесуэльца» и «Демона» в бинокль. Он опасался, что командор не оставит корабль на плаву, но в то же время понимал, что уже никак не способен будет повлиять на решение командира субмарины, а значит, и на судьбу венесуэльских моряков. — На острове был наш гарнизон, и Кнохену повезло: его подобрал патрульный катер. Когда через трое суток, доставленный в Берлин на «Хейнкеле-111», он предстал перед адмиралом Эберхардом Готом в старательно отутюженном мундире и сообщил, что вся команда, кроме него, осталась на дне, командующий подводным флотом так рассвирепел, что чуть не пристрелил его.

«Ты даже не пытался спасти свою новейшего типа субмарину или хотя бы часть своей команды! — орал он, размахивая пистоле-

том. — Ты бросил своих моряков на произвол судьбы и трусливо бежал. Зачем ты мне нужен здесь — без субмарины и команды?!»

— Адмирала, джентльмены, можно понять, — заметил Кеммер-Штубер, и на сей раз не отказываясь от понравившегося ему английского великосветского обращения.

— От суда Кнохена спасло только заступничество какого-то генерала, состоявшего с ним в родстве. Ибо действовал этот генерал, понятное дело, черед гросс-адмирала Деница.

— *Имя генерала помните?* — на всякий случай поинтересовался Штубер.

— Знаю только, что теперь он арестован и им занимается гестапо. Как оказалось, он каким-то образом связан был с заговорщиками, совершившими покушение на фюрера в июле прошлого года.

— Тогда многое проясняется, — проворчал Штубер.

— Причем арестован, говорят, по настоянию Скорцени.

— Даже так?! — мрачновато возрадовался штурмбаннфюрер СС, окончательно формируя при этом свое отношение к командору.

— А Кнохена адмирал Гот отправил сюда, подальше от СД и гестапо. Так что вот он перед вами, уже в чине командора.

— Странно только, что он не был арестован вместе с генералом-покровителем. Обычно Скорцени так не ошибается. Поскольку Скорцени в подобных ситуациях ошибаться вообще не свойственно.

Пока он завершал свой рассказ, «Демон» погрузился в океанские воды и, взяв курс на сближение с «Колумбусом», спокойно, как во время учебных морских стрельб, расстрелял венесуэльское судно из торпедного аппарата. И после этого опять всплыл, чтобы командор сначала в перископ, а затем уже с мостика мог понаблюдать за гибелью огромного судна.

— Для такого красавца не жалко торпеды, а, Штанге?! — прокричал он в мегафон, пока двое его моряков увековечивали пожар на «Сан-Фернандо» и медленное погружение судна на фотопленку. — Или все-таки жалко?

— Вам ведь было сообщено, что я, командир субмарины «Фюрер-конвоя», помиловал это судно, предварительно выведя из строя рацию.

— Вы, Штанге, — да, помиловали. А я — нет. И потом, вы что-то там сказали о субмарине «Фюрер-конвоя». Это что, стая такая?

— Секретное соединение, подчиняющееся лично фюреру и командование которым возложено на гросс-адмирала Деница.

Это уточнение сразу же заставило Кнохена призадуматься. Если он что-либо и слышал краем уха о некоем секретном соединении огромных субмарин, то не придавал этому значения. И потом, само название — «Фюрер-конвой».

— Мои моряки выяснили, — ушел от этой темы командор, — что на борту «Сан-Фернандо» находится руда, которую он доставлял в Штаты.

— Он не шел в Штаты, — возразил капитан-лейтенант.

— Значит, в Англию, что еще преступнее. Я вообще не приемлю какие-либо суда в Атлантике, кроме германских. Так что битва за Атлантику продолжается. И можете поздравить меня с очередной победой.

Штубер молча взял у Штанге мегафон и, озарив улыбкой свое смугловатое, корсиканское, как называл его Скорцени, лицо, ответил:

— Теперь мне понятно, как вы, Кнохен, добываете тоннаж потопленных вами судов. И теперь нам понятно, кто в Атлантике играет роль падальщика. Вынужден вам напомнить, что нет ничего презреннее, нежели добивать раненную дичь, которую пожалел настоящий охотник.

— А вы, собственно, кто такой?! Эй, Штанге, что это за умник у тебя на мостике?!

— Это офицер СД, заместитель Отто Скорцени, того самого, который арестовывал вашего генерала-покровителя и который сожалеет, что в свое время адмирал Эберхард Гот не пристрелил вас в своем кабинете, — въедливо объяснил ему капитан-лейтенант.

— Хватит мусолить эту старую, тухлую историю! — взвинтился Кнохен.

— Кстати, офицер СД как заместитель Скорцени запросто может исправить эту ошибку командующего подводным флотом рейха, ибо имеет для этого все полномочия.

— Скорцени! — почему-то поразило Кнохена повторное упоминание здесь, посреди океана, имени обер-диверсанта рейха. — При чем здесь Скорцени?!

— Скорцени — при всем, — ответил Штубер, вновь вернув себе мегафон. — Особенно когда речь идет о чьем-либо родстве с

генералами-заговорщиками. И вы, лично вы, Кнохен, очень скоро в этом убедитесь.

— Это следует воспринимать как угрозу?

— Как благословение перед виселицей. Такой ответ вас устроит? А теперь оглянитесь на гибнущий торговый корабль и хорошенько помолитесь во спасение душ невинно убиенных вами венесуэльских моряков. И пусть только я увижу упоминание о потоплении вами «Сан-Фернандо» в вашем донесении в штаб кригсмарине! Все, Штанге, — тотчас же обратился Штубер к командиру «Колумбуса», — задраивайте люки, и уходим отсюда.

— Я думаю, нам бы следовало поговорить с вами, господин офицер из СД, — занервничал Кнохен, видя, что Штубер, Штанге и Зебольд в самом деле собираются скрыться в командном отсеке.

— Можете в этом не сомневаться, Кнохен. Нам с вами предстоят длительные беседы, — ответил Штубер. — Жаль, что сейчас мы торопимся. — А как только Штанге задраил люк, предупредил его: — Будьте готовы к тому, что этот негодяй решится преследовать нас и атаковать. К такому решению он может прийти уже через полчаса, после того, как немного придет в себя от сбитой нами спеси и выяснит намерения своих офицеров.

— Так, может быть, следовало пригласить его сюда, на борт «Колумбуса»? — предположил Зебольд. — Взять его здесь под арест, а субмарину захватить.

— Она — германская, мой вечный фельдфебель, — возразил Штубер. — А главное заключается в том, что ни под каким предлогом на «Колумбус» Кнохен не перешел бы. Если же вы хотите оказаться его заложником, милости прошу наверх.

23.

Декабрь 1944 года. Атлантический океан. Борт субмарины «U-17» (позывной — «Черный призрак»).

Получив из танков «дойной коровы» необходимое количество горючего, Штанге уже готовился лечь на свой курс, однако командир танкера-субмарины обер-лейтенант цур зее Алькен пригласил его к себе на борт поговорить о жизни.

Штанге знал, что в эфир они имели право выходить только в крайнем случае, поэтому дружеские радиообмены новостями исключались. Приглашение было принято.

— Каким курсом следуете, господин капитан-лейтенант? — поинтересовался Алькен, как только Штанге оказался у него на мостике.

— На юго-запад. Конкретнее указать маршрут не имею права.

— Штурманы сойдут с ума, пытаясь разгадать, куда может следовать германская субмарина, держа здесь, в этой части Атлантики, курс на юго-запад. Но я понимаю: приказ.

— Который должен быть выполнен во что бы то ни стало. На моем «Колумбусе» — это святое.

— В таком случае и я всего лишь скажу, что, кажется, нам вами по пути.

— Вполне допускаю, — кротко признал Штанге. Для него старого служаки, главным было — придерживаться буквы инструкции и приказов. В этом он был щепетилен до казарменного идиотизма.

Когда они спустились в командирскую каюту, там их уже ждали большие чашки с горячим, ароматно пахнущим бразильским кофе, который показался Штанге напитком богов. Потребляя его, капитан-лейтенант пытался наслаждаться каждым глотком.

— Впрочем, в том, что запасы топлива я пополняю на одной из секретных германских баз в Аргентине под названием «Латинос», никакого секрета уже нет, — продолжил их разговор Алькен. — Зато вдвоем идти безопаснее. К тому же где-то там, на юге материка, мне придется вновь подзаправить вашу «акулу».

— Принимается. Следую за вами, в кильватере. Что происходит в Германии? Кроме долгой дороги из рейха, нам пришлось еще целую неделю пролежать на дне у одного из островков, ожидая приказа на выход в море.

— Германия — в кольце врагов, — развернул перед ним карту рейха обер-лейтенант. — Здесь все помечено по состоянию на 27 ноября, причем сведения сверены с американскими данными, которые, в большинстве случаев, оказываются более точными. Как видите, враги наступают с востока, запада, северо-востока, юго-востока и северо-запада.

— Они повсюду, и наступают они на Берлин... — нервно ощупал свою кобуру Штанге, словно сейчас же собирался выступать на защиту столицы.

— Нетрудно предположить, что к Рождеству русские уже будут на ближних подступах к Берлину; зимние наступления всегда удавались им значительно лучше, чем нам. Впрочем, англо-американцы тоже не отстают. Пользуются тем, что наша армия истощена и что основные силы ее сосредоточены на русских фронтах.

— Невеселую картину вы мне нарисовали, обер-лейтенант.

— Если вам нужны утешения, слушайте «Германское радио», особенно выступления Геббельса.

Они встретились взглядами, и капитан-лейтенант прочел в его глазах злорадствующий сарказм. Спорить с этим человеком или же просто возражать ему было бесполезно: перед ним были глаза разуверившегося фанатика.

— Понятно, — вздохнул Штанге, не пытаясь оспаривать доводы хозяина субмарины.

— Так что подумайте, есть ли смысл возвращаться в наш благословенный рейх.

Штанге вопросительно взглянул на сорокалетнего, основательно поседевшего обер-лейтенанта, пытаясь понять, что скрывается за его словами: дружеский совет или грубая провокация, — но, так ни черта и не поняв, резковато ответил:

— Я поведу свой «Колумбус» туда, куда мне будет приказано.

— Да что вы говорите?! Если дело только в приказах, тогда выполняйте мои, при этом я с удовольствием приму чин командора. Ладно-ладно, Штанге, я пошутил. Впрочем, попробуем без шуток. Приказ нашего высокодостойного гросс-адмирала Деница вы еще возможно, успеете получить, однако вопрос в том, успеете ли войти в какой-либо порт Германии раньше, чем туда войдут вражеские войска.

Штанге понимал, что обер-лейтенант прав и что решать нужно уже сейчас, однако пока что он к подобному решению не готов.

— Предлагаете сдаться аргентинским властям уже сейчас?

— Зачем торопиться? — пожал плечами Алькен. — И почему так сразу — «сдаться»?! Сдаться мы с вами, Штанге, всегда успеем.

— Конкретнее.

— Горючего и боеприпасов на нашей секретной базе на какое-то время хватит. С комендантом ее, подполковником войск СС Визнером, мы всегда сможем договориться.

— Вы хорошо знакомы с ним? — оживился Штанге.

— Достаточно хорошо. Он человек компанейский, доверительный. Если только вы приглянетесь ему.

— А бывает, что и?..

— ...И тогда в прилегающем к базе лесу находят обезглавленный труп некоего германского офицера-подводника. Почему-то обязательно, почти ритуально, обезглавленный.

— Возможно, потому, что под рукой Визнера всегда пребывает десяток-другой аргентинских индейцев, как правило, отпетых негодяев...

— Как быстро вы постигаете особенности жизни местного высшего света, капитан!

— Однако оставим в покое индейцев и поговорим о подполковнике Визнере.

— Запомните, Штанге: какие суда комендант заправляет в своем секретном полуподводном порту и куда они затем уходят — в их числе и какие-то странные, давно отрекшиеся от каких-либо государственных флагов, субмарины... Об этом знает только он.

— Допустим, определенный план действий уже вырисовывается.

— Наш с вами план действий? — взглянул Алькен поверх края чашки, застывшей где-то на уровне глаз.

— Куда мы торопимся, обер-лейтенант? Перед нами — океан!

— Прекрасно сказано. Зачем торопиться? Перед нами — океан... возможностей. У меня появился знакомый, довольно крупный бизнесмен и относительно порядочный человек, что среди продажно-торговой братии случается нечасто.

— Начало разговора мне нравится. Продолжайте.

— У него раскручиваются важные дела в Гонконге, Малайзии и на Филиппинах. Кроме того, он несколько раз побывал на островах Океании, расположенной, как вы помните, по ту сторону американского континента, — и движением факира обер-лейтенант извлек откуда-то из-под стола карту Тихого океана.

— Опять пиратский план мирового господства?

— Почему «опять»? И хватит с нас мирового господства. Если исходить из постулатов жизни, ни черта это господство не дает, так что оставим его фюрерам.

— Позиция ясна. Не отвлекайтесь.

— Этот бизнесмен предлагает оборудовать промежуточную базу на острове Пасхи, а более основательную — на одном из обитаемых или необитаемых атоллов, на котором мы сможем базироваться до полного истощения ресурсов наших подводных лодок. Там, в районе, охватывающем Китай, Японию, Индонезию, Сингапур, Австралию, — тьма судов, капитаны которых привыкли развлекаться чтивом о пиратах XVIII века. Имея надежные наземные рынки сбыта, а также такие базы, как «Латинос» и ряд других, мы можем быстро разбогатеть.

— Наконец-то стала проявляться и некая перспектива, — иронично изрек Штанге.

Они выпили по рюмочке аргентинского коньяку, который показался командиру «Колумбуса» презренным дешевым пойлом, и закусили бутербродами с красной икрой и апельсинами.

— Конечно, моя огромная неповоротливая «дойная корова» мало приспособлена к рейдерским погоням и атакам, — попытался не заметить его скептицизма Алькен, — тем не менее она вполне боеспособна.

— Кто бы мог в этом усомниться, глядя на эту огромную плавучую мишень, начиненную керосиновой взрывчаткой?

— Советовал бы поумерить свой сарказм, Штанге. Если всерьез решаться на пиратское рейдерство, то следует подумать и о том, чтобы иметь в запасе плавучий танкер, а еще — эдакий плавучий склад продовольствия и даже временное подводное хранилище нашей с вами пиратской добычи.

— Убедили. Год-второй походим под пиратским флагом. Что потом? — автоматически поинтересовался Штанге, все еще не воспринимая его предложения всерьез.

Алькен удивленно развел руками, мол: «Вы меня удивляете, капитан-лейтенант: такие наивные вопросы!»

— К тому времени мой друг-бизнесмен позаботится о наших счетах в нескольких азиатских банках и паспортах одной из экзотических стран, желательно из бывших колоний, которых будет

вполне достаточно, чтобы мы могли легализоваться в таком курортном районе мира.

— При этом любая, даже самая бездарная служба безопасности в два счета вычислит, кто мы, откуда взялись и чем до своего явления респектабельному миру занимались.

— Не думаю, что к тому времени поиски не сдавшихся в плен бывших германских подводников все еще будут актуальными для американцев или кого бы то ни было. Поверьте, о Второй мировой войне местные — аргентинские, уругвайские, парагвайские и все прочие — чиновники и полицейские и так знают слишком мало, а со временем они будут знать ровно столько, сколько мы с вами знаем о войнах Ганнибала.

Выслушав этот монолог, Штанге решительно поднялся, давая понять, что разговор окончен.

— Свой последний бой мой «Колумбус» может дать и на подходе к германскому порту, захваченному врагами, — явно запоздало и с совершенно неуместным теперь пафосом продекламировал он.

Алькен поморщился, словно пытался утолить неутолимую зубную боль и, наклонив свою массивную голову с затылком циркового борца, отчаянно повертел ею:

— Вы так ничего и не поняли, капитан-лейтенант, — сдавленно, словно бы задыхаясь под натиском собственных эмоций, проговорил он, и Штанге заметил, как рука обер-лейтенанта медленно, пока еще неуверенно, но все же потянулась к кобуре пистолета. — При подобных переговорах банальные отговорки в стиле Геббельса в расчет не принимаются.

— Меня это не интересует. Я знаю одно: впереди океан.

— Не принимаются, понятно вам, Штанге?! — не давал выбить себя из роли обер-лейтенант Алькен. — И потом, давайте определимся: то ли мы говорим о деле, но тогда по-настоящему, по-деловому, то ли вообще ни о чем не говорим.

— При этом я придерживаюсь святого правила подводников, — вполне примирительно проговорил Штанге, хотя и сам потянулся к кобуре: — «Сказанное на субмарине должен знать только океан».

— Разве что... только океан.

— На этом и порешим.

Еще несколько секунд Алькен держал руку на кобуре, исподлобья следя за своим несговорчивым гостем. В эти мгновения он

напоминал дуэлянта-ковбоя, привыкшего к тому, что отсчет «дуэльного» времени начинается от того мгновения, когда руки легли на кобуры пистолетов.

— Если решитесь, Штанге, — вновь все так же медленно и осторожно отводил он руку от кобуры, — мой позывной «Черный призрак» вам известен.

— Как и вам — позывной «Колумбус». Кстати, мы так и называем свою субмарину.

Случайно переведя взгляд на дверь каюты, Штанге вдруг обнаружил, что она приоткрыта и в узком проеме виднеется ствол автомата. Он замер: «Вот в чем она заключалась, эта погибельная ловушка «Черного призрака»! Неужели кто-то решится стрелять здесь, на подводной лодке?! Это же безумие!» Однако никто не стрелял. Мало того, еще через мгновение ствол исчез.

«Очевидно, не прозвучало сигнальной фразы», — понял капитан-лейтенант, чувствуя, что только что он находился на грани гибели.

— Странно вы ведете себя, обер-лейтенант, — проворчал он, немного придя в себя.

— О чем это вы, сеньор Колумбус?

— О том парне с автоматом в нервно вздрагивающих руках, которого вы припрятали за дверью, подобно скелету в шкафу.

Алькен вновь наполнил стопочки и, приподняв свою, вместо тоста произнес:

— Стоит ли обращать внимание на какие-то мелкие предосторожности, если перед нами — весь океан?

— Наставленный на меня автомат вы считаете мелкой предосторожностью?

— А вы — нет? Не нагнетайте атмосферу, капитан-лейтенант, а то я и в самом деле не смогу выпустить вас из чрева своей «дойной коровы». Я не хочу, чтобы своими доносами вы утруждали сотрудников гестапо.

— А вот у меня создалось впечатление, что вы попросту соскучились по студенческим дуэлям.

— Никогда не прибегал к ним, о чем теперь очень жалею.

— Зато мне известен один человек, умудрившийся пройти через пятнадцать из них, увековечив эти свои развлечения двумя прекрасными шрамами на лице.

— Не слишком ли много особых примет? Этот человек тоже войдет в нашу компанию?

— Он давно в нашей компании.

- Так назовите же его.

— *Имя его вам* давно известно: речь идет об Отто Скорцени[39].

Алькен *взялся было за бутылку, однако, услышав имя обер*-диверсанта рейха, разочарованно поставил ее на место.

— Это тот, который перевешал всех генералов-заговорщиков, восставших против фюрера в июле 44-го?

— Который со своими парнями подавил этот заговор. Вешали и расстреливали другие.

— «Вешатель со шрамами», именно так его и называют здесь, в аргентинской Патагонии. Терпеть не могу подобных вешателей.

— Что в вашем полупиратском положении совершенно естественно.

— Когда в подобной ситуации произносят имя столь «богобоязненного» человека, оно начинает звучать как угроза.

— А оно и звучит как угроза, — уже увереннее молвил Штанге. — Иначе зачем бы я произносил его здесь, посреди холодного ночного океана?

24.

Январь 1945 года. Германия. Остров Узедом в Балтийском море. Испытательный ракетный полигон в Пенемюнде.

Сообщение о прибытии фюрера поступило в ту минуту, когда Вернер фон Браун завершал знакомство с предстартовым отчетом начальника технического отдела Фау-2 Аргура Ренса. Отчет как отчет, ничего особенного. параметры, цифры допустимых нагрузок, предсказания относительно возможных предстартовых неполадок в тех или иных системах и способы их *устранения.*

---

[39] Шрамами, украшавшими его левую щеку, Отто Скорцени в действительности обзавелся не на войне, как считали многие, а во время одной их пятнадцати дуэлей на шпагах, которыми он фаталистически увлекался в студенческие годы.

Но только он, Браун, знал, что на самом деле за каждым из этих показателей скрывается судьба пилота, которому через несколько минут предстояло взлетать в небо; судьба ракеты, судьба проекта Фау-2 и операции «Эльстер», а возможно, и его, Ракетного Барона фон Брауна, личная судьба.

Самолет с Гитлером на борту должен был приземлиться через десять минут, прикидывал технический директор ракетного центра. Еще минут сорок уйдет на его встречу и доставку сюда, в пусковой бункер ракетного полигона, а также на доклад и всевозможные объяснения...

«Как же некстати он прибыл сюда! — с какой-то задушевной грустью подумал Ракетный Барон. Появление любого начальника всегда оказывалось некстати. Но если уж появлялся фюрер... Это вообще было не к добру. — Но не откладывать же из-за него полет!»

По внутренней связи Браун связался с Ренсом и приказал перенести старт на сорок минут от запланированного времени, но затем передумал и довел время до часа. Вдруг у фюрера не окажется столько свободного времени, и он улетит в свой Берлин!

— Стартовый рубильник будет включен в тринадцать тридцать, — приказным тоном уведомил он Ренса.

— Простите, а что произошло? Какие-то неточности в отчете? — едва слышно проговорил Ренс. Когда он начинал нервничать по поводу готовности ракеты, голос у него мгновенно пропадал. Причем, как правило, эта его слабость проявлялась именно во время «служебного нервничанья».

— К вашему отчету особых претензий нет. Чего не скажешь о самой Фау-2. Впрочем...

— И все же как это следует понимать, господин оберштурмбаннфюрер? Обнаружены неполадки в одной из систем?

— Системы в норме, — проворчал Ракетный Барон. Он прекрасно знал, что Артур по-прежнему панически боится его и любое более или менее серьезное замечание в свой адрес воспринимает как личную трагедию. При этом самым верным признаком его чиновничьего страха действительно становился голос — мгновенно оседающий и почти срывающийся на шепот.

Единственное, о чем Артур Ренс пока еще не догадывался, — что именно этот, переходящий в полудетский шепоток, лепет его, да к тому же приправленный заиковатостью, как раз и бесил

Брауна куда больше, нежели возражения или возмущение подчиненного.

— Все равно, наверное, следует еще раз пройтись по всем узлам. Во всяком случае...

— Следует, — еще более угрожающе молвил фон Браун. В Пенемюнде всем знакома была его привычка — прерывать собеседника на полуслове. Он искренне считал, что говорить здесь имеет право только он. Все остальные обязаны слушать и выполнять.

— В таком случае мне, очевидно, следует взять отчет и взглянуть на ваши замечания?

— Берите. Только учтите, что сюда с минуты на минуту прибудет фюрер, поэтому далеко не отлучаться, вполне возможно, что вы понадобитесь.

— Фюрер?! — на какое-то время вновь прорезался голос Ренса.

— Только не вздумайте уточнять, какой фюрер, — наконец взорвался Браун. — К вашему сведению, у нас он пока что один.

— Один, хвала Господу! — почти благоговейно признал начальник ведущего отдела.

— И никто из технического персонала, кроме вас, не должен знать о его прибытии.

— Но почему? Ведь появление фюрера...

— Знаю, Ренс, лично вас оно очень вдохновляет. Однако не все одинаково реагируют на него. А я не хочу, чтобы в такой ответственный момент люди нервничали еще и в связи с присутствием вождя. Я достаточно ясно выразился?

— Достаточно.

— И вы, лично вы, Ренс, знать о прибытии фюрера тоже не должны. Пилот уже в ракете?

— Как положено, за тридцать минут до старта пилот ракеты штурмбаннфюрер Рудольф Шредер[40] занял свое место в кабине.

— Так извлеките его оттуда! Подарите ему еще шестьдесят минут жизни.

— Сейчас извлеку.

---

[40] Историческая личность. По имеющимся данным, именно он, штурмбаннфюрер СС Рудольф Магнус Шредер, пилотировал ракету, которой Гитлер пытался нанести удар по Нью-Йорку. Однако для пилота этот полет завершился трагически.

— При этом и вы, и пилот Шредер, должны помнить: права на отказ от полета у него уже нет.

— Он и не пытался *отказываться*.

— А я утверждаю, что у него нет такого права! — неожиданно и совершенно беспричинно сорвался Браун, что в последнее время случалось с ним все чаще.

— Так точно, господин штурмбаннфюрер.

— А не отказывался он только потому, что знал: Скорцени пристрелит его сразу же, как только этот трус вернется в отряд рейхскамикадзе.

У Вернера *были* все основания опасаться за твердость характера пилота. Дело в том, что Шредер присутствовал при запуске аналогичной ракеты, нацеленной на американскую базу в Гренландии. Увы, она взорвалась уже спустя несколько секунд после старта, на незначительной высоте, вызвав страх и уныние во всей присутствовавшей группе астронавтов-смертников.

Как вскоре донес Брауну начальник службы безопасности Отряда военных астронавтов, в своем дневнике, ведение которого в отряде не возбранялось, Шредер записал: то, что ему пришлось увидеть в Пенемюнде, вселило в него ужас. И хорошо, что пуск был испытательным и *беспилотным*, а *главное*, в ракете *не было* боевого заряда.

Узнав об этой опрометчивой откровенности, Скорцени повел себя так, как способен был повести себя только он: отклонил кандидатуры двух пилотов, которые стояли в списке претендентов на пилотское кресло впереди штурмбаннфюрера Шредера, и приказал отправить его в поднебесье в первой же пилотируемой ракете.

«И никаких псалмопений по этому поводу! — прорычал он в трубку, завершая короткий разговор на эту тему с Ракетным Бароном. — Никаких псалмопений! Лететь будет только Шредер. И я отучу этих смертолириков от составления пенемюнденских ветхих заветов!»

Набирая в свой отряд офицеров-добровольцев, имеющих опыт службы в люфтваффе, Скорцени не скрывал от них, что это легион смертников. И что каждый их боевой вылет, как правило, будет проходить по недвусмысленно сформулированному принципу — «использование с самоуничтожением». Только так: использование с самоуничтожением!

Однако предупреждал он своих курсантов и о том, что назад пути нет. А нет его потому, что в принципе быть его уже не может.

Сначала у итальянского князя Боргезе, командовавшего во флоте Муссолини «Икс-флотилией», Скорцени перенял опыт подготовки командиров катеров-снарядов и управляемых торпед, подготовив для малых боевых соединений германского военно-морского флота под командованием вице-*адмирала Хейе около* сотни моряков-смертников[41]. А затем принялся готовить пилотов для управляемых тяжелых авиабомб и пилотируемых ракет, а также пилотов-камикадзе для обычных самолетов.

Фюрер, Гиммлер и Геринг идею подготовки рейх-камикадзе в принципе одобрили, и теперь его Отряд военных астронавтов насчитывал около пятисот добровольцев. Причем во время со вещания у фюрера Скорцени заявил, что способен подготовить столько людей, сколько понадобится, были бы ракеты. Это за явление поразило всех, особенно начальника штаба Верховного главнокомандования фельдмаршала Кейтеля.

— Неужели действительно нашлось такое количество смертников-добровольцев?

— Можете не сомневаться, господин фельдмаршал. Их будет столько, сколько мы с вами решим направить в Отряд военных космонавтов. — И тут же, со свойственной ему грубоватой прямотой, уточнил: — Однако из этого не следует, что пилотов-смертников я стану поставлять для ракет-смертников, не способных отлететь на десять километров от Пенемюнде.

Это был удар в спину. Все присутствовавшие сразу же почувствовали себя неловко. Причем первым что-то недовольно пробубнил все тот же Кейтель.

— Почему вы называете этот свой отряд Отрядом военных космонавтов? — не скрывая своего недовольства, спросил Гитлер. Барон, как никто иной, знал, насколько фюрер не любит всего, что

---

[41] Более подробно об этой стороне деятельности Отто Скорцени — в моем романе «Ветер богов». В опубликованной уже после войны книге своих воспоминаний, по поводу управляемых смертниками торпед Скорцени писал: «Опираясь на опыт итальянцев, адмирал Хейе и его сотрудники за несколько месяцев создали новое эффективное оружие особого назначения. Все следовало делать как можно быстрее, ибо все мы знали, что времени терять нельзя. Война близилась к концу». — *Автор*.

напоминает о космосе. — Только для того, чтобы завлечь в него молодых «коршунов Геринга»? Или же существует еще какой-то, более скрытый, смысл?

Скорцени отдавал себе отчет в том, что ему выгоднее признать: «Да, ради завлечения» — однако сказал он все же правду:

— Потому что мне верится, кому-то из них все же удастся стать германским покорителем космоса.

Кейтель предупредительно прокашлялся и вновь что-то там пробубнил себе под нос. Однако с этой его привычкой — бубнить себе под нос все уже давно смирились настолько, что почти не реагировали на нее.

— Не об этом мы должны думать сейчас, оберштурмбаннфюрер. Нам нужны ракеты.

— Так точно, мой фюрер.

— Очень много ракет, — еще громогласнее провозгласил фюрер. — Чтобы мир знал о них и содрогался. Уж какими они там будут: обычными, радиоуправляемыми, самонаводящимися, пилотируемыми, — это не так важно. Мы не космос сейчас должны покорять, мы, Скорцени, должны покорять Лондон, Нью-Йорк, Москву.

— Москву покорять! — хмыкнул Кейтель, и, кажется, это были единственные членораздельно произнесенные им слова, которые удалось услышать от него за все время этого совещания.

«Вот именно, — проворчал сейчас барон фон Браун, вспомнив о явно провокационных заверениях обер-диверсанта рейха, — были бы ракеты! Все ждут от меня каких-то особых, сверхмощных и сверхдальних ракет. Но я не Господь, и лепить эти ракеты мне приходится не за семь дней и не из глины!»

25.

Декабрь 1944 года. Атлантический океан. Борт субмарины «U-1230» (позывной — «Колумбус») из состава секретного соединения субмарин «Фюрер-конвоя».

Когда капитан-лейтенант Ральф Штанге вернулся на свою субмарину, в командирской рубке его уже ждали старший офицер Йохан Хорн и боцман Питер Керин.

— И как прошли переговоры? — широко улыбнулся Хорн, считавший, что его предвидение сбылось: Штанге вынужден был договариваться с жестким и авантюристично настроенным командиром «дойной коровы», с которым сам он не раз беседовал еще там, в припортовых пивных Гамбурга.

— О каких переговорах речь, господа? — при этом Штанге умышленно обратил свой взгляд на боцмана, подозревая, что тот уже составил «пиратскую компанию» старшему офицеру.

Тот растерянно оглянулся на старшего офицера и пожал плечами.

— Лучше спросите обер-лейтенанта. Мое дело — вовремя задраить люки и лечь на дно.

— В таком случае спрашиваю у вас, Хорн, — медлительно перевел взгляд на старшего офицера субмарины. — Или вы тоже решили задраить люки?

— Давайте поговорим спокойно, командир, — предупредительно взметнул вверх руки обер-лейтенант. — Только тогда наш разговор будет иметь какой-то смысл.

— Я вас слушаю.

— По настроению вижу, что с Алькеном вам договориться не удалось. Хотя я рассчитывал на это.

— А мне кажется, что вы, Хорн, уже собирались приступать к командованию «Колумбусом», рассчитывая, что мне вообще не удастся вернуться на него.

— Упаси Господь!

— И я уже подумываю, Хорн, не подвергнуть ли вас аресту, вплоть до прихода на базу «Латинос»? — Произнося это, Штанге успел протиснуться между старшим офицером и боцманом, чтобы оказаться у люка. Приоткрывая его левой рукой, правой он уже извлекал из кармана пистолет.

— Спокойно, Штанге, спокойно! — отшатнулся от него старший заговорщик.

— Да не бунтовщики мы, командир, не бунтовщики! — взмолился высоким фальцетным голоском боцман. Приземистый и исхудавший, он совершенно не соответствовал тому типу сильных и развязно грубоватых людей, к которому обычно привыкли относить боцманов надводных судов.

— Кто же вы в таком случае?

Хорн и Керин вновь затравленно переглянулись: они не сомневались, что командир может запросто перестрелять их здесь, такое право в военное время ему дано. К тому же они знали решительность Штанге.

— Говори, Хорн, что ты задраил свои люки, умник?! — злобно оскалился Керин.

— Мы — германские патриоты, не желающие сдаваться врагу даже после того, как будет объявлена капитуляция Германии.

— Вот, — подтвердил боцман, — даже после капитуляции. Поскольку сам фюрер никогда капитуляцию объявлять не станет.

Унтерштурмфюрер СС Кеммер (он же штурмбаннфюрер фон Штубер), один из секретных пассажиров субмарины, одновременно отвечавший за безопасность этого похода, оказался у рубки как раз в тот момент, когда командир хотел позвать кого-нибудь на помощь. Ни в каких объяснениях он не нуждался.

Опасаясь, что унтерштурмфюрер тоже на стороне Хорна, командир навел на него пистолет, однако эсэсовец лишь на мгновение замер, по испуганным глазам Штанге пытаясь понять, что произошло. Затем, так ни слова и не произнеся, бесцеремонно оттолкнул его, ворвался в отсек и в мгновение ока вырубил Хорна, ударив ребром ладони в сонную артерию.

— И вы, боцман, в висельники подались?! — уставился Кеммер на второго заговорщика, пока старший офицер, наваливаясь на переговорное устройство, медленно оседал на пол.

Керин мучительно пытался выдавить из себя хотя бы полслова, но пока он сподобился на подобный подвиг, Кеммер успел поднести лезвие карманного ножа к кадыку боцмана.

— Никак нет, — с трудом выдавил из себя Керин, — никакого бунта.

— Адвоката прикажете повесить на рею рядом с вами?

— От кого вам стало известно о заговоре, унтерштурмфюрер? — спросил командир, подозрительно прищурившись.

— Когда на судне затевается бунт, гарь от накала страстей слышна, прежде всего, в капитанской каюте.

— Они что, и вас пытались подговорить?! — удивился Штанге, когда, спустя еще несколько секунд, несостоявшиеся пираты уже сидели на полу, лицами к борту, с заложенными за затылок руками.

— На это у ваших висельников попросту фантазии не хватило.

— Как же вы оказались здесь?

— Случайно. Решил договориться, чтобы тем троим ученым мужам, которых я сопровождаю, позволено было провести часок на палубе субмарины, подышать ветрами Атлантики. Ну а дальше — его величество интуиция. Заговор я обычно нутром чую.

Капитан-лейтенант почти с благодарностью осмотрел рослую, плечистую фигуру унтерштурмфюрера, которому по возрасту уже пора было щеголять хотя бы со знаками различия капитана СС.

— Странно, — произнес он, после того как подозвал вестового и приказал ему отправиться в каюты для гостей с разрешением подняться на палубу...

— Что странного, висельный вы наш капитан?

— Что поверил на слово, когда мне сказали, что вы — обычный офицер ваффен-СС, без какой-либо особой подготовки, которому подобным образом — сопровождая в Антарктиду группу ученых — была предоставлена возможность немного передохнуть после русского фронта.

— Так оно все и случилось: предоставлена. И именно таким образом.

— Сомневаюсь. Особенно назойливыми стали эти сомнения после вашего разговора с командором Кнохеном. Не настало ли время поговорить начистоту?

— Сейчас не время предаваться воспоминаниям детства, командир, — осадил Штубер любопытство капитан-лейтенанта. — Что с этими двумя висельниками делать будем? — басисто прохрипел он, хватая заговорщиков за загривки. — По пуле в затылок — и за борт?

— Для начала помогите переправить их в карцер.

— Зачем? Чтобы создавать нервозную обстановку на судне? Впрочем, их арест поможет выявить остальных бунтовщиков.

— Их больше нет.

— Легкомысленное заявление, командир.

— Вы поможете перевести этих арестантов в карцер. Или позвать на помощь моряков.

— Перевести? Это не составит никакого труда. — Одновременно взмахнув обеими руками, Кеммер-Штубер опустил свои

мощные кулаки на головы несостоявшихся пиратов и, оглушив их, подхватил за воротники.

Несмотря на протесты командира подлодки, который считал унизительным наблюдать, как его офицеров волокут через всю огромную фюрер-субмарину, словно щенят, Кеммер вскоре благополучно доставил их до особого, карцерно-моргового закоулка и буквально зашвырнул в подводную тюрьму.

— Вот это работа! — удивленно проговорил Штанге, признательно оценивая действия Кеммера-Штубера. — Впервые пришлось наблюдать вот так, вблизи. Очевидно, так и действуют фронтовые разведчики?

— Приблизительно, — уклончиво ответил Кеммер. — Думаю, нам сразу же следует хорошенько допросить этих штауффенбергов[42].

— Успеется, когда уйдем под воду, — сказал Штанге, поворотным механизмом намертво закрывая бронированный люк карцера.

— Оно, конечно... Но мне тут один морячок шепнул, что Хорн рассчитывает на помощь командира субмарины-танкера, вашей «дойной коровы».

— Правильно шепнул.

— Командир «Черного призрака» заодно с Хорном?

— Заодно.

Они молча проследили, как мимо них к трапу, ведущему на палубу, проследовали трое верзил, проживавших в каюте вместе с унтерштурмфюрером. Хотя они были в гражданских костюмах и прорезиненных плащах, однако фигуры и походки, по крайней мере двоих из этой компании, выдавали в них кадровых военных. Третьего, гороподобного, с раскованной медвежьей походкой, легче было причислить к уголовникам, нежели к военным, но именно он, задержавшись у трапа, спросил, обращаясь к Кеммеру:

— А не захватить ли нам какой-либо проходящий вблизи лайнер, с барами и женщинами?

— И вас на пиратство потянуло, мой вечный фельдфебель?

---

[42] Штауффенбергами Кеммер-Штубер называет их по ассоциации с фамилией полковника графа Шенка фон Штауффенберга, совершившего 20 июля 1944 года покушение на Гитлера в его ставке «Волчье логово».

«Фельдфебель»! — иронично хмыкнул про себя Ральф Штанге. — Неужели действительно фельдфебель?! Впрочем, ученые и инженеры теперь тоже все при каких-то чинах».

— Хотите сказать, что здесь уже набирают команду для фрегата с «Веселым Роджером»?

— Представьте себе, Зебольд. Мы с вами в подобных замыслах не оригинальны. Первый же лайнер, который встретится нам у берегов Америки, я завещаю вам, мой вечный фельд... — запнулся Кеммер на полуслове, поймав себя на том, что по неосторожности рассекретил одного из «ученых».

— Уже начинаю заклинать Нептуна!

Зебольд заржал как лошадь, смерил подозрительным взглядом Штанге и, прочистив горло таким суровым басом, что, казалось, субмарину качнуло от него, как на девятибалльной волне, ступил на трап.

— Так вернемся же к нашим штауффенбергам, — сразу же настоял Кеммер-Штубер. — Это как следует понимать? Масштабный заговор в стае «Фюрер-конвоя»?

— Я бы даже не стал называть это заговором, — пожал плечами Штанге.

— А чем прикажете? — впервые за весь период их общения в голосе Кеммера послышались властные, командные нотки.

— Они размышляют о том, как вести себя после капитуляции Германии.

— Я, конечно, мог бы возмутиться: «Какая капитуляция?! Пораженческие настроения!» Однако не стану делать этого. Зато замечу, что до капитуляции еще далеко, а признаки заговора или, по крайней мере, бунта на корабле — уже налицо. И судить этих внебрачных сыновей «Веселого Роджера» тоже будут задолго до капитуляции.

— С этим трудно не согласиться.

— Обер-лейтенант Алькен задерживал вас на своем «Черном призраке» только для того, чтобы договориться о совместных действиях? — жестко спросил унтерштурмфюрер СС, поднимаясь вслед за командиром по трапу на палубу субмарины.

— Не скрою, со мной Алькен тоже пытался вести переговоры.

— Скрывать нет смысла. Все ваши ответы должны быть правдивы и откровенны. Когда вы сказали, что с вами Алькен тоже

пытался вести переговоры, то имели в виду, что с Хорном этот морской бродяга уже успел сговориться?

— Я начинаю чувствовать себя так, словно меня уже допрашивают в гестапо.

— Считайте, что уже допрашиваю, причем пока что без пристрастия, — не стал щадить его Кеммер. — Отвечайте на вопрос. Что конкретно предлагал вам обер-лейтенант Алькен?

Уже выйдя на палубу, Штанге вкратце пересказал весь свой разговор с Алькеном. Особенно Кеммера заинтриговала сцена с матросом, который просунул в дверную щель автомат.

Палуба на гигантских субмаринах «Фюрер-конвоя» была вдвое шире и значительно длиннее палубы обычной боевой подлодки. По размерам своим она уже мало чем отличалась от палубы крейсера, если, конечно, лишить ее надстроек. Свободные от вахты матросы прохаживались по ней, как по бульвару.

Перекачка из «дойной коровы» горючего уже была завершена, однако обе субмарины все еще стояли почти впритык, борт к борту, и по трапу, проложенному между грузовыми мостиками, по живому конвейеру матросы «Колумбуса» продолжали перегружать ящики с консервами, крупами и прочим продовольствием.

— Эй, на «Колумбусе»! — послышался голос вахтенного матроса «Черного призрака». — Старший офицер «Черного призрака» обер-лейтенант Майер приглашает к себе на чашку чая вашего старшего офицера обер-лейтенанта Хорна.

— Кажется, рано мы засадили его в карцер, — вполголоса проговорил Кеммер. — Хотелось бы знать, о чем повели бы речь два старших офицера.

— Ничего нового вы бы там не услышали, — заверил его Штанге и тотчас же ответил вахтенному: — Хорн занят подготовкой субмарины к погружению! Еще какие-то просьбы последуют?!

— Не скажите, какие-то подробности все же последовали бы.

— О них мы узнаем на базе «Латинос».

— В том-то и дело, Штанге, что заговор следует ликвидировать еще до прибытия на базу «Латинос». Потому что, как теперь выясняется, нити бунта-заговора ведут именно туда. О том, что на «Латиносе» ситуация неблагополучна, мы знали еще перед посадкой на борт вашей субмарины. А тут еще эти позывы к пиратству на «Черном призраке»; кстати, название очень даже подходящее.

— Это можно называть пиратством, а можно и партизанскими методами войны.

— Запоздалое оправдание. Не кажется?

— Словом, и вы — не тот, за кого выдаете себя, и те трое, которые пребывают с вами в одной каюте, — тоже не ученые? — не унимался Штанге.

— Считайте, что разоблачили, — невозмутимо признал Кеммер.

— Так, может, пора отказаться от дальнейшей маскировки и представиться по всей форме, как и положено?

— А не вступить ли мне в переговоры со старшим офицером «Черного призрака»? — сделал вид, что не расслышал его предложения Кеммер.

— Вряд ли Майер решится обсуждать с вами, эсэсовцем, детали их пиратского плана, однако попробовать можно.

— Кроме всего прочего, мне очень важно знать схему отсеков и кают этой «дойной коровы».

— На тот случай, если придется штурмовать?

— Не исключаю, что придется. Проведете нас, командир.

— Не получив разрешения?

— Меня и Зебольда, — опять не разделил его сомнений Кеммер. — Кстати, вы просили представиться. Представляюсь: штурмбаннфюрер СД барон Вилли Штубер. Это мое настоящее имя.

— Приятно видеть вас на борту субмарины «Колумбус», майор СД. Замечу, что ваше имя мне знакомо. Оно возникало в связи с освобождением дуче Муссолини.

— Признаю: возникало.

— Рядом с именем обер-диверсанта Отто Скорцени.

— Не рядом, капитан-лейтенант, не рядом, чуточку ниже.

— Ну, если вы, из скромности, так решили, барон.

— Речь все же идет о Скорцени. А когда речь идет о Скорцени, от собственных амбиций следует отрекаться. Ибо все мы, в конечном итоге, ученики «Человека со шрамами».

— Жаль, что этого не слышит сам Скорцени.

— Уже известный вам обер-фельдфебель Зебольд, именуемый вечным фельдфебелем, является моим адъютантом. Мы вместе — от начала войны с СССР; начинали в антипартизанском отряде

«Рыцари Черного леса» где-то на Украине, на Днестре[43]. Это было так давно, что совершенно невероятным кажется тот факт, что мы все еще живы.

— Меня порой тоже посещают подобные сомнения, штурмбаннфюрер.

— Зебольд — потрясающий диверсант. В нескольких случаях он спасал мне жизнь. Настоящие имена двух остальных господ вам ничего не скажут, как, впрочем, и их чины и послужные списки.

— Согласен. Ваша цель — захват базы «Латинос»?

— Если выяснится, что там и в самом деле все настолько далеко зашло, как нас уведомили. Решение будем принимать на месте. Могу рассчитывать на помощь ваших матросов?

— Отряд из двадцати моряков-десантников вас устроит?

— С условием, что мы с Зебольдом и Гольвегом заранее будем знать их имена и получим возможность заняться хоть какой-то их диверсионной подготовкой.

— Завтра же такой список будет у вас. Вы сможете побеседовать с каждым матросом в отдельности. Как вы будете их готовить — вам виднее.

— Мы поручим это опытному инструктору Зебольду, непревзойденному мастеру по переламыванию характеров и костей.

— Глядя на него, нетрудно в это поверить. Место для тренировок в одном из грузовых отсеков вам, естественно, найдется. Замечу, что несколько членов моей команды еще совсем недавно переведены из полка морской пехоты.

— Очевидно, речь идет о Померанском полке?

— О нем, естественно. Элитный Померанский полк морской пехоты. Эти четверо парней до сих пор гордятся, что когда-то служили в нем.

— Вскоре они будут гордиться тем, что служили на субмарине «Колумбус» под командованием бесстрашного командира Ральфа Штанге.

---

[43] Барон Вилли фон Штубер и фельдфебель Зебольд герои целого цикла моих романов, входящих в эпопею «Война империй», в частности романов «Река убиенных», «Живым приказано сражаться», «Похищение Муссолини», «Жребий вечности» и др. — *Автор*

— Это ж как нужно будет прославиться! Не успеем, конец войны.

— Не наблюдаю оптимизма, Штанге! Сегодня вам как раз представляется случай, — заверил его барон фон Штубер.

— Эй, на «Черном призраке», к вам в гости идет лейтенант СС Кеммер, который командует взводом десантников, и штабс-боцман Зебольд! — И пока вахтенный запрашивал у командования субмарины разрешение на прибытие нежданных гостей, Штанге объяснил: — Мне лучше оставаться на субмарине.

— Тоже так думаю. И подтяните сюда, к трапу, своих пехотинцев-померанцев, застоявшихся в своих отсеках-конюшнях, как боевые рысаки. Вдруг понадобятся.

— А вам советую взять с собой еще хотя бы одного из своих десантников. Кстати, командир «Черного призрака» знает, что мы высаживали на американский берег агентов в гражданском, поэтому ваше цивильное одеяние его не смутит. Только приготовьте оружие и постоянно будьте начеку.

— Лейтенанта Кеммера и его десантников командир «Черного призрака» ждет на своем борту! — наконец последовала реакция обер-лейтенанта Алькена.

— К операции «Черный призрак» — приступить! — скомандовал сам себе барон фон Штубер с такой решительностью, словно действительно решался на штурм вражеской субмарины.

26.

Январь 1945 года. Германия. Остров Узедом в Балтийском море. Испытательный ракетный полигон в Пенемюнде.

Фюрер появился значительно раньше, чем предполагал Браун, вызвав этим явное неудовольствие ведущего конструктора. Он терпеть не мог, когда его отвлекают по такому мелочному поводу, как прибытие начальства, пусть даже в ипостаси фюрера и его приближенных.

Как оказалось, он не стал задерживаться в штабе ракетного центра, а вместе с его начальником генерал-лейтенантом Валь-

тером Дорнбергером, а также, начальником особой команды «Дора» обергруппенфюрером Гансом Каммлером и своим личным адъютантом Юлиусом Шаубом прибыл прямо сюда, в пусковой бункер.

— У вас все готово к запуску ракеты, Браун? — спокойно и, как показалось Ракетному Барону, даже чуточку несмело поинтересовался он.

— Последние приготовления, мой фюрер.

— Последние, понятно... Однако вы уверены, что на этот раз ракета достигнет берегов Америки?

— Согласно всем расчетным данным, которые у нас имеются, должна достигнуть: скорость, дальность полета, радиоуправляемость и радионаведение...

— С расчетами у вас всегда все хорошо, Браун. Но кто, в таком случае, может объяснить мне, почему половина наших ракет падает в Ла-Манш?

— На этот раз осечки быть не должно.

— Если верить вашим расчетам...

Гитлер постоял перед Брауном, покачиваясь на носках своих до блеска надраенных сапог, несколько раз переводил взгляд то на приготовленный для него перископ, то на главного конструктора. Барон чувствовал, что фюрер хотел бы получить еще какие-то заверения, гарантии, какие-то очень убедительные выкладки, которые бы развеяли его сомнения. Вождь не зря приехал сюда. Ракетный Барон знал, что не далее как два дня назад, во время совещания высшего командования армии, проведенного у себя в ставке «Волчье логово», Гитлер опять заверил генералитет и «весь мужественный германский народ», что в ближайшее время Германия добьется коренного перелома событий на военном и политическом фронтах.

Как знал он и то, что ставка у него может быть только на один вид оружия — межконтинентальную ракету «Америка», под ударами которой американское правительство дрогнет и пойдет на переговоры с рейхом, предав своих союзников.

Никаких иных источников чрезмерного оптимизма фюрера он не знал. Вот почему он сейчас здесь, и вот почему он ведет себя, как азартный игрок в рулетку, решивший, что на сей раз фортуна обязательно окажется благосклонной к нему. Однако прежде

чем сесть за игорный стол этого смертоносного казино, вождь Великогерманского рейха пытался найти хоть какие-то косвенные признаки того, что фортуна действительно не предаст его. Пытался найти, но не находил.

Тем временем фюрер подошел к перископу, повертел его обзорную трубу, осматривая ракету и все, что происходит на стартовой площадке, и, все еще не отпуская штурвал, несмело как-то спросил:

— Но вам известно, что в Нью-Йорке наводить вашу летающую торпеду уже будет некому?

— Известно. Оба агента, которые были высажены на американский берег с борта субмарины, чтобы установить радиомаяк в здании Эмпайр стейт билдинг, схвачены.

— Это то, о чем я не раз говорил в своей ставке, Браун, — с особой доверительностью в голосе поведал Гитлер, — все вокруг предают и подводят. Почти невозможно полагаться на кого-либо. Эти агенты... Меня заверили, что оба они прекрасно подготовлены, в течение многих лет сотрудничают с нашей разведкой, знакомы с Америкой — с языком, обычаями и всем прочим. Неужели нельзя было продержаться каких-нибудь две-три недели? Я просто не верю в это. Не верю, генерал Дорнбергер, не верю!

— Я не отвечал за подготовку этих агентов, мой фюрер, — поспешил увести себя из-под гнева Гитлера начальник ракетного полигона.

— Здесь никто ни за что не отвечает, — взволнованно ответил Гитлер. — Покажите мне хотя бы одного человека в рейхе, который бы теперь за что-нибудь по-настоящему отвечал.

Больше всего Брауна поражало то, что фюрер не кричал, не угрожал, да, собственно, и не обвинял. Наоборот, он как бы жаловался на всех тех людей, на которых должен был бы рассчитывать, но которые подло предают его. Жаловался и даже искал сочувствия. Вот только главными обвиняемыми на этом «судебном процессе» представали именно они, сотрудники ракетного центра в Пенемюнде.

— Наше дело было — использовать агентов для установления радиомаяка как одного из элементов операции «Эльстер», — не удержался фон Браун, хотя и понимал, что фюреру его объяснения не нужны, он попросту устал от подобных объяснений и нареканий.

— Все находят какие-то оправдания своих поражений, — словно бы вычитал его мысли Гитлер. — И я вынужден принимать их. Однако все они оправдываются только передо мной. Я же вынужден оправдываться перед всем германским народом. А народ слишком устал, чтобы воспринимать мои оправдания. Слишком устал... народ, — угасающим голосом завершил фюрер.

А фон Браун вдруг вспомнил слова фюрера, которые тот прокричал на одном из совещаний в штабе Верховного главнокомандования, которые сам барон давно занес в свою записную книжку, названную им «Хроника афоризмов». Потом он не раз обращался к ним или же случайно натыкался на них во время очередного перечитывания своей «Хроники»: «Германский народ выдержал войны с римлянами, переселение народов, наполеоновские, освободительные войны; он даже мировую войну выдержал, даже революцию, и меня он тоже выдержит!»

Похоже, что теперь фюрер уже не так уверен, что германский народ действительно готов выдержать его как одну из самых страшных напастей в своей истории. Особенно эта уверенность поколебалась в нем после июльского 1944 года заговора генералов. Вот он и нервничает, чувствуя себя виновным за всю ту катастрофу, в которую умудрился втянуть народ.

При этом фюрер прекрасно понимает, что кого бы из своих генералов или ученых он ни обвинял в бездарности, измене или неисполнительности, все эти оправдания в расчет уже приниматься не могут. Вот почему сейчас ему, как никогда, нужно было впрыскивание очередной порции веры народа в его, фюрера, могущество, в его связи с некими высшими силами и высшими покровителями, в то, что еще не все потеряно и что германская армия вот-вот получит новое оружие возмездия. Именно за этой порцией вдохновенной лжи он и примчался сюда, на полигон в Пенемюнде.

Барон фон Браун не знал, думают ли остальные присутствующие здесь о том же, и думают ли вообще о чем-либо конкретном, однако, вырвавшись из потока своих удручающе сумбурных размышлений, сразу же обратил внимание, что в бункере на какое-то время воцарилось тягостное молчание. Наверное, оно и растворило бы в себе все тяготы и огорчения Гитлера, но генерал Дорнбергер, который, будучи не в состоянии прийти в себя после не-

справедливого обвинения фюрера, опять заставил его вернуться к болезненной теме провала германских агентов в Америке.

— Как стало известно, — вдруг ударился он в никому не нужные объяснения, — когда агент Колпаг, на которого возлагалась основная надежда, поскольку он был американцем полугерманского происхождения и образование получал в США, решил прибегнуть к вербовке в свои сообщники какого-то своего давнишнего знакомого, тот попросту сдал его ФБР. Ну а сам Колпаг на первом же допросе выдал агента Гимпеля.

— Он предал не только своего коллегу Гимпеля, — холодно возмутился Гитлер, — он предал рейх. Он всех нас предал.

— Вы правы, мой фюрер, — поддержал его генерал Дорнбергер, — непростительное предательство, причем самых, казалось бы, преданных агентов.

— Возникает вопрос: кого мы готовим? На кого рассчитываем в такой ответственной операции, как эта, связанная с Америкой?! — Гитлер нервно прошелся взад-вперед и остановился перед Дорнбергером. — Чем вы все это объясните, генерал?

— Я всего лишь излагаю те факты, которые стали известны мне.

— Так излагайте же, излагайте.

— Правда, какое-то время Гимпелю еще удавалось оставаться на свободе, и он даже умудрился послать несколько зашифрованных радиосообщений из нью-йоркского отеля «Пенсильвания», — продолжил свою печальную повесть руководитель пенемюндского центра, уже проклиная себя в душе за то, что взял на себя роль черного гонца[44]. — Но к тому времени его уже искали агенты ФБР и сотни полицейских. И он, конечно же, попался, — передернул своими далеко не атлетическими плечиками генерал, давая понять, что в своем ракетном деле никогда не полагался на засылаемых таким образом агентов. — Причем попался из-за своей дурацкой привычки бросать мелочь, которую он получал на сдачу, в верхний наружный карманчик своего пиджака, в котором джентльмен обычно должен носить платочек-заставочку.

---

[44] Черными гонцами во времена Чингисхана называли гонцов, которых монгольские военачальники посылали в ставку хана с известием о проигранной битве или о гибели кого-то из представителей ханской династии. По традиции такого гонца сразу же казнили.

— Неужели из-за такой вот идиотской привычки? — изумился Юлиус Шауб.

— Колпаг продал эту его привычку агентам ФБР, а те предупредили всех продавцов газетных киосков, у которых расставили своих агентов. У одного из таких киосков, по условному сигналу, поданному продавцом, Гимпеля и схватили почти в самом центре Нью-Йорка[45].

Брауну неизвестны были все подробности провала этой операции, но даже интригующе глупое завершение ее не убедило его в мудрости самого генерала и доктора Дорнбергера, решившего и дальше растравливать душевную рану вождя.

То ли фюреру уже известны были подробности этого провала, то ли он не желал придавать им какого бы то ни было значения, но то, что рассказ Дорнбергера не произвел на него абсолютно никакого впечатления, — это было ясно не только самому генералу. Но и всем присутствующим.

— А ведь вы убеждали меня, что с помощью этого вашего радиомаяка сумеете поразить любое здание Нью-Йорка, — уставшим и все тем же унизительно жалостливым голосом проговорил Гитлер, удивляя Брауна столь неадекватной реакцией. И вообще, фюрер вел себя сегодня как-то слишком уж странно: не как полновластный фюрер, а скорее, как человек, глубоко обиженный той нераспорядительностью и безответственностью, которую постоянно наблюдает вокруг себя, в том числе и здесь, на ракетном полигоне в Пенемюнде.

Дорнбергер вопрошающе взглянул на Брауна, однако, поняв, что тот не собирается вступать в полемику с фюрером по столь ничтожному для него поводу, вынужден был признать:

— Мы действительно возлагали некоторые надежды на этих агентов-неудачников, однако теперь Скорцени предоставил в наше распоряжение летчика, который будет пилотировать нашу ракету. Речь идет о специально подготовленном пилоте-камикадзе, готовом жертвовать своей жизнью...

— Они все должны быть готовыми жертвовать своими жизнями, — прервал его фюрер. — Все без исключения, генерал Дорн-

[45] В основу этого изложения положены реальные исторические факты и названы реальные имена германских агентов, участвовавших в операции «Эльстер» («Сорока»).

бергер. Независимо от того, числятся ли они официальными пилотами-камикадзе или нет.

— Так оно и должно быть, — вежливо склонил голову Дорнбергер. — Именно поэтому мы и готовим к запуску пилотируемую летающую торпеду.

— Значит, вы тоже готовились к провалу наших агентов, — саркастически осклабился Гитлер.

— Пытались предвидеть худший исход.

— Кто ее пилотирует?

— Опытный пилот, штурмбаннфюрер СС Шредер.

— Штурмбаннфюрер? — удивленно повел бровями фюрер.

— Так точно, мой фюрер!

Гитлер уже поднялся и теперь стоял перед Брауном и двумя генералами, весь какой-то жалкий и согбенный, и зачем-то внимательно рассматривал каждого из них в отдельности, словно это они должны были садиться сейчас в кабину летающей торпеды.

— Пилот-смертник — и в столь высоком чине СС? Почему? Если так пойдет и дальше, скоро мы будем садить в ракетные капсулы полковников. Кто этот штурмбаннфюрер?

— В прошлом — офицер люфтваффе, проверен в воздушных боях, несколько боевых наград. Я лично знаком с ним, — решил Ганс Каммлер, что настала и его пора молвить хотя бы несколько слов. Он прекрасно знал, как подозрительно относится в подобных случаях фюрер ко всяк отмалчивающимся.

— Хорошо-хорошо, — проворчал фюрер. — Скорцени тоже уверял меня, что в его отряд зачисляют только добровольцев. Не знаю, так ли это.

— Многие из них уже побывали здесь, на полигоне, — сказал фон Браун, — и у меня была возможность пообщаться с ним. Уверен, что это добровольцы.

— Скорцени даже утверждал, что добровольцев у него оказалось значительно больше, чем нужно для формирования отряда, — как бы вслух размышлял и сомневался фюрер. — Может, только потому, что он назван Отрядом военных космонавтов?

Ракетный Барон помнил о том, что Гитлер и слышать не хотел о его космической программе и не раз подчеркивал, что средства рейхсбанк выделает не для того, чтобы некоторые конструкторы-

романтики пытались осуществлять свои сомнительные замыслы, а чтобы вермахт и люфтваффе получали новые образцы оружия возмездия.

— Не следует забывать, что определение «камикадзе» в данном случае неточное, — объяснил он Гитлеру. — Ракета этой конструкции устроена таким образом, что перед подлетом к берегам Америки летчик может катапультироваться, и его подберет рейдирующая в тех местах субмарина.

— Вот как?! — искренне удивился Гитлер. — Значит, у него все же есть хоть какой-то шанс на спасение?!

Браун и Дорнбергер переглянулись. «Не может быть, чтобы фюрер не знал об особенностях пилотирования этой ракеты!» — прочитывалось в их глазах. Разве что невнимательно прочитал донесение или попросту забыл о такой детали, как гарантии для пилота, пусть даже весьма призрачные.

— А это ваше, как его там... — пощелкал Гитлер пальцами.

— Катапультирование, — почти хором подсказали ему.

— Оно действительно возможно?

— Поскольку уже отработано на наших сверхзвуковых самолетах, — напомнил ему Ракетный Барон. — Пилот летит в специальной капсуле.

— Когда старт? — взглянул фюрер на огромные настенные часы, мерно оттикивающие течение времени прямо над головами генералов.

Браун замялся. Фюрер мог помнить запланированное ранее время старта, и тогда пришлось бы давать очень трудные объяснения. А главное, он начал бы нервничать по поводу задержки.

— Через пятнадцать минут, — ответил он, снимая трубку внутреннего переговорного устройства, чтобы отдать команду Артуру Ренсу. — Хотите встретиться с пилотом?

На сей раз замялся уже фюрер. Но когда он все же решил, что должен встретиться со Шредером, барон тотчас же приказал:

— Вы слышите меня, Ренс?! Пилота Рудольфа Шредера — к моему бункеру. Срочно. И ракету готовить к запуску. Через пятнадцать минут — старт.

— Через пятнадцать? — спокойно уточнил Ренс. — Собственно, я так и предполагал, что фюрер ждать не станет.

— Еще раз проверьте ракетную катапульту и напомните пилоту, что по радиосигналу он будет катапультирован в океане, недалеко от США.

— Шансов, честно говоря, немного...

— Мы с вами это уже обсуждали, Ренс!

— Но я обязан был предупредить, что...

— Причем обсуждали не один раз, — давал Браун понять, что только присутствие фюрера принуждает его сдерживаться. — Поэтому считаю, что к этой проблеме возвращаться поздно.

— Однако у пилота есть право, — почему-то упорствовал Ренс, — отказаться. Возможно, этим мы спасем его.

— У пилота, Ренс, осталось только одно право: выполнить свой долг перед родиной. И не вздумайте отнимать у него это право! — А, чуть приглушив голос, добавил: — Все же еще раз убедите пилота, что у него есть реальный шанс на спасение.

— А он у него действительно есть? — неожиданно спросил Гитлер, уловив в диалоге между Брауном и Ренсом некие интонации сговора.

— Если честно, мой фюрер, то незначительный, — признал барон фон Браун. — Но мы попытаемся спасти его. Кстати, субмарина уже ждет его в заданном районе.

Решив, что любопытство Гитлера удовлетворено, барон сам отправился в бункер, в котором находились Ренс и его техперсонал.

— Пилот сейчас появится. Представать перед фюрером для него страшнее, нежели садиться в капсулу ракеты.

— Не преувеличивайте, Ренс, — осадил его Ракетный Барон. — Тем более что мне бы и самому хотелось, чтобы подобные пуски мы совершали без визита столь высокого начальства.

Когда Шредер, наконец, появился, в бункере для техперсонала на какое-то время воцарилось гробовое молчание. Он и раньше никакого особого впечатления не производил, а за те несколько дней, которые провел в ожидании старта, основательно сдал. И это сразу же бросалось в глаза. Ниже среднего роста, худощавый, с обожженным — след последней аварийной посадки на подбитом истребителе — подбородком, штурмбаннфюрер, судя по всему, никогда не выглядел ни мужественным, ни воинственным. Но теперь он вообще казался угловатым, остроносым подростком — усталым и запуганным.

Браун, конечно же, сам просил Скорцени подбирать для ракет серии «Америка А9-А10» пилотов некрупной комплекции — таким удобнее чувствовать себя в маленькой ракетной капсуле, да и вес экономится. Однако со Шредером обер-диверсант явно перестарался. Тем более что штурмбаннфюреру предстояло получать благословение от самого вождя.

«Но не мог же я вместо Шредера поставить перед высоким начальством другого пилота!» — оправдывался перед самим собой Браун, на какое-то мгновение представив себе совершенно иную, более подходящую фигуру рейхскамикадзе, которая могла бы стоять сейчас перед фюрером. Причем пилот с такой комплекцией у него давно был на примете. Вот только последнее слово в подборе кандидата оказалось за Скорцени, с которым не очень-то поспоришь.

27.

Январь 1945 года. Германия. Остров Узедом в Балтийском море. Испытательный ракетный полигон в Пенемюнде.

Ожидая появления пилота, Гитлер вышел из бункера, а вслед за ним потянулись генералы и Ракетный Барон. Едва они оказались вне укрытия, как чуть западнее острова, вглубь Германии, пошло пятимашинное звено английских штурмовиков, прикрываемых сверху звеном истребителей, затем еще и еще одно звено.

Ни одно зенитное орудие острова огня не открывало. Зенитчики помнили суровый приказ: открывать огонь только при непосредственном нападении на Узедом. Хотя и Браун, и Дорнбергер прекрасно понимали, что приказ этот явно устарел, поскольку появился еще тогда, когда англо-американцы *не знали о существовании* на Узедоме испытательного ракетного полигона. Однако после страшного налета на остров с участием более шестисот бомбардировщиков, осуществленного ими 18 августа 1943 года, он явно потерял всякий смысл.

— Давненько они здесь не летали, — молвил, глядя им вслед, унтерштурмфюрер, возглавлявший охрану бункера.

— А действительно, как давно они появлялись здесь в последний раз? — неожиданно оживился фюрер, забывая о том, что сама эта фраза лейтенанта войск СС в его присутствии и присутствии генералов являлась грубейшим нарушением субординации.

— Замечено было, что они часто, почти ежедневно, пролетали над островом в начале августа 1943 года. Но ни разу не атаковали полигон, ждали, пока наши зенитчики привыкнут к их мирному пролету в сторону Берлина. А затем однажды ночью их появилось несколько сотен. Как и следовало ожидать, наши зенитчики решили было, что это очередной пролет, и тем самым подарили первой волне вражеских машин несколько очень важных минут, стоивших жизни многим нашим солдатам. Впрочем, все это, мой фюрер, вы знаете и без меня.

— Считаете, что теперь они опять готовят нас к очередному налету?

— Вряд ли. Скорее всего, демонстрируют нам свое пренебрежение. Наверняка знают, что после того августовского налета, основная масса наших ракет находится уже далеко отсюда, — выразительно взглянул он на обергруппенфюрера Каммлера, представлявшего здесь подземный ракетный завод и концлагерь «Дора», размещенные в недрах горы Конштайн, горного массива Гарц, северо-западнее Нордхаузена. — Где именно, этого я, естественно, не знаю.

— Неужели снова готовят, а, мои генералы? — резко спросил Гитлер, проведя взглядом последнее звено, которое уже через каких-нибудь полчаса будет бомбить Берлин.

— Пожалуй, унтерштурмфюрер СС прав, — ответил Дорнбергер. — Во всяком случае, массированного налета, подобного августовскому, уже не будет. Да и вообще, пока что англо-американцы подчеркнуто держатся в стороне от острова.

— Это ложная позиция, — возмутился фюрер. — Самолеты, которые, не встречая сопротивления, пролетают над островом, — это те самолеты, которые идут бомбить Берлин, Магдебург или Франкфурт-на-Одере. Впредь каждый самолет, появляющийся в зоне досягаемости ваших зенитных орудий, генерал-лейтенант Дорнбергер, должен поддаваться яростному обстрелу.

— Ваш приказ будет выполнен, мой фюрер, — без особого энтузиазма заверил его комендант полигона.

...Шредер пытался крепиться. Тот страх, который свободно прочитывался на его лице во время первой посадки в ракету, уже не возникал. Невысокий лоб, глубоко посаженные серые глаза, едва различимые под тяжелыми, нависающими бровными дугами, узкий нос, завершающийся непомерно широкими ноздрями...

Для Брауна оставалось полной загадкой, как этот человек, при его росте метр шестьдесят и такой вот общей комплекции, мог оказаться в рядах СС, пусть даже «зеленых», полевых, то есть более низкого уровня в сравнении с «черными».

— Вы добровольно вступили в команду германских космонавтов, Шредер?

— Так точно, мой фюрер.

— Ракета, которую вы, штурмбаннфюрер, поведете, нацелена на Нью-Йорк. Мы должны нанести решительный удар по Америке, чтобы президент и все американские военные поняли: им не удастся отсидеться за океаном, избегая наших ответных атак возмездия! — Голос фюрера становился все более твердым и резким, и по мере этого «возмужания» Шредер все тянулся и тянулся перед ним, стараясь продемонстрировать свою готовность до конца, до последнего вздоха служить фюреру и рейху. — Несколько таких актов возмездия за бомбардировки американцами германских городов, и президент США сам предложит нам вступить переговоры, потому что этого от него потребует американский народ.

— Я осуществлю этот акт возмездия, мой фюрер.

— Помолчите, пилот, помолчите, — вполголоса подсказал ему адъютант фюрера. — Слушайте, с вами говорит фюрер!

— Вам, штурмбаннфюрер Шредер, выпала честь нанести первый удар по самому могучему и доселе недостижимому врагу — Америке. Поэтому ваше имя войдет в историю Германских ракетных войск и авиации, в историю войны и в историю самого рейха. Сколько на вашем счету сбитых вражеских машин, штурмбаннфюрер Шредер?

— Двадцать одна, мой фюрер.

— Двадцать одна? — переспросил Гитлер и взглянул на Шауба. На него же смотрел и Шредер, пытаясь выяснить, следует ли ему что-либо объяснять по этому поводу.

— Неплохо, тем не менее для настоящего аса маловато, — все так же, вполголоса, резюмировал личный адъютант фюрера, пытаясь выступать в роли мудрого советника их обоих.

— Дело в том, что войну я начинал пилотом военно-транспортного самолета, — понял Шредер, что без объяснений не обойтись. — И только потом... Словом, на германский праздник воздушного рыцарства я попросту запоздал. К тому же мне не везло. Да и опыта оказалось маловато. «Транспортник-тихоход, переучившийся в истребителя?!» — иронизировал кое-кто из моих коллег. А многие вообще не верили, что такое возможно. Считали, что это неестественно и бесперспективно.

— Значит, вас не награждали Большим крестом?

— Нет, мой фюрер. Теперь им награждают пилотов, сбивших более ста самолетов противника. Таких, как Эрих Хартманн, Герд Баркхорн или Отто Китель, с которым я имел честь служить в одном полку.

— А в сорок первом вообще... награждали за двадцать пять сбитых самолетов[46], — благодушно ухмыляясь, проворчал личный адъютант фюрера. — В наши дни об этом странно слышать.

— Потому что вы плохо представляете себе, обергруппенфюрер, — не поворачиваясь к нему лицом, проговорил Шредер, — что такое сбить в воздушном поединке русского или английского аса, который не уступает тебе ни по мастерству, ни по опыту и храбрости. Хотя бы одного... сбить. В бою, — поиграл он желваками, при этом изуродованный огнем подбородок его стал еще багровее, словно вновь готов был воспламениться. — Вам, никогда не познавшему, что такое азарт воздушной атаки, судить об этом трудно.

---

[46] До ноября 1941 года, то есть до разгара битвы под Москвой, Большим крестом награждали германских летчиков, которым удавалось сбить 25 самолетов противника, с ноября 1941 года — за 40 сбитых машин, а к началу 1944 года такой чести удостаивались только пилоты, сбившие не менее 100 машин. За годы Второй мировой рубеж «сто сбитых машин» преодолело 104 пилота люфтваффе! Самый результативный советский летчик Кожедуб сумел сбить всего лишь 62 машины, Покрышкин — 59, а германский истребитель Эрих Хартман — 352, притом, что все «спорные» машины, сбитые в коллективном бою, он уступал своим товарищам по оружию.

— У каждого своя служба, — растерянно заметил Шауб, явно не ожидая от майора СС такой болезненной реакции. — И потом, мое замечание вашей чести не задевает.

— Оно задевает честь всех пилотов. Причем не только люфтваффе. Все наше летное братство. Потому что даже к летчикам противника мы привыкли относиться с уважением. Мы ведь не всегда враждовали там, в небесах; и до скончания мира сего враждовать тоже не собираемся.

— Ну, хватит, хватит, штурмбаннфюрер, — как можно миролюбивее произнес Шауб. Он прекрасно знал, что после июльского покушения, после «заговора генералов», фюрер откровенно недолюбливает свой генералитет и при каждом удобном случае старается принять сторону низших чинов.

— Извините, мой фюрер, — вновь обратился Шредер к Гитлеру. — Я заговорился. Позвольте занять свое место в кабине пилота. Там, в кабине, все понятнее.

— Господин конструктор, — кивнул фюрер в сторону Ракетного Барона, — заверяет, что программой полета предусмотрено ваше катапультирование над океаном. То есть у вас есть шанс остаться в живых. Субмарина вас подберет.

— Когда я отправлялся в каждый очередной полет на обычном боевом самолете, никто, кроме разгильдяя авиамеханика, моим самолетом не интересовался; никто, кроме него, в полет меня не провожал, и никто никаких гарантий спасения во время боя не давал.

— Это верно, — признал фюрер, приятно поражаясь житейской логике и мужеству Шредера. — Как военный летчик, вы абсолютно правы. Я награждаю вас Большим крестом, вне зависимости от количества сбитых вами машин.

— Благодарю, мой фюрер, но просил бы не делать этого. — Фюрер недовольно посопел, однако промолчал. Очевидно, вспомнил, что беседует со смертником, которому, в общем-то, терять нечего. — Ни при жизни, ни даже гибелью своей я никак не смогу объяснить, почему награжден этим крестом.

— А вы и не обязаны никому ничего объяснять! — изумленно воскликнул Гитлер. — Вас наградил фюрер. Лично. У кого и какие по этому поводу могут возникать вопросы?

— Незаслуженная награда столь же оскорбительна, как и незаслуженная обида.

— Награждаю вас Железным крестом, — поспешно выпалил фюрер, очевидно, сбитый с толку упрямством пилота и той житейской логикой, за которую только что хвалил его. — Запишите, Шауб: «Штурмбаннфюрера Рудольфа Шредера — Железным крестом. За мужество».

— Которое он еще не продемонстрировал? — пожал плечами личный адъютант фюрера, однако записную книжку из папочки все же извлек.

— В любом случае свой полет на воздушной торпеде, — продолжил рейх-камикадзе прерванную фюрером мысль, — я воспринимаю всего лишь как свой очередной, сто девятнадцатый, боевой вылет.

И за награду благодарить не стал.

28.

Декабрь 1944 года. Атлантический океан. Борт субмарины «U-17» (позывной — «Черный призрак»).

Встречать барона фон Штубера, обер-фельдфебеля Зебольда и гауптштурмфюрера Гольвега, пребывавшего на субмарине в чине унтер-офицера, вышел сам командир «Черного призрака». Алькен действительно хотел продолжить переговоры, но с командиром или старшим офицером «Колумбуса». Появление же на его борту этого рослого смуглолицего эсэсовца в план Алькена не входило. Тем более что вместе с Кеммером-Штубером по трапу прогрохотало ботинками еще двое каких-то верзил, по рожам и спортивным фигурам которых нетрудно было определить, что они тоже из морской пехоты или какого-то диверсионного подразделения.

— Никогда не были на субмаринах, подобных вашей, оберлейтенант, — сразу же захватил инициативу в этой встрече Штубер.

— И на многих вам приходилось бывать? — любезно поинтересовался Алькен.

— На вражеской — пока что ни одной, — в свойственной ему манере черного юмора пошутил Зебольд.

— Штабс-боцман Зебольд, — представил его Штубер, — или, как я еще называю его, мой вечный фельдфебель Зебольд. Является главным специалистом нашей морской пехоты по захвату вражеских субмарин. Правда, практических навыков он пока что не приобрел, но...

— Отрабатывали захват в основном на своих, германских субмаринах, — уточнил Зебольд.

— Вот видите, Алькен, обучали их, оказывается, захватывать свои, германские субмарины! — артистично возмутился Штубер. — Кстати, вы, насколько я понял, все еще командуете одной из германских?

— Поскольку для захвата моей субмарины вас маловато, — оглядел Алькен странную троицу эсэс-визитеров, — то смею предположить, что привели вас сюда какие-то иные намерения, нежели мысль о захвате моего «Черного призрака».

— ...А этот молчаливый джентльмен в гражданском одеянии, — проигнорировал его умозаключения Штубер, — является унтер-офицером особого диверсионного подразделения. На субмарине его пока что сильно укачивает, но мы не теряем надежды превратить его в бывалого военного моряка.

— Лучше — в пирата, — потупив глаза, предложил Гольвег.

— Ну как тут не вздрогнуть?! — прокомментировал его заявление Кеммер-Штубер.

— Унтер-офицер Гольвег, — представился тем временем «джентльмен в гражданском», но таким скрежещущим тоном, словно голос его долетал из металлической бочки.

Они молча дошли до кают-компании, выпили по рюмочке аргентинского вина, и только потом командир «Черного призрака» напомнил Штуберу:

— Вы так и не ответили на мой вопрос, унтерштурмфюрер.

— Захват вашей субмарины пока откладывается, господин обер-лейтенант цур зее. Чего не скажешь о кораблях противника, которых в прибрежных водах и на международных трансатлантических линиях наблюдается великое множество, причем в большинстве своем совершенно непуганых. Не то что наши суда, там, в Европе, где-нибудь на Балтике или в Северном море.

— Решили заняться пиратским промыслом? — спросил Алькен с тем же ехидством, с каким еще совсем недавно спрашивал его об этом же командир «Колумбуса» Ральф Штанге.

Барон метнул вопросительный взгляд на Гольвега, и тот, едва заметно кивнув, тотчас же подключился к игре:

— Мы решили продемонстрировать этим янки, что германский подводный флот не сдается даже тогда, когда вся прочая Германия уже капитулировала.

— Даже так? — все еще осторожничал Алькен.

— Думаю, что так поступят многие подводники, где бы, в какой части Мирового океана, не застало их окончание войны, — заметил Штубер. — Кстати, мы обсуждали эту идею морской мести с капитаном «Колумбуса».

— Я тоже говорил с ним о чем-то подобном, — не удержался Алькен.

— И что?

— Струсил он. Даже обсуждать этот план не решался.

— Значит, в разговоре со мной, лично со мной, — сказал барон, — Штанге слегка осмелел.

— Сомневаюсь, но... допускаю.

Командир «Черного призрака» вновь наполнил металлические рюмки вином, они выпили за германский подводный флот, и с минуту за столом царило напряженное молчание. Грузный, с головой и шеей циркового борца, Алькен почему-то напоминал Штуберу одноногого пирата Джона Сильвера из «Острова сокровищ» Стивенсона — каким барон запомнил его благодаря рисунку в одном из германских изданий этого романа.

— Так что, джентльмены удачи, будем считать, что первый обмен мнениями состоялся? — решил не торопить события Штубер.

— Не припоминаю, чтобы мы выслушивали предложение командира этой «Эспаньолы»[47], — решительно повел подбородком Гольвег.

— Если вы, джентльмены, прибыли на мой корабль только для того, чтобы выслушать мое мнение, а не излагать свое, то я готов поделиться с вами кое-какими соображениями, — постукивал

[47] «Эспаньола» — шхуна, на которой герои романа Стивенсона «Остров сокровищ» отправились на поиски пиратского клада.

после каждого своего слова костяшками рук по столу Алькен. — Считайте, что совещание в бристольской таверне «Подзорная труба» началось, — продемонстрировал он и свое знание романа Стивенсона.

В течение почти пятнадцати минут Алькен вдохновенно излагал весь тот план превращения военных субмарин в пиратские, с которым барон уже имел возможность ознакомиться благодаря рассказу капитан-лейтенанта Штанге. К удивлению Штубера, Алькен оказался неплохим оратором: говорил он лаконично, убедительно, прекрасно аргументируя свои выводы и предположения.

Судя по тому, с какими подробностями командир «дойной коровы» говорил об известных всем присутствующим опорных германских базах в Аргентине, Уругвае и в Юго-Западной Африке, а также о возможности создания секретных баз на острове Пасхи и на одном из островов Полинезии, — он давно и основательно продумывал свой план, часами просиживая над морской картой мира.

Откровенно похвастался Алькен и теми связями, которые уже имелись у него в Аргентине и в городе Ханга-Роа на острове Пасхи. Свои пиратские рейды он уже рассматривал на фоне сотрудничества с неким латиноамериканским банком, с некоторыми портовыми властями и таможенниками, с деловым миром стран, которые в течение всей нынешней войны оставались нейтральными.

— Честно признаюсь, — проговорил Штубер, — замысел впечатляет.

— И что за этой вашей впечатлительностью последует? И вообще, последует ли что-либо?

— Мы, то есть я и мои коллеги, готовы присоединиться к вам.

— Это уже разговор, — впервые расслабился Алькен и, резко оттолкнувшись руками от стола, поднялся. — Но вы понимаете, что ваше присоединение будет иметь смысл только тогда, когда вы прибудете на базу «Латинос» на своей собственной субмарине, пребывающей под вашим командованием.

— Предлагаете захватить субмарину?

— Можете купить ее у капитан-лейтенанта Штанге, — осклабился Алькен. — Торговаться с ним не пробовали?

— Для нас не составляет никакого труда взять его субмарину под свой контроль.

— Вот это уже вполне реальный подход. На когда наметим эту операцию? Может, не будем тянуть и сегодня же ночью приступим?

— Прямо здесь, посреди океана?! — высказал свое удивление Штубер

— Здесь я мог бы помочь вам своими людьми. Да и само присутствие моего «Черного призрака» следует рассматривать как моральную поддержку, как давление на Штанге и его сторонников.

— Однако согласитесь, что в этом плане существуют и свои минусы. При возникновении стрельбы мы неминуемо повредим корпус подлодки, а возможно, и какие-то механизмы. И потом, мы ведь не собираемся перебивать весь экипаж. Нужно попытаться найти сообщников. Возможно, одним из них станет сам капитан-лейтенант.

Прежде чем ответить, командир субмарины внимательно присмотрелся к выражению лица каждого из гостей.

— В принципе, такой исход тоже не исключен, — признал он, так и не вычитав на лицах Зебольда и Гольвега ничего, кроме признаков полусонного безразличия, граничащего с откровенной тупостью. — Поэтому, конечно же, его следует избежать. А что касается Штанге... После резкого отказа, которым он встретил мое предложение, мне бы не хотелось видеть его командиром субмарины. На командирском мостике там должен появиться другой офицер.

— Если вы так считаете, сэр, — вежливо склонил голову Штубер.

«А ведь он уже видит себя во главе подводной пиратской эскадры, — отметил про себя штурмбаннфюрер. — Уже готов властвовать, поощрять и наказывать за малейшее непослушание».

— Уверен, что его вообще опасно оставлять на борту, — продолжил тем временем Алькен.

— Да высадить его по старой пиратской традиции на каком-нибудь необитаемом острове, с бочонком воды и мешком сухарей, и все тут! — мгновенно оживился Зебольд. — Как этого, как его там, который с Пятницей по острову бегал.

— Не шокируйте нас своими литературными познаниями, мой вечный фельдфебель, — поморщился Штубер. И краем глаза заметил, что Алькен тоже расплылся в улыбке. Впервые за всю нынешнюю встречу — искренней.

— А ведь это, может быть, единственная книга, которую я действительно прочел до конца, — подыграл ему Зебольд. Устраивать такие сценки на двоих они учились еще на Украине, в сорок первом, когда оказались лицом к лицу с сильным и коварным врагом — партизанами, которых время от времени приходилось допрашивать.

— Значит, останавливаемся на плане захвата субмарины уже на базе «Латинос», — подвел итог Штубер.

— Лучше — перед заходом туда, — посоветовал Алькен.

— К чему горячиться, джентльмены? Действовать будем спокойно, обстоятельно, без пальбы и излишней нервозности, в портовой тиши...

— Ну, не настаиваю, не настаиваю! — нервно отреагировал Алькен, вновь давая понять, что лично он настроен захватывать «Колумбус» сегодня же, немедленно. — Время у нас, конечно, еще есть. Хотя, согласитесь, разворачиваться нам лучше сейчас, пока идут боевые действия и пока наше нападение на любое судно будет восприниматься в общем плане рейдов германского флота.

— Мы в любом случае развернемся, — молвил Зебольд, однако Алькен «не расслышал» его, продолжая ждать реакции Штубера.

— Кстати, а как отнесется к этому, к нашему «Веселому Роджеру», комендант базы? — самым неожиданным образом отреагировал тот. Откуда Алькену было знать, что наиболее важной информацией для Штубера должна была стать именно эта?

— Пока что он, понятное дело, осторожничает. Однако можем считать его своим союзником.

— Почему осторожничает?

— Как всякий прочий, боится, чтобы его не обвинили в измене и не предали суду.

— А если предположить, что у него уже есть свой бизнес, скажем, наркотики или, может, умудрился распродать половину базового арсенала? А то взял и открыл свой небольшой подпольный бордель?

Алькен прекратил прохаживаться по небольшой кают-компании и вновь остановился напротив Штубера.

— Вас направили на базу специально для того, чтобы разобраться, что там происходит?

— Я вам этой военной тайны не выдавал, — растянул Штубер в улыбке свои тонкие аристократические губы.

— Значит, вы имеете право сместить его и назначить кого-то другого? — продолжал демонстрировать свою прозорливость командир «дойной коровы».

— Если у нас окажется достаточно обвинений для того, чтобы оправдать свои действия перед Главным управлением имперской безопасности, а точнее, перед СД.

— ...Агентами которой вы являетесь.

— Естес-твен-но, — процедил Гольвег. — Об этом нетрудно было догадаться.

— Тогда наши акции, джентльмены, резко возрастают, — хлопнул ладонями по столу Алькен, вновь усаживаясь в кресло.

— Это НАШИ акции резко возрастают, — беспардонно возразил барон фон Штубер.

— По прибытии на базу вы получите все необходимые вам компрометирующие материалы, — заверил его Алькен. — С новым комендантом определились? — Он вновь нервно осмотрел всех троих.

— Приказано определиться на месте, — заверил его Штубер.

— При определенных условиях я и сам согласился бы занять эту должность.

— При определенных условиях, — в тон ему молвил Штубер, — мы согласны будем предложить вам эту должность.

Едва он завершил эту фразу, как в кают-компанию ворвался вахтенный офицер.

— Господин обер-лейтенант цур зее, — доложил он, мельком взглянув на Штубера, — со стороны острова в нашем направлении движется какое-то судно. Уже отчетливо видны его ходовые огни.

— Перегрузку продовольствия завершили?

— Пока еще нет.

— Прекратить! Объявить тревогу. Подготовить субмарину к погружению и атаке.

Вахтенный офицер замялся.

— Мы пока не уверены, является ли это судно боевым.

— Если оно окажется пассажирским, мы вынудим капитана сдаться или же возьмем его на абордаж. Что вы опять мнетесь, лейтенант?

— Мы — субмарина-танкер, «дойная корова». Мы атаковать не обязаны и даже не имеем права.

— Кто в этом океане способен запретить мне атаковать судно врага?

— Никто. Но, может, все-таки предоставим такую возможность «Колумбусу»?

— Вам повторить приказ?!

Лейтенант козырнул и скрылся за дверью.

— Какое решение принимаете вы, джентльмены? — обратился к Штуберу и его спутникам. — Остаетесь с нами, и тогда часть добычи — ваша, или же предпочитаете вернуться на «Колумбус»?

— Возвращаемся, — ответил Штубер. — Кроме всего прочего, нужно еще раз выяснить намерение капитан-лейтенанта Штанге. Поговорить с ним по душам.

— Ваше право.

— А вы что, действительно намерены атаковать в одиночку своей нашпигованной горючим «коровой»?

— Намерен. Мне осточертело болтаться посреди океана с десятками тонн керосина в танках. Я — боевой офицер, а не горючевоз. И мнение по этому поводу Штанге меня тоже не интересует.

— Я передам, что вы просите поддержать его атаку, — стоически заверил Алькена штурмбаннфюрер СС Вилли Штубер.

— А может, есть смысл остаться? — обронил Зебольд, когда Алькен направился к двери, и едва заметно повел взглядом в сторону командира «Черного призрака».

В эту минуту Штубер понял: достаточно ему кивнуть в знак согласия, и могучий обер-фельдфебель тотчас же скрутит Алькену его бычью шею.

— В минуты атаки нам лучше быть на своей субмарине, мой вечный фельдфебель.

29.

Январь 1945 года. Германия. Остров Узедом в Балтийском море. Испытательный ракетный полигон в Пенемюнде.

Когда была объявлена пусковая готовность, Браун и его гости вернулись в полигонный бункер, в котором мощный, со стальными прослойками, трехметровый слой бетона должен был уберечь их от любой неожиданности.

— А вы знаете, что этот пилот станет нашим космонавтом? — спросил барон фон Браун, ни к кому конкретно не обращаясь. — Ракета, которую он пилотирует, преодолеет земное притяжение и выйдет в ближний космос.

— Для нас это не должно иметь какого-либо значения, — назидательно молвил Каммлер.

— Не устаю напоминать вам, барон, — поддержал его Дорнбергер, — что в операции «Эльстер» нас интересует не космос, а Нью-Йорк.

— Только потому, что нас интересует Нью-Йорк, нас должен интересовать и космос. Хотя бы ближний. Без выхода в космос нам трудно будет мечтать о ракетах, способных поражать США, Австралию или русский Урал.

— Урал можете атаковать, — великодушно позволил Каммлер.

— Вы должны осознать, господа, что в вопросах вторжения в космос научные и военные интересы рейха сливаются воедино.

— Нам известны ваши космические амбиции, — проворчал Каммлер, прокашливаясь в кулак.

— И я говорю: не время об этом, — поддержал его Дорнбергер, искоса поглядывая на Гитлера.

Браун понимал, что оба генерала принимали во внимание присутствие здесь фюрера, который всегда резко отзывался об увлечении фон Брауна и некоторых его сотрудников космосом и чистой наукой. Но именно поэтому конструктор и запускал свой пробный шар, пытаясь прощупать, не изменилось ли отношение вождя к космической славе своих ракетчиков. Вот только сам

фюрер стоял у отведенного ему перископа и, посапывая, демонстративно молчал.

— И все же, господа, живым или мертвым, а в космосе Шредер побывает, — мечтательно добавил Ракетный Барон. — Лично я буду завидовать ему, даже мертвому.

— Ваша воздушная торпеда к удару готова? — наконец нарушил обет молчания вождь наций, игнорируя все пробные шары главного конструктора оружия возмездия. — Запускайте, наконец, вашего космонавта.

— Команда на пуск прозвучит через пять минут.

— Не станем томить американцев ожиданием.

Браун поинтересовался у пилота, готов ли тот к полету, и тот довольно бодро заверил конструктора, что готов. Фюрер и генералы могли слышать ход их переговоров по громкоговорителю, хотя все они понимали, что речь шла всего лишь о психологической готовности пилота, поскольку на старте от него ровным счетом ничего не зависело: ракета взлетала и направлялась на цель, исходя из заданной программы.

Другое дело, что потом уже сам пилот должен был скорректировать направление полета воздушной торпеды, и он же, по команде с Пенемюнде, обязан был привести в действие детонирующее устройство, благодаря которому, при попадании ракеты в цель, должно было сработать триста пятьдесят килограммов взрывчатки.

— Пуск! — азартно прокричал в переговорное устройство фон Браун и рванул стартовый рубильник.

В бункере воцарилось гробовое молчание, которое не смогло нарушить даже весьма ощутимое колебание почвы, появившееся во время взлета ракеты.

— Пуск произведен! — послышался ликующий голос офицера, ответственного за техническое состояние пусковой площадки. — Она ушла!

Вот уже и Ренс радостно доложил, что пуск ракеты прошел успешно. Впрочем, в командном бункере и сами видели это. Однако отошло в вечность еще каких-нибудь десять-двенадцать секунд, и в динамике вдруг раздался испуганный крик пилота Шредера:

— Она горит! Сейчас она сгорит! Мой фюрер, я умираю!

И больше они не услышали от бравого боевого летчика ни слова.

Оторвавшись от окуляров теперь уже ничего не объясняющих перископов, фюрер и Браун непонимающе уставились друг на друга.

Опомнившись, Браун пытался вызвать пилота на связь, но тот не подавал никаких признаков жизни.

— Ренс! — заорал Ракетный Барон. — Вы слышите меня, Ренс?!

— Слышу, господин штурмбаннфюрер.

— Что, черт возьми, произошло на сей раз?!

Начальник технического отдела с ответом не торопился. Понадобилось несколько томительных секунд, прежде чем в командном бункере вновь услышали его на удивление спокойный голос:

— Если вы о ракете, ответственность за которую лежит на мне, то с ней все в норме.

— Выражайтесь яснее, Ренс! Все мы ждем вашего доклада, — напомнил этим «все мы», что рядом с ним находятся фюрер и высшие армейские чины.

— Докладываю: ракета не взорвалась. Возгорание не произошло. Она продолжает полет к заданной цели.

Гитлер и Ракетный Барон вновь удивленно переглянулись.

— А вам, барон, не кажется, что несостоявшийся космонавт попросту струсил? — лукаво ухмыляясь, поинтересовался Шауб, все еще не позволявший себе простить пилоту Шредеру его непочтительности.

— Вполне допускаю, что именно это и произошло, — сконфуженно согласился Ракетный Барон. — Кроме всего прочего, пилотируемый полет связан еще и с психологическим настроем летчика.

— Только что нам это продемонстрировали, — недовольно напомнил ему генерал-лейтенант Дорнбергер. Как комендант ракетного центра, он чувствовал и свою собственную вину за очередной конфуз на стартовой площадке.

— Послушайте, Ренс, — молвил Браун, мужественно проглатывая все услышанное. — Пусть связист еще раз попытается связаться со Шредером, а вы свяжитесь с пилотами, которые ведут наблюдение за полетом ракеты.

— Все три пилота воздушных наблюдателей сообщили, что ракета находится в полете, — объявил Ренс еще через минуту, — и уже выходит из зоны их видимости. Она уходит в небо, господин штурмбаннфюрер, — почти радостно заключил он, совершенно забыв о пилоте, судьба которого его уже, похоже, совершенно не интересовала. — Еще немного, и она будет в космосе.

— Сейчас речь идет не о космосе, — почти прорычал Браун, прекрасно помня, что начальник технического отдела в курсе его «космических» отношений с фюрером.

— Понимаю, не о космо́се, — понял свою оплошность Ренс. — Это всего лишь один из этапов полета, который проходит успешно.

— Почему Шредер кричал, что он горит?! — наклонился над ухом Брауна генерал Дорнбергер. — Что-то все же произошло!

— С пилотом, — стоически выдержал и этот натиск Ренс. — С ним действительно что-то произошло. Но не с ракетой. Взрыв ракеты датчиками не зафиксирован, пламени на ракете не было и сейчас не наблюдается.

— Тогда что же произошло с пилотом?! — прокричал Гитлер в свое переговорное устройство.

— Он на́ связь не выходит. У него есть аварийная кнопка. Даже если пилот не в состоянии говорить, он мог бы нажать виднеющуюся прямо перед ним кнопку, как сигнал беды. На такое способен даже человек, находящийся одной ногой в могиле. Однако Шредер и на это оказался неспособен.

— Как я и предполагал, — напомнил о своей холодной мести личный адъютант фюрера.

— Но если все хорошо, — вновь заговорил сам фюрер, — если вы утверждаете, что все датчики работают нормально и ракета летит, как объяснить гибель столь опытного, не раз встречавшегося со смертью пилота?

— Попытаемся выяснить, — откровенно растерялся начальник технического отдела.

— А по-моему, уже все ясно, — объяснил вместо него фон Браун. — Ракета не возгоралась, она летит заданным курсом, а значит, пилот не сгорел, не погиб.

— Что же тогда с ним?

— Почувствовав перегрев, он попросту испугался и поспешил воспользоваться ампулой с цианистым калием.

— Впредь пилотам не следует выдавать ампулы, — назидательно молвил Каммлер. — Слишком уж заманчиво они выглядят в кабине смертников.

— Не следует допускать их на стартовую площадку при экспериментальных запусках ракет, — парировал Браун. — Сидя в своей кабине, Шредер мог заметить свечение на носу ракеты и решил, что она загорелась.

— И этого оказалось достаточно?! — изумился фюрер.

— Порой люди кончают жизнь самоубийством и по более мелочному поводу, — заметил генерал Дорнбергер.

— Недавно он присутствовал во время пробного запуска нашей гренландской ракеты, сгоревшей, как вы знаете, буквально через несколько секунд после взлета, прямо над островом, — попытался. объяснить психологический срыв пилота фон Браун. — Шредер тогда ужаснулся. Да что там, увиденное попросту повергло его в ужас.

— Как я и предполагал, с наградой за мужество мы явно поспешили, — по-идиотски ухмыльнулся Шауб, однако фюрер с таким гневом взглянул на него, что тот мгновенно сник.

— Зачем же вы дали согласие на его полет? — вмешался в их разговор неугомонный Каммлер.

Брауна так и подмывало сказать, что решение принимал не он, а личный агент фюрера по особым поручениям Отто Скорцени. Мало того, он помнил, что обер-диверсант рейха умышленно переставил Шредера в списке кандидатов, чтобы карта судьбы неминуемо легла на него; и что сделал он это как раз в наказание за трусливые откровения Шредера в своем дневнике.

Однако ставить под удар любимчика фюрера так и не решился. Причем не только потому, что это выглядело бы неблагородно. Это было еще и опасно. Особенно теперь, в конце войны, когда его, Брауна, личное спасение вполне может зависеть от воли и действий обер-диверсанта рейха, который, как ему известно, уже занимается подготовкой всевозможных зарубежных каналов, нор и пограничных коридоров.

— Таким образом, наша воздушная торпеда оказалась непилотируемой? — попытался фюрер подытожить результат запуска

ракеты проекта «Америка», обращаясь уже к Брауну, а не к его непосредственному начальнику генерал-лейтенанту Дорнбергеру. — Агенты и радиомаяк оказались в руках американцев, пилот раскусил ампулу.

— Единственное, в чем не приходится сомневаться, — парировал барон, — так это в том, что ракета продолжает двигаться в сторону США.

— Но только в сторону, — заметил Шауб. — Как и большинство тех, которые направляются в сторону Лондона.

— Ренс, — молвил Браун, стараясь не обращать внимания на эти разговоры за его спиной, — как идет полет?

— Нормально.

— И это называется «нормально»! — возмутился Гитлер. — Нью-Йорка она достигнет?

— Судя по всем характеристикам, должна, — не удержался Дорнбергер, пытаясь прийти на помощь главному конструктору.

— Вы слышали вопрос, заданный фюрером, инженер Ренс? — произнося это, Браун вполне отдавал себе отчет в том, что отвечать на подобные вопросы фюрера обязан лично он, как главный конструктор.

— Через несколько минут, — вновь принял Ренс удар на себя, — воздушная торпеда выйдет из-под нашего контроля и, коль уж ни радиомаяка, ни пилота у нас теперь нет, скорее всего, заметно отклонится от курса.

— Но, возможно, она все же долетит до Нью-Йорка или до любой точки на американском берегу? — устало поинтересовался Гитлер, и по голосу, по глазам его Браун догадался, что в душе фюрер уже смирился с мыслью о том, что и на сей раз атака возмездия не состоится. Осуществление проекта «Америка» вновь сорвалось.

— Будем надеяться, — кротко ответил барон. — Хорошо уже то, что она до сих пор не взорвалась. И потом, мы вышли в космос, пусть даже с погибшим пилотом.

— Бросьте, Браун, бросьте! «Не взорвалась» — это уже не утешение и даже не ответ, достойный штурмбаннфюрера СС Вернера Брауна! — мгновенно завелся Гитлер. — Вы безответственно отнеслись к проекту «Америка»! Все причастные к его осуществлению — безответственно! Агенты бездарно провалились, пилот

струсил и поспешил покончить с собой, ракета опять, в который уже раз, выходит из-под контроля и уклоняется от курса! И это в конце войны, когда каждый «удар возмездия» имеет колоссальное политическое значение и когда на создание межконтинентальной ракеты потрачено столько денег!

— Так сложились обстоятельства, мой фюрер.

— Когда ракета должна достичь берегов Америки? — поспешил заполнить подаренную им всем паузу обергруппенфюрер Ганс Каммлер.

— Расчетное время — тридцать пять минут, — объяснил Браун, почти с признательностью взглянув на руководителя ракетного центра «Дора», который, сознательно или неосознанно, развеивал гнев фюрера.

— Вот видите: ракета все еще в полете, ждать уже недолго. Характеристики у этой ракеты неплохие, очень даже неплохие.

— Средняя скорость полета — более десяти с половиной тысяч километров в час, — мгновенно воспользовался его подсказкой барон фон Браун, — дальность полета 4800 километров, максимальная высота полета в апогее — 338 километров, то есть можем констатировать бесспорный выход ракеты в космос[48].

Фюрер с нескрываемым гневом посмотрел на Каммлера и Брауна. «Эти двое тоже предали меня! — явственно прочитывалось в его взгляде. — Все вокруг предают меня!»

— Космос, дьявол вас возьми! — взвинтился он — нервно прошелся по бункеру, по которому не очень-то и разгуляешься. — О чем они сейчас говорят?! О космосе! Их совершенно не волнует военный аспект всего нашего проекта.

— Запуск этой ракеты, мой фюрер, всего лишь этап, — глядя себе под ноги, объяснил Браун. — Он убеждает нас, что технически мы — на верном пути. Теперь нам нужно только одно — время. И мы обязательно создадим такие ракеты, которые способны будут не только достичь Нью-Йорка или Сан-Франциско...

— Вы уже ничего не создадите, — прервал его романтические бредни Гитлер. — По крайней мере, для Германии, для нашей об-

[48] Для примера можно сослаться на данные советских ученых, зафиксировавших высоту полета ракеты первого официально признанного космонавта мира Ю. Гагарина в пределах 302 километров.

щей победы. Вы, Браун, разочаровали меня. Возможно, вы и талантливый человек, однако вы так и не сумели создать для рейха его главного оружия — оружия возмездия, несмотря на то что почти все ваши ракеты именно так и называются[49].

— Да, мой фюрер, признаю: мы все еще не создали такого оружия, которое бы позволило вам переломить ход войны.

— А я ждал от вас иных слов.

— Если бы война продлилась еще хотя бы год, если бы нам удалось сдержать наступление противника, мы смогли бы реализовать все задуманное нами. Поскольку понимаю, что это нереально, то признаю...

— Ваше признание уже никого не утешает и ровным счетом ничего не стоит, — безнадежно махнул рукой вождь. — Ровным счетом ничего.

— Но даже спустя много лет после войны, — обиженно завершал свою мысль Ракетный Барон, — ученые будут удивляться тому, как далеко мы, германцы, продвинулись в этой отрасли человеческих знаний. Как много мы успели сделать, к каким интересным, неординарным научно-техническим решениям прийти, образцы какой техники сумели испытать! И это — в условиях тотальной войны!

Выслушав его, фюрер лишь обреченно покачал головой.

— Это не только моя заслуга, рядом со мной работает целая плеяда талантливых инженеров, исследователей и конструкторов.

— Пойдемте, Шауб, нам здесь больше нечего делать, — обратился Гитлер к своему личному адъютанту.

— Я того же мнения, мой фюрер.

— Надеюсь, нам доложат о том, что произошло с их ракетой, — обронил он, уже стоя в дверном проеме.

Стараясь не встречаться взглядами с конструктором-неудачником, генералы поспешили вслед за ним.

— Это крах, — едва слышно проговорил Дорнбергер, выходя последним. — Денег на ваши исследования мы больше не получим.

---

[49] Здесь необходимо объяснить, что Фау происходит от первой буквы немецкого слова Vergeltugswaffee, что в переводе означает «оружие возмездия».

Гитлер подлетал к Берлину, когда радист подал ему радиограмму из Пенемюнде. В ней сообщалось, что полетное время воздушной торпеды (Гитлеру нравилось именно это определение — «воздушная торпеда», и на ракетном полигоне это учли) истекло. Но, как полагают в ракетном центре, американского берега она, судя по всему, так и не достигла.

По предположению Вернера фон Брауна, она упала в Атлантический океан, где-то в районе Центральной Америки, возможно, у берегов Кубы, но при этом не взорвалась. Скорее всего, не взорвалась. По крайней мере, с борта субмарины «Колумбус», которая рейдировала в заданном районе, сообщают, что ракета ими не обнаружена.

Прочтя это сообщение, Гитлер скомкал его и швырнул на пол, к ногам все еще ожидавшего его реакции радиста.

— И это все, на что они способны! — проговорил он голосом обреченного. — Как можно еще год сдерживать наступление стольких врагов? Как можно еще год продержаться, если все вокруг тебя предают? Я создал для них Ве́ликую Германию, я создал прекрасную армию, добыл для них столько побед! Какова же плата за все это? Только одна — предательство. Трусость и предательство.

30.

Апрель 1945 года. Германия. Ставка рейхсмаршала Германа Геринга в Баварских Альпах, в районе Берхтесгадена.

Понадобилось еще несколько минут бездумного созерцания «горной гробницы», прежде чем, успокоившись, Геринг решил вернуться к столу.

«Мой фюрер! — унизительно дрожавшей рукой выводил он. — Согласны ли Вы, чтобы я взял на себя обязанности Вашего наместника?»

Перечитав сочиненное им, рейхсмаршал решительно вычеркнул эту фразу, вплоть до «мой фюрер», и безнадежно задумался.

Составление текста телеграммы фюреру требовало мужества, которого Герингу явно не хватало: теперь он даже не пытался скрывать это от самого себя.

«Может, адъютант прав, и действительно стоит позвать генерала Коллера?» — вконец смалодушничал он, вспоминая, как несколько минут назад выставлял майора Ингена за дверь. И тут же смалодушничал во второй раз: ведь для того, чтобы пригласить генерала, следовало сначала найти его, а это мог сделать только адъютант, вызвать которого Геринг уже не решался.

Рейхсмаршал нервно скомкал листик, взял чистый и вновь начертил: «Мой фюрер!» «Может, так и оставить в телеграмме только эти слова: "Мой фюрер!" — и в таком виде отправить ее?» — мелькнула еще одна шальная мысль. Однако, несколько минут поколебавшись, он все же продолжил:

«Согласны ли Вы, чтобы я, учитывая Ваше решение остаться на командном пункте в крепости Берлин, согласно Вашему указу от 29 июня 1941 года, немедленно взял бы на себя руководство, с полной свободой действий как внутри, так и вовне?»

Получилось довольно коряво, генералу Коллеру это наверняка не понравится. Но Геринг решил, что у него нет больше времени на «упражнения по рейхсканцлерскому чистописанию», и только поэтому он уже более решительно добавил: «Если до 20.00 от Вас не последует ответа, то я буду считать, что свобода действий у Вас отнята. Тогда, учитывая Ваш указ, я сочту себя вправе действовать на благо народа и отечества. Мое отношение к Вам в этот тяжелейший час моей жизни Вы знаете, словами его не выразишь. Господь да сохранит Вас и да даст Вам возможность, несмотря ни на что, как можно скорей прибыть сюда. Ваш верный Герман Геринг. 23 апреля 1945 года»»[50].

Перечитывать текст телеграммы Геринг не стал, попросту побоялся делать это в отсутствие специалиста по поднятию духа генерала Коллера. Впрочем, он и так помнил его. Мысленно повторив содержащиеся в нем фразы, Геринг нашел, что составлена телеграмма, в общем-то, довольно осторожно и даже хитро.

---

[50] Именно такого содержания телеграмма и была направлена Герингом фюреру, в бункер рейхсканцелярии.

Определив срок ответа восемью часами вечера и заявив при этом, что после указанного времени он будет считать, что свобода действий у фюрера отнята, Геринг явно подсказывал Гитлеру: «Рядом с Вами в бункере находятся люди, заинтересованные в том, чтобы поскорее вырвать власть из Ваших рук и начать действовать самостоятельно, но уже ведя переговоры не с англо-американцами, а с русскими».

К тому же Геринг выразил надежду, что у фюрера хватит воли и власти, чтобы вырваться из окружения своих предательски настроенных «опекунов» и прибыть сюда, в Берхтесгаден, в ставку «Бергхоф», где он, как и прежде, сможет выполнять свои обязанности руководителя страны и верховного главнокомандующего. Так что все необходимые в данной ситуации приличия соблюдены.

Вот только сумеет ли фюрер по достоинству оценить его усилия, не попытаются ли Борман и Геббельс исказить истинный смысл его послания своими иудиными толкованиями?

В том, что они неминуемо попытаются это сделать, Геринг не сомневался. Вопрос заключался в том, достаточно ли у них окажется зацепок и аргументов.

Позвав ожидавшего под дверью адъютанта, Геринг победно помахал перед его лицом текстом телеграммы и, воинственно улыбнувшись, произнес:

— Вот теперь можете приглашать своего генерала Коллера, адъютант.

— Я не настаиваю на этом, — пожал плечами майор Инген.

— Зато теперь уже я настаиваю. Пусть прочтет. Вдруг действительно что-нибудь подскажет.

— Каждое ваше слово, господин рейхсмаршал, — как удар бомбардировщика. Но... вы действительно уверены, что уже пора?

— Вы доведете меня, майор, до такого состояния, что сначала я благородно застрелюсь сам, а уж затем пристрелю вас. Зовите Коллера.

Генерал появился с видом человека, которому есть за что обижаться на хозяина этого кабинета, но зла на него не таит. Он извлек из нагрудного карманчика очки, одно из стекол которых оказалось выдавленным, и так, прижмуривая «невооруженный» глаз, ознакомился с телеграммой, вчитываясь в каждое ее слово.

При этом генерал не собирался скрывать того, какое впечатление производит на него составленный рейхсмаршалом текст.

— Ну, если вы, господин рейхсмаршал, решили, что текст должен быть именно таким!.. — наконец пожал он плечами, почти пренебрежительно откладывая листик на краешек стола. — То это, конечно, ваше право...

— Что вам в ней не нравится? — без тени обиды поинтересовался Геринг. Он и сам был не в восторге от своего чистописания.

— Если мне, солдату, позволено будет сказать так, как я думаю...

— Считайте, что позволено.

— Эту телеграмму будет читать не только фюрер, если, конечно, она к нему попадет, ее будут читать историки. Вот почему я считаю, что телеграмма, составленная в такой ответственный момент Герингом, рейхсмаршалом Герингом, должна быть несколько иной. Это должна быть, — он замялся, пытаясь найти достойное определение, но, так и не найдя его, выпалил: — Это должна быть телеграмма, составленная... Герингом!

— Видите ли, генерал, я не знаю, когда эта телеграмма попадет в руки историков и попадет ли вообще. Но что уже сегодня она окажется в руках Бормана и Геббельса, которые будут вчитываться в каждое ее слово точно так же, как вчитываетесь вы, — это я знаю наверняка.

— Нетрудно предположить, — согласился Коллер.

— И я знаю, как именно они будут пытаться истолковывать ее.

— Согласен: Борман будет читать ее с гневом и ненавистью. Я достаточно много времени провел в главной ставке фюрера, чтобы не знать, что собой представляет этот человек. И как он ненавидит вас, причем никогда не пытался скрывать этого от меня, вашего личного представителя в ставке.

— Вот видите...

— Не вижу! — по-солдафонски выпалил генерал. — Все равно телеграмму фюреру следовало составлять значительно жестче, — заупрямился он, — и с чувством собственного достоинства. Напоминая о нем не столько фюреру, которому плевать на достоинство любого из нас, сколько Борману, которому, замечу, тем более на это наше достоинство — наплевать.

Совершенно запутавшись в его «унтер-офицерской» логике, Геринг лишь раздосадованно посопел.

— Так что, прикажете переписывать ее, что ли? — мрачно уточнил он.

— Готов приказать, во имя вас и нашего общего блага.

— Теперь уже некогда этим заниматься, — отрубил рейхсмаршал, даже забыв при этом одернуть своего подчиненного. — Коль уж мы решились — значит, решились. Майор Инген, возьмите текст и проследите, чтобы его немедленно передали в ставку фюрера. Как только появится ответ — сразу же ко мне.

— Все-таки решили передавать... — неопределенно как-то проговорил адъютант, глядя при этом не на рейхсмаршала, а на генерала Коллера, словно рассчитывал на то, что генерал решится задержать его передачу, чтобы основательно переписать.

— И не стану пересматривать это свое решение.

— Но и бездеятельно ждать ответа — тоже нет смысла, — молвил генерал, — мы зря теряем время. Во все оставшиеся в зоне досягаемости наших средств связи воинские соединения и управления гау[51] следует направить радиограммы или письма за вашей подписью, в которых уведомить, что власть в стране находится теперь в ваших руках. Нужно немедленно отправить сообщение о том, что вы принимаете на себя командование всеми сухопутными силами рейха.

— Зачем? Я ведь всего лишь канцлер. И потом, я никогда не командовал сухопутными соединениями.

— Да германцы давно забыли смысл этого понятия — «канцлер»! — резко возразил генерал. — Зато хорошо помнят, что страной руководит фюрер. И вы, если мне не изменяет память, стали правопреемником и представителем фюрера.

— В общем-то вы правы, — неуверенно признал Геринг. Причем слишком уж неуверенно. — Но ведь я никогда не командовал сухопутными соединениями, даже полкового уровня.

— А фюрер ранее ими командовал?

— Нет, но он был... фюрером! — Геринг вдруг мысленно увидел перед собой агента фюрера по особым поручениям Отто Скорце-

---

[51] Гау — административная единица, сравнимая с областью.

ни. Вот кого не хватает сейчас в этом кабинете и в его нынешней свите — обер-диверсанта рейха!

Геринг слишком хорошо знал, что происходило в здании Верховного командования вермахта на Бендлерштрассе в Берлине 20 июля 1944 года, после покушения на Гитлера. Как знал и то, что подавить путч фюрер поручил именно ему, Скорцени.

— Взбодритесь, рейхсмаршал. Не надо излишних философствований. Поступить вы сейчас должны так же, — хитровато улыбаясь, убеждал его генерал Коллер, — как, сместив в декабре 1941 года со своего поста главнокомандующего сухопутными войсками фельдмаршала Вальтера фон Браухича, поступил сам Гитлер.

Лоб Геринга зашелся крупными извилистыми морщинами. Он пытался вспомнить и понять, о чем идет речь, однако давалось ему это слишком трудно.

— Помните, что фюрер заявил тогда пораженным его решением генералам?

— Напомните, генерал.

— Он заявил: «Кое-как руководить операциями может каждый. Задача же главнокомандующего сухопутными войсками в том, чтобы воспитать сухопутные войска в национал-социалистском духе. Я не знаю ни одного генерала сухопутных войск, который мог бы выполнить эту задачу, как я того требую!»

— Нечто подобное он действительно заявлял, поскольку не мог простить Браухичу его правоты. Перед началом зимнего контрнаступления русских главком предлагал отвести войска из-под Москвы на зимние квартиры или, как он говорил, на зимние позиции, по линии Ржева и еще каких-то там русских городов[52], чтобы таким образом спасти сотни тысяч германцев от страданий и гибели на немыслимом для них сорокаградусном морозе.

— А разве вы, господин рейхсмаршал и канцлер Германии Герман Геринг, видите среди сухопутных генералов такого идеолога?

---

[52] Зимние позиции были определены фельдмаршалом фон Браухичем по линии городов Ржев — Гжатск — Юхнов. Однако фюрер действительно отмахнулся от этого плана, несмотря на то что его поддержали начальник Генштаба сухопутных войск Гальдер и танковый стратег Гудериан.

— Нет, — неуверенно произнес Геринг, мучительно прикидывая: «Уж не себя ли, "несухопутного", генерал Коллер имеет в виду как будущего идеолога?»

— Даже если бы такой сухопутный генерал стоял сейчас перед вами, вы все равно не должны были бы замечать его, действуя при этом во имя высших интересов рейха.

— Во имя высших интересов... — почти в состоянии транса повторил рейхсмаршал.

— И потом, давно пора напомнить нации, что кроме «Майн кампф» Гитлера существует идеологически не менее важная для воспитания германцев книга Германа Геринга.

— О какой книге вы говорите? — раздраженно поинтересовался Геринг.

— О вашей, естественно. О книге с очень своевременным и актуальным названием: «Построение нации»[53].

— Не до этого сейчас, генерал, — поморщился Геринг, — не до этого.

Лишь несколько дней назад, готовя к эвакуации свою виллу «Каринхалле», рейхсмаршал перечитал некоторые главы из этой книги. Из книги, которой еще недавно так гордился, сравнивая с книгой фюрера «Майн кампф». А теперь... Безрадостное это было чтение. Не хотел бы он, чтобы эту книгу знали в послевоенной Европе: там что ни абзац, то обвинительное заключение, что ни глава — то ему же, Герману Герингу, приговор.

«Нельзя забывать, — писал он тогда, в 1934-м, — что в то время, когда мы захватили власть, более шести миллионов человек в ходе выборов в рейхстаг, проходивших в марте, официально голосовали за коммунизм и примерно восемь миллионов — за марксизм. В результате были созданы концентрационные лагеря, куда мы смогли в первую очередь направить тысячи функционеров коммунистической и социал-демократической партий».

«Когда речь идет о коммунистах — это еще как-то можно объяснить, — поиграл желваками Геринг, вспомнив эти свои лагер-

---

[53] Книга издана в Германии еще в 1934 году. Во время заседания Международного военного трибунала в Нюрнберге в декабре 1945 года фрагменты из этой книги цитировались государственными обвинителями в доказательство того, что создание в Германии концлагерей было направлено против оппозиционных сил.

ные «откровения». — Но на кой дьявол нужно было приплетать сюда социал-демократов»?!

Он знал, как резко отзывается о германских концлагерях русская и западная пресса. И ему очень бы не хотелось представать перед послевоенной Европой в облике инициатора и создателя всех этих эсэсовских лагерей смерти. Тем более что инициатором действительно был не он. Просто остальным хватило ума не распространяться о них в своих писаниях. А цитируют-то — написанное.

— Кстати, самое время переиздать вашу книгу в Мюнхене, — как ни в чем не бывало развивал свою идею генерал Коллер, — который пора объявить временной столицей рейха.

— Не о книге сейчас речь, генерал, не о книге! — попытался урезонить его Геринг.

— Если появляется новый вождь, причем появляется вне Берлина, значит, должна быть новая столица и новая «Майн кампф». Она у германцев уже есть. Вот только переиздавать ее следует срочно, пока из рейхсканцелярии не последовал приказ срочно издать вторую, до сих пор не изданную книгу Гитлера[54].

— Разве он все еще не сжег ее? — мгновенно отреагировал рейхсмаршал, иронично ухмыляясь.

— Опасаясь такой возможности, Борман позаботился о запасном экземпляре машинописи.

— Значит, все-таки не сжег. Хотя угрожал сжечь.

— Борман не позволил бы ему этого, — заверил его генерал Коллер.

— Что вы заладили: «Борман, Борман...»?! — поморщился Геринг, но потом вдруг оторвал взгляд от стола и задержал его на лице генерала. — Или вам уже не терпится оказаться в роли Бормана? А, партайгеноссе Коллер? Рейхслейтер Коллер?

---

[54] После появления в 1925—1927 годах двухтомника «Майн кампф», фюрер еще какое-то время, по крайней мере в течение 1927—1928 годов, продолжал работу над второй своей книгой, оставшейся незавершенной и не имевшей в то время названия. Опубликована она была лишь в 1961 году, в Штутгарте (ФРГ), подготовлена к изданию Мюнхенским институтом современной истории под крайне невыразительным, неудачным названием: «Вторая книга Гитлера. Документ 1928 года».

— Если в этой роли окажусь не я, беспредельно преданный вам человек, то в ней окажется кто-то иной, но уже не преданный вам.

— Ладно, генерал, ладно, — примирительно усмирил его Геринг. — Так, говорите, рукопись второй книги фюрера все еще не сожжена?

— Абсолютно точные сведения. Фюрер ее не сжег. И сейчас Борман подумывает о переиздании ее в виде секретного оружия возмездия, правда, всего лишь идеологического.

Это сообщение, как и тон, которым генерал изложил его, заставили Геринга задуматься. Еще несколько мгновений назад он готов был решительно отказаться от замысла Коллера, но теперь с отказом решил не торопиться. С этим всегда успеется.

— Не спорю, это заманчиво, — искал он пути к отступлению.

— Гитлер думает о том же. Но издание его «Майн кампф — II» было бы сейчас нежелательно. Не ко времени, скажем так. Да фюрер и сам это понимает.

— В таком случае действительно можно подумать о переиздании моего «Построения нации».

— Что было бы очень ко времени, — вмиг оживился генерал, и в глазах этого авантюриста вновь зажегся огонь надежды, огонь удачи. — В то время когда звезда Гитлера закатилась, на небосводе рейха воспылала звезда нового вождя нации, нового теоретика национальной государственности, нового идеолога.

— Полагаете, что публикация моей книги может вызвать такие решительные настроения?

— Это неминуемо. Рейх не может существовать без фюрера.

— Только издавать нужно со значительными переработками, — предостерег Геринг генерала, тоже зажигаясь самолюбивой страстью славы.

— Второе, дополненное издание — так это обычно называется. Я уже консультировался тут с одним местным писателем, который успел поработать в мюнхенском издательстве.

— Я так понял, что вы уже нашли человека, готового помочь мне в доработке книги.

— Профессионала я нашел, мой... господин Геринг. Хорошего профессионала своего дела. В аннотации, а еще лучше, в вашем вступительном слове будет объяснено: необходимость в переизда-

нии была вызвана тем, что многие из ваших предсказаний сбылись, а на многие события и явления вы теперь смотрите с высоты приобретенного опыта полководца и вождя нации, ее идеолога. Именно так, мой фюрер, — решился наконец генерал на это, столь трудно дающееся ему, обращение «мой фюрер», — с высоты приобретенного опыта полководца, идеолога и вождя нации. Каждый, кто прочтет вновь изданную книгу, убедится в правоте ваших слов.

— В таком случае мне следует еще раз прочесть книгу. Хорошенько осмыслить ее, исходя из того, в какой ситуации оказался германский народ в конце правления Гитлера.

— Прежде всего вам следует дать согласие на ее переиздание.

— Видите ли, генерал. Слишком мало времени для того, чтобы сосредоточиться на ее переработке.

— У вас будут надежные помощники и консультанты. Если понадобится, целый штат помощников и консультантов.

31.

Декабрь 1944 года. Атлантический океан. Борт субмарины «U-1230» (позывной — «Колумбус») из состава секретного соединения субмарин «Фюрер-конвоя».

Поздно вечером в каюте Штубера зазвонил телефон внутрикорабельной связи.

— Господин штурмбаннфюрер, — услышал он грустный голос командира субмарины Штанге. — Поступила радиограмма. Только что шифровальщик положил мне на стол ее расшифрованный текст. В нем содержится кое-что такое, что может нам не понравиться.

— От нас требуют завтра же взять штурмом Буэнос-Айрес?

— В определенном смысле, — не воспринял его шутки капитан-лейтенант.

— Так направляйте туда свою последнюю торпеду, капитан-лейтенант, и пусть вся Аргентина содрогнется!

— Вы умеете сохранять чувство юмора, мне это уже известно, — признал Штанге. — Но давайте убедимся в этом еще раз. Жду вас в каюте, нужно решить, как вести себя дальше.

Когда Штубер вошел в каюту, Штанге опустошал вторую рюмку коньяку и выглядел слегка озадаченным.

— Есть приказ, связанный с базой «Латинос»? — спросил Штубер, без приглашения младшего по чину присаживаясь к столу.

— Скорее — с арестом Хорна, — ответил капитан-лейтенант, предлагая Штуберу предназначенную для него стопочку.

— Что значит «с арестом Хорна»?! — просверлил его взглядом барон фон Штубер. — Кто в Берлине мог узнать о нем до моего доклада?

— Не в прямом смысле, естественно. Тем не менее из ситуации следует как-то выходить. Прочтите, — пододвинул к локтю штурмбаннфюрера радиограмму.

«Капитан-лейтенанту Штанге, штурмбаннфюреру Штуберу, — прошелся барон взглядом по тексту. — На базу "Латинос" прибывает субмарина "U-910", позывной "Викинг", командир обер-лейтенант цур зее Хайнц Норден с усиленным боезапасом и секретными торпедами на борту.

Не допустить сдачи субмарины аргентинским властям. Нордена отстранить. При неподчинении — ликвидировать. Экипаж проверить. Субмарину превратить в "летучий голландец", который будет действовать, невзирая на ситуацию в Германии. Стая будет состоять из трех субмарин и "коровы" — субмарины типа "XIV—Milchkuh"[55], "Черный призрак". Цель: дезорганизация судоходства на юге Атлантики и защита "Базы-211" на дальних подступах к ней.

Капитуляции стая не подлежит. Решение по коменданту базы Латинос принимаете вы, Штубер. Действовать быстро и решительно. За формирование стаи отвечаете лично. Хайль Гитлер. Гросс-адмирал Дениц. Скорцени».

Перечитав радиограмму еще раз, барон залпом осушил свою рюмку без разрешения хозяина каюты, наполнил ее и вновь сладострастно осушил.

---

[55] Лодки снабжения, именуемые на германском флоте «дойными коровами», принадлежали именно к этому типу и были самыми «толстыми» в подводном флоте. Они обеспечивали боевые рейдерские субмарины боекомплектом, горючим, запчастями, продовольствием и медикаментами.

Ему бы сейчас хотя бы несколько минут провести в одиночестве, чтобы осмыслить прочитанное и выработать план действий, поскольку завтра на рассвете они уже должны будут войти в зону «Латинос». Однако капитан-лейтенант порывался решать все вопросы немедленно. Теперь он со всей отчетливостью ощутил двусмысленность своего приказа об аресте своего старшего офицера Хорна и боцмана и понимал, что выходить из ситуации следует вместе с офицером СД, причем явственно перелагая на него всю ответственность.

— Ситуация меняется. Я прав, штурмбаннфюрер?

— В том смысле, что теперь нам официально разрешают заняться пиратством, — согласно кивнул барон. — При этом формирование стаи поручено мне, назначение командиров — за мной, вариантов — множество. Цель благородная.

— Еще бы: откровенное пиратство, прикрытое заданием по обороне «Базы-211». Но самое интересное в этой ситуации — что ход мыслей у Хорна был верным.

— Он не был и не мог быть верным, ибо зарождался у него до появления данного приказа, а значит, в нарушение ранее полученного им приказа и в нарушение воинской присяги, — отчеканил Штубер.

— Тоже логично.

— Поэтому мы имеем право сейчас же расстрелять его, указав в бортовом журнале, что произошло это за десять минут до прочтения данного приказа гросс-адмирала и Скорцени. Не знаю, как гросс-адмирал, а Скорцени меня поймет.

— Так вы собираетесь расстреливать его? — нервно передернул плечами Штанге.

— А вы собираетесь превратить его в вечного узника своего подводного замка, заменив легенду о человеке в железной маске на легенду о человеке в подводном карцере?

— Но теперь это уже крайне опасно. Начнется служебное расследование, появится комиссия...

— Кто решится создавать комиссию после того, как на стол Скорцени ляжет мой рапорт? Да и кому там, в Берлине, дело сейчас до какого-то полупредавшего рейх субмаринного лейтенанта?

— Возможно, возможно, — тягостно вздохнул капитан-лейтенант. — Вам виднее, решайте.

— Уже все решено.

— Кем? И что именно?

— Всплывайте. Выводите Хорна на палубу и, к радости всей команды, расстреливайте. Заодно с этим проходимцем боцманом.

— Вы хотите, чтобы этот приказ был отдан мною?! — мгновенно отреагировал Штанге.

— А что, вы уже подали в отставку с должности командира «Колумбуса» в связи с собственной неблагонадежностью? Не вижу письменного рапорта.

— Вы хотя бы сообщили о своем решении какому-нибудь штабному чину из Зеекригслейтунг[56], чтобы заручиться его согласием?

— Я не нуждаюсь ни в чьей поддержке, капитан-лейтенант. Мне вполне хватает поддержки известного вам Отто Скорцени.

Какое-то время командир «Колумбуса» колебался, но затем решительно — насколько это возможно было в данной ситуации — произнес:

— Прошу прощения, — вмиг протрезвев, медленно поднялся из-за стола Штанге, — но расстреливать своего старшего офицера я не намерен.

— Так предложите искупить, таким образом, свою вину перед рейхом кому-нибудь из своих офицеров или унтер-офицеров, — уже откровенно издевался над ним Штубер.

— Я не стал бы делать этого, даже если бы Хорн был приговорен к казни военным трибуналом. Вы же предлагаете мне самому выступить в роли Фрайслера[57].

Штубер злорадно ухмыльнулся. Он явно играл командиру субмарины на нервах. И лишь убедившись, что «музицирование» это удалось, смилостивился:

— Да успокойтесь вы, капитан-лейтенант, я займусь ими сам, если уж у вас рука на врагов рейха не поднимается.

---

[56] Зеекригслейтунг (в дословном переводе «руководство морской войной») — именно так назывался Главный штаб верховного командования военно-морскими силами Германии.

[57] Председатель народного трибунала, выносившего смертные приговоры участникам июльского 1944 года заговора против фюрера. Отличался исключительной жестокостью.

— К сожалению, этого я вам запретить не смогу, иначе доведу дело до вооруженного столкновения.

А несколько минут спустя перед ним уже стоял Зебольд. Он усиленно зевал и готов был растерзать хоть весь экипаж субмарины за одно только право еще хотя бы пять минут поспать.

— Тут вот мы с командиром решаем судьбу лейтенанта Хорна, — сказал Штубер. — Так хотелось бы знать ваше просвещенное мнение, мой вечный фельдфебель.

— Расстреливать лучше наверху, на палубе, предварительно всплыв на поверхность, — не заставил ждать своего совета Зебольд. — Чтобы потом не тащиться туда с телом.

— Вот что значит высокая житейская мудрость! — назидательно произнес Штубер, обращаясь к капитан-лейтенанту. — А мы тут с вами второй час прикидываем, что да как.

— Слишком далеко мы зашли с этой вашей расстрельной мудростью, — возмутился Штанге.

— Зебольд, возьмите одного из померанцев, захватите бутылку с остатками вина и идите к карцеру. Пусть, для начала, померанец по-свойски угостит лейтенанта вином, от моего имени, а потом сообщит ему, что это он пил вино от палача, поскольку есть приказ из штаба кригсмарине о его расстреле. Дескать, мы ничего не можем поделать: приказ уже пришел.

— Приказы о расстрелах всегда оказываются самыми лаконичными и толковыми, господин штурмбаннфюрер, — сонно признал Зебольд, поражая обоих офицеров своей неуемной фельдфебельской логикой.

— Так вот, как только Хорн проникнется мудростью этого приказа, у карцера появитесь вы и с присущей всем палачам вежливостью поинтересуетесь, готов ли ваш клиент к смертной казни. После того как первая волна душевного подъема Хорна поугаснет, вы можете повторить свой приход на бис.

— Если вам, штурмбаннфюрер, понадобилось устроить спектакль у ворот ада, вы так и скажите!

— Нет в этом мире человека, который бы так понимал меня с полуслова, как вы, мой вечный фельдфебель! Идите, наш Шекспир, и творите все, что вам заблагорассудится. Но чтобы утром Хорн предстал передо мной все еще живым. На полусогнутых, в рыданиях — но... живым.

— Ну, если так... — вздох, коим Вечный Фельдфебель встретил условие Штубера — оставить лейтенанта в живых, мог издать только человек, от которого требовали невозможного.

— А в остальном все должно выглядеть именно так, как вы мечтаете, мой вечный фельдфебель, — спектаклем у ворот ада.

Зебольд уже открыл люк отсека, однако, вспомнив о том, что в карцере находится *еще один арестованный, спросил:*

— А второго?

— Что «второго»? — искренне удивился Штубер.

— Их в карцере двое. Впрочем, того, второго, следует расстрелять сразу же, чтобы не мешал нашему спектаклю своими репликами и стенаниями.

— Гениальное режиссерское решение, Зебольд! Гениальное! Но вы от него откажитесь. Поступите просто и банально: сделайте вид, что попросту не замечаете его, что о нем все забыли. Ничто так не убивает, как неизвестность. Пусть до конца ночи и все утро мучается своими догадками и предположениями, причем мучается так, чтобы утром мы увидели перед собой некстати поседевшую Кассандру. Вы все поняли.

— Кто такая Кассандра — я не знаю, но не сомневайтесь, на сей раз она поседеет.

Когда Зебольд вышел, офицеры благоговейно переглянулись. Даже на них самих присутствие этого гороподобного существа производило удручающее впечатление.

— А как вы намерены поступать на самом деле? — сдали нервы у командира субмарины.

— Поскольку расстреливать все равно кого-то нужно будет, то расстреляем командира упомянутой в радиограмме субмарины «Викинг», а признательного нам за свое спасение Хорна назначим ее командиром и отправим в вольное пиратское плавание.

Штанге медленно наполнял коньяком свою рюмочку, затем так же медленно опустошал ее, после чего еще с минуту смотрел на люк отсека, словно ждал, что в нем вот-вот появится Зебольд.

— Признаться, до сих пор я весьма смутно представлял себе что такое эти ваши СД. Но теперь!.. — покачал он головой. — Теперь...

— Оставьте ваши восторги, капитан-лейтенант; обычно мы избегаем бурных оваций.

32.

Начало марта 1945 года. Германия. Замок Викингбург, ставка «фюрера подводных лодок» гросс-адмирала Карла Деница.

Последним, в сопровождении десяти худощавых, никаким видимым оружием не вооруженных телохранителей, в замке появился Консул Внутреннего Мира. В считанные минуты его люди рассредоточились по залам, занимая все ключевые позиции, причем делали это с такой уверенностью, словно им приходилось бывать здесь множество раз. И поскольку действовать так, изучая расположение помещений в замке только по карте-схеме, невозможно, то следовало предположить, что они здесь действительно бывали. Или же отрабатывали план захвата по киносъемкам.

Сам Посланник Шамбалы остановился посреди небольшого, выложенного древним булыжником дворика и полновластно осмотрелся, словно бы оценивал только что доставшиеся ему владения. Когда он оглянулся на полуоткрытые ворота, Скорцени показалось, что сейчас он издаст какой-то истошный азиатский рык и во двор замка хлынет вся остальная орда, которая за стенами «Викингбурга» ждет боевого клича своего вождя.

Вдоволь насмотревшись на этот мирный, хотя и беспардонный, захват замка, Скорцени вопросительно взглянул на Гиммлера.

— Тибетцы, — пожал тот плечами, как будто этим все было сказано: мол, что с них возьмешь? — Обычная демонстрация предосторожности, — невозмутимо объяснил он, старательно протирая носовым платком стеклышки своих очков.

— Раньше он появлялся в рейхе без охраны, — как бы между прочим заметил обер-диверсант рейха, понимая, что нахождение в «Викингбурге» этих тибетцев было заранее согласовано с рейхсфюрером СС.

Они стояли на открытой, оборонной галерее замка, откуда обычно предпочитал ностальгически любоваться морем властитель этого бурга[58] гросс-адмирал Дениц, и могли наблюдать,

---

[58] Бург — укрепленный замок. Как правило, это был замок, обнесенный крепостной стеной. Вокруг таких замков обычно создавались по-

как тибетцы беспрепятственно проникают во владения немногочисленной личной охраны Гиммлера, состоявшей из эсэсманов «Лейбштандарта СС».

— Раньше — да, без охраны, — бесстрастно признал Гиммлер. — Впрочем, он и сейчас не очень-то нуждается в ней. А с другой стороны, пусть его люди учатся взаимодействовать с солдатами моего «Лейбштандарта». Нам это может пригодиться. Кстати, очень выносливые, исключительно исполнительные и совершенно неприхотливые солдаты.

Скорцени уже знал, что отношения с Гитлером у рейхсфюрера очень осложнились, по существу речь шла о полном разрыве между этими двумя руководителями рейха. Во время последней стычки между ними Гитлер даже пригрозил, что заставит эсэсовцев из «Лейбштандарта» снять с рукавов специальные нашивки[59], а то и вообще распустит его, чтобы показать этим солдатам и всему ордену СС, что рейхсфюрера СС у них больше нет, есть только он — фюрер!

— В таком случае следует подумать о том, чтобы несколько сотен тибетцев внедрить в охрану рейхсканцелярии.

— Несколько сотен тибетцев-смертников, которые бы, с одной стороны, укрепили оборону рейхсканцелярии, предупредив любую попытку переворота, а с другой — не допустили бегства господина Шикльгрубера из его последней западни, вне которой он будет еще опаснее, нежели пребывая в ней? — попытался продолжить его мысль Гиммлер, слишком придирчиво рассматривая прочищенные стеклышки на свету.

— Я имел в виду всего лишь усиление охраны фанатично преданными нашей идее смертниками.

— Понятно, оберштурмбаннфюрер СС, понятно, — долго и старательно водружал свои очки на переносицу Гиммлер. Этим «оберштурмбаннфюрер СС» он как бы напоминал Скорцени о

селения, о чем свидетельствуют их названия, содержащие слово «бург»: Гамбург, Питсбург, Регенсбург

[59] Эту угрозу фюрер вскоре выполнил, приказав солдатам «Лейбштандарта СС» снять специальные нарукавные нашивки, свидетельствовавшие о том, что служащие данного полка принадлежат к личной охране рейхсфюрера СС Гиммлера. Весь состав «Лейбштандарта» воспринял это очень болезненно, как воспринимают личное оскорбление.

— Не менее тысячи[60], — не оценил его картежного юмора рейхсфюрер СС. — В это даже трудно поверить.

— Обычно Посланник свое слово сдерживает.

— Мы сможем усилить этими исключительно нашими и столь же исключительно бесстрашными людьми оборону фюрер-бункера. Правда, хотел бы я знать, откуда они сейчас возьмутся там, в *Берлине, эти его тибетцы.*

— Из тибетских монастырей.

— Они пришлют нам монахов?!

— Специально подготовленных... монахов. Скорее всего, их десантируют с дисколетов.

Гиммлер задумчиво потер подбородок и, ничего не ответив, впал в глубокое раздумье, словно обер-диверсант рейха только что сообщил ему о чем-то совершенно невероятном.

— Русских эти тибетцы сдержать, конечно, не смогут, — наконец произнес он.

— Но ведь основная их задача заключается не в этом, — напомнил ему Скорцени.

— Вы правы, не в этом.

— А в том, чтобы не допустить ухода фюрера из бункера, его бегства из подземелий рейхсканцелярии. Все переговоры между Борманом, Геббельсом и Посланником Шамбалы касались именно этой, секретной, части операции тибетцев.

Гиммлер опять задумчиво потер подбородок и вопросительно взглянул на обер-диверсанта, который по-прежнему оставался для него самой большой загадкой рейха. Более загадочной личности в современной Германии просто не существовало. Причем Гиммлера она интриговала даже больше, нежели личность Посланника Шамбалы.

— А ведь признайтесь, Скорцени, что вам хотелось бы спасти фюрера.

— Хотелось бы. В конце концов, речь идет о фюрере.

---

[60] По сообщениям различных источников, после захвата советскими войсками рейхсканцелярии в ее окрестностях обнаружены были около тысячи трупов солдат-тибетцев в германской военной форме, но без знаков различия. Именно они пытались сдерживать наступающие войска на последних рубежах обороны бункера фюрера.

— Почему же до сих пор не прибегли к этой операции? Только откровенно, никаких гонений на вас не последует. Просто я пытаюсь понять, что происходит, разгадать загадку вашего поведения.

— Во-первых, этого спасения не желает сам фюрер...

— Точнее было бы признать, что он все еще колеблется, больше смерти опасаясь оказаться в русском плену. Однажды он даже высказал опасения, что русские поместят его в клетку и станут возить по своим городам, показывая его, как некое чудовище.

— Во-вторых, рядом с ним находятся Борман и Геббельс.

— Там находятся такие церберы, как Борман и Геббельс, — ужесточил формулировку Гиммлер, — которые делают все возможное, чтобы убедить фюрера остаться в бункере, сложить с себя полномочия и принять яд. Это мне тоже понятно. Но ведь вы совершали похищения дуче и адмирала Хорти. Что для вас операция по похищению или спасению — это не суть важно — Гитлера? Не убеждайте меня, что такая операция вам не под силу, иначе я попросту разочаруюсь в вас как в идеале всех европейских диверсантов.

— Я не стану разочаровывать вас, рейхсфюрер.

— Тогда же что происходит? Ждете приказа фюрера? Самолюбиво дожидаетесь, когда он попросит вашего заступничества?

— Меня тоже порой удивляет, почему до сих пор я ни от кого не получил приказа спасти фюрера: ни от него самого, ни от Бормана или Геринга, ни, простите, рейхсфюрер, от вас.

— При этом вы прекрасно понимаете, что окончательное решение принимает фюрер. Он решает: оставлять Берлин или оставаться в нем до последнего дня обороны. Хотя я согласен с вами, что в этой ситуации возникает вопрос: а зависит ли окончательное решение именно от него, от фюрера? Вы терзаетесь этим вопросом. Однако ни разу не попытались пробиться к фюреру и найти ответ на него. Вот почему я предположил, что вы ждете, когда фюрер попросит вашего заступничества. И объясняю: этого не будет, потому что фюрер уже не осознает, в какую западню загнали его люди, которых он считает самыми надежными и преданными.

Несколько мгновений Скорцени сверлил Гиммлера взглядом, решаясь на откровение перед ним как на самый рискованный шаг.

— Мне действительно очень хотелось спасти фюрера Великогерманского рейха.

— Вот-вот, — подбодрил его Гиммлер, как следователь — преступника, созревшего для трудного, убийственного для него самого признания. — Все-таки хотелось бы. Я вас понимаю, именно поэтому и задал этот вопрос.

— Но всякий раз, когда я задумываюсь над последствиями подобной операции, то начинаю понимать, что это я всего лишь буду пытаться спасти... фюрера, истинного вождя Великогерманского рейха, в котором так нуждается сейчас германский народ. А на самом деле спасу я всего лишь... Гитлера. Все того же Гитлера, который уже упустил свой шанс и при этом погубил армию, СС и всю Германию. Но если я способен спасти только Гитлера, тогда возникает вопрос: ради чего?

Дослушивал его Гиммлер, опустив голову и потирая носком сапога до блеска надраенную дощечку паркета.

— Вы не догадываетесь, Скорцени, насколько точно вам удалось сформулировать все то, что лично мне сформулировать так и не удалось. Даже для самого себя.

33.

Декабрь 1944 года. Атлантический океан. Борт субмарины «U-1230» (позывной — «Колумбус») из состава секретного соединения субмарин «Фюрер-конвоя».

Когда на рассвете капитану почтово-пассажирской шхуны, шедшей под бразильским флагом, рулевой доложил, что справа и слева по борту всплыли германские подводные лодки, он попросту не поверил. И лишь увидев с бака своего судна две идущие параллельным курсом огромные субмарины со свастиками на бортах, понял: то ли все еще не пришел в себя после вчерашней вечерней попойки, то ли мир действительно перевернулся.

В этой части океана капитан «Императрис» готов был увидеть все, что угодно, — хоть «летучего голландца», а хоть спускающегося с небес Огненного Змея, легенды о котором гуляли по порто-

вым кабачкам всего латиноамериканского побережья, но только не германские субмарины! Только не эти призрачные подлодки со свастиками на бортах.

А еще через несколько минут двигатель шхуны был заглушен, а все двадцать шесть членов экипажа во главе с капитаном Манеасом, а также четверо почтовых служащих стояли на коленях в носовой части судна и, творя молитвы, наблюдали, как по двум абордажным трапам на борт поспешно поднимаются вооруженные автоматами германские матросы.

Вскоре в глубине пассажирских надстроек раздались два пистолетных выстрела и несколько коротких автоматных очередей. Это пытался оказывать сопротивление кто-то из троих почтовых охранников, однако пиратствующие германцы быстро пресекли его бессмысленную затею, и все трое охранников, один убитый и двое раненных, но еще живых, полетели за борт.

Ужаснувшись их участи, команда с еще большим рвением предалась молитвам, которыми уже не способна была растрогать ни германских пиратов, ни тем более — Господа.

Ухватившись руками за фальшборт, капитан Манеас, седовласый пятидесятилетний моряк в неприлично засаленном офицерском кителе, наблюдал, как с мостика «Черного призрака» по всплывшему охраннику моряки, подзадоривая друг друга, стреляли, как по живой мишени. По щекам его катились слезы. Вот только оплакивал он не охранника, которого почти не знал и судьба которого ему была безразлична, а свое убийственное невезение.

Это был его последний рейс. По прибытии в бразильский порт Сальвадор капитан собирался продать «Императрис» местному плантатору и купить себе виллу на берегу океана, в небольшом курортном городке Канавиейрас.

Последние десять лет шхуна служила ему и домом, и местом работы, и местом отдыха. При этом он и экономил на всем, на чем только можно было, и подрабатывал, как только мог, не гнушаясь контрабандой и нередко превращая свои пассажирские каюты в плавучий притон. Да, и в притон — тоже. Самые большие деньги приходили к нему именно в те выходные и праздничные дни, когда он курсировал вдоль побережья, имея на борту двадцать девиц, «арендованных» в одном местном борделе.

Стоит ли удивляться, что теперь у него было достаточно денег, чтобы после десятилетия скромной жизни морского бродяги начать все сначала: новый дом, новая семья и, конечно же, новые, еще более длительные охотничьи выезды на предгорные берега реки Рио-Парда.

— Господин обер-лейтенант, на борту пятьдесят два пассажира, — доложил обер-ефрейтор, занимавшийся вместе с группой матросов обследованием нижних, пассажирских кают.

— Сколько из них женщин?

— Около двадцати.

— Германец не должен употреблять слово «около»; германец — это, прежде всего, точность и пунктуальность. Во всяком случае, так считают все, кроме самих германцев. Мужчин тщательно обыскивать, выводить по трое на корму — и за борт. Причем делать это без лишнего шума.

— А что с женщинами?

— Ты когда в последний раз сходил на берег, обер-ефрейтор, если забыл, что обычно делают с женщинами?

— Понятно! — возрадовался моряк.

— Однако ими займемся попозже и основательно. Без моего личного разрешения женщин не трогать.

— Ясное дело, только после офицеров, — ухмыльнулся молодой подводник ухмылкой мартовского кота.

Как оказалось, один из матросов «Черного призрака» неплохо владел английским. Через него-то обер-лейтенант Алькен, поднявшийся на борт последним из абордажной группы (моряки «Колумбуса» в захвате шхуны участия не принимали), решил провести переговоры с капитаном.

— Мои условия просты, как швартовый узел, — объяснил он бразильцу. — Ты даешь согласие служить нам или отправляешься кормить акул вслед за теми, кто, по глупости своей, оказывал нам сопротивление.

Благородство, проступавшее в тонких чертах лица капитана, мудро соединялось в нем с благоразумием, именно поэтому он ответил:

— В нашей ситуации большей справедливости ожидать трудно, сеньор офицер.

— А яснее выражаться ты не умеешь?

— Яснее не получится, пока вы не изложите свои собственные условия нашего сотрудничества.

— Какие еще, к чертям собачьим, условия? Мы конфисковываем твою шхуну, чтобы до прибытия в Аргентину она служила нам плавучим офицерским отелем. Или плавучим борделем.

— Это ваше решение, капитан, — едва слышно пробормотал Манеас, что тотчас же было истолковано Алькеном как непонимание капитаном «Императрис» всей глубины его замыслов.

— Вы с ним не согласны, капитан?

— Подводники нуждаются в свежем океанском воздухе. На вашем месте я, очевидно, поступил бы точно так же.

— Вот он — образец туземного благоразумия! — указал Алькен на Манеаса, обращаясь при этом к поднявшимся на борт шхуны барону фон Штуберу и двум его спутникам.

— Особенно если учесть ваш очень веский аргумент, — взглядом указал штурмбаннфюрер на пистолет в руке обер-лейтенанта.

— Вы, господа экскурсанты, способны предложить что-то более весомое? — огрызнулся Алькен, явно демонстрируя нежелание видеть «у себя на борту» штурмбаннфюрера и его людей.

— Вы как разговариваете со старшим по чину, обер-лейтенант? — не удержался Гольвег.

— Вы имеете в виду себя, господин в цивильном платье, или этого офицера, предстающего передо мной в мундире лейтенанта? — Алькен явно чувствовал себя хозяином положения.

— Продолжайте заниматься любимым делом, господин обер-лейтенант, — улыбнулся своей садистской улыбкой барон фон Штубер, — не обращая внимания на моих вспыльчивых спутников.

Командир субмарины даже не догадывался, что в эти минуты самим своим поведением он подписывал себе смертный приговор. Будь он чуточку проницательнее, то обратил бы внимание на то, какими взглядами обменялся Штубер со своим телохранителем Зебольдом. Однако Алькен все еще упивался властью, которую неожиданно получил на этой случайно встретившейся ему на пути бразильской шхуне. Только этим опьянением можно было объяснить высокомерность взгляда, которым он прошелся по Штуберу, Гольвегу и Зебольду. А, пройдясь, старательно пожевал нижнюю губу и наконец-то согласился со Штубером:

— Что я и делаю — не обращаю внимания. — Возможно, его ответ оказался бы значительно жестче, если бы не полтора десятка вооруженных моряков, рассредоточившихся по палубе «Колумбуса».

Это были те самые, отобранные Штубером бывшие морские пехотинцы Померанского полка, с которыми он намеревался совершить рейд на базу «Латинос». А пока что готовились они к своему любимому занятию — абордажному штурму.

— И правильно делаете, что не обращаете, — неожиданно подзадорил его Штубер. — Так и полагается вести себя истинному подводнику.

Командир «дойной коровы» еще более уничижительно прошелся взглядом по странной троице с «Колумбуса» и, победно ухмыльнувшись, вновь обратил свой взор на капитана «Императрис».

— По законам военного времени ваше судно поступает в распоряжение германского флота, — объявил он через переводчика.

— Я мог бы ответить, что Бразилия не находится в стадии войны с Германией, поэтому конфискация моего частного судна, идущего под флагом этой страны, незаконна, — ударился в дипломатию Манеас. — Однако не стану этого делать, понимая всю бессмысленность подобных заявлений.

— И мудро поступаете. Какое минимальное количество моряков вам нужно, чтобы вести шхуну дальше, только уже под присмотром моего офицера?

— А что будет с остальными?

— Закроем в трюме, а в Аргентине то ли выпустим, чтобы вы могли вернуться с ними в Бразилию, то ли передадим местным властям. В зависимости от ситуации и вашего, капитан, благоразумия.

— В таком случае прошу оставить два десятка моряков.

— Из двадцати пяти?! — неприятно удивился Алькен.

— Пятерых можете арестовать.

— Я не могу оставить под вашим командованием сразу два десятка бродяг.

— Но ведь это же шхуна. По штатному расписанию и судовым ролям...

Алькен неожиданно выстрелил, и пуля, обжигая, прошла в нескольких миллиметрах от щеки Манеаса. Причем Штуберу показалось, что выстрел этот произошел непроизвольно, просто у Алькена сдали нервы. Но именно этот неврастенический выстрел, свидетельствовавший о непредсказуемости обер-лейтенанта, вызвал у штурмбаннфюрера еще большую антипатию к нему.

— Остановимся на пятнадцати, — не замечал его реакции Алькен, — и прекратим этот неуместный торг. Отбирайте мотористов, штурмана, рулевых, остальные вакансии заполнят мои бездельники-матросы, которых все равно придется оставлять здесь.

— Но вы действительно не расстреляете тех, кто останется вне команды?

— Мое решение вам уже известно, — нервно отреагировал Алькен. Не хватало еще, чтобы он давал этому латиносу слово германского офицера. — И не испытывайте благосклонность моего отношения к вам, капитан.

Отбирал Манеас долго и мучительно. Он не полагался на слово командира субмарины и, предполагая, что сам, по своей воле, делит команду на живых и мертвых, чувствовал вину перед каждым, кто оказывался вне его выбора. Утверждало его в этом мнении и все то, что происходило на корме, где германские подводники завершали расправу с пассажирами-мужчинами: одних просто выбрасывая за борт, а других, пытавшихся сопротивляться или хотя бы протестовать, — расстреливая.

С облегчением капитан вздохнул только тогда, когда матросов, оказавшихся вне капитанского списка, Алькен действительно приказал запереть в трюме. Остальным же велел занять свои места согласно корабельному расписанию и под угрозой смерти запретил переговариваться о чем-либо, кроме того, что требовалось по службе, а также собираться в какие бы то ни было группы.

— Мы доведем шхуну до того порта, который вы укажете, — попытался успокоить его капитан «Императрис». — Можете не опасаться бунта, я его не допущу.

— Окажите любезность, — язвительно призвал Алькен.

В это время старший механик судна, немного владевший немецкий, попытался заговорить со Штубером, по наивности своей узревший в нем офицера, способного вступиться за находящихся

на судне женщин. Однако капитан Манеас так рявкнул на него, что бедняга мог забыть не только чуждый ему немецкий язык, но и свой родной, португальский.

— Мы с вами оказались на германской тропе войны. Поэтому сейчас на этом судне каждый, в том числе и женщины, предоставлен своей собственной судьбе, — заявил капитан оставшимся с ним членам команды.— От всех мною отобранных я требую выполнения всего того, что ему будет приказано. Только ваша исполнительность подарит нам хоть какой-то шанс на спасение.

Штубер прошелся по палубе, размышляя о том, как поступить дальше. Оставаться на «Императрйс» он не хотел, оставлять кого-либо из своих людей тоже было рискованно; через несколько минут здесь увлекутся спиртным и женщинами, а затевать перестрелку с командой германской подлодки было опасно — это может быть не так истолковано в Берлине и в ставке гросс-адмирала Деница. Да и зря терять людей тоже не хотелось.

— Что предпринимаем? — негромко спросил Гольвег, понаблюдав, как на корме моряки с «Черного призрака» расправляются с последними мужчинами — пассажирами шхуны. — Может, уложим «коровников», которые находятся сейчас на палубе, а дальше — по обстоятельствам?

— Бразильцы тоже будут на нашей стороне, — поддержал его Зебольд.

— Вы всегда поражали меня мощью своих стратегических замыслов, мой вечный фельдфебель Зебольд.

— Так добейтесь, чтобы мне, наконец, присвоили чин лейтенанта, — не упустил возможности Зебольд.

Барон уже дважды представлял его к этому чину, и оба раза где-то там, наверху, посчитали, что офицерский корпус Германии не многое потеряет, не увидев в своих рядах малообразованного, грубоватого фельдфебеля. После второго представления какой-то штабист из группы армий «Центр» так прямо и сказал Штуберу: «Я скорее добьюсь того, чтобы половину наших офицеров понизили в чинах до фельдфебелей, нежели стану хлопотать о повышении вашего фельдфебеля до чина офицера! Тем более что двое из его рода уже погибли в концлагерях».

Вот только подробности этого своего поражения Штубер от фельдфебеля скрыл. Особенно старательно он скрывал от него то,

то ему известно о двух казненных в концлагерях родственниках. Не так уж много оставалось у Штубера таких проверенных и испытанных в боях да всевозможных передрягах людей, каковым представал перед ним Зебольд.

— Чем вас не устраивает чин фельдфебеля? — иронично поинтересовался Гольвег, все еще охватывая цепким взглядом то одну, то другую часть палубы и оценивая их со Штубером шансы на успех.

— Я заслужил того, чтобы закончить эту войну хотя бы лейтенантом.

— Я не знаю, что выиграет вермахт, увидев в своих рядах еще одного лейтенанта, — заявил Штубер, — зато прекрасно знаю, что он потеряет, лишившись своего единственного вечного фельдфебеля. Так стоит ли нам лишать вооруженные силы такого символа их непобедимости?

— Издеваетесь, штурмбаннфюрер... — незло огрызнулся Зебольд.

— Скорее восхищаюсь.

— Так что, джентльмены, — обратился к «гостям» Алькен, — как вам эта моя императорская яхта «Императрис»?

— Смею полагать, что она принадлежит Германии, — пошел на обострение Зебольд.

— Она принадлежит мне, по старинному морскому праву добычи.

— Если учесть, что «Императрис» вы захватили на своей собственной субмарине... — язвительно заметил Гольвег.

— Я сказал: только мне! И океану.

— Что касается принадлежности к океану — возражений не последует.

— Но коль вы уж задержались на борту моей яхты, то прошу вниз, в номера лучшего из плавучих борделей мира!

— Благодарю за щедрость, — ответил Штубер. — Здесь и без нас будет тесновато, поэтому мы переходим на свой «Колумбус».

— В таком случае, до встречи на базе «Латинос», — не стал удерживать их Алькен, радуясь тому, что легко избавится от непрошеных визитеров.

— Вряд ли мы уже встретимся там, обер-лейтенант, поскольку задерживаться на базе не собираемся, сразу же вылетаем самолетом в рейх.

Гольвег и Зебольд удивленно взглянули на штурмбаннфюрера, однако тот сделал вид, что не заметил этого.

— Неужели не погуляете там даже недельки? После моего прибытия первый поход в бар — за мой счет.

— Не более суток. Таков приказ.

Штубер понимал, что Алькен опасается встречи с ним на базе, и умышленно заявил, что пробудет там не более суток. Командиру «Черного призрака» нетрудно будет вычислить, когда «Колумбус» прибудет на базу и когда штурмбаннфюрер улетит оттуда. Можно не сомневаться, что «Черный призрак» прибудет туда позднее..

— Не завидую. Счастливого прибытия в нашу благословенную Германию! Кланяйтесь от меня русским.

34.

Начало марта 1945 года. Германия. Замок Викингбург, ставка «фюрера подводных лодок» гросс-адмирала Карла Деница.

В зал, посреди которого за овальным столом уже сидели все участники секретного совещания, Посланник Шамбалы вошел последним. Причем Скорцени так и не понял, почему это произошло и кто еще, кроме Гиммлера, мог задержать Консула-Посланника на те почти десять минут, которые всем остальным пришлось ждать его «явления народу».

Гиммлер оставил для него кресло справа от себя, однако Консул без видимых усилий одной рукой поднял это массивное творение мебельщиков и переставил подальше от стола и чуть сбоку от камина.

Всеми участниками «тайной вечери» это его действие было истолковано одинаково правильно: Консул Внутреннего Мира демонстративно подчеркивал, что решение судьбы рейха — внутреннее дело германцев, он же — всего лишь гость этого высокого собрания.

Всеми, кроме самого Гиммлера, для которого усадить Посланника Шамбалы рядом с собой было делом престижа. Единствен-

ное, что его могло утешить в эти минуты, так это воспоминания о том, что и фюреру тоже, как правило, не удавалось усаживать Посланника возле себя. Иное дело, что он сам порой норовил усесться рядом с этим Посвященным, на что Гиммлер, конечно, не решился бы. Впрочем, в данной ситуации это выглядело бы по-идиотски.

Поскольку Консул оказался теперь почти рядом со Скорцени, тот смог внимательнее, нежели когда-либо, присмотреться к нему: крупное волевое лицо с чуть расширенными мощными скулами и прямым римским носом; бирюзовые, с голубоватой поволокой глаза; высокий лоб, над которым слегка курчавилась похожая на спартанский шлем грива светло-русых волос...

Человек с такими внешними данными, наверное, стал бы находкой для любого скульптора, работающего над образами из античной древности. Кстати, первым обратил внимание на его эллинскую внешность фюрер, в душе которого в те минуты, очевидно, мучительно просыпался художник, творец.

«Чувствуете, Скорцени, какая мощная сила исходит от этого полубога?!» — воскликнул фюрер во время встречи с Посланником Шамбалы, на которой сам обер-диверсант оказался случайно. Узнав о прибытии в «Бергхоф» Консула Внутреннего Мира, Гитлер попросил Скорцени задержаться, хотя беседа с ним уже была завершена.

«Я не специалист по энергетике, — слишком сдержанно ответил Скорцени, — следовало бы пригласить кого-нибудь из института “Аненэрбе”».

«Это я имею в виду энергетику тела, надо улавливать, Скорцени, — сконфуженно упрекнул его Гитлер, обидевшись, что обер-диверсант не сумел подыграть ему. — Этому надо учиться и учить своих людей. А главное, мечтать о целых поколениях подобных германцев, о новой арийской расе, для создания которой, конечно же, понадобится не одно поколение».

Отто подозревал, что фюрер попросту опасается оставаться с этим «полубогом» наедине, ему спокойнее было, когда рядом оказывался такой физически и морально сильный человек, как его личный агент по особым поручениям. Вот каких арийцев нам не хватает сейчас для победы над врагами и построения Великого Рейха!»

«Они у вас будут, подобные германцы, — коротко и как-то неопределенно ответил Консул, прибывший в очередной раз в Германию как представитель Внутреннего Мира. Он вообще не желал выслушивать чьи бы то ни было комплименты и суждения по поводу своей персоны или по поводу существования Шамбалы. Особенно если они исходили из уст фюрера, которого Посланник воспринимал все труднее и все невыразительнее.

Что касается Скорцени, то на сей раз он решил промолчать. Отто всегда чувствовал себя неловко во время подобных сцен и всячески пытался избегать их.

«А какие эллинские черты просматриваются в его облике! — все еще обращался фюрер к Скорцени, стараясь не придавать при этом значения реакции пришельца из другой цивилизации. — Когда я вижу этого полубога, я начинаю жалеть, что не остался верен кисти портретиста или резцу скульптора».

«Вы пробовали себя в искусстве скульптуры? — недоверчиво поинтересовался Посланник. — Об этом я почему-то не знал».

«Как всякий прочий, кто начинал свое вхождение в мир искусства с кисти живописца», — исподлобья взглянул на него Гитлер, чувствуя себя пойманным на лжи и разоблаченным.

«Есть музей или галерея, в которой я мог бы познакомиться с вашими скульптурными работами?» — безжалостно преследовал его шамбалист.

«К сожалению, мои работы так и остались в юношеских замыслах и фантазиях. О чем я все чаще сожалею. Иногда меня тянет то к холсту, то к резцу».

Ну а выбивал Консула из этого эллинского образа разве что новый, прекрасно сшитый из какой-то странной, голубовато-эластичной ткани костюм армейского покроя без каких-либо знаков различия, в котором он, конечно же, был похож уже не на древнего эллина, а на командующего какой-то неведомой обер-диверсанту повстанческой армии.

— Господа! Члены СС! Мои боевые соратники! — открыл совещание рейхсфюрер СС Гиммлер, стараясь подражать в своей решительной доверительности теперь уже ненавистному ему Адольфу Гитлеру. — Мы собрались здесь с одной-единственной целью: задуматься над тем, как бы в нашей погибающей стране спасти все то, что еще можно спасти.

— Задуматься? — вполголоса молвил Мюллер, пожимая плечами и с ироничной ухмылкой поглядывая на Скорцени. — Теперь? Не поздновато ли?

— Самое время, — точно так же, едва слышно, ответил обердиверсант рейха, потянувшись к шефу гестапо через стол. — Но уже без восторга, без эйфории.

— Поздно. Даже погибать мы теперь уже привыкли с восторгом, — набычившись, объяснил ему «гестаповский мельник»[61].

К счастью, Гиммлер не обратил внимания на их перешептывание, он вообще обладал редкой для ораторов способностью не отвлекаться на усмирение тех, кто отказывается его слушать.

Произнося свою речь, рейхсфюрер поднялся было, однако, поняв, что так, стоя, труднее будет скрывать свое волнение, вновь сел в кресло и даже как-то странно вжался в него, пытаясь быть незаметнее, чем это было возможно.

«А ведь он понимает, — сказал себе Скорцени, — что если Гитлер сочтет это тайное собрание заговорщицким, у него еще хватит власти и сторонников, чтобы расправиться с его участниками, как в свое время — с участниками заговора-покушения генералов.

Понимать-то он понимает, однако все еще не способен совладать ни со страхом своим, ни с желанием выступать в роли если уж не спасителя рейха, поскольку попытки спасти его уже бессмысленны, то, по крайней мере, в роли естественного преемника фюрера».

— Прежде всего, о реалиях. Они известны. Русские уже на подступах к Берлину. Англо-американцы тоже продвигаются к нему, предавая наши города чудовищным разрушениям. Все ссылки фюрера на некое сверхоружие, которое якобы вот-вот появится в его распоряжении и заставит врагов отступить от границ рейха, — несостоятельны. Такого оружия, — резко взглянул Гиммлер на невозмутимо сидевшего на своем прикаминном троне Посланника Шамбалы, — он не получит.

Скорцени видел, что в эти мгновения взгляды заместителя фюрера по партии Бормана, начальника Главного управления имперской безопасности Кальтенбруннера, главнокомандующего военно-морскими силами гросс-адмирала Деница, шефа гестапо

[61] «Мюллер» в переводе с немецкого означает «мельник», поэтому в РСХА Мюллера его коллеги часто называли гестаповским Мюллером, то есть гестаповским мельником, перемалывающим кости.

Мюллера, руководителя института «Аненэрбе» штурмбаннфюрера СС Вольфрама Зиверса и еще какого-то тучного и мрачноватого бригаденфюрера СС, имени которого Скорцени пока что не знал, — тоже были обращены к Посланнику Шамбалы и Консулу Внутреннего Мира.

Они ждали, что тот как-то отреагирует на заявление Гиммлера, подаст надежду на то, что сверхсекретное и сверхмощное оружие рейх все же получит, или объяснит, почему Высшие Посвященные, на благосклонность которых в течение всей войны так уповал фюрер, теперь вдруг отвернулись от него.

Однако Посланник, казалось, не замечал ни этих взглядов, ни воцарившегося напряжения. И эта безучастность шамбалиста порождала подозрение в том, что Гиммлер заранее обсудил с ним возможные действия Шамбалы и Внутреннего Мира Антарктиды по отношению к рейху и, в частности, к Гитлеру.

Их подозрения не развеялись даже после того, как именно он, Гиммлер, растерянно спросил:

— Неужели они действительно никоим образом не способны помочь нам?

— Способны, но не могут, — ответил Посланник Шамбалы, и все присутствующие обратили внимание, что говорил он вроде бы негромко, однако каждое его слово каким-то странным образом источалось куполом зала, словно где-то там, под черными дубовыми сводами и зарождалось.

— И как это следует понимать? — раздосадованно ринулся в атаку Мюллер, однако слова его сводов не достигали, хотя произносил он их значительно громче, нежели Посланник. — Что значит: «Способны, но не могут»?

— Нам не позволили бы этого Высшие Космические Силы, — последовал ответ из-под купола.

— Вы, именно вы, да и все вы там, в своей Шамбале, разве не Высшие?! — простаковато изумился Мюллер. И Скорцени начал побаиваться, что незаметно для себя шеф гестапо начал входить в роль следователя. — Или вы попросту дурачите нас своей Шамбалой, а на самом деле представляете англичан, американцев или еще кого-то там?

— О чем вы, господин Мюллер? — попытался урезонить его Вольфрам Зиверс.

— Я обращаюсь к этому господину, который стал гостем нашего собрания.

— Вам прекрасно известно, что перед нами — посланник Шамбалы и Консул Внутреннего Мира. Благодаря ему мы поддерживаем связь с Повелителем Внутреннего Мира, позволившим нам создать в своем мире «Базу-211» и заняться основанием Четвертого рейха.

— А я почему-то подумал, что он возглавляет какую-то секту, наподобие той, которую создавала в Англии и по другим странам продавшаяся русским княгиня Роттенштейн-Ган, она же Блаватская[62].

— Вижу, вам пошло на пользу увлечение делом и слежкой за знаменитым членом «Аненэрбе» Марией Воттэ, — въедливо заметил штандартенфюрер Вольфрам Зиверс.

— Мне приходится заниматься всеми вами, — как можно внушительнее произнес Мюллер, — в том числе и этой вашей люциферисткой — проницательницей Марией Воттэ. Кстати, замечу, что это единственный мудрый человек из всех известных мне «аненэрбистов». Я уж не говорю о том, что она еще и прекрасная женщина. Впрочем, я, кажется, увлекся.

35.

Декабрь 1944 года. Атлантический океан. Борт субмарины «U-1230» (позывной — «Колумбус») из состава секретного соединения субмарин «Фюрер-конвоя».

Вернувшись на «Колумбус», Штубер приказал Зебольду привести к нему Хорна, а сам, в сопровождении Гольвега, направился в кают-компанию. Лейтенант появился через несколько минут. На бледном, посеревшем лице его еще виднелись следы «заду-

---

[62] Отец известного теософа Елены Блаватской, в девичестве Ган, происходил из рода макленбургских князей фон Роттенштейн-Ганов, а мать — из французского аристократического рода Бандре дю Плесси. В 1887 году Блаватская создала в Лондоне, на вилле «Норвуд», эзотерическую школу международного теософического общества, а затем основала журнал «Люцифер».

шевных бесед» с Зебольдом и двумя унтер-офицерами Померанского полка. Бывший старший офицер субмарины был уверен, что его ведут на расстрел, и не знал, как ему реагировать на чинно восседавших во главе стола кают-компании двух офицеров СД.

— Представьтесь, — мрачно потребовал Штубер, внимательно осмотрев Йохана Хорна.

— Лейтенант Хорн, старший офицер субмарины...

— Бывший лейтенант и бывший старший офицер, — прервал его барон. — Поскольку приказом Главного штаба военно-морских сил вы отстранены и разжалованы. По первичному приговору военного трибунала сегодня вы должны быть расстреляны. Но только что получена радиограмма, согласно которой решение о расстреле отменено.

Штубер обратил внимание, как после этих слов Хорн выпрямился и с надеждой взглянул на пустую бумажку в руках своего палача, которую тот выдавал за трибунальную радиограмму. Он действительно отправил шифрограмму Скорцени с сообщением о необходимости отстранить старшего офицера Хорна от должности в связи с его неблагонадежностью. Но ответ был лаконичным:

«Хорн — на ваше усмотрение. Действовать по обстоятельствам. Ускорить формирование рейдерской стаи субмарин особого назначения. Гросс-адмирал дает вам неограниченные полномочия в этом вопросе».

В своих приказах и наставлениях Скорцени обычно был бесподобен. Он формулировал их таким образом, чтобы оставлять своим подчиненным плацдарм для маневра и неограниченные возможности для оправдания любых своих действий, любого провала. К этому его побуждал собственный опыт диверсионной работы, в которой любой неразумный, негибкий приказ мог привести не только к провалу операции, но и к гибели всей группы, а главное, давал затем военным чиновникам возможность обвинять диверсантов в непрофессионализме и даже в измене.

— Значит, там все-таки поняли, что я ни в чем не виновен? Мои высказывания следует истолковывать лишь как предложения, связанные с тактикой ведения дальнейшей войны в Атлантике.

— Там поняли только одно: что расстрела, этой вполне цивилизованной и достойной офицера казни, вы, наш пиратствующий

полудезертир Хорн, побочный сын пирата Синей Бороды, не заслуживаете. Как не заслуживал ее ни один из тех генералов и высших офицеров, которых мы, офицеры СД под командованием Скорцени, арестовывали и которые затем были осуждены народным трибуналом по делу об июльском заговоре против фюрера.

— Славное было времечко, — не упустил своей возможности вклиниться в монолог штурмбаннфюрера фельдфебель Зебольд.

— Не такое славное, как вам кажется, мой вечный фельдфебель! Нет, я, конечно, понимаю, что вылавливать и отправлять на виселицу своих собственных генералов куда легче и приятнее, нежели вылавливать и вешать русских партизан, но имейте же сострадание!

— Однако время-то действительно было славное, — простодушно настаивал на своем Зебольд, все еще возвышаясь за спиной Хорна, словно палач, примеряющийся к нему своей секирой. — Тем более что за подавление мятежа все мы были отмечены наградами фюрера.

— Вам, рядовой Хорн, прекрасно известно, что всех арестованных нами генералов и фельдмаршалов фюрер — да-да, сам фюрер, лично, приказал подвешивать на вбитых в стену мясных крюках и вместо веревки применять струны, смерть в которых становилась невыносимо мучительной. Причем удушали их медленно. Не буду ударяться в подробности, но с уверенностью доложу вам, Хорн, что деликатное пожелание фюрера: «Я хочу, чтобы их повесили, как вешают мясо в мясных лавках»[63] — было выполнено со всей мыслимой точностью. И оно остается в силе, вы слышите меня, мой вечный фельдфебель?!

— Не первый раз вешаем, господин штурмбаннфюрер.

— Оно так, но мы с Гольвегом хорошо помним, что, когда дело доходит до казни, вы почему-то начинаете либеральничать.

— Этого больше не повторится, господин штурмбаннфюрер, — с легкомыслием школьника заверил его Зебольд.

— Так вам, Хорн, известно, как именно казнили предателей во дворе берлинской тюрьмы «Питцензее»? Известно или нет?!

— Так точно, известно, — ответил Хорн, едва слышно выговаривая слова.

---

[63] Эти слова действительно принадлежали фюреру

— Что вы там мямлите, рядовой?! Когда плели заговор против рейха и подводного флота фюрера, то представали перед моряками настоящим оратором, римским трибуном и вождем бедуинов. А тут вдруг сникли. А зря, есть для вас и приятная новость. — И опять эта артистически-томительная пауза. Какой великий мастер паузы умирал сейчас в лице этого диверсанта! — Сообщаю, что приговор в отношении вас изменен: смертную казнь через расстрел вам заменили... смертной казнью через повешение.

— Что весьма гуманно, — басовито проворчал доселе молчавший Гольвег.

— Казнь велено произвести на базе «Латинос», прямо на причале, на глазах у тех моряков германского флота, которые до конца остаются верными фюреру, мужественно выполняя свой долг, и которых вы, Хорн, преступно предали.

— Позвольте, — вмешался Зебольд. — С мясным крюком на базе, допустим, проблем не возникнет. А где прикажете искать для висельной петли гитарные или какие-то там еще струны? Не на веревке же вешать. Опять обвините в этом, как его, в либеральничании.

— Вы совсем озверели, мой вечный фельдфебель! — возмутился Штубер на глазах у впавшего в полуобморочное состояние Йохана Хорна. — Может, прикажете еще и виселицу вместо вас сооружать?! Не найдете струну, вешайте на каком-нибудь куске проволоки. Думайте, изобретайте, черт возьми! И уведите этого висельника с глаз моих!

Ухватив Хорна за загривок, Зебольд буквально вышвырнул его в проход за люком кают-компании, а затем, самым зверским образом избивая, поволок к карцеру. Однако почти через час, проведенный за бутылкой вина в обществе офицеров СД и командира субмарины, которая уже давно оставила место пленения шхуны «Императрис», он вдруг вновь появился в карцере.

— Только так, Хорн, — сразу же предупредил он висельника, — я тебе этого не говорил, а ты меня не слышал. Условились?

— Да, можете на меня положиться, — оживился Хорн. Минут десять назад он попытался покончить жизнь самоубийством, ударяясь головой о стенку карцера, и спас его от этого боцман. Теперь бывший старший офицер сидел на полу с окровавленной

головой, прочно, словно смирительной рубашкой, обхваченный руками Питера Керина.

— На самом деле штурмбаннфюрер СС Штубер не настроен казнить тебя. У него в отношении тебя есть другие виды. Дело в том, что ему понравился план создания такой полупиратской стаи субмарин, которые бы мстили англо-американцам и после капитуляции и команды которых не забывали бы о своих секретных счетах в аргентинских или каких-то там еще банках. Час назад он отправил в Берлин радиограмму с просьбой передать тебя под его поручительство, с тем чтобы действительно создать такую стаю субмарин под его шефством и попечительством самого Отто Скорцени.

— Вы думаете, Дениц согласится на это? — потянулся к нему Хорн.

— Главное, чтобы согласился личный агент фюрера по особым поручениям Скорцени. Теперь там все в его руках и в руках Гиммлера. С минуты на минуту командир Штанге ждет ответа. Я к чему все это говорю? Если Штубер опять пригласит вас, соглашайтесь с ним и искренне клянитесь, что будете преданы ему и Скорцени, а значит, и рейху. Только теперь уже без предательства, вы поняли меня?! Другой бы на месте Штубера давно приказал всплыть и выбросить вас за борт, на корм акулам, а этот возится. Все пытается вас как-то спасти.

— Я согласен, господин фельдфебель. Пусть даже рядовым матросом. Только бы не эта позорная казнь на виселице.

— Побойтесь Бога, Хорн! У нас вон — фельдмаршалов, как баранов, подвешивают, а вы — «позорная»! Молитесь, чтобы только не мучительная. И не вздумайте признавать, что пытались кончать жизнь самоубийством. Штубер терпеть этого не может. Скажете, что это я вас ударил о стенку карцера.

— Будем считать, что так оно и было.

— Значит ты, ржавая твоя душа, — вновь перешел Зебольд на почти дружеское «ты», — согласен?

— Конечно, согласен! Вы уверены, что телеграмма придет до того, как мы прибудем на базу «Латинос»?

— Если честно, то не уверен, что она вообще придет. Русские уже приближаются к Одеру. Берлин они скоро будут обстреливать из артиллерийских батарей и даже из своих танков. Но самое

страшное, что англо-американцы отказываются вступать с фюрером в переговоры о перемирии. Эти проклятые американки не желают, видите ли, предавать своих русских союзников, настроенных воевать до победного конца. И Штубер ненавидит их за это. Теперь ты понимаешь, Хорн, почему он не хочет губить таких парней, как ты, хоть до конца дней готовых истреблять американок на воде и на суше?

— Понимаю.

— Он понимает, — решил поручиться за приговоренного боцман, хотя собственная судьба ему была неведома.

— Действительно понимаешь или у тебя в голове все еще сидит эта твоя заговорщицкая дурь — захватить субмарину и пиратствовать в свое удовольствие?

— Действительно понимаю.

— Ну, смотри мне!

— Подождите, фельдфебель, а что же будет со мной? — ухватился за его рукав Питер Керин.

— А кто тобой, каким-то боцманом, будет сейчас заниматься где-то там, в Берлине?! Относительно тебя приказ один, по традиции подводников: всплыли, надели на бунтовщика саван и погрузились. Что тут непонятного? Но если Штуберу удастся вытянуть из петли твоего приятеля-заговорщика Хорна, то попытаемся и тебя, ржавая твоя душа, спасти. Или ты считаешь, что на пиратской субмарине опытные боцманы не нужны?

* * *

Когда еще через полчаса Хорна, причесанного, с отмытым от крови лицом, вновь ввели в кают-компанию, Штубер долго, молча смотрел на него, а затем попросил сидевшего рядом командира субмарины, чтобы тот прочел радиограмму.

— Она секретная, — предупредил Штанге.

— Теперь тут все свои.

— Как прикажете, — пожал плечами командир «Колумбуса» и зачитал ту, реальную телеграмму, которую Штубер получил за подписью Скорцени. А затем протянул ее для ознакомления Хорну.

Штубер дал возможность лейтенанту дважды прочесть радиограмму и продолжил свою словесную экзекуцию:

— Как видите, Хорн, приговор никто не отменял. Но решать шу судьбу позволено мне, на свое усмотрение. В присутствии ех этих господ дайте слово дворянина, что поступаете в мое лноё распоряжение и будете выполнять все мои приказы.

— Слово чести, господин штурмбаннфюрер, слово дворянина.

— Зебольд, я знаю, что вы у нас самый недоверчивый. Вы ему рите?

— Пытаюсь поверить, господин штурмбаннфюрер. Но если сподин Хорн попытается предать вас...

— Я ведь уже дал слово дворянина и офицера, — почти взмолился Хорн, уже уверовавший в то, что может спастись.

— В таком случае повторите все, что нафантазировали себе по воду пиратского рейдирования в водах Атлантики и Индийого океана. С этой минуты опасаться своих планов вам уже не-го.

Штубер понимал, что ничего нового он не услышит, однако ссказ Хорна должён был помочь самому лейтенанту вернуться стихию его пиратской романтики. Барон слушал его, не перебия; у Хорна, наверное, еще не было столь внимательного слушаля его пиратских бредней, нежели этот СС-диверсант.

— Вот что я вам говорил, Гольвег?! — театрально восхитился тубер. — Я ведь с самого начала утверждал, что в плане этого рня что-то есть. Но тогда у меня еще не было приказа на созние подобной диверсионной — будем называть ее так, чтобы не отреблять термин «пиратской» — стаи.

— А теперь вы этого приказа добились.

— Из чего следует, что замыслы этого офицера приобретают е морское воплощение. Не возражаете; капитан-лейтенант танге?

— Теперь, конечно, нет. С какой стати. Есть приказ. Вам даны рочайшие полномочия. База «Латинос» и все субмарины, торые вы сочтете необходимым объединить в диверсионную ю, поступают в ваше распоряжение. Какие тут могут быть возжения?

— Поэтому, исходя из моих полномочий, а также из тех особых вых условий, в которых мы оказались, издаю приказы. Перв — устный и секретный: исполнение смертного приговора в ошении Йохана Хорна приостановить, вплоть до совершения

им еще очередного воинского преступления, которого он, уверен, больше не совершит. Я верно вас понял, Хорн?

— Не совершу, господин штурмбаннфюрер, — подергал шеей старший офицер субмарины, словно и в самом деле освобождал ее из петли. — Слово чести!

— Приказ второй, письменный. Восстановить Йохана Хорна в офицерском чине обер-лейтенанта цур зее.

— Простите, господин штурмбаннфюрер, у меня был чин лейтенанта.

— Он прав: лейтенанта, — подтвердил Штанге.

— Но я намерен назначить этого офицера командиром большой субмарины, «дойной коровы», нашей плавучей базы, — вежливо объяснил ему Штубер. — Несолидно оставлять его в чине лейтенанта.

— Как вы решите, — развел руками Штанге.

— Значит, мы восстанавливаем вас, господин Хорн, в чине лейтенанта и присваиваем очередной чин — обер-лейтенанта. О чем будет уведомлен штаб кригсмарине. Сообщение об этом поступит вместе с рапортом об аресте командира субмарины «Черный призрак» и о назначении командиром вас, обер-лейтенант Хорн. А до этого времени вы по-прежнему выполняете обязанности старшего офицера «Колумбуса».

— Повезло же тебе, парень, — пробубнил Хорну на ухо Зебольд.

— Оставьте Хорна в покое, Зебольд! — прикрикнул на него Штубер. — Хватит того, мой вечный фельдфебель, что вы мне уши прожужжали: «Спасите этого парня! Жалко Хорна, все-таки свой, боевой парень!»

Хорн удивленно оглянулся на своего недавнего мучителя и увидел, как тот, почти по-мальчишески зардевшись, растерянно пожал плечами дескать, «извини, помогал, как мог!» Порой Хорну и самому казалось, что в том, что с ним и вокруг него происходит на субмарине, есть некий налет условности, нереальности, какой-то театрализованности.

Но ему и в голову не могло прийти, что эти трое из СД всего лишь предстают перед ним в облике талантливых учеников Скорцени — признанного мастера подобных представлений, которые он талантливо разыгрывал и во вражеском, и в свом, германском,

тылу. И что подобные представления уже давно стали основой психологической подготовки его специальной разведывательно-диверсионной школы «Фридентальские курсы».

— А теперь прошу к столу, обер-лейтенант, и вы, мой вечный фельдфебель. Приступаем к разработке операции по захвату субмарины «Черный призрак» и базы «Латинос», руководство которой уже давно вызывает беспокойство у Главного управления имперской безопасности. Однако для начала прикажите-ка, Штанге, принести нам бутылку коньяку. Или две. Не скупитесь, скоро ваши запасы будут основательно пополнены.

А вот то, что произошло дальше, немного смахивало на мисти-ку. Не успел Штубер хотя бы в общих чертах изложить свой план смены командования «дойной коровы» на базе «Латинос», как в кают-компании появился дежурный радист.

— Господин штурмбаннфюрер, срочная, секретная радиограм-ма из Главного управления имперской безопасности.

— Странно, — переглянулся барон с Гольвегом и капитан-лейтенантом. — Что там еще?

Взяв в руки радиограмму, Штубер не поверил своим глазам. Если все, что происходило в отсеке до сих пор, в какой-то степени было сыграно или же самим бароном инспирировано, то появле-ние этой шифрограммы попросту выбивало его из седла.

«Из ставки фюрера. В создавшейся ситуации база Латинос выводится из подчинения кригсмарине, превращается в секрет-ную базу СС и находится в полном распоряжении СД. Основное предназначение — перевалочный пункт “Базы-211” и прием выс-ших чинов рейха в случае захвата Берлина и угрозы капитуля-ции. Руководство базы устранить. Барону фон Штуберу присво-ить чин оберштурмбаннфюрера СС, назначить комендантом базы Латинос и неофициально — военным губернатором Германской Патагонии с предоставлением, от имени рейха, широчайших во-енных и гражданских полномочий. Соответствующий приказ из-дан. Гитлер. Гиммлер. Дениц».

Перечитав эту радиограмму еще раз, Штубер вытер пот, на-полнил свою рюмку коньяком и залпом опустошил ее.

— Что-то непредвиденное? — насторожился капитан-лейтенант Штанге. — Неприятные известия?

— Абсолютно непредвиденные, но исключительно приятные. Всем наполнить рюмки. Капитан-лейтенант, зачитайте радиограмму фюрера.

— Фюрера?! — поднялся командир «Колумбуса», увлекая за собой всех остальных.

— Читайте, Штанге, причем как можно медленнее. — А когда командир субмарины завершил чтение, Штубер воскликнул: «Хайль Гитлер!», — и в ответ донеслось троекратное «Зиг хайль!»

— Я горжусь, что эту радиограмму получил радист моей субмарины, — торжественно произнес Штанге, — и пользуюсь случаем первым, от имени присутствующих офицеров, — запнулся он, взглянув на неофицера Зебольда, — и всей команды, поздравить вас, господин Штубер, с повышением в чине до подполковника войск СС, а также с назначением военным губернатором Германской Патагонии и комендантом базы.

Выпили стоя. Штубер чувствовал на себе восхищенные взгляды присутствующих, ощущал, как вырастает в их глазах. По существу, в эти минуты здесь, в кают-компании субмарины «Фюрер-конвоя», рождался новый вождь — фюрер Германской Патагонии.

— Господин оберштурмбаннфюрер, разрешите обратиться, — первым заговорил окончательно оживший и осмелевший Хорн. — Простите за необычную просьбу, но... возведите фельдфебеля Зебольда в чин лейтенанта. Теперь вы вправе сделать это.

Растроганный Зебольд ошалело посмотрел на Хорна: вот уж от кого он не ожидал!..

— Вы слегка упредили меня, Хорн, но похвально, что просьба прозвучала именно от вас. Фельдфебель Зебольд, данной мне фюрером властью военного губернатора возвожу вас в офицерский чин лейтенанта войск СС и назначаю начальником охраны базы «Латинос».

— Я потрясен, господин оберштурмбаннфюрер, — молвил Зебольд. — Вы знаете, как долго я мечтал об этом.

— Но с условием, что вы не лишаете меня удовольствия и впредь обращаться к вам «мой вечный фельдфебель Зебольд».

— Не представляю себе, как бы я мог жить, не слыша такого обращения.

— Но все это лирика, мой вечный фельдфебель, а нас ждут суровые военные операции. Вы, гауптштурмфюрер СС Гольвег, назначаетесь заместителем коменданта базы «Латинос».

— И первым заданием, которое мы с Зебольдом получим, будет касаться нейтрализации охраны этой базы.

— Я знаю, что вы избалованы сердечными приемами, которые устраивали нам русские партизаны, Гольвег, но, извините, мы — в суровой Аргентине. Кроме того, я буду ходатайствовать о повышении вас, капитан-лейтенант Штанге, до чина корветтен-капитана, с назначением командиром диверсионной стаи, которая будет находиться в подчинении губернатора и коменданта базы «Латинос». Собственно, я повышаю вас до чина корветтен-капитана и попрошу Деница — пока он еще является главкомом флота — утвердить это повышение. *Сегодня же, несмотря на всю* его секретность, вы огласите приказ фюрера команде «Колумбуса».

— Так будет правильно: команда должна ориентироваться в ситуации, иначе не сможет толково выполнять приказы, которые будут казаться ей сомнительными.

— Сейчас нам очень нужны люди, которые бы понимали, что будет происходить на базе «Латинос» после нашего прибытия туда, и могли бы вооруженно поддержать нас в противостоянии с охраной, учрежденной там фон Визнером. Если, конечно, такое противостояние возникнет.

— Будет выполнено, господин оберштурмбаннфюрер. Это хорошо, что появилось губернаторство Германская Патагония. Мне бы очень не хотелось оказаться после войны на антарктической «Базе-211».

— Вот почему многие сочтут за благо добиваться нашей благосклонности, Штанге.

— Поэтому берите меня под свое крыло, господин губернатор, и рассчитывайте на мою преданность.

— На преданность всех нас! — воскликнул обер-лейтенант Хорн. — Кстати, мы совершенно забыли о боцмане, который все еще находится под арестом.

— А что, этот закоренелый бездельник все еще отсиживается в карцере?! — почти искренне удивился Штубер.

— Поскольку не последовало приказа о его освобождении, — объяснил Хорн, которому еще только предстояло привыкать к театрализованной манере Штубера.

— С каких пор вы стали так распускать команду, корветтен-капитан Штанге?! Что за дисциплина на вашей субмарине?!

36.

Начало марта 1945 года. Германия. Замок Викингбург, ставка «фюрера подводных лодок» гросс-адмирала Карла Деница.

О нелюбви Мюллера к «“аненэрбовскому” сборищу шарлатанов» и о том, как на почве этой неприязни у него уже произошло несколько стычек с Зиверсом и даже с Гиммлером, — в эсэсовских кругах давно ходили легенды.

Мюллер даже не пытался скрывать, что ненавидит и презирает Зиверса, что он только и ждет удобного момента, чтобы одним ударом расправиться со всей его «аненэрбистской» братией. Он почему-то даже не пытался скрывать этого — вот что удивляло многих посвященных в дела гестапо и исследовательского института «Аненэрбе».

И хотя фюрер тоже всячески поддерживал «Аненэрбе», шефа гестапо это не смущало: он упорно продолжал накапливать досье на каждого из членов этого «института сектантов и шарлатанов» (в выражениях он никогда не стеснялся), с таким упорством, словно они принадлежали к одной из враждебных рейху проеврейских сект. Мало того, он совершенно не исключал, что саму идею создания этого заведения фюреру и Гиммлеру подкинули представители сионистских кругов.

Вот и это, очень несвоевременное и некорректное, нападение на Посланника Шамбалы — тоже было отголоском его всеобщей нелюбви к «аненэрбизму» как таковому. А еще Мюллера раздражал тот факт, что его людям так и не удалось положить ему на стол полноценное досье на Посланника Шамбалы, в папке которого самой существенной оказалась фотокопия паспорта этого странного странника, выданного на имя гражданина Германии

Ариана Оттара, которое, конечно же, было вымышленным. Впрочем, сам паспорт, хотя и был выдан по ходатайству министра иностранных дел Риббентропа и по личному приказу фюрера, но без предоставления Оттаром каких-либо сведений о себе и без прохождения обычной процедуры получения германского гражданства.

Другое дело, что с таким же успехом Оттар мог предъявить паспорт гражданина Аргентины и Японии, в посольствах которых тоже ничего существенного сообщить об этом загадочном субъекте не могли.

— Я — Посланник Шамбалы, — неожиданно прозвучал мужественный, властный голос их тибетско-антарктического гостя. Причем прозвучал именно тогда, когда Скорцени, как, очевидно, и все остальные, уже потеряли надежду услышать какой-либо ответ Ариана Оттара.

Все ожидали, что он продолжит свою мысль, однако Посланник умолк и держал какую-то немыслимо долгую и загадочную паузу. А когда поняли, что ни продолжения, ни разъяснений не последует, вновь обратили свои взоры на шефа гестапо.

— Нам известно, что вы представляетесь как Посланник Шамбалы. И что из этого следует?! — не заставил уговаривать себя Мюллер. — Все помнят, что Высшие Посвященные Шамбалы предстают перед миром вершителями судеб земных. Вот и вершите! Наш фюрер множество раз ссылался на волю Высших Посвященных и на их поддержку; заверял, что в трудные времена вы готовы прийти нам на помощь, чтобы спасти арийскую расу. К кому он может апеллировать теперь?

— Шамбала — это всего лишь земное представительство Высших Космических Сил. Однако с некоторых пор Силы эти к созданному вами Третьему рейху неблагосклонны.

— Это ж почему?! — саркастически воскликнул Мюллер. — Чем не угодили?! Кого обидели? И к кому они теперь благосклонны? К коммунистам, этим жидомасонам?! Их режим кажется вашим Космическим Силам более человечным, нежели наш? Хотя бы сегодня прекратите говорить с нами своими тибетскими иносказаниями, скажите просто и ясно.

— Путь, которым идут коммунисты, Космические Силы причисляют к таким же антицивилизационным, как и ваш.

— Наконец-то я слышу нормальную членораздельную речь. И если бы не это ваше «антицивилизационным», мы бы даже поняли, что, собственно, вы имеете в виду.

— Обе эти формы развития наций они считают тупиковыми, и обе они подлежат реформации. Но Высшие Космические Силы напрямую не вмешиваются в ход развития той или иной человеческой нации или расы.

— А им кто не позволяет: Господь Бог, Иисус Христос? — робко, не проявляя никакой экспрессии, поинтересовался Зиверс. Он всего лишь пытался воспользоваться случаем, чтобы уяснить для себя особенности связей между Высшими Посвященными Шамбалы и Высшими Космическими Силами. — Поймите, что до сих пор даже мы, ученые из института «Наследие предков», или, точнее, Общества по изучению наследственности, то есть «Аненэрбе»[64], так и не смогли выяснить существа этой очень важной для нас взаимосвязи между Высшими Силами.

Выслушав его, Посланник едва заметно улыбнулся. Скорцени мог поклясться, что видел его лицо, озаренное хоть каким-то подобием улыбки. И это была улыбка цивилизованного просвещенного человека, оказавшегося присутствующим на ритуальном сборище туземцев.

— Вся та библейская история, которая связана с иудейским проповедником Иисусом, конечно же, имеет определенное отношение к истории Израиля. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть первую страницу Нового Завета, на которой, в Святом благовествовании от Матфея, после длительной родословной Иисуса: «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова...» и так далее, — прямо сказано, что из Вифлеема, земли Иудиной, «произойдет Вождь, Который упасет народ Мой, Израиля».

— Именно так там и сказано, — подтвердил Зиверс, воспользовавшись предоставленной ему Посланником Шамбалы паузой.

---

[64] Во время допроса В. Зиверса на заседании Международного военного трибунала 8—9 августа 1946 года было, со слов самого Зиверса, установлено, что, начиная с 1935 года и по май 1945 года он являлся «управляющим делами "Аненэрбе"» (Общества по изучению наследственности). Это засвидетельствовано протоколом допроса, опубликованным в сборнике материалов Нюрнбергского процесса.

— То, что Иисус — иудей, это мне понятно. Непонятно мне другое, — продолжил Посланник, — как презренным иудеям удалось заставить большую часть цивилизованного европейского мира вот уже в течение почти двух тысяч лет поклоняться одному из незаконнорожденных земли Иудейской и даже обожествлять его, отказываясь при этом от веры своих предков? Хотя в поклонении различным силам и духам природы предки ваши были значительно ближе к познанию ее, нежели христиане. Так вот, как именно иудеям удалось осуществить этот глобальный замысел Иисусо-одурачивания — сие до сих пор остается для всех нас, в Шамбале сущих, загадкой.

— Не слишком ли резко и несправедливо? — усомнился гросс-адмирал Дениц.

То, что он услышал в ответ, удивило не только главкома кригсмарине, но и всех остальных.

— Вам не следует задавать подобные вопросы, поскольку вы — человек, способный давать ответы на них. Вряд ли вы осознаете, господин гросс-адмирал, что по своему интеллектуальному развитию значительно превосходите всех остальных руководителей рейха и принадлежите к интеллектуальной элите мира[65].

— Простите, что-то я не пойму, о чем это вы, — нахмурился гросс-адмирал.

— Жаль, что вы ограничили свою деятельность только командованием флотом. Мы давно присматриваемся к вам. Вы могли бы стать гуру, то есть учителем германской нации, всей арийской расы.

Дениц растерянно пожал плечами и столь же растерянно-извиняющимся взглядом обвел своих коллег, не зная, как ему вести себя под этической тяжестью слов Посланника Шамбалы.

— Достойно сожаления, что мы слишком поздно обратили внимание на вас. Единственное, что мы можем сделать для вас

---

[65] После ареста Деница, последовавшего 23 мая 1945 года, англо-американцы проверили его интеллектуальный коэффициент и были удивлены, обнаружив, что его индекс составил 138 единиц, приближаясь к пограничному индексу гения. Отсидев по приговору Нюрнбергского трибунала 10 лет, он написал книги: «Десять лет и двадцать дней», «Моя захватывающая жизнь» и «Германская военно-морская стратегия во Второй мировой войне». Умер в декабре 1980 года.

теперь, это позволит вам стать на какое-то время во главе рейха. Именно вы замените фюрера.

— Это невозможно, преемником фюрера является Геринг.

— Это фюрер пока что так считает. В реальности преемником станете вы, гросс-адмирал. Другое дело, что к тому времени Германия уже впадет в агонию, и вы никак не сумеете применить свои способности и свои интеллектуальные возможности для ее спасения. Единственное, что вас может утешать в этой ситуации, — что после войны вы еще проживете довольно долгую жизнь и напишете несколько книг.

Дениц молчал, он пребывал в полной растерянности. Выслушивая Оттара, гросс-адмирал поднялся со своего места, и Скорцени даже показалось, что он намеревался выйти из зала, особенно после того, как Посланник заверил, что преемником фюрера станет именно он, но теперь опять уселся и сидел, опустив голову.

— Надеюсь, господин Гиммлер, что о моих предсказаниях никто, кроме присутствующих, не узнает, — спокойно молвил Оттар, словно ничего не произошло. — Повторяю: никто из тех, кто не присутствует сейчас в этом зале, узнать о моих предвидениях не должен. Кстати, в их формировании участвовала и известная нам германская провидица Мария Воттэ. — Назвав ее имя, Посланник проницательно взглянул на Мюллера, и тот вздрогнул, почувствовав, что в стремлении засадить красавицу Воттэ в концлагерь он явно вторгался в те сферы, вторгаться в которые непозволительно даже ему, всесильному шефу гестапо. — Берегите эту женщину, она — единственная из всей германской нации, кто достоин посвящения в Посвященные.

— Мы, все мы, даем обет вечного молчания, — заверил его Гиммлер и обвел взглядом присутствовавшую рейх-элиту. — А что касается госпожи Воттэ, то отныне она пребывает под покровительством СС и под моей личной защитой.

«А ведь, похоже, — подумалось Скорцени, — что из всех нас только Гиммлер по-настоящему осознал, с каким богочеловеком и с какой неземной силой мы сталкиваемся, пытаясь втянуть Ариана Оттара в свои внутригерманские дела и в свои войны. И самое страшное, что Оттар и те, что стоят за ним, постоянно

оказываются где-то на нейтральной полосе. Вроде бы и сочувствуя нам, но ничем реально не помогая».

— В таком случае вернемся к истории христианства. По моему глубокому убеждению, одно из тайных иудейских обществ специально запустило этот божественно-библейский анекдот об иудее Иисусе, сыне загулявшей девицы Марии-иудейки, только для того, чтобы отвлечь европейское сообщество от познания истинной природы нашей планеты и ее связей с Космическим Разумом. Рассчитывая при этом, что владетелями этих познаний в конечном итоге окажутся только Посвященные грядущих поколений иудеев, а следовательно, и грядущих поколений этого тайного общества.

Все присутствовавшие на этом собрании слушали Посланника Шамбалы затаив дыхание. Когда Посланник умолк, в зале еще долго сохранялось всеобщее тягостное молчание «высших посвященных рейха», каждый из которых чувствовал себя так, будто ему плюнули уже не просто в лицо, а в саму душу.

— Получается, что все это напрасно... — неопределенно как-то пробубнил Кальтенбруннер, никогда особенно не отличавшийся какими бы то ни было религиозными пристрастиями.

— Ну почему же? Если вы и дальше собираетесь истреблять всемирное еврейство и советских жидокоммунистов, призывая в помощь себе в этой борьбе дух еврея Иисуса Христа, — то это ваше дело. Выглядит это странновато, но, как говорится, ваш иудейский Бог-Спаситель вам в помощь! Только при чем здесь Шамбала, ее учение, ее Высшие Посвященные и стоящие за ними Высшие Космические Силы, Космический Разум?!

— А ведь он, черт возьми, прав, — не удержался гросс-адмирал Дениц, однако, наткнувшись на суровое молчание остальных «высших посвященных рейха», да к тому же с растерянным взглядом Гиммлера, дипломатично закашлялся и умолк.

— Вы упоминали здесь о Блаватской, — продолжил свою речь Посланник, абсолютно не обращая внимания на реакцию Деница. — Один из Учителей Шамбалы действительно пытался передать ей определенные знания, чтобы с помощью своей ученицы пропагандировать их в просвещенном европейском обществе. В том числе и на страницах скандального журнала «Люцифер».

— Только не устами сатанинского «Люцифера»! — едва слышно возмутился Мюллер.

— Однáко во все ее теософические организации немедленно проникали представители тайных прохристианских обществ, которые тотчас же разрушали их структуры, а затем устраивали шельмование самой проповедницы в мировой прессе как шарлатанки с помощью своих агентов влияния. Создавая осенью 1875 года в США теософическое общество, первоначально состоящее всего из семнадцати членов, она объявила, что главной целью этой организации является: «формирование ядра всемирного братства человечества без расовых отличий, национальности, пола, касты или цвета кожи; способствование сравнительному изучению религий, философий и наук, а также исследованиям неизвестных законов природы и таящихся в человеке скрытых сил».

— Нечто похожее там и в самом деле излагалось, — согласился Мюллер, оказавшийся, благодаря увлечению делом Марии Воттэ, наиболее подготовленным к тому, что вещал здесь Посланник Шамбалы. — Хотя, в сущности, все это чепуха и философская заумь.

— Но если вы, господин Мюллер, внимательно исследуете этот период жизни Блаватской, то обнаружите, с каким осатанением набрасываются на нее основные критики — агенты влияния этих тайных проиудейских обществ. С каким возмущением воспринимают они попытки сравнительного изучения религий и всего, что могло бы способствовать подрыву веры в Иисуса Христа. Собственно, то же самое происходило и в последние годы жизни германки Блаватской, когда в 1890 году она создавала свою европейскую штаб-квартиру теософического общества в Лондоне, на Авеню-Роуд. Однако хватит об этом.

— Простите великодушно, — напомнил о себе штандартенфюрер Вольфрам Зиверс, — но вы не ответили на мой вопрос: кто не позволяет Высшим Космическим Силам прийти нам на помощь, вмешаться в ход человеческой истории? Господь Бог?

— Напрямую вмешиваться в ход земной истории им не позволяет Космический Кодекс Священных Истин. Хотя в последнее время они тоже оказались в затруднительном положении, опа-

саясь потерять все человечество, саму животворящую планету Земля.

— Но разве до сих пор фюрер действовал не по их подсказке и не с их благословения?!

— Только в начале своего восхождения. В самом начале пути к власти.

— Что же произошло потом?

— Воспользовавшись подсказкой и поддержкой одного из Высших Посвященных Шамбалы, фюрер вскоре возомнил себя земным богом и вышел из-под контроля не только со стороны германского народа и мирового сообщества, но и из-под контроля и какого бы то ни было влияния своих Учителей Шамбалы. Теперь он — изгой. Его земной путь завершен. Проблема только в том, чтобы завершить его, не превращая гибель фюрера и его ближайшего окружения в гибель всей германской нации. И больше к этой теме возвращаться не будем.

— Значит, будущее фюрера и всех нас уже предопределено там, в Шамбале? — робко спросил Зиверс, считавший, что уж он-то как главный «аненэрбист» имеет право пользоваться особой благосклонностью Посланника Шамбалы.

— Ваше, штандартенфюрер Зиверс, будущее определено абсолютно точно, — вновь уловил Скорцени едва заметную иезуитскую улыбку на лице Посланника. — В следующем году вы будете приговорены Международным военным трибуналом к смертной казни и завершите свой земной путь на виселице[66].

Скорцени видел, как штандартенфюрер СС Зиверс откинулся на спинку кресла и замер, в ужасе уставившись на Посланника. Лицо его мгновенно побледнело и застыло, приобретая форму посмертной маски.

— Теперь вы понимаете, как это опасно — заглядывать в свое будущее, — назидательно произнес Посланник. И тут же обратился к Гиммлеру: — Продолжайте совещание, рейхсфюрер.

---

[66] В 1946 году штандартенфюрер СС Зиверс действительно был приговорен Международным военным трибуналом к смертной казни и повешен. Приговор и казнь он встретил абсолютно хладнокровно, попросив у палача разрешения совершить молитву, которая была обращена к неким космическим силам и совершалась в виде своеобразного ритуала.

37.

Декабрь 1944 года. Секретная германская морская база «Латинос» на атлантическом побережье в южной части Аргентины.

Уже через час после прибытия субмарины «U-910», позывной — «Викинг», на хорошо знакомую команде базу «Латинос», командир ее обер-лейтенант граф Хайнц Норден был приглашен к коменданту.

— С вами желает поговорить один офицер СД, весьма влиятельный господин, человек самого Отто Скорцени, — пробубнил фон Визнер, больше известный в криминальных аргентинских кругах под кличкой Гриф, встретив подводника на крыльце большого, архитектурно безликого бетонного строения с окнами-бойницами, в котором размещались комендатура базы и все ее основные службы.

— И с какой стати он удостаивает меня такой чести?

— Уверен, что у него появилось какое-то предложение, которым он захотел проверить вас на лояльность, а главное, на предприимчивость.

— Не скажете ли, фон Визнер, с каких это пор офицеры СД стали проверять командиров субмарин на коммерческую жилку? — поинтересовался Норден, помня, что с логикой мышления у коменданта «Латиноса» всегда было туговато.

— А на что их еще проверять?! — искренне удивился комендант, придурковато хихикнув при этом. — Впрочем, с тех самых пор, с каких для многих из нас далекая, сытая и мирная Аргентина стала ближе и роднее, нежели охваченная войной Германия. И потом, это же СД! — все же остался он верным своему хроническому отсутствию логики.

— Вряд ли вы сумели получить убедительное представление о том, что такое СД, — проворчал командир субмарины.

Норден уже неплохо был знаком с Визнером, этим «германцем аргентинского происхождения», как он не уставал называть самого себя. Визнер настолько сжился с должностью коменданта базы, что прямо здесь, на базе, и жил, представая перед появляв-

шимися на ней время от времени германскими офицерами в ипостаси безутешного алкоголика и неисправимого гомосексуалиста. Эти вечно сонные глаза, вечно припухшее лицо и неизменно плутоватый взгляд, плотоядно скользящий по стройным фигуркам молодых подводников.

Правда, после скандала, возникшего в прошлом году, когда за назойливое приставание к какому-то кадету-практику матросы чуть было не линчевали его, Гриф слегка угомонился и пытался быть сексуально верным своему слуге — крепкому парню из какого-то вымирающего индейского племени, выступавшему и в роли телохранителя.

— Как его зовут, этого человека Скорцени?

— Оберштурмбаннфюрером.

— Это же эсэсовский чин, — напомнил ему Норден.

— Все равно он чувствует себя здесь плантатором, — последовал ответ, который, однако, не удивил графа. Все давно привыкли к тому, что в большинстве случаев Визнер отвечает коротко, с абсолютным безразличием и, как правило, невпопад.

— И что еще вы могли бы сказать об этом оберштурмбаннфюрере? — как можно доверительнее поинтересовался субмаринник.

Не хотелось ему идти на эту встречу, что-то настораживало его в появлении тут странного визитера из Берлина. Норден прекрасно помнил, что перед этим выходом в океан некий офицер гестапо уже интересовался его личностью, и, если его, графа Нордена, верно информировали, вроде бы сам гросс-адмирал Дениц поумерил служебный пыл этого гестаповца, приказав при этом отправить Нордена с его субмариной как можно дальше и надолго. Но при этом поручил ему испытать в рейдерской обстановке новейшее оружие — самонаводящиеся акустические торпеды «Т-5», которые только недавно были разработаны инженерами секретного конструкторского бюро в рамках военно-технического проекта «Королевское заграждение»[67].

---

[67] Исторический факт. Такие торпеды, под кодовым названием «Т-5», действительно были разработаны германскими конструкторами к лету 1944 года, и осенью того же года, после некоторых доработок, их начали серийно испытывать на водных путях Балтийского и Северного морей, а также в военно-морских операциях в Атлантике. Эта операция получила название «Королевское заграждение». Одна из таких торпед в самом

— Он — диверсант, — ответил тем временем фон Визнер.

— Кто-кто? *Диверсант?! А при* чем здесь... диверсант?

— Без диверсантов нельзя, — пожал плечами комендант и, достав из кармана брюк плоскую фляжку с коньком, основательно приложился к ней. — Раз идет война, должны быть и диверсанты. А этот, страшно подумать, почти всю войну провел в России. Понятно, что база «Латинос» кажется ему теперь раем земным.

— Так он точно не подводник? — вполголоса спросил Норден.

— Нет, прибыл-то он сюда, конечно, на субмарине...

— И не специалист по торпедам, то есть не оружейник?

— Диверсант он. Сам признался, — терпеливо убеждал Норде-на комендант «аргентинского рая».

— И цель его прибытия сюда?

Комендант сладострастно икнул, вновь сделал глоток из фляги и с убежденностью основательно подвыпившего человека столь же основательно покачал головой.

— Понятия не имею. — Но уже через две-три секунды с той же безупречной убежденностью добавил: — Взорвать он все здесь хочет.

— Нашу базу, что ли?!

— Всю Патагонию, а может, и всю Аргентину — к чертовой матери!

«Значит, торпеды его тоже не интересуют, — подытожил Норден свое предварительное расследование. — Что же тогда?»

— Вот и я думаю: «Что же тогда? Что ему здесь нужно?!» — поддержал его комендант, хотя Норден мог поклясться, что уж этот свой вопрос вслух он точно не произносил.

...А что касается секретных торпед, то о них Норден тоже знал не так уж много — ровно столько, сколько положено было знать командиру субмарины, промышляющему на трансатлантической линии, с этими опасными штуковинами на борту. Ясно было одно: они вобрали в себя характеристики акустических мин и торпед. И действовали безупречно, реагируя на гул двигателей и шум винтов.

деле оказалась на потопленной советскими моряками в Финском заливе германской подлодке и была поднята вместе с ней со дна.

Создавая из них заграждения на основных морских путях, штаб кригсмарине рассчитывал сделать переброску морским путем американских воинских частей и грузов еще более опасной, чем она была до этого времени. Причем первые субмарины, с которых производились пробные пуски торпед «Т-5», в обязательном порядке минировались, а командиры и старшие офицеры получали приказ взрывать свои суда вместе с командами, если возникала реальная угроза захвата их вражескими кораблями.

Многих подводников это возмущало. Они и так были заложниками своих плавающих стальных гробов и океана. Зачем нужно было превращать их еще и в заложников мощного взрывного устройства, которое черт знает от чего способно сдетонировать?!

Но, доверяя это сверхсекретное оружие не очень-то благонадежному командиру субмарины, гросс-адмирал таким образом, очевидно, давал ему возможность оправдаться, снять с себя подозрение. К тому же его подлодку уже не минировали, что крайне удивило Нордена и даже вызвало недоверие. Узнав, что субмарина не заминирована, он приказал своим парням тщательнейшим образом обследовать ее, так, на всякий случай.

Правда, отказ от минирования, наверное, был вызван тем, что еще к концу прошлого лета одна из субмарин, потопленных русскими в Финском заливе, была поднята ими со дна вместе с секретными торпедами. Причем разминировать ее русским минерам помог сам предатель— командир, чудом спасшийся вместе с тремя другими членами команды и оказавшийся в плену. Он же и предупредил русских, что на борту затонувшей субмарины находится секретное оружие, иначе они бы ее попросту не поднимали. Как предупредил и о том, что она заминирована, а способ нейтрализации взрывчатки знает только он.

— Благодарю вас, фон Визнер, за исчерпывающую информацию.

— Я тоже решил, что пора бы пару часиков вздремнуть, — ответил комендант, подчиняясь только ему одному понятной и доступной логике мышления. — Если этому диверсанту вздумается высадить в воздух всю мою базу, пусть постучит в дверь вон того флигелька, в мои личные апартаменты. Там у меня всегда припасена бутылка пиратского рома.

* * *

— Господин оберштурмбаннфюрер СС, командир субмарины «Викинг» обер-лейтенант Хайнц Норден по вашему приказанию прибыл.

— Вижу, что прибыли, граф.

Вряд ли Визнер знал о его графском достоинстве, поэтому упоминание о нем оберштурмбаннфюрером не могло не заинтриговать Нордена.

— Судя по всему, ваше рейдирование в Атлантике проходит успешно.

— Насколько это возможно, — сдержанно заметил Норден. — Американские суда ходят теперь большими стаями и под усиленной охраной.

— Вы будете знать меня как барона фон Штубера. Как это ни странно, это моя настоящая фамилия. Все остальные в этом каменистом «Индианостане» будут именовать меня «доном Риккардо», если, конечно, вы не возражаете.

— Как вам будет угодно, господин оберштурмбаннфюрер, — вежливо ответил Норден, только теперь внимательнее присматриваясь к рослому, плечистому диверсанту лет тридцати пяти, со смугловатым, а посему явно неарийским лицом и черными, слегка вьющимися волосами.

В Германии, на фоне арийского идеала, Штубер, конечно же, не смотрелся бы, а здесь, в заселенной метисами и мулатами[68] Аргентине, он действительно смахивал на некоего испанского дона, со слегка подпорченной предками-латиносами кровью.

— Я прибыл сюда с группой офицеров отдела диверсий СД по заданию Скорцени, подкрепленному приказом самого фюрера. Надеюсь, этих господ представлять вам не надо. — Произнося это, Штубер стоял вполоборота к нему у высокого журнального столика, на котором красовались небольшие бронзовые бюсты Гитлера и Наполеона, и смотрел куда-то в сторону. И могло показаться, что он имеет в виду именно этих господ.

---

[68] Мулатами именуют людей, рожденных от браков белых с неграми, а метисами — от брака белых с индейцами.

— Мне уже известны имена двух ваших людей: гауптштурм-фюрера Гольвега и нового начальника охраны Зебольда. Так мне их представили еще в порту. Имена остальных меня не интересуют.

— Неизвестно вам только то, — возложил барон одну руку на голову фюрера, другую — на голову Бонапарта, — что, среди прочих деликатных дел, нам поручили арестовать вас как офицера крайне неблагонадежного и предавшего интересы рейха.

Штубер резко оглянулся и не мог не заметить, как побледнело лицо Нордена и конвульсивно заходили под запавшими щеками заостренные желваки.

— Я не совершил ничего такого, что позволило бы вам обвинять меня в измене рейха.

— Если бы о вашей измене знал я, то пристрелил бы прямо на пороге этого забытого Богом кабинета. Но вас обвиняет гестапо. А в гестапо не принято позволять своим подопечным арестантам легко расставаться с этим бренным миром, там предпочитают в течение долгих месяцев пытать, допрашивать и снова пытать.

— Это известно каждому офицеру.

— ...И только потом, определив в сообщники арестанту-офицеру нескольких других военных, веселой компанией отправлять на эшафот или сразу же в крематорий. Выбор зависит исключительно от настроения гестаповского Мюллера.

— Вы же милостиво предлагаете мне пустить себе пулю в лоб?

— Это предложение сделал вам гросс-адмирал Дениц, предполагавший, что у вас хватит ума застрелиться еще до того, как ему придется спасать вас от гнева гестапо, вызывая тем самым гнев на себя.

— Да не стал бы адмирал вызывать его!

— Не будем полемизировать, тем более что речь идет о достоинстве самого гросс-адмирала. В любом случае, если у вас есть желание искупить свою вину таким образом...

— А существует иной способ? — с надеждой спросил Норден.

— Существует. — Штубер уселся в широкое, смахивающее на небольшой диван, кресло Визнера по ту сторону стола и указал командиру «Викинга» на стул у приставного столика. ,

— Я буду очень признателен вам, — побледневшими устами проговорил обер-лейтенант. — Я хочу погибнуть с достоинством, чтобы позор моего лжепредательства не падал тенью на славный род Норденов, ведущий свое начало от одного из нормандских рыцарей.

— Есть одно обстоятельство, которого вы только что коснулись, обер-лейтенант. Перед выходом в море я беседовал со своим отцом, бароном генералом Штубером, и случайно узнал, что в дни молодости он знаком был с неким графом Карлом фон Норденом, весьма уважаемым человеком.

— Это же мой отец! — почти вскричал обер-лейтенант, чувствуя, что в лице этого громилы-диверсанта обретает своего спасителя. — Подполковник Карл фон Норден. Он погиб незадолго до нашего нападения на Польшу, во время учений, при каких-то странных обстоятельствах.

— Никакой странности. Он был убит во время учений за свои резкие высказывания по поводу создания войск СС в качестве элитных.

— Неужели это правда?

— В те времена батальоны и первые дивизии СС еще только утверждались в качестве элитных воинских подразделений. И неосторожные, скажем так, высказывания аристократа-подполковника оскорбляли чувства их основателей. Как лично вы поступили бы с человеком, позволяющим себе подобные высказывания, Норден?

Отец Вилли Штубера никогда ни о каком графе Нордене не упоминал, это была ложь. Имя отца командира «Викинга» оберштурмбаннфюрер узнал от капитан-лейтенанта Штанге. Все остальное было плодом его фантазии, в эти минуты он прибегал к одному из традиционных приемов вербовки агентуры.

— К сожалению, речь идет о моем отце, — потупив глаза, пробормотал обер-лейтенант. — Но мы в семье всегда считали, что его гибель под гусеницами танка — трагическая случайность.

— Поскольку таковой была официальная версия.

— Теперь я понимаю, почему в меня так вцепилось гестапо.

— Видите, как все просто. А теперь слушайте меня внимательно, Норден. Еще не зная лично вас, но из уважения к другу моего отца, я взял грех на душу. Я убедил Скорцени, что слишком расто-

чительно терять таких опытных боевых офицеров-подводников, каковым являетесь вы; что нет смысла по-гестаповски расправляться с вами, тем более — в самом конце войны. А затем предложил взять вас под опеку службы безопасности СС, то есть под опеку СД, и оставить в живых под мое личное слово чести.

— И он согласился?! — озарилось лучом надежды лицо Нордена.

— Он сказал, что лично решит вопрос с чинами гестапо, а вас отдает в мое полное распоряжение. Гросс-адмирал Дениц поставлен им в известность. Но реально защитить вас от гестапо мы сможем только в одном случае: если вы становитесь тайным агентом СД и беспрекословно выполняете все мои приказы.

— Я согласен, господин оберштурмбангфюрер! — выпалил Норден, едва дождавшись окончания его тирады. И Штубер понял, что честь рода для этого офицера-аристократа действительно чего-то стоит.

— Ваше согласие принимается. С этой минуты вы в порядке исключения, исходя из особой военной ситуации, переводитесь в войска СС без каких-либо формальностей и вам присваивается чин оберштурмфюрера, то есть обер-лейтенанта. Будем считать, что клятву офицера СС вы уже приняли, о соответствующем приказе я позабочусь.

— Благодарю за доверие! — подхватился Норден. — Я его оправдаю. Для меня это огромная честь, барон! Хайль Гитлер!

— А вот вам и первое задание: вон там, в шкафчике, стоит бутылка вина и покоятся бокалы. Распорядитесь-ка ими по достоинству.

Вино оказалось кислым и слишком теплым, тем не менее оно прекрасно утоляло жажду, а главное, создавало иллюзию непринужденности беседы двух офицеров-аристократов.

— ...Итак, что вы можете сказать о коменданте этой базы, Норден? Я имею в виду не официальную характеристику, а то, что осталось вне его личного дела.

Вопрос оказался настолько неожиданным, что какое-то время граф попросту не мог собраться с мыслями, чтобы ответить хоть что-нибудь членораздельное.

— Для начала несколько слов об основании и основателях «Латиноса». Возможно, вас удивит, но основателями базы были

не подводники, а пилоты, или, как их еще называли здесь, в Патагонии, аргентинские чиновники, «грифы Геринга». И хотя сам фон Визнер к «грифам» не принадлежал, тем не менее в свое время он окончил какую-то аргентинскую летную школу, а главное, рейхсмаршал Герман Геринг хорошо помнил его отца, который с отцом самого Геринга в свое время осваивал колониальные владения где-то в Африке.

— Отец Геринга был очень дружен с Бисмарком, — припомнил Штубер содержимое секретной папки диверсионного отдела РСХА, в которой содержались биографии нескольких вождей рейха, в том числе и подробнейшая биография рейхсмаршала, — из рук которого и получил в каком-то там, кажется, в 1885 году, пост генерал-губернатора германской Юго-Западной Африки.

— Так вот, отец Визнера командовал там сначала батальоном, а затем полком германских колониальных войск. Когда встал вопрос о создании базы «Латинос», отец Визнера связался с Герингом по-моему, они даже встречались в Германии и добился того, что сын его был назначен комендантом этой базы и произведен в офицеры СС. Кстати, штандартенфюрер СС Визнер, комендант замка Вебельсберг — какой-то его родственник. Что тоже следует иметь в виду.

— В таком случае многое проясняется.

— И поскольку пост коменданта был подарен Визнеру самим Герингом, преемником фюрера, ни гросс-адмирал Редер, ни теперь уже Дениц не решались покушаться на его право полновластного хозяина этого клочка суши, выкупленного германским посольством у аргентинского правительства. Причем небольшая часть территории базы, в частности та, на которой расположен дом Визнера, является его частной собственностью. Да и созданием самой базы в этой скалистой бухте, удачно прикрытой горами со стороны суши, а также скалистой косой и островком со стороны моря, — тоже занимался наш Гриф. Богатый и влиятельный, фон Визнер прекрасно ладит с местными чиновниками, которые, как и местное население, постепенно германизируются. Как ему — при его внешней несобранности, неумении поддерживать даже элементарную беседу, не говоря уже о репутации гомосексуалиста и выпивохи, — удается достигать такого взаимопонимания, до

ких пор остается загадкой и для Деница, и для всех нас, базирующихся здесь подводников.

— Не вижу в этом ничего удивительного, поскольку именно эта база является основным пунктом продажи оружия для местной мафии, а также торговли наркотиками и всевозможной европейско-латиноамериканской контрабандой. База ведь была создана еще до Второй мировой войны, и Визнер с компанией успели здесь основательно развернуться. Однако оставим на время Визнера в покое. Чтобы наш дальнейший разговор был деловым, ознакомьтесь с этим приказом фюрера, — протянул он Нордену радиограмму, полученную на борту «Колумбуса».

Тот как минимум дважды внимательно прочел текст и, возвратив радиограмму фон Штуберу, с надлежащим почтением заключил

— Вам даны огромные полномочия. Поздравляю. Смею надеяться, что вы в состоянии повлиять и на ход моей судьбы

— От гестапо я вас уже спас. Вы остаетесь командиром субмарины «Викинг», которая отныне входит в особую диверсионную стаю, под командованием корветтен-капитана Штанге, командира субмарины «Колумбус». Сюда же входит и субмарина снабжения «Черный призрак». Исходя из ранее изданного приказа Гиммлера, диверсионная стая находится в моем оперативном подчинении и выполняет только мои приказы. Так будет даже после того, как Германия подпишет акт о капитуляции.

— Теперь многое проясняется. Но есть один вопрос: фон Визнер все еще считает себя комендантом. Следовательно, с приказом фюрера он не знаком?

— Вы читали, что сказано о нем в общем приказе фюрера, Гиммлера и Деница. Приказ об отстранении его от должности из ставки фюрера не прислали на базу специально, опасаясь, как бы он со своими людьми не захватил ее, воспользовавшись тем, что в Берлине ситуация сейчас очень сложная. В то же время в течение ближайших двух часов мне предстоит решить, как с ним поступить. Мы находимся на чужой земле, и хотелось бы не создавать проблем местной власти, устраивая здесь перестрелки.

— Местным чиновникам вполне хватает проблем, порождаемых патагонской мафией.

— Вот видите, как прекрасно мы понимаем друг друга.

В это время ожил телефон. Подняв трубку, Штубер услышал уверенный голос гауптштурмфюрера Гольвега:

— Казарма охраны и радиоцентр — под нашим контролем. Охранники арестованы. Часть охранников находится в поселке, куда ушла без оружия. Мои люди будут встречать их. На всех постах уже стоят морские пехотинцы из Померанского полка. Как оказалось, толковые парни. Двоих латиносов-наемников пришлось снимать ножами. Тела — в море. Выяснили, что они пришлые из других краев Аргентины. Официальная версия: бежали в горы.

— Жду вас в кабинете коменданта. Вместе с Зебольдом и несколькими моряками. — И, уже обращаясь к Нордену: — По существу, база уже в наших руках и охраняется нами. Как выяснилось, вы хорошо знаете Визнера. Изложите ему суть приказа фюрера и выясните его намерения. Если он немедленно оставляет базу и уезжает из этой местности, не препятствовать. При малейшем проявлении негодования — он должен покончить жизнь самоубийством. Случается же такое: человек разволновался, огорчился. Но все должно выглядеть правдоподобно.

...Еще до того, как Гольвег и Норден, крайне огорченные, пришли к нему, чтобы сообщить печальную весть о самоубийстве отставного коменданта, Штубер услышал одиночный пистолетный выстрел, донесшийся из флигеля, и понял: его подчиненные не стали усложнять жизнь новому коменданту личным общением с неким авантюристом Визнером.

38.

Начало марта 1945 года. Германия. Замок Викингбург. Ставка «фюрера подводных лодок» гросс-адмирала Карла Деница.

Единственным, кто оставался совершенно безучастным ко всему, *что происходило* в этом рыцарском зале Викингбурга, был штандартенфюрер СС Карл Одинс — худощавый, аскетического вида пятидесятилетний норвежский германец, в недалеком прошлом преподававший в университетах Осло и Копенгагена.

Он сидел неподвижно, уставившись в одну точку где-то под потолком, между окном-бойницей и статуей рыцаря в средневековых боевых доспехах, и, казалось, совершенно не воспринимал ничего из того, что в этом зале молвилось и происходило. Всем своим независимым, отрешенным видом он демонстрировал полное отсутствие своего присутствия, предаваясь какому-то полумолитвенному бездумью.

Несмотря на свои встречи с ним, Скорцени так и не успел поближе познакомиться с ним и знал только то, что Одинс был начальником «Зондербюро-13», занимавшегося уже третий год длившимися исследованиями, закодированными под названием «Операция Уранус»[69]. Чем это бюро в действительности занимается — этого, возможно, не знал даже сам фюрер. Однако и само бюро было сверхсекретным, и поиски-исследования его, и уж, само собой разумеется, «Операция Уранус».

— Такого оружия фюрер... уже не получит, — более уверенно уточнил Гиммлер, когда пауза стала невыносимо томительной. — Армия наша, в основной массе своей, разгромлена, а мобилизационные резервы народа истощены. Правда, в Берлине генералы пытаются ставить под ружье пятнадцатилетних мальчишек «Гитлерюгенда» и шестидесятипятилетних стариков, но мы-то с вами понимаем, что это уже агония, отягощенная истреблением будущего Германии. Поэтому-то мы и собрались здесь узким кругом влиятельных людей Германии, чтобы подумать о будущем Германии и германского народа.

Гиммлер вновь взглянул на шамбалиста, затем на Зиверса, словно бы рассчитывал на то, что кто-то из них захочет начать этот трудный разговор, однако на сей раз пауза уже не была столь длительной и безнадежной, как предыдущая. Да и Борман неожиданно проворчал:

— Действительно пора, пока мы еще в состоянии что-либо предпринять.

---

[69] Исторический факт. Секретная организация «Зондербюро-13» была создана в конце ноября 1942 года, и в задачу ее входило изучение аппаратов, которые мы теперь называем неопознанными летательными объектами. Формально она была связана с институтом «Аненэрбе», однако подчинялась непосредственно Гиммлеру и работала на ведомство Ракетного Барона Вернера Брауна.

— Понятно, что после того, как русские и англо-американцы захватят Германию, она окажется расчленённой как минимум на две части, одну из которой будут контролировать советские жидокоммунисты, вторую — их временные западные союзники. Но в обоих из них к власти придут новые люди, и идеи Третьего рейха, идеи фюрера будут ими попраны.

— Видит Бог, — молитвенно пробубнил Зиверс, пока рейхсфюрер подыскивал нужные слова, — что именно так оно и случится.

— Поэтому сейчас перед нами стоят две основные задачи, — продолжил Гиммлер. — Первая — спасти как можно больше людей из верхних эшелонов власти рейха, выведя их из-под ударов карательных отрядов и судов победителей. Вторая — максимально способствовать развитию антарктической Рейх-Атлантиды и наземных баз ее обеспечения, предусматривая, что лучшие научные и инженерные силы, лучшая часть генофонда германской расы и самые надежные, элитные подразделения СС должны быть переброшены в Рейх-Атлантиду, а также на наземные африканские и латиноамериканские опорные базы. При этом мы должны помнить, что главная цель этих операций — создание Четвертого рейха, страны, обладающей новыми сверхмощными видами оружия, которое в конечном итоге приведет ее к истинному мировому господству, к тому, чтобы...

В то время когда Гиммлер произносил эти слова, Консул Внутреннего Мира проскрипел креслом и недовольно прокряхтел. Рейхсфюрер уловил это и осекся буквально на полуслове.

— Я понял вас так, — пришел ему на помощь гросс-адмирал Дениц, — что мы должны развернуть крупномасштабные операции по эвакуации из Германии наиболее важных военных заводов, конструкторских бюро, нужных нам специалистов и молодежь с прекрасной арийской наследственностью?

— Только так, — как можно решительнее подтвердил рейхсфюрер СС. — Четвертому рейху нужны молодая кровь и наша идеология. Остальное им подарит время.

— Собственно, мероприятия по эвакуации уже проводятся, однако теперь их следует резко активизировать.

— И основная нагрузка будет ложиться на подчиненные вам, гросс-адмирал, силы военного флота.

— Подводного флота, — уточнил Дениц, как бы напоминая Гиммлеру, что как главком кригсмарине и «фюрер подводного флота» он всегда требовал значительно большего внимания развитию военно-морских сил и особенно — строительству субмарин.

— Вам необходима моя поддержка? Нужны дополнительные средства?

— Прежде всего, мне понадобится привлечь к этой операции две специальные крупнотоннажные подлодки, строительство которых только что завершено. Кроме того, мы введем в состав флотилии «Фюрер-конвоя» еще десять обычных боевых субмарин, которые бы конвойную службу соединяли с перевозкой небольших групп людей и наиболее ценных грузов. Чтобы сократить срок пребывания субмарин «Фюрер-конвоя» в океанском плавании, нам следует перебросить из района Норвегии к базе в Юго-Западной Африке отряд надводных кораблей в составе пассажирско-госпитального судна, танкера, двух эсминцев, двух линкоров, а также двух субмарин охраны.

— Считаете, что этот отряд сможет незамеченным прорваться к берегам Африки?

— Англию мы обойдем северным путем и выйдем в Атлантику на той долготе, на которой вражеская авиация почти не встречается. Госпитальное судно будет оснащено боевым гидропланом с пусковой катапультой, точно такой же, какой в свое время был оснащен известный вам полярный «Швабенланд»[70], а вооружение всех судов — усилено зенитными орудиями и пулеметами. Изъятие этого отряда, конечно же, ослабит мощь нашего военно-морского флота здесь, в Германии...

— Теперь это уже несущественно, — прервал его Гиммлер. — Продолжайте излагать свой план.

— В районе одной из наших баз в Юго-Западной Африке надводный отряд будет встречать отряды «Фюрер-конвоя», перегружать на свои борта грузы и пассажиров, чтобы доставлять их в Новую Швабию, а субмарины «Фюрер-конвоя», после краткого отдыха экипажей, заправки и ремонта, будут возвращаться в рейх

[70] «Швабенланд» — военно-исследовательское судно, которое в начале 1939 года изучало район Антарктиды, получивший впоследствии название Новая Швабия.

за новым грузом. Кроме всего прочего, Норвежский надводный отряд будет использован для охраны прибрежных вод Новой Швабии и рейдерских атак на появляющиеся в районе между Южной Америкой и Южной Африкой вражеские конвои и отдельные суда.

— Не думаю, что американцы решатся направлять туда эскадру своих судов для борьбы с нашими норвежцами, — согласился с его предложениями рейхсфюрер СС.

— Удерживая в своих руках базу субмарин «Нордберг», мы до последних дней существования рейха можем продолжать эвакуацию тех людей, которые сумеют прорваться к ней из Берлина. Понятно, что значительная часть высших чинов государства и СС будет уходить через наши южные границы.

— Обстоятельно, обстоятельно, — признал Гиммлер, однако развивать свою мысль не стал.

— Само собой разумеется, что эвакуировать в Новую Швабию мы будем только тех людей, которых сочтем необходимыми там.

— Готовьте соответствующие приказы, гросс-адмирал. С фюрером все вопросы будут согласованы, — Гиммлер прокашлялся, как-то загадочно взглянул на Бормана и добавил: — Если только они все еще будут интересовать фюрера.

— Согласуем, — кивнул своей бычьей головой Борман, который до этого почти не проявлял признаков жизни. Однако его реакция уже не могла успокоить Скорцени. Последние слова Гиммлера заставили его насторожиться: что за ними скрывается? — Недавно, во время одной из наших встреч фюрер сказал мне: «Борман, я продолжаю уверенно смотреть в будущее. Оружие возмездия, которым я располагаю, изменит обстановку в пользу Третьего рейха»[71].

— А вы попытались выяснить, о каком оружии идет речь? — поинтересовался штандартенфюрер СС Вольфрам Зиверс.

— Попытался. Это осталось тайной фюрера. Но теперь у нас есть все основания предполагать, что оружие, на которое фюрер,

---

[71] Эти слова фюрер произнес 24 февраля 1945 года, когда судьба рейха уже по существу была решена. Историки до сих пор не могут понять: блефовал Гитлер или же за этим утверждением скрывался какой-то реальный расчет на помощь некоей внешней силы, в частности на помощь обладателей летающих дисков.

несомненно, рассчитывал, предоставлено ему не было. Или же наши секретные лаборатории не успели разработать его. — Борман оглянулся на Посланника Шамбалы, а затем вопросительно взглянул на Гиммлера и проворчал: — У меня, собственно, все. Хотя во всей этой истории много неясного.

— Прежде всего, — поддержал его Дениц, — неясно, что собирается предпринять фюрер для своего собственного спасения.

— Очевидно, он предпочтет до конца оставаться на своем посту, в бункере рейхсканцелярии, — проскрипел своим хрипловато-скрежещущим басом Кальтенбруннер.

— Но мы должны сделать все возможное, чтобы убедить его покинуть Берлин еще до того, как русские ворвутся в город и бои завяжутся у самой канцелярии, — молвил Зиверс. — Если мы собираемся создавать новый рейх в Антарктиде, тогда фюрер нужен там. Как идеолог, как символ, как доказательство бессмертия национал-социализма.

— А кто будет олицетворять высшую власть в осажденном Берлине? За кого и во имя кого должны будут умирать сотни тысяч германских солдат?

Зиверс растерянно смотрел на Кальтенбруннера и не мог определиться, как ему следует реагировать на натиск шефа Главного управления имперской безопасности. К тому же он не понимал, почему вдруг решением судьбы Гитлера так обеспокоился именно он, Кальтенбруннер, доселе предпочитавший оставаться в тени.

— Достаточно того, что судьбу германского рейха и самой рейхсканцелярии разделит фельдмаршал Кейтель, — объяснил Зиверс свою позицию, — или тот из фельдмаршалов, кому пожелает передать свой пост верховного главнокомандующего сам фюрер. Поэтому нам следует немедленно...

— Фюрер сам будет определять, где ему находиться в судный день рейха, — раздраженно прервал Гиммлер стенания имперского директора «Аненэрбе». — И я просил бы, господин Борман, чтобы вы, возможно, вместе с Геббельсом, основательно обсудили вопрос о его отъезде из Берлина.

— Хорошо, рейхсфюрер, — до сухости сдержанно согласился Борман.

— Сейчас крайне важно знать, когда он отбывает, куда именно и кому будет передана власть в рейхе. Особое внимание обратите на то, намерен ли он основывать свою ставку в Рейх-Атлантиде.

— Мы попытаемся побеседовать с ним по этому поводу уже завтра. Кроме того, сегодня же я встречусь по данному вопросу с Геббельсом — одним из немногих, кому фюрер все еще по-прежнему доверяет и на мнение которого полагается. Кстати, фюрер интересовался тем, как продвигаются работы по расширению подземного канала Берлин—Одер[72], чтобы по нему могли проходить специальные субмарины «Фюрер-конвоя» большого водоизмещения.

— Этот вопрос адресован вам, инженер и штандартен... простите, со вчерашнего дня уже бригаденфюрер Ропп, — уточнил Гиммлер.

— Если верно то, что нашим войскам, пардон, удастся продержаться до начала мая, то мы успеем, — натужно отсапывался новоиспеченный бригаденфюрер. Именно потому, что генеральский чин СС он получил только вчера, Скорцени и не знал его. — К середине апреля все работы, пардон, должны быть завершены.

— Только к середине апреля? Ускорить нельзя?

— Нереально. Но замечу, что в любом случае прохождение субмарин по столь узкому каналу будет сопряжено, пардон, с огромным риском. Поэтому об эвакуации всех тех лиц, которые этой эвакуации подлежат, следует, пардон, позаботиться уже сейчас. По-моему, самое время. Да и нам с вами, господа, тоже, пардон, следует подумать о том, где и как осесть, чтобы не оказаться в Сибири или на английской виселице. Хотя лично я ни в какие антарктические подземелья отправляться, пардон, не намерен. Как, впрочем, и фюрер. Его, пардон, следует спрятать где-нибудь в Латинской Америке или в Африке. В конце концов, у него, пардон, есть двойники.

---

[72] Существуют сведения о том, что в основном прокладка такого канала, по которому к Берлину из Одера могли подходить обычные субмарины, была завершена к осени 1944-го. Но последними уходившими из окруженного Берлина в начале мая 1945 года были большие грузовые спецсубмарины «Фюрер-конвоя». Чтобы они смогли пройти по подземному каналу, пришлось затапливать метро и таким образом поднимать уровень воды в нем.

— Это не вам решать, бригаденфюрер! — осадил его Гиммлер. — Ваше дело, пардон, — откровенно спародировал его рейхсфюрер СС, — расширить канал и доложить об этом мне и, пардон, фюреру.

— Извините, рейхсфюрер. Канал, я полагаю, будет готов в те сроки, которые определены проектом и приказом фюрера. В начале апреля мы уже можем запустить одну из ваших гросс-субмарин в подземные воды столицы. Обычные субмарины, напомню, уже проходят по нему, вывозя все то самое ценное, что их командирам приказано вывозить.

— Мне бы хотелось знать, будет ли выделена хотя бы одна из субмарин для эвакуации института «Аненэрбе», — вновь оживился Зиверс.

— Это верно, — подтвердил гросс-адмирал Дениц, пропуская мимо ушей колкое замечание имперского директора института по изучению наследственности предков. — Мы уже сделали несколько контрольных проходов, чтобы убедиться, что наш подводный флот способен представать и как флот подземный.

— А наш институт? — раздраженно напомнил о себе Зиверс, словно эвакуация должна состояться уже завтра.

— Что касается вашего, господин Зиверс, института, то, как одно из подразделений СС, он тоже подлежит эвакуации. Думаю, что для этого одной обычной субмарины вам хватит. Только не вздумайте загружать на нее свою присноизвестную «Коллекцию черепов жидобольшевистских комиссаров»[73].

— Напрасно вы иронизируете, гросс-адмирал.

— А кто вам сказал, что я иронизирую? Наоборот, я возмущаюсь.

— Эта коллекция является уникальной и представляет несомненный научный интерес.

— Но позволю себе предупредить, что, когда коммунисты узнают о ней, они начнут создавать коллекции из наших с вами

---

[73] Существование такой коллекции штандартенфюрер Зиверс подтвердил во время допроса его следователями комитета уполномоченных Международного военного трибунала, состоявшегося 8—9 августа 1945 года. Всего было собрано 150 черепов советских евреев — политработников и командиров из числа умерщвленных в концлагерях, и хранились они в морге анатомического института в Страсбурге.

черепов и скелетов. Так что чем скорее вы избавитесь от этой коллекции, тем лучше будет для всех нас.

— А я настаиваю на том, что эту коллекцию следует эвакуировать в Южную Америку и там, в одной из новых секретных лабораторий, продолжить ее изучение. Кроме того, я готов представить список научных сотрудников института «Аненэрбе» и фонда общества «Аненэрбе», то есть «Аненэрбештифтунга», которые достойны спасения и эвакуации.

— Там и такие, достойные случаются? — ухмыльнулся Дениц.

— Ради Бога, гросс-адмирал! — пристыдил его Гиммлер. — Не здесь и не сейчас!

— Это, — не позволил сбить себя с толку штандартенфюрер СС Зиверс, — прежде всего, оберштурмфюрер доктор Августин, оберфюрер доктор Вуст, профессор доктор Брандт, назначенный вашим, господин рейхсфюрер СС, личным референтом, — при этих словах руководитель «Аненэрбе» мстительно взглянул на Деница, — и несколько других лиц, чьи труды уже являются достижением нашей науки.

— Об эвакуации «Аненэрбе» мы поговорим чуть позже, значительно позже, — болезненно поморщился Гиммлер. — А вы, Кальтенбруннер и Скорцени, отработайте маршруты отхода из окруженного Берлина высших чинов СС, СД и гестапо. За вами — все: пограничные коридоры, проверенные люди, надежные явки, засекреченные банковские счета и запасы драгоценностей, благодаря которым данные лица смогли бы какое-то время продержаться в нелегальном положении...

— Очевидно, речь должна идти о создании нескольких поселений в районе нашей базы «Латинос» в Аргентине и трех баз в Юго-Западной Африке, — сказал начальник РСХА.

— Это правильно. Хотя... концентрировать поселки на одной территории тоже крайне опасно, — заметил Скорцени, — это может спровоцировать американцев или англичан на карательный рейд. Базы должны быть усилены, но в основном военизированными поселениями. Все остальные должны маскироваться под чужими именами и фальшивыми документами в определенных населенных пунктах данных стран.

— Я проведу совещание офицеров, которые войдут в состав ядра спасательной бригады, — заверил Гиммлера обергруппенфюрер Кальтенбруннер.

— Вы очень точно определили, обергруппенфюрер, — заметил рейхсфюрер, — именно так: спасательная бригада. Мы давно должны были подумать о ее создании.

— Если бы не опасались обвинения в пораженческих настроениях.

— Не забудьте и обо мне, — вполголоса напомнил о себе штандартенфюрер Зиверс, явно обиженный тем, как неуважительно отнеслось столь высокое собрание к его просьбе и предложению.

— Вы невнимательны, Зиверс, я ведь сказал, что речь идет о спецбригаде спасателей, а не белохалатниках из «Аненэрбе», — не собирался щадить его Кальтенбруннер.

39.

Апрель 1945 года. Германия. Берлин. Рейхсканцелярия. Бункер фюрера.

...И вновь Борман ворвался в кабинет фюрера без доклада дежурного адъютанта, не испросив разрешения и не извиняясь за вторжение. Гитлер еще несколько дней назад обратил внимание на эту странность поведения своего личного секретаря и заместителя по партии, но и на сей раз стоически промолчал.

— Мой фюрер, я возмущен до глубины души!

— Вы почему-то постоянно возмущены, — мстительно заметил фюрер. — И всякий раз — до глубины своей души.

— Простите, мой фюрер, если что не так, но... Согласитесь: то, что еще вчера Геринг пытался скрывать, теперь стало явным!

— Это вы о Геринге? — меланхолично проговорил фюрер, не поднимая головы и не отрывая взгляда от какой-то точки на фронтовой карте. Он теперь часами мог просиживать вот так — ссутулившись, буквально съежившись в своем глубоком кожаном кресле, зажав дрожащие руки между конвульсивно вздрагивающими коленями.

— Конечно, о нем!

— Значит, опять о нашем бедном Геринге, — притворно вздохнул фюрер. — Что он натворил на сей раз?

— Предал.

— Опять предал?! Лично вас, Борман?

— Всех нас, мой фюрер! И мне сейчас не до иронии.

— Мне, как видите, тоже, — постучал Гитлер указательным пальцем по карте. — И у меня складывается впечатление, что предал не только Геринг, предали многие другие.

— Вполне допускаю, — обескураженно согласился заместитель фюрера по делам партии. Он не ожидал такой реакции Гитлера. Слишком уж неосторожно фюрер сбил тот накал страсти, с которым он ворвался в кабинет.

— Очень многие предали меня, мой непредаваемый рейхслейтер Борман, — окончательно перехватил инициативу Гитлер. — Иначе моя штабная карта не выглядела бы сейчас убийственно трагической. Кстати, где он, наш рейхсмаршал Геринг, находится сейчас?

— В Берхтесгадене. У себя на вилле. Хотя и попытался, для видимости, создать в этом городке некое подобие штаба люфтваффе.

— В Берхтесгадене... — мечтательно произнес Гитлер название городка, который теперь казался ему оазисом мира и спокойствия, вот только находился где-то за пределами того реального мира, в котором пребывал сейчас он сам. — Весна. Альпы, с зелеными склонами и заснеженными вершинами... Хорошо там сейчас, — и, выдержав паузу, сухо пошутил Борману: — Герман эвакуировался туда вместе со штабом военно-воздушных сил только после того, как получил мое личное разрешение. — И вновь развернулся лицом к своей безнадежно трагической карте.

Фюрер знал о той патологической неприязни, которую Борман питал к рейхсмаршалу, но теперь, когда все, кто только мог предать его, уже предали, он не желал терять в своем окружении ни Геринга, ни Бормана. Уже хотя бы потому, что сами эти люди оставались и последними символами его утекающей власти, и ее реальными орудиями.

— Не возражаю, мой фюрер, он получил разрешение на эвакуацию в Берхтесгаден. Но теперь ясно, что Геринг только потому и стремился в этот город, что рядом находится ставка фюрера.

Последствия очевидны: наш маршал ведет себя так, будто вместе с ним в Берхтесгаден передислоцировалась и столица рейха. Прочитайте, что он здесь пишет!

— Чем вы там потрясаете, Борман? — по-старчески проворчал Гитлер. Он терпеть не мог, когда его отрывали от мысленных блужданий по линиям фронта. Только во время этих романтическо-бредовых фантазий он все еще чувствовал себя полководцем, главой державы, фюрером.

— Доказательством того, что Геринг пытается говорить с вами языком наглых ультиматумов.

— Допустим, не он один...

— ...А еще — доказательством того, что он предпринял еще одну предательскую попытку подло захватить власть над Германией в свои руки. По существу, уже захватил, а после этого выдвинул вам, как верховному правителю рейха, и всем нам, свой гнусный ультиматум, который даже не достоин того, чтобы его читать.

Ключевым раздражителем в этой его тираде было слово «ультиматум». Борман знал, как фюрер опасается всего, что скрывается за этим понятием. Лишь заметив, каким гневным взглядом прошелся по нему вождь, Борман решился ступить еще два шага и положить перед ним телеграмму Геринга.

Гитлер прочел ее несколько раз, повертел бумажку в руках и снова принялся читать.

— Он призывает меня прибыть в Берхтесгаден, — пожал плечами фюрер и, не поднимая головы, снизу вверх, чуть вывернув лицо, по-волчьи взглянул на Бормана. — А если убедится, что я уже не в состоянии управлять страной, то будет действовать, исходя из моего указа. Я все верно понял?

— Текстуально — да, — это свое «текстуально — да» Борман заготовил заранее, чтобы натолкнуть Гитлера на мысль, взглянуть на все написанное Герингом как на некую иносказательность.

— Что вас, в таком случае, раздражает, Борман?

— Разве это не понятно?

— Почему вас вечно что-то раздражает в действиях всех тех людей, которые все еще пытаются оставаться преданными мне? — выразительно чеканя каждый слог, спросил Гитлер.

— Вы не так поняли, мой фюрер.

— Я все правильно понял.

— Не меня, а Геринга, — попытался было уточнить рейхслейтер.

— И Геринга — тоже, — обронил фюрер и, не дожидаясь ответной реакции Бормана, вышел из кабинета, чуть не оттолкнув при этом рейхслейтера от двери.

Совершенно обескураженный таким поворотом событий, рейхслейтер подался вслед за ним, жалея при этом, что решился войти к Гитлеру один, а не с более гибким и изворотливым в подобных ситуациях Геббельсом.

Тем временем Гитлер решительно преодолел небольшую приемную и столь же целеустремленно вошел в более или менее просторный штабной отсек, где обычно проводили свое рабочее время Кейтель, Йодль, несколько других генералов и высших офицеров штаба Верховного главнокомандования и куда все чаще заглядывал теперь мэр-гаулейтер Берлина доктор Геббельс.

Правда, Кейтель и Йодль уже покинули не только бункер, но и Берлин и пребывали сейчас где-то на севере Германии, держась поближе к гросс-адмиралу Деницу с его флотом и частями морской пехоты. Однако этим предательством фюрер уже переболел.

Борман ожидал, что фюрер сразу же примется излагать текст телеграммы Герингу, однако фюрер с этим не спешил, чем привел его в еще большее смятение. Рейхслейтер и личный секретарь фюрера видел, что его покровитель умышленно уходит от серьезного разговора по поводу действий Геринга.

А еще он понимал, что в штабном отсеке, где будет находиться несколько «бункерников», он окончательно потеряет контроль над умом и психикой этого человека. А в данной ситуации это было недопустимо. К тому же он помнил убийственные слова фюрера, касающиеся возможных мирных переговоров с русскими и англо-американцами: «Геринг более подходящая фигура, чем я. Он гораздо лучше умеет обходиться с противной стороной».

И это было произнесено в его, Бормана, присутствии! Само собой разумеется, что Герингу немедленно передали эти слова. Не зря в тот же день из бункера исчез представитель люфтваффе генерал-майор Коллер. Этот генерал слишком авантюристичен, чтобы его позволительно было подпускать сейчас к Герингу.

«А ведь Коллера действительно нельзя было выпускать из бункера! — запоздало прозревал теперь Борман, нервно ударяя кулаком о ладонь. — Ни в коем случае нельзя было выпускать его отсюда. Ни под каким предлогом!»

40.

Декабрь 1944 года. Секретная германская морская база «Латинос» на атлантическом побережье в южной части Аргентины.

В радиограмме, которую дежурный радист базы принял с борта субмарины «Черный призрак», содержался всего один вопрос: «Находятся ли на "Латиносе" подлодка "Колумбус", кто-либо из членов ее экипажа или прибывших на ее борту пассажиров?».

Как и было условлено, радист сразу же отстучал, что «Колумбус» вышел в море вчера вечером, курсом на «Базу-211», и никого из находившихся на ее борту на базе не осталось. При этом еще и наивно поинтересовался: «А в чем дело, Алькен?».

Чтобы подстраховаться, Алькен потребовал от радиста назвать имена и клички всех троих радистов базы, которых он знал лично. Поскольку радистов Штубер предусмотрительно не сменил, просто теперь они работали под контролем, с ответом проблемы тоже не возникло. Тем более что радист передал привет Алькену от Грифа, а под этой кличкой тот знал только одного человека — коменданта базы фон Визнера.

Окончательно убедившись, что с фон Штубером и его людьми столкнуться ему не придется, уже через два часа Алькен в надводном положении ввел свою «дойную корову» в охраняемую двумя катерами бухту. Большая часть команды находилась при этом на палубе субмарины и на командном мостике. У причала они увидели только субмарину «Викинг», а среди встречавших на причале были ее моряки, несколько перешедших на службу к Штуберу охранников и начальник отдела гестапо гауптштурмфюрер Кезлин, который вместе с двумя своими подчиненными с радостью воспринял появление нового коменданта, ибо с Визнером они были на ножах.

Прибытие всякой «свежей» субмарины всегда превращалось для обитателей базы хоть в какое-то событие, поэтому ничего подозрительного в этой толпе зевак командир «Черного призрака» не узрел.

Правда, он не обратил внимания на то, что субмарина его сразу же была блокирована с моря двумя катерами, и не догадывался, что в помещениях их притаились Померанские морские пехотинцы. А как только, в окружении своих офицеров и еще с десятка матросов, Алькен приблизился к зданию администрации порта, к нему подошел гауптштурмфюрер Кезлин и объявил, что имеется приказ из Берлина, от высшего командования гестапо, о его аресте. Вместе с ним было предложено сдать оружие всем остальным офицерам и боцману.

Один из унтер-офицеров попытался вырваться из кольца моряков и охранников, чтобы пробиться назад к субмарине и позвать на помощь, но его сбили с ног. А на субмарину уже высаживались моряки-померанцы, возглавляемые Зебольдом и унтерштурмфюрером из отдела гестапо. Правда, высадку их члены команды встречали с полным недоумением, и никто никакого желания сопротивляться не изъявлял.

Окончательно для Алькена все прояснилось только в здании комендатуры, когда его втолкнули в кабинет Визнера, за столом которого уже скучал барон фон Штубер.

— Какими ветрами, обер-лейтенант?! — с трудом развеивал свою мрачную тоску новый комендант базы. — Что вас привело сюда?

— Это вы, штурмбаннфюрер, устроили весь этот бездарный спектакль с моим арестом?

— Повторите свой вопрос, только верно назовите чин — «оберштурмбаннфюрер». К вашему сведению, повышен в чине тем же приказом фюрера, что и назначен комендантом базы «Латинос». — Произнося этот монолог, Штубер приблизился к окну. Двухэтажное здание комендатуры находилось на холме, и с высоты второго этажа открывался прекрасный вид на скалистый залив, над которым, как и над всей Аргентиной, сейчас властвовало лето.

— Что, действительно назначен и повышен? — обратился Алькен к Кезлину и Гольвегу, вошедшим в кабинет вместе с ним.

— А кто в этом смеет усомниться?! — возмутился начальник отдела гестапо. — Вы, что ли?

Кезлин хорошо помнил, какие оргии Алькен устраивал здесь вместе с Визнером и как угрожал повесить его, если узнает, что в Берлин ушло хотя бы одно донесение о том, в чем замешан он, командир «дойной коровы».

— Лучше объясните мне, Алькен, почему я не вижу в бухте алых парусов.

— Каких еще парусов?

— Той пассажирско-почтовой шхуны, — отрабатывал доверие к себе Кезлин, — которая шла под бразильским флагом и которую вы захватили. Хотя прекрасно понимали, что из-за этого инцидента могли втянуть в войну против Германии еще и Бразилию, а вместе с ней те страны, которые с ней дружны, например Аргентину и Уругвай. И тогда мы бы потеряли всякую поддержку правительств этих стран, получив взамен враждебные нам эскадры трех государств. И все это — в конце войны, когда Германия почти растерзана врагами.

— Так где сейчас эта шхуна, Алькен? — повторил вопрос Штубер, видя, что командир «Черного призрака» намеревается отмолчаться.

— На дне, естественно.

— Вместе со всеми женщинами?

— Не стоит сожаления. За те несколько дней, которые мои моряки веселились на борту «Императрис», женщины были приведены в полную непригодность.

— В подземельях берлинского гестапо любят выслушивать такие истории, — заверил его гауптштурмфюрер Кезлин.

— Бросьте, гауптштурмфюрер, в течение войны наши субмарины перетопили сотни таких судов. И если это все, в чем вы хотите меня обвинить, то я вам не завидую. Переправляйте меня в Германию, я готов предстать перед любым судом. Замечу, что незадолго до инцидента с «Императрис» команда субмарины «Колумбус» напала на венесуэльский рудовоз. Вам, Штубер, это прекрасно известно. Почему вы не арестовали капитан-лейтенанта Штанге?

— Этот факт мне уже известен из рапорта самого командира «Колумбуса» корветтен-капитана Штанге. Подлодка «Колум-

бус» осталась без горючего и вынуждена была «позаимствовать» его у команды рудовоза, — проявлял похвальную настойчивость Кезлин. Он очень опасался, что Штубер отправит его в Германию *под бомбы и снаряды* русских, а посему старался изо всех сил. — Осталась же она без горючего потому, что ваш «Черный призрак» не явился в назначенное время в заданный район, чтобы пополнить запасы субмарины командира Штанге горючим, продовольствием и боеприпасами.

— У меня были веские причины для такого опоздания.

— Сейчас мои люди допрашивают ваших офицеров и матросов, так что уже через полчаса мы будем знать, что никаких веских причин для опоздания у вас не было, вы попросту пиратствовали у берегов Бразилии.

— Поскольку алым парусам открыться нашему, Кезлин, взору не суждено, то получается, что мы зря теряем время. Председателем военно-полевого суда назначаю вас. Включите в него двух своих сотрудников и кого-то из офицеров «Колумбуса». Суд над командиром, старшим офицером и боцманом субмарины должен состояться завтра.

— Какой еще военно-полевой суд?! — изумленно уставился на Штубера бывший командир «дойной коровы». — Вы что, с ума здесь все посходили?! Мы далеко от Германии. За океаном, в чужой-стране. И мы — германцы. Так давайте договоримся.

Получив мощный удар Гольвега по темени, он осекся на полуслове и с трудом, в полуобморочном состоянии, дотащился до стула.

— Вам, Гольвег, — не обращал на него внимания комендант базы и губернатор Германской Патагонии, — надлежит сегодня же построить команду «Черного призрака», зачитать известный вам указ фюрера, копию которого машинистка уже подготовила, а вслед за ним — мой приказ о назначении командиром «Черного призрака» обер-лейтенанта Йохана Хорна.

— Я зачитаю его через два часа, как только офицеры гестапо завершат свое расследование.

— При малейшем неповиновении кого-либо из команды — расстреливать на месте, не предаваясь излишней волоките. И еще уберите с моих глаз этого пиратствующего насильника невинных девиц Бразилии.

Не прошло и часа с того момента, когда трое арестованных с «Черного призрака» оказались в карцере «Колумбуса» — там содержать их было безопаснее, нежели на гауптвахте базы, — как из радиоцентра «Латиноса» сообщили, что к бухте приближается субмарина «Демон» под командованием командора Кнохена. Штубер тотчас же потребовал, чтобы Кезлин связался со своим руководством в Берлине и запросил разрешения на арест командора.

Гауптштурмфюрер тянуть с радиограммой не стал, поскольку на Кнохена у него уже имелось целое досье, и он прекрасно знал всю гестаповскую предысторию его преследования. Но под радиограммой, кроме подписи Кезлина, стояла также подпись военного губернатора Германской Патагонии и коменданта базы Штубера. Очевидно, именно его увешанная важными должностными титулами подпись подействовала настолько, что ответ был получен почти сразу же: «Арестовать. Предать суду». Ну а захват субмарины производили по тому же сценарию, что и захват «Черного призрака».

Кнохен воспринял свой арест с покорностью обреченного, и после почти всенощного допроса, который ему устроила троица гестаповцев, на рассвете он попросил у Кезлина свой пистолет с одним патроном. Свести счеты с жизнью он предпочел на прибрежной скале, чтобы навсегда остаться в море. Гестаповцев эта его излишняя романтичность раздражала, однако, подчиняясь приказу Штубера, вынуждены были отвезти его к давно приглянувшейся командору скале.

Старший офицер «Демона» попытался было взбунтовать команду и двинуться на выручку командиру, но был тотчас же арестован и, по скорому приговору суда, расстрелян вместе с еще тремя моряками с «Черного призрака».

Уже к вечеру следующего дня Штубер радировал в Главное управление имперской безопасности о том, что мятеж, организованный сторонниками коменданта фон Визнера, а следовательно, сторонниками сдачи базы аргентинским властям, подавлен.

Предатели — список был приложен — преданы военно-полевому суду и казнены. Специальная диверсионная стая, в составе боевых субмарин «Колумбус», «Демон» и «Викинг», а так-

же субмарины обеспечения «Черный призрак» — создана и приступает к операциям. База «Латинос» полностью находится под его, Штубера, контролем, а значит, под контролем СД, и готова для выполнения любой секретной миссии высшего руководства РСХА и рейха. Ведутся работы по превращению базы в хорошо укрепленный оборонительный район. Налаживаются связи с местными властями. Определена местность для создания военизированного поселения офицеров СС, кригсмарине и люфтваффе. Местность для поселения офицеров вермахта и гражданских чиновников будет определена в ближайшие дни.

Когда Скорцени явился с этой радиограммой к руководителю РСХА обергруппенфюреру СС Кальтенбруннеру для доклада, тот был приятно удивлен. В суете последних дней он совершенно забыл о некоем оберштурмбаннфюрере Штубере, которому было поручено навести порядок на базе «Латинос», чтобы передать ее под контроль СД. К тому же, в его представлении, процесс «вырывания» морской базы из военно-мафиозных рук людей все еще могущественного гросс-адмирала Деница обещал быть долгим и скандальным, с привлечением с обеих сторон берлинских покровителей. А тут вдруг...

— Вы, Скорцени, уверены, что на базе все именно так, как обрисовано в радиограмме? — на всякий случай усомнился Кальтенбруннер.

— Я послал туда троих лучших своих диверсантов. А Штубер никогда бы и голоса не подал, если бы на все сто не был уверен в своей победе.

— Это тот барон, сын генерала Штубера, который прославился в России?

— ...Который прошел отменную закалку Восточным фронтом и партизанской Россией.

— В таком случае мы с вами, Скорцени, спасены: в течение прошлой недели фюрер, Гиммлер, Дениц и Борман, причем каждый в отдельности, потребовали от меня данные о некоей абсолютно надежной и защищенной латиноамериканской базе, которая стала бы основным эмиграционным пунктом при уходе из Германии их людей. И прежде всего — самих высших руководителей армии, флота и рейха. Как вы сами понимаете, до получения этого рапорта назвать такую базу я не мог.

— Мне это тоже не давало покоя. Но вы помните, с каким трудом мы добивались приказа фюрера о назначении Штубера военным губернатором Германской Патагонии и комендантом базы.

— Очень уж смущала его эта, невесть откуда явившаяся, вами же, Скорцени, придуманная Германская Патагония. Однако теперь... Думаю, что даже фюрер будет приятно удивлен.

— Уже готовлю представления к наградам на всех троих.

— Ну-ну, удивляйте нас дальше, Скорцени. — А когда обердиверсант рейха уже готов был оставить его кабинет, вдруг спохватился: — Надеюсь, вы учитываете то прискорбное обстоятельство, что какие-то «места под аргентинским солнцем» — с земельными участками, банковскими счетами, небольшими виллами и, возможно, на первых порах какими-то скромными должностями на самой базе, — могли бы пригодиться и нам с вами?

— Иначе зачем бы я рисковал своими лучшими диверсантами?

41.

Апрель 1945 года. Германия. Берлин. Рейхсканцелярия. Бункер фюрера.

Войдя в штабной отсек, фюрер решительно, с какой-то фанатичной подозрительностью, осмотрел присутствующих. В эти минуты здесь находились: начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал пехоты Кребс; командующий обороной Берлина генерал Вейдлинг; гаулейтер Берлина и министр пропаганды Геббельс; генерал Бургдорф, призвание которого Гитлер в эти мгновения так и не вспомнил; его, фюрера, адъютант майор Йоганмейер, служивший связным-посыльным между ним и штабистами; еще какие-то офицеры, находившиеся здесь в ожидании то ли важных вестей, то ли дальнейших бессмысленных распоряжений...

Всем им казалось, что Гитлер явился с какой-то особой новостью, возможно, даже с долгожданным приказом об эвакуации его личного штаба и штаба сухопутных войск в Баварию, поэтому все напряглись, приняли стойку «смирно» и терпеливо ждали оглашения очередной воли фюрера.

— Геббельс, вы знакомы с телеграммой Геринга? — мгновен развеял все их надежды раздосадованный голос «вождя арийск го народа».

— Нет, мой фюрер, пока еще не знаком, — запинаясь, безн дежно дрожащим голосом проговорил Геббельс, сразу же выз вая подозрение в правдивости его слов. Тем более что даже самы преданные делу национал-социализма люди уже давно восприн мали его как штатного рейхслгуна. Причем многие даже не пыт лись скрывать этого своего убеждения.

— Что, действительно не знакомы? — повторил свой вопр фюрер и недоверчиво оглянулся при этом на Бормана. — Раз рейхслейтер не дал вам возможности прочесть этот странный д кумент?

— Позвольте ознакомиться, — шагнул к нему обер-пропаганди рейха, однако тот уже успел протянуть бумажку Борману:

— Прочтите, Мартин, только вслух, вслух. А потом вместе п думаем, как быть дальше.

Читал Борман срывающимся голосом, путая ударения и сб ваясь, как нерадивый школьник на экзамене. Но, завершив чт ние, не позволил Гитлеру и рта раскрыть:

— ...Поэтому я и считаю, мой фюрер, — вновь обрел он акте ский дар декламатора, — что мы не можем и дальше спокойн воспринимать подобные ультиматумы нашего, с позволения ск зать, рейхсмаршала Геринга. Считаю, что реакция должна бы самой решительной. Мы не можем позволить ему самым наглы образом присваивать себе власть, данную вам как фюреру сами германским народом, самой историей, самими Высшими Посвя щенными! Да, и Высшими Посвященными — тоже! — уточнил о вспомнив при этом Человека в Зеленых Перчатках, который н давно встречался с ним в Потсдаме, на одной из чудом уцелевш конспиративных квартир.

Фюрер об этой встрече не знал. О ней вообще не знал никт кроме его, теперь уже единственного, но все еще довольно влия тельного союзника Геббельса.

Так вот, этот берлинский лама еще раз потребовал, чтобы фю рера окончательно локализовали в его бункере рейхсканцелярии Нет-нет, с убийством вождя он не торопил: то ли понимал, что эт крайне опасно для жизни Бормана и Геббельса, то ли решил пр

должить игру, условия которой так до конца все еще не оглашал Возможно, стоявшие за ламой Высшие Посвященные опасались хаоса, в который может ввергнуть агонизирующий рейх несанкционированное исчезновение фюрера.

Словом, как бы там ни было, а речь шла только о надежной и окончательной локализации.

Борман прервал свою речь на самом высоком регистре и взглядом приговоренной к сожжению Кассандры осмотрел присутствующих. Кребс, Вейдлинг и Бургдорф стояли, опустив головы, словно в том, что здесь происходило, видели и свою собственную вину. Или попросту чувствовали себя неловко.

— Конечно же, это возмутительно, — первым нашелся Геббельс. — Именно сейчас, когда судьба Германии требует от нас наивысшего сплочения вокруг идей и личности фюрера!..

— Прекратите, Геббельс, — поморщился вождь и сам содрогнулся от осознания того, что ведь это первый случай в истории их взаимоотношений с «германским оракулом», когда он решился вот так вот, резко одернуть его.

Однако неожиданно ситуацию разрядил простаковатый генерал Вейдлинг, который в свойственной ему грубовато-солдафонской манере проворчал:

— Опять этот Геринг!.. Какого черта ломиться в такое время в бункер со своими дурацкими телеграммами?!

Вейдлинг уже не раз отличался подобными выходками во время оперативных совещаний и здесь, в бункере, и в «Вольфшанце», но всякий раз это сходило ему с рук.

— Давайте ответим, что вы, мой фюрер, не предоставляете ему права наместника; указ от 29 июня 1941 года отменяете как устаревший и утративший актуальность, и продолжаете исполнять свои обязанности главы государства, — предложил Кребс, стоя над разложенной на столе армейской картой части Германии, охватывающей берлинское направление от Одера до Эльбы.

Даже произнося эти слова, он косил взглядом в сторону города Людвигсфельда, в районе которого, по его сведениям, все еще сохранялся небольшой коридор — его единственное и последнее спасение, и, подобно азартному игроку, решающемуся идти ва-банк, нервно потирал кончиками пальцев свой заостренный «испанский» подбородок.

— Нет, действительно, какого черта ломиться?! — не унима
ся Вейдлинг. — Есть фюрер, и есть все мы! Что тут непонятн
го?! Если Германия в опасности, то спасать ее нужно вместе, а
сваливать вину на кого-то одного. Хотя Геринг виноват в прова
войны больше всех нас...

Генералу никто не возражал, однако же никто и не поддерж
вал. На него вообще не обращали никакого внимания, как не обр
щают внимания на городского сумасшедшего, произносящего сво
бредовые монологи на городской площади или соборной паперти

Еще в течение какого-то времени фюрер стоял посреди ком
наты с видом человека, провинившегося перед всеми остальным
присутствующими, и, с этим же видом, неохотно возмутился:

— Понятно, что Геринг, как всегда, стремится к высшей власт
Это недопустимо. Мы не позволим ему создавать свое собствен
ное правительство и вести переговоры от моего имени! Таки
полномочий я ему не предоставлял.

— Вы слышали, господа? Геринг таких полномочий не полу
чал! — заводил штабную братию Мартин.

— Так и ответьте ему, Борман, — наконец сдался Гитлер. —
Объясните ему, в конце концов, что сейчас не время для этих ег
дурацких выходок.

— Я готов. Уже иду отвечать.

— Впрочем, я сам, — заколебался вождь.

— Будет так, как вы решите.

— Однако все должны знать, что ответ мой будет жестким
поучительным, — не очень уверенно, а потому недостаточно жест
ко заверил Гитлер и, еще немного поколебавшись, направился
выходу, намереваясь продиктовать телеграмму одной из своих
личных секретарш.

— Я предлагаю, мой фюрер, — вновь взял инициативу в свои
руки Борман, заставляя Гитлера остановиться уже у самой двери
собственно в дверном проеме, — чтобы вы объявили Германа Ге
ринга предателем, лишили всех чинов, постов и наград, а лучше
всего — приказали казнить[74].

---

[74] По имеющимся сведениям, фюрер поначалу действительно воспринял телеграмму Геринга довольно спокойно, по-деловому. Послать рейхсмаршалу убийственный ответ его буквально вынудил своей настойчивостью Мартин Борман. Однако, объявив Герингу смертный приговор,

— Ну, это уж слишком, — проворчал все тот же Вейдлинг, который, вместо того чтобы заниматься обороной Берлина, не упускал ни одной возможности встрять в очередную бункерную склоку.

— Если вы не замолчите, Вейдлинг, — угрожающе надвинулся на главного спасителя Берлина доселе державшийся в стороне от полемики Геббельс, — мы начнем выяснять, почему вы здесь, а не там, на баррикадах, в кругу защитников Берлина.

— А действительно, — поддержал его генерал Кребс. — Согласитесь, это вызывает вопросы.

— Не смейте упрекать меня, — холодно и почти безразлично огрызнулся Вейдлинг.

— А кто запретит нам делать это?

— Если я откажусь руководить обороной Берлина, то завтра вообще некому будет командовать его гарнизоном.

— А что, сейчас этой обороной кто-то руководит? — подслеповато прищурился обер-пропагандист рейха. — А гибнущим гарнизоном кто-то командует?

— Представьте себе, Геббельс, командует, — закусил удила Вейдлинг. — Только поэтому мы с вами все еще пребываем в рейхсбункере, а не в одном из сибирских концлагерей.

— Жаль, что берлинцы не знают имени своего спасителя.

* * *

Прежде чем приняться диктовать секретарше текст телеграммы Герингу, фюрер возмущенно пожаловался ей:

— Не могу положиться ни на одного человека, фрау Турм, все меня предают.

— Я вас понимаю, фюрер.

— От этого я совершенно болен и постоянно страдаю.

— Нечто подобное вы говорили мне еще в марте, фюрер, — уставившись в клавиатуру пишущей машинки, проговорила исхудавшая, утратившая и без того не очень броскую красоту сорокалетняя блондинка.

— Разве? Как видите, пожаловаться мне больше некому.

фюрер тотчас же и помиловал его. Ну а приказ об аресте Геринга Борман издал, уже игнорируя волю вождя.

— Вы не жалуетесь, Адольф, — Турм принадлежала к тем немногим людям из окружения Гитлера, которые оставляли за собой право обращаться к нему как фюреру, не употребляя лебезящего «мой», или же просто называли его по имени. Чего Гитлер просто-таки терпеть не мог. — Вы уведомляете нас о своем душевном состоянии.

— Теперь это уже не имеет значения.

— Пока вы — фюрер, Адольф, значение имеет буквально все. Потому что на вас смотрит вся Германия. И потом, если помните, еще тогда, в марте, я сказала, что рядом с вами много преданных людей. И повторяю это сейчас[75]. Вот только вам не всегда удается вовремя распознать их.

— В моем окружении их почти не осталось.

— А почему только в окружении? Вспомните Бонапарта и крепитесь. Ему было нелегче.

— Я знаю, что вы — давняя и тайная поклонница великого корсиканца.

— Как и вы. И вовсе не тайная.

— Согласен, вы этого никогда не скрывали.

«Вокруг одни бонапартисты! — мысленно вскипел Борман, вошедший в машбюро вслед за Гитлером. — Как получилось, что до них крематорная очередь концлагерей так и не дошла?! Явное упущение!»

— Вспомните, — не ведала его мыслей фрау Турм, — как Наполеон решительно выдвигал и приближал к себе новых людей. Ранее совершенно неизвестных. Именно эти люди оставались затем самыми преданными его последователями. Оглянитесь вокруг себя, фюрер. Разве в вашем окружении есть хотя бы один храбрый офицер, которого вы решительно выдвинули в маршалы или хотя бы в генералы? А сколько их было в окружении Наполеона: молодых, честолюбивых, талантливых и бесконечно преданных!

— Не отвлекайте фюрера непозволительными разговорами, фрау Турм, — не удержался Борман.

---

[75] Исторический факт. Фюрер действительно жаловался одной из машинисток, что вокруг него одни предатели. Свой последний перед самоубийством обед он тоже провел в обществе секретарш и поварихи.

— Но ведь мы же говорим о... Наполеоне! — непонимающе пожала плечами машинистка, искренне верившая в то, что всякое упоминание имени этого французского полководца — свято. Тем более, в кругу военных. — Знаю, что вы, Борман, его не любите.

— Этого француза?! Я — германец.

— Вы вообще никого не любите, — обронила Турм, демонстративно перебирая какие-то бумажки у себя на столе.

— Сейчас мы говорим о Наполеоне, — язвительно напомнил Борман. — О французе, да к тому же корсиканце.

— Не огорчайтесь, Борман, будь вы где-то поблизости Бонапарта, он вас тоже не особенно жаловал бы.

— Оставим в покое тень Бонапарта, — решил фюрер, что за машинистку-бонапартистку пора вступиться. — И хочу, чтобы вы знали, фрау Турм, что вы — единственная в этом подземелье, кому я еще по-настоящему верю и кто способен успокоить меня, — лезвием прошелся он по самолюбию Бормана.

— Не будем об этом, фюрер. К тому же рейхслейтер ждет, как вы распорядитесь судьбой несчастного Геринга.

Вместе с фюрером она взглянула на Бормана. Тот ответил им взглядом, полным ненависти, и поспешил ретироваться.

Когда в тексте своей телеграммы Гитлер дошел до смертной казни, которой заслуживает «государственный изменник» Геринг, секретарша вздрогнула, прекратила печатать и, повернув голову, осуждающе взглянула на... Бормана. Именно на Бормана, хотя руководитель канцелярии и секретарь фюрера пока еще по поводу телеграммы и звука не произнес, а молча и, как могло показаться, смиренно стоял у двери, дожидаясь, пока о нем снова вспомнят.

— Мне так и писать это — о «смертной казни»? — вполголоса уточнила она у Гитлера.

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что это... Геринг!

— Молите Бога, что не Бонапарт! — вполголоса съязвил Борман.

И все же замечание фрау Турм какое-то действие возымело. Фюрер нервно прокашлялся и уже более твердо и настойчиво проговорил:

— Пишите дальше: «...Однако, учитывая ваши, Геринг, многолетние заслуги перед НСДАП и государством, я дарую вам жизнь, хотя и лишаю вас всех постов. Гитлер».

Как только Турм отстучала последнюю букву, они вдвоем, словно пойманные на горячем заговорщики, оглянулись на Мартина Бормана.

— Возмутительно! — почти прорычал тот. — Нельзя миловать предателей! Не то время, чтобы проявлять снисходительность к таким врагам рейха, как Геринг.

Дождавшись, пока он выйдет, Адольф и унтерштурмфюрер СС Турм вновь растерянно переглянулись.

— Вы даже не представляете себе, что они способны натворить, — почти прошептала машинистка, — как только почувствуют, что ваш авторитет фюрера иссяк, а ваша воля к власти исчерпана. Обратитесь к Наполеону, фюрер. Вспомните, что вы начинали как ученик Бонапарта. Обратитесь же теперь к его духу. — Вы же видите, кто вас теперь окружает и на что они способны.

— Я чувствую это, — исповедально признал Гитлер. — Мне давно следовало покинуть Берлин. Надо было эвакуироваться вместе с Кейтелем или Герингом. Там, в ставке «Бергхоф», я все еще оставался бы для них всех великим фюрером Великой Германии.

— В Берхтесгадене — да, — сочувственно поддержала его лейтенант войск СС Катарина Турм. — Враги были бы еще далековато, к тому же уходить оттуда было бы легче: в горы, в Аргентину или в Южную Африку. Там у вас было бы много всяких самолетов, из тех, которые откуда угодно взлетают и куда угодно садятся.

— Самолетик, который куда угодно садится!.. Вы правы: теперь нам нужен какой-нибудь легкий самолетик... — пробубнил фюрер, откровенно воспринимая слова машинистки, как подсказку. В эту минуту он подумал о летчике-испытателе Ганне Райч. Уж кто-кто, а она смогла бы выдернуть его отсюда, даже если бы русские уже были в двух кварталах от рейхстага. — Так может, действительно?..

— Вы подумали о ком-то, кто мог бы увезти вас отсюда? — как можно доверительнее спросила машинистка, но тоже вполголоса.

— Подумал.

— Я знаю, кого вы имели в виду.

— Не знаете, — покачал головой Гитлер. Он сидел рядом с ней, упершись локтями в колени, с низко опущенной головой, в позе беспредельно уставшего и окончательно разуверившегося человека.

— Ту летчицу, которую Вернер Браун чуть не посадил смертницей в одну из своих погибельных ракет.

— Браун действительно хотел это сделать?! — отшатнулся Гитлер, забыв, хотя бы ради приличия, уточнить, о ком она ведет речь.

— Нет, заставить Ганну Райч он не решился бы, но пытался сыграть на ее самолюбии.

— Странно. Почему я об этом не знаю? Я бы категорически...

— Вы многого не знаете, фюрер, — простодушно просветила его унтерштурмфюрер. — Слишком многого. Но, возможно, в этом ваше спасение.

— Наверное, так оно и есть, — неожиданно признал вождь.

— ...Но в этом только ваше спасение, — храбро уточнила Турм, — а не спасение Германии.

Гитлер ничего не ответил, и Катарина с опаской взглянула на него, пытаясь выяснить, не слишком ли обиделся.

— Мне давно нужно было выбраться из Берлина, — почти ритуально молвил Гитлер, словно произносил заклинание. — Давно, давно надо было. Вместе с Герингом и всеми прочими... Там у меня было бы больше свободы для маневра, там я еще не чувствовал бы себя... руководителем страны, — запнулся он на слове «фюрером».

— А главное, в вашем распоряжении все еще оставался бы тот самый офицер со шрамами, который когда-то, и тоже в горах, спас Муссолини. А потом швырнул к вашим ногам труса и предателя, этого... венгра, — с какой-то особой, женской брезгливостью произнесла она это свое «венгра», — адмирала Хорти.

— Со шрамами, да... — машинально повторил Гитлер. — Оберштурмбаннфюрер Отто Скорцени.

— Напрасно вы оттолкнули от себя этого офицера со шрамами, фюрер, — настойчиво избегала Турм слов «мой». — В страшные минуты жизни таких людей, как он, нужно держать при себе.

— Он выполняет мое задание.

— Значит, не то выполняет. У него теперь должно быть одно задание: спасти своего фюрера. Если кто-то в трудную минуту и способен выручить, так это они, такие решительные и отчаянные люди, как этот, со шрамами, — назидательно произнесла унтерштурмфюрер СС. — Вот кого вам следовало сделать своим фельдмаршалом, фюрер. Вместо некоторых других, продажных.

— Он тоже может предать, — так и не вдохновился ее доверием фюрер.

— Но ведь оставался же преданным в самые трудные минуты.

— Раньше — да, оставался. Тогда они боялись меня. А теперь, когда все почувствовали, что рейх оказался на грани краха...

— Этот не предаст.

— Вы что, близко знакомы со Скорцени?

— Близко вообще не знакома. Газеты, радио, приказы.... Словом, наслышана. Только я вам вот что скажу, фюрер: люди с такими шрамами, как у него, — не предают. Уж поверьте моему чутью.

Фюрер смотрел на свои дрожащие руки и молчал. Однако Турм почувствовала, что думает он сейчас не об офицере со шрамом. Скорее всего, вообще ни о чем не думает, просто замер в своем страхе, как в коконе.

— Еще не так уж и поздно, — вдруг решительно проговорил Гитлер, поднимаясь с приставного стула, сидя на котором, обычно диктовал машинистке. — Я немедленно вызову его сюда.

— Офицера со шрамами? — почему-то упорно не желала называть обер-диверсанта по фамилии.

— Почему... со шрамами? Генерал-полковника Грейма, — сказал Гитлер, глядя куда-то в потолок и уж явно обращаясь не к фрау Турм. Это были размышления вслух. — Его и Ганну Райч. Двоих прекрасных пилотов и полностью преданных мне людей.

Он опустил глаза и вдруг заметил, что, глядя на него, машинистка медленно покачивает головой.

— Что? — не понял он.

— Они не выпустят вас, — повела она подбородком в сторону двери.

— Кто... не выпустит?

— Они! Эти, которые сейчас вокруг вас. Просто так они вас отсюда, из своих рук, уже не выпустят, — едва слышно, почти не шевеля губами, произнесла фрау Турм.

— Почему вдруг вы решили, что не выпустят?!

— Приказ у них такой, — передернула плечами.

— Чей... приказ? — тоже шепотом спросил Гитлер. — Я спрашиваю, унтерштурмфюрер Турм: чей приказ? Гиммлера? Деница?

— Не их, вообще не наших.

— *Я не выдам вас.*

— ...Не наших это приказ, фюрер, не германцев, и не земных. Очевидно, тех, кто когда-то отдавал нам приказы через вас, фюрер. Возможно, оттуда, из Антарктиды. Только я вам этого не говорила, фюрер. Я всего лишь секретарша, машинистка-стенографистка; я не могла знать такого...

Гитлер почти испуганно взглянул на нее и точно так же попятился к двери, как совсем недавно пятился Борман. Ему даже в голову не могло прийти, что эта выцветшая, увядающая блондинка обладает такими сведениями и способна выдвигать такие предположения.

Фюрер, конечно же, поверил ей; поверил искренне, с той обреченной отчаянностью, с какой обычно верят единственной сострадающей душе, случайно открывшейся в стане врагов.

Но именно эта доверительность и порожденный словами машинистки-эсэсовки страх перед Борманом и его единомышленниками заставили фюрера как можно быстрее, ни с кем по пути не общаясь, добраться до своего кабинета и тотчас же вызвать адъютанта Йоганмейера.

— Нам известно, где сейчас находится командующий 6-м воздушным флотом генерал-полковник Риттер фон Грейм?

— Так точно, в Мюнхене. Два дня назад он звонил по поводу поддержки его флотом армейской группы фельдмаршала Шернера, базирующейся в Богемии. Фельдмаршал недоволен тем, что Грейм выделяет все меньше машин для поддержки его группы армий с воздуха.

— Не о Шернере сейчас речь, майор.

— Я и говорю: Грейм объяснил фельдмаршалу, что, выполняя ваш приказ, он направляет свои эскадрильи на прикрытие подступов к Берлину с юга и юго-востока. Недоволен им и генерал-полковник Рендулица, командующий группой армий, дислоцирующихся в Моравии, который получает еще меньшую поддержку и считает...

— Достаточно, майор, — хлопнул ладонью по краю стола Гитлер. — Лучше бы эти группы армий находились сейчас здесь, под Берлином.

— Но перебрасывать их сейчас к Берлину уже невозможно, они потеряют прекрасные позиции...

— Я спросил вас, знаете ли вы, где в данный момент находится генерал Грейм! — заорал Гитлер. — Так знаете или нет?! Вы способны отвечать на мои прямые, элементарные вопросы?! Или отправить вас командовать штурмовой группой на окраину Берлина?

— Я сейчас же попытаюсь связаться с ним по радио, — понял свою оплошность Йоганмейер.

— И передайте мой приказ: во что бы то ни стало прибыть сюда на самолете. Как можно скорее.

— На самолете? — растерянно уточнил майор-адъютант, но тотчас же опомнился: — Впрочем, как прикажете.

— И пусть захватит с собой Ганну Райч.

— Не так-то просто будет найти ее сейчас.

— Я издаю приказы для того, чтобы их выполняли, а не комментировали. Вы слышите меня, адъютант, выполняли!

— Так точно, мой фюрер, — невозмутимо согласился Йоганмейер. — Приказ должен быть выполнен.

— Если фрау Райч оказалась рядом с Герингом, пусть Грейм немедленно отзовет ее в свой штаб.

Майор был уверен, что Гитлер давно и безнадежно влюблен в эту хрупкую с виду, но беспредельно храбрую летчицу-испытательницу, а посему прекрасно понимал, что скрывается за его словами: «Если фрау Райч оказалась рядом с Герингом».

— Грейм отзовет ее, мой фюрер. Я так и передам. Райч не должна находиться сейчас рядом с предателем.

— И согласовывать свой прилет с Герингом генерал не обязан, точнее, вообще не должен.

— Не должен? Будет передано, мой фюрер. Я попыта... простите, я, конечно же, разыщу генерала.

Гитлер даже предположить не мог, что как раз в эти минуты Борман вызвал в свой отсек штандартенфюрера СС Цандера, который был его советником по связям с гестапо, военной разведкой и СД, и велел немедленно связаться со штабом войск СС в Берхтесгадене, чтобы передать приказ: Геринга, его штаб и на-

чальника канцелярии ставки Ламмерса арестовать, предъявив им обвинение в государственной измене.

Записав этот приказ в свой блокнотик, Цандер на какое-то время впал в полное оцепенение. И не выходил из этого состояния, пока Борман не наорал на него.

Когда же о нем узнал Йоганмейер, то, вместо того, чтобы немедленно броситься к фюреру и доложить о происходящем, лишь саркастически хмыкнул. Теперь он прекрасно понимал, что фюрер понятия не имел о том, сколь близко подступилась к нему измена. Как со стороны Геринга, так и со стороны Бормана.

— Вы намерены доложить о моем приказе фюреру? — без обиняков поинтересовался Борман, узнав об этой случайной утечке информации.

— Наверное, не стану.

— Почему? — заинтригованно спросил рейхслейтер.

— Порой у меня создается впечатление, что фюрер слишком устал

— Что-что?! — подался к нему Борман с таким видом, словно услышал нечто совершенно немыслимое.

— Фюрер настолько устал, что, очевидно, не в состоянии воспринимать реальность всего происходящего даже здесь, в стенах рейхсканцелярии, не говоря уже о событиях за ее пределами.

— «Фюрер устал!» Прекрасно сказано, Йоганмейер, прекрасно! — повертел по-бычьи массивной головой Мартин Борман. — Стоит ли тревожить его по каким-то пустякам... нашего безнадежно уставшего фюрера?

И докладывать Йоганмейер действительно не стал. К чему беспокоить и без того уставшего фюрера?

42

Апрель 1945 года. Германия. Ставка рейхсмаршала Германа Геринга в Баварских Альпах, в районе Берхтесгадена.

Около часа Геринг провел в изнуряющем ожидании. Он уже несколько раз предпринимал попытку представить себе фюрера читающим его телеграмму; старался мысленно увидеть выра-

жение его лица, услышать его голос, уловить его внутреннюю и внешнюю реакцию.

Однако после каждой такой провидческой попытки на душе у него становилось все тревожнее и тревожнее; какое-то внутреннее чутье подсказывало ему, что у фюрера его верноподданнически составленная телеграмма вызвала совершенно иные чувства, нежели те, на которые он рассчитывал.

Рейхсмаршал пробовал перечитывать какие-то бумаги, которые случайно попали ему под руки, однако понять их смысл он так и не смог.

Несколько раз Геринг подходил к окну-бойнице, но теперь уже «горная гробница» не производила на него абсолютно никакого впечатления; затянутая плотной сероватой дымкой, она казалась невыразительно далекой и пронизывающе холодной.

Когда ожил телефон, Геринг в очередной раз оторвал взгляд от «горной гробницы» и метнулся к столу. Он был почти уверен, что звонят из рейхсканцелярии, возможно, на проводе сам фюрер. Однако не был слишком уж разочарован, когда услышал в трубке:

— Это майор Эрих Хартманн. Извините, что осмелился побеспокоить.

— Вы правильно сделали, что осмелились. Как вы там?

— Почти безнадежно. Я только что вернулся из задания, во время которого сбил свой 349-й самолет; кстати, это был новейший русский истребитель Як-11, и я сбил его уже в небе Берлина.

— Я рад за вас, Хартманн, и даже не стыжусь того, что откровенно завидую вам. Дай-то Бог выпить по рюмке коньяку за ваш сбитый 350-й. А вы, майор Хартманн, достойны такой победы, потому что вы —лучший пилот-истребитель Второй мировой войны.

— Мне приятно слышать это от лучшего германского пилота Первой мировой.

— Но всего лишь германского, как вы совершенно справедливо заметили, майор Хартманн. А вы — лучший истребитель вражеских самолетов Европы и всего мира. И это уже доказанный факт, хотя война еще не завершена. Но вы позвонили не только для того, чтобы сообщить о своей очередной победе в воздухе, правда?..

— Здесь, в штабе полка, всякое говорят... Вот я и решил убедиться, что у вас все хорошо, просто командуете теперь не из Бер-

лина, а из Берхтесгадена. Но это еще ни о чем не говорит, так ведь, господин рейхсмаршал?

— Ни о чем, — рассеянно подтвердил рейхсмаршал. — Теперь моя ставка здесь. И это уже окончательно. Кстати, что именно... говорят, майор Хартманн?

Майор немного замялся. Геринг знал этого парня, как знал и то, что в кабине своего «мессершмита-109» он всегда чувствовал себя увереннее и смелее, нежели в кабинетах начальства. Он, Геринг, сам всячески пытался сблизиться с Хартманном, из уважения к его истребительскому таланту, от осознания того, что этот пилот очень напоминает его самого в начале его летной карьеры.

— Всякое говорят, господин рейхсмаршал, но в основном то, что вызывает опасение. Поэтому офицеры штаба и попросили меня связаться с вами. Так что будьте осторожны и еще... помните, что в горах пилоты чувствуют себя так же уверенно, как и в небе. Надеюсь, вы понимаете меня, — многозначительно произнес лучший ас рейха и, не попрощавшись, положил трубку.

«А ведь Хартманн позвонил только для того, чтобы предупредить, что по штабам воздушных армий уже гуляют слухи о моем аресте, — подумал Геринг, все еще глядя на телефонную трубку, словно ждал, что она вновь оживет. — И намек на то, что в горах пилот чувствует себя не хуже, чем в небе, — тоже прозрачен. Это совет: пора бежать, пора скрыться где-то в горах. Рейхсмаршал Геринг — скрывающийся в одной из пещер Баварских Альп! Ничего не скажешь: достойное завершение карьеры лучшего аса Первой и главнокомандующего люфтваффе во Второй мировой!

Нет, на это я не пойду! Хотя прав был адъютант Инген: нужно было перебросить сюда несколько десятков моих авиаторов, чтобы уберечь себя от какой-либо неприятной неожиданности. Личная охрана рейхсмаршала люфтваффе, сформированная из лучших асов рейха: Герда Баркхорна, Гюнтера Ралля, Отто Киттеля, а еще — Новотного, Рудорфера, Штайнхофа![76] Уж эта ас-гвардия запомнилось бы миру надолго. И выглядело бы похлеще, нежели

---

[76] Герд Баркхорн, завершил войну, имея на своем счету 301, Гюнтер Ралль — 275, Отто Киттель — 267, Новотный — 258, Рудорфер — 222, Штайнхоф — 176 сбитых самолетов противника. Еще 104 пилота рейха имели на своем счету более 100 сбитых самолетов, а следовательно, были награждены Большим крестом за «сотый сбитый».

старая гвардия Наполеона. Впрочем, теперь уже вызывать кого-либо поздно. Поэтому, будь что будет!»

Если бы Хартманн вдруг позвонил еще раз, единственное, что он услышал бы от него, Геринга, — это пожелание продержаться еще пару недель, а значит, дожить до полного окончания войны.

«Хартманн, может, и дотянет до судного дня рейха, — поиграл желваками рейхсмаршал, — может, ему, везунчику, Богом хранимому, и на сей раз повезет[77], а вот что будет с тобой, Герман Геринг?»

Словно бы подтверждая его сомнения, в кабинете появился генерал Коллер.

— Господин рейхсмаршал, только что я беседовал с адъютантом фюрера.

— Вам это удалось?! — оживился Геринг.

— У нас с ним сохранились хорошие отношения. Он сообщил, что поначалу фюрер воспринял вашу телеграмму более или менее спокойно. Так, немножко побушевал по поводу вашей поспешности, однако в конце концов заявил: «Однако переговоры о капитуляции пусть Геринг все же ведет».

— В таком случае мы спокойно можем налаживать контакты с американцами, которые уже находятся довольно близко отсюда.

— Не все так просто, господин рейхсмаршал. Дело в том, что Борману не понравилась такая реакция фюрера, и он сумел убедить его, что за вашей телеграммой скрывается, как он выразился, предательская попытка захватить власть в свои руки, а сама телеграмма по существу является наглым ультиматумом, посредством которого вы пытаетесь вырвать власть из рук фюрера.

— Каким еще ультиматумом?! — перехватило дыхание у Геринга.

— Я всего лишь повторил то, что услышал от адъютанта фюрера, — раздраженно напомнил ему Коллер.

---

[77] Эрих Хартманн дожил до окончания войны, а затем, уже в военно-воздушных силах ФРГ, дослужился до звания полковника. Согласно завещанию Хартманна хоронили его, полковника в отставке, лучшего аса Второй мировой, в гражданской одежде, без наград и почетного караула. Таковой была его воля. Кстати, в 1941 года он был сбит над Кавказом, но бежал из плена во время конвоирования и, благодаря знанию русского языка, сумел добраться до своих.

— Но там не содержится даже намека на ультиматум, — едва слышно проговорил Геринг, не опускаясь, а буквально падая в кресло, и в какое-то мгновение Коллеру вдруг показалось, что тучного, до предела побагровевшего рейхсмаршала вот-вот хватит апоплексический удар.

— Я согласен с вами, господин главнокомандующий люфтваффе, — как можно убедительнее произнес генерал, впервые за все время их знакомства опасаясь не гнева рейхсмаршала, а его беспомощности.

— Нет там никакого ультиматума! Вы ведь читали текст этой телеграммы, генерал Коллер! И доктор Ламмерс ее тоже читал.

— Однако предназначалась она не нам, а фюреру, который обязан был читать ее внимательнее нас всех, — безжалостно напомнил генерал, прекрасно понимая, что в эти минуты Геринг нуждается хоть в каких-то словах поддержки. — А еще ее читали Борман и, что самое страшное, Геббельс.

— Но вы-то объяснили адъютанту фюрера, что мою телеграмму следует воспринимать совершенно по-иному?

— В сложившейся ситуации он уже ничего не решает. Борман и Геббельс никого не подпускают к фюреру. У адъютанта сложилось впечатление, что они не позволят фюреру вырваться из бункера, пресекут любую его попытку выехать из Берлина.

— Он так прямо и заявил об этом?!

— Скорее намекнул. Но довольно прозрачно.

Геринг растерянно смотрел на генерала. Потеряв нить своей мысли, он не знал, как ему продолжить этот разговор, как реагировать на совершенно выбившее его из состояния равновесия сообщение Коллера.

— Итак, эти мерзавцы сумели убедить фюрера, что моя телеграмма — ультиматум и что, якобы, я пытаюсь захватить власть. Как вы думаете, последует какой-то письменный ответ фюрера?

— Последует, — отчеканил генерал. — Причем очень скоро. Они заставят фюрера излить в телеграмме весь свой гнев. Тем не менее я думаю, что вам не следует дожидаться появления телеграммы фюрера.

— Почему... не следует? Вы можете выражаться яснее, генерал?

— Когда она появится, у вас уже не будет времени на спасение.

— На спасение?! Речь уже должна идти о моем спасении?!

— Что вас так удивляет, господин рейхсмаршал?! Да, о спасении. Борман наверняка прикажет местному отделению гестапо или командованию местной части СС арестовать вас. Ему не нужен такой опасный конкурент на пост преемника фюрера, каковым являетесь вы. А посему я скажу вам то, чего не решался сказать раньше: вам вообще не следовало посылать эту свою телеграмму фюреру. Я дословно передал вам сказанное Гитлером в присутствии многих официальных лиц. Этого было достаточно, чтобы, имея юридическое толкование начальника канцелярии ставки Ламмерса, спокойно действовать в рамках полномочий наместника фюрера.

— Почему же вы не сказали этого раньше?

— Потому что раньше вы не хотели и не готовы были слышать подобные советы. И вот вам еще один мой совет, которого вы тоже не пожелаете услышать. Но уж так и быть. Полагаю, вам следует уходить, господин рейхсмаршал. Причем делать это следует немедленно.

— Куда... уходить? — ошарашенно спросил Геринг.

— Куда угодно: к американцам, в горы, на квартиру к каким-то знакомым, у которых никому не придет в голову искать вас. Неужели вы до сих пор не задумывались о том, где, в какой лисьей норе, вам придется отсиживаться, когда рейх окончательно рушится?!

Угрожающе медленно поднимаясь из-за стола, Геринг неотрывно смотрел на Коллера. Вот только былого страха перед некогда всемогущим патроном своим Коллер уже не ощущал.

— Я так понимаю, генерал, что вас попросту подговорили, чтобы вы спровоцировали меня на побег, на отказ от ведения переговоров...

— Вы так же неверно поняли меня, как и фюрер — вас, — с неистребимой солдатской простотой объявил Коллер.

В ту же минуту дверь отворилась, и на пороге восстал адъютант рейхсмаршала майор Инген.

— Господин рейхсмаршал, телеграмма из ставки фюрера!

— Ну и давайте ее, — как можно безразличнее попытался произнести рейхсмаршал.

— Но предупреждаю, что она крайне неприятна для вас, господин... Геринг, — впервые за все время службы в должности адъютанта обратился он к своему командиру не по чину, а по фамилии. И для рейхсмаршала, как, впрочем, и для генерала Коллера, это не осталось незамеченным.

«Геринг, — прочел рейхсмаршал, чувствуя, что буквы расплываются у него перед глазами, а руки неудержимо дрожат, — Вы предали меня и предали Германию, Геринг. Как предатель, вы заслуживаете смертной казни. Однако, учитывая Ваши долголетние заслуги перед НСДАП и государством, я дарую вам, Геринг, жизнь, но при этом лишаю Вас Вашего чина и всех занимаемых Вами постов. Адольф Гитлер».

— Но это... несправедливо, генерал, — с трудом проговорил Геринг, чувствуя, что силы окончательно покидают его. — Фюрера неверно информировали, это же очевидно. Он неправ.

— Это кто, фюрер неправ? — не без ехидства уточнил Коллер, зная, каким фюреропочитателем представал Геринг еще несколько минут назад. — А ведь до сих пор фюрер всегда был прав. Даже в тех случаях, когда неправота его была очевидной.

Подойдя к столу, генерал бесцеремонно взял выпавшую из рук рейхсмаршала телеграмму, прочел ее содержимое и, ухмыльнувшись, положил на стол.

— Что вы на все это скажете, генерал? — с надеждой спросил Геринг, уже не скрывая, что хотел бы услышать от генерала хоть какие-то слова поддержки. И вновь вцепился взглядом в текст телеграммы.

Однако на сей раз Коллер попросту не ответил. Мало того — когда Геринг поднял глаза, то почувствовал, что генерал смотрит на него с абсолютным безразличием, как смотрят на того, кто уже ничего собой не представляет. Да, еще недавно Геринг был его кумиром, но теперь этот кумир развенчан и унижен. И генерал не мог скрыть, что унижение кумира оскорбляет его личные чувства, его гордыню.

— ...Теперь я скажу только то, что следует из телеграммы фюрера. А из нее следует, что фюрер разжаловал вас и лишил всех ранее занимаемых постов, — бесстрастно констатировал Коллер с чувством явного превосходства; в конце концов, самого его не разжаловали и не лишили... — Это очень серьезно. Если американцы узнают о решении фюрера — а они о нем так или иначе

узнают, — они не станут вести с вами переговоры. А если решатся, Борман или даже сам фюрер немедленно уведомит, что они говорят с человеком, не имеющим никаких постов и никаких полномочий, поэтому переговоры с ним не будут иметь никаких военно-политических последствий.

— Никаких военно-политических последствий! — покачал головой Геринг. — Вижу, вы зря времени в ставке не теряли. Риббентропа наслушались. В дипломаты подались.

— Пожалуй, мне пора, господин Геринг. Дела, знаете ли. Думаю, что уже сегодня фюрер назначит нового главнокомандующего военно-воздушными силами. Попробую выяснить у адъютанта, кого именно.

— Подождите, Коллер! — вдруг яростно взревел Геринг. — Куда вы торопитесь?! Что ж вы так подло предаете меня?!

Коллер уже повернулся было спиной к экс-рейхсмаршалу, но, услышав это обвинение, вздрогнул, словно от выстрела в спину.

— Что еще вы хотите услышать от меня, господин Геринг? — медленно и совершенно не по-армейски поворачивался он к тому, кого еще недавно считал своим благодетелем и покровителем.

— Что, на ваш взгляд, мне теперь следует делать?

«Да этот толстяк окончательно струсил! — констатировал про себя Коллер. — Он растерялся и запаниковал». Однако, насладившись осознанием беспомощности экс-рейхсмаршала, генерал тотчас же приструнил себя: «Не обольщайся. На его месте ты повел бы себя точно так же».

— Если вам нужен мой дружеский совет, то вы его уже получили: вам немедленно следует бежать, исчезнуть, скрыться.

— От кого?

— То, что вы прочли в телеграмме, — это всего лишь воля фюрера.

— Всего лишь?

— Вот именно: всего лишь. Но мы еще не знаем, что предпримет Борман.

— Борман ничего не станет предпринимать, не получив указания Гитлера.

Генерал нервно и явно вызывающе рассмеялся. Это был первый случай в практике его общения с Герингом, когда он решился вот так, нагло, рассмеяться ему в лицо, осмеять его слова, его мнение.

– Скорее всего, Борман или сразу же попытается убить вас, или, для начала, прикажет арестовать. И вряд ли для этого ему понадобится согласие Гитлера или кого бы то ни было другого, скажем, Гиммлера.

– Вы все слишком усложняете, генерал, если бы меня хотели арестовать...

– Извините, господин Геринг, но, по-моему, вы так до сих пор и не поняли, создателем какого режима вы стали. И не дай нам Бог познать его особенности на себе, — проговорил генерал, с подозрением прислушиваясь к странному шуму, доносившемуся с первого этажа. — И вообще, позвольте мне на этом откланяться. Время, знаете ли.

Однако откланяться Коллер так и не успел. Как только он дошел до двери, она вдруг распахнулась, и на пороге восстал адъютант Геринга майор Инген.

– Там внизу — эсэсманы! — прокричал он.

– Ну и что? — не понял Геринг

– Они оцепляют здание! Наша охрана арестована. Всем офицерам они предъявляют обвинение в государственной измене! Поговорите с ними, господин...

Договорить он не успел. Два рослых эсэсмана затолкали его в кабинет Геринга, а вслед за ними, со стеком в руке, появился оберштурмбаннфюрер, которого никто из арестованных в Берхтесгадене раньше не видел.

– Я — оберштурмбаннфюрер Франк, командир отряда СС, которому поручена охрана ставки фюрера[78]. — Невысокого роста, не в меру широкоплечий и с ногами прирожденного кавалериста, он говорил, высоко вскидывая подбородок и поджимая губы, и вообще держался напыщенно, чем-то неуловимым напоминая Герингу дуче Муссолини. Во всяком случае, манера поведения была та же.

– Что вам здесь нужно, подполковник? — умышленно перевел его эсэсовский чин в общеармейский генерал Коллер, однако Франк попросту не обратил внимания на его вопрос.

– Это вы — бывший рейхсмаршал Геринг? — ткнул он стеком в сторону несостоявшегося наместника фюрера, чуть ли не каса-

[78] Исторический факт Геринг действительно был арестован оберштурмбаннфюрером Франком, начальником эсэсовской охраны ставки, получившим соответствующий приказ Бормана.

ясь его мундира. И, не дожидаясь ответа, уведомил: — Вы, Геринг, а также этот генерал, имени которого я не знаю и знать не хочу, как, впрочем, и все ваши адъютанты, порученцы и весь ваш штаб, все до единого — арестованы!

Геринг стоял перед ним навытяжку, с багровым лицом и глазами навыкате, и обреченно, униженно молчал

— Позвольте, но по чьему приказу вы действуете?! — возмутился вместо него Коллер, поняв, что экс-рейхсмаршал попросту парализован.

— Да Бормана, по чьему же еще можно теперь действовать? — вальяжно ответил Франк.

— Я являюсь представителем люфтваффе при главной ставке фюрера. Если вы не прекратите этот спектакль...

— ...То что произойдет, генерал? Нет, действительно, что тогда произойдет? — оскалился он в хищной ухмылке. — Реки выйдут из берегов? Альпы рушатся?

— Я немедленно свяжусь с фюрером!..

Поначалу Франк лишь едва слышно хихикнул, затем рассмеялся и наконец, заражаясь собственным смехом, разразился настоящим хохотом. Коллер так и не понял: то ли подполковник действительно так неудержимо завелся, то ли в нем вулканически взрывался поугасший было талант провинциального актера.

— Напомню вам, бывший генерал, что, начиная с июля 1944 года, спектакли с участием предателей фюрера и Германии мы обычно устраиваем на Принц-Альбрехтштрассе[79].

— Но я — генерал, и только фюрер вправе...

— Мне наплевать на то, кем вы были раньше, — торжествующе ухмыляясь, произнес оберштурмбаннфюрер, делая ударение почти на каждом слоге, словно учитель младших классов. — С этой минуты все вы — государственные изменники, а значит, уже никто. Но, учитывая ваши былые заслуги, генерал, — провел полковник СС стеком по увешанной наградами груди Коллера, — сообщу: мы действуем по личному приказу Бормана, поступившему

---

[79] В Берлине, на Принц-Альбрехтштрассе, располагалось Главное управление имперской безопасности. Именно туда отправляли участников заговора против фюрера (20 июля 1944 года), арестованных в здании Верховного командования вермахта на Бендлерштрассе, которое было штабом заговорщиков.

из главной ставки фюрера. Этим приказом мне было велено арестовать бывшего маршала Великого германского рейха[80] Геринга, объявленного фюрером государственным изменником.

— У вас имеется письменный приказ? — дрожащим голосом поинтересовался Геринг. Разве мог он признаться кому-либо, что, даже находясь на вершине власти и славы, панически боялся гестапо?!

— ...И, как я уже сказал, — проигнорировал его излишнее любопытство оберштурмбаннфюрер СС, — все вы обвиняетесь в государственной измене. Кстати, кто такой, — брезгливо поморщился он, — этот самый доктор Ламмерс? Он где-то здесь, в здании?

— Нет, он в ставке фюрера «Бергхоф», — ответил вместо генерала майор Инген. — Кстати, господин Ламмерс является начальником рейхсканцелярии, а также канцелярии ставки фюрера.

— Об аресте этого мерзавца поступил особый приказ заместителя фюрера господина Бормана. В этом приказе так и сказано: «... И немедленно арестуйте этого мерзавца Ламмерса». А, в отличие от вас, господа предатели рейха, мы приказы высшего командования выполняем самым надлежащим образом.

— Но ведь Борман не имеет права отдавать подобные приказы, — наконец-то прорезался голос у Геринга. — Фюрер, очевидно, не знает о них.

— Все приказы, которые поступают в эти дни из бункера рейхсканцелярии, исходят только от самого фюрера, — назидательно объяснил ему эсэсман. — Даже если фюрер и не догадывается о них!

43.

Март 1945 года. Германия. Замок Викинбург, ставка «фюрера подводных лодок» гросс-адмирала Карла Деница.

К тому времени, когда слово взял Консул, бригаденфюрер Ропп и обергруппенфюрер Мюллер уже покинули замок. Ропп — потому, что ему разрешили быть свободным, а Мюллер отпросил-

[80] В свое время особым указом фюрера Герингу был присвоен особый титул — маршал Великого германского рейха, которого не был удостоен никто иной из маршалов. Такое выделение Геринга всегда раздражало Бормана, чувствовавшего в нем своего соперника.

ся у Гиммлера, заявив, что ему нужно быть в Берлине и готовиться к докладу фюреру.

— К докладу фюреру. Конечно же, к докладу фюреру... — безынтонационно как-то повторил Гиммлер, выслушав его объяснение, и непонятно было: поверил он обер-гестаповцу рейха или, как всегда, когда речь заходила о Мюллере, подверг сомнению.

Что касается Скорцени, то он не сомневался, что это бегство из замка заговорщиков, выражаясь словами Шелленберга, — очередная «пакостная хитрость Мюллера», и в то же время не понимал, как можно отказываться от возможности пообщаться с человеком из иной цивилизации, по существу из иного мира.

— Вы уж тут без меня посовещайтесь, друзья мои, — молвил шеф гестапо Кальтенбруннеру, прощаясь. Гестаповский Мюллер давно завоевал себе право обращаться к своим начальникам с той же бесцеремонностью, как и к подчиненным. — А старина Мюллер выполнит тот приказ, который получит. Хотя, как я понимаю, в антарктической Рейх-Атлантиде воссоздание гестапо как такового не предусматривается.

— Что станет величайшим благом для нее, — заметил гроссадмирал Дениц.

— Грустно шутите, Дениц? Вам бы только задеть старика Мюллера за живое.

Прежде чем дать согласие на уход обер-гестаповца, Кальтенбруннер взглянул на Гиммлера, и лишь когда тот согласно кивнул, сказал:

— О задачах гестапо в осуществлении операции «База-211» вас, господин Мюллер, уведомят. — И тотчас же, вслед за Гиммлером, демонстративно уставился на Консула. Остальные последовали его примеру.

Консул поднялся, подошел к столу с противоположной от Гиммлера стороны и остановился там — рослый, по-эллински красивый, уверенный в себе.

— Я хочу знать, господин Гиммлер, находятся ли в этом зале люди, которые действительно готовы взять на себя ответственность за судьбу рейха, за исход его последних дней здесь, в Германии?

— Здесь находятся именно такие люди.

— Эти люди, — обращался он в рейхсфюреру так, словно никого из тех людей, о которых шла речь, в зале не было, — действительно осознают, к какой стадии разрушения и уничтожения пришли их страна и их народ?

— Да, они осознают.

— Они осознают, что все то, что они сейчас услышат, как и те решения, которые здесь будут приняты, подлежат обету вечного молчания? — уточнил Консул.

— Полагаю, что осознают.

Консул Внутреннего Мира выдержал паузу, при которой так и не встретился взглядом ни с одним из участников совещания, ибо взгляд его был обращен куда-то вдаль, в никуда, и продолжал:

— Все ли из присутствующих здесь готовы пожертвовать собой во имя сотворения Четвертого рейха как естественного наследника вашего Третьего рейха? Предупреждаю: это вопрос принципиальный.

Гиммлер и Борман переглянулись и вместе перевели взгляд на гросс-адмирала.

— Я всегда считал, что флот служит не Гитлеру, а Германии, — пожал плечами Дениц. — Гитлер — всего лишь олицетворение власти гибнущего рейха.

— И потом, что еще можно закладывать на руинах Третьего рейха, — поддержал его Кальтенбруннер, — как не фундамент рейха Четвертого?

— ...Дьявол меня расстреляй! — завершил его мысль Скорцени.

— Продолжайте, господин Консул, — молвил Гиммлер. — Мы — именно те люди, на которых вы можете положиться.

— В таком случае дальнейшие наши действия должны быть такими. Если фюрер решит, что долг обязывает его до конца, до последней возможности, до последнего защитника рейхсканцелярии оставаться в своем бункере, то у него будет только один достойный выход — уйти из жизни, приняв капсулу с ядом или выстрелив себе в висок. Как вы думаете, господин Борман: готов ли фюрер принять решение до конца оставаться на своем посту, а затем уйти из жизни, как подобает истинному фюреру?

Борман почему-то поднялся, но затем, осознав, что перед ним не фюрер и даже не Гиммлер, вновь сел; нервно как-то облоко-

тился на стол и так же нервно убрал оттуда локоть, чтобы столь же безуспешно попытаться по-наполеоновски скрестить руки на груди. Но при всех этих жестах и движениях выражение лица у него оставалось по-идиотски наивным.

— Уверен, что он примет именно такое решение, — наконец произнес руководитель канцелярии фюрера, болезненно ощущая на себе гипнотизирующий взгляд Посланника Шамбалы.

— Почему вы так решили? — опередил Консула рейхсфюрер СС.

— Я уже неоднократно пытался выяснить его намерения, называя сроки и пути возможного ухода из Берлина. При этом я предлагал ему различные виды транспорта: от самолета до субмарины. Он сомневается, да, не скрою, сомневается... Но, скорее всего, чувство долга заставит его и впредь лично руководить обороной Берлина...

— Однако фюрер уже давно не руководит обороной Берлина, — возразил Гиммлер, не дождавшись ни окончания монолога Бормана, ни реакции Консула. — Он уже давно никем и ничем не руководит.

— Сам фюрер так не считает, — резко парировал Борман, но не потому, что пытался защитить Гитлера.

Скорцени хорошо было известно, что партайгеноссе Борман вообще не воспринимал такой формы принятия решений, как обсуждение, и терпеть не мог, когда ему кто-либо возражал, даже если возражающим оказывался обожаемый им Адольф Гитлер.

— В любом случае фюреру нужно помочь в принятии нужного вам решения, — спокойно, но как-то слишком уж твердо и навязчиво прозвучал голос Посланника Шамбалы. — Он действительно будет оттягивать свой отъезд из Берлина, но не потому, что руководствуется чувством долга, а потому, что больше смерти боится... потерять власть. Сила власти прежде всего заключается во власти силы. А фюрер успел познать обе эти власти. Он давно стал пленником власти и молит Господа, чтобы Тот позволил ему уйти в мир иной только вместе со своей властью. Так позволим же ему то, что не способен позволить даже Господь: пусть уходит! Ибо так нужно во имя спасения рейха.

Его слова были выслушаны как смертный приговор, вынесенный их соратнику: угрюмым молчанием, в котором сконцентриро-

валось все, что угодно, — от ужаса до молчаливого отступничества; от сострадания до откровенного предательства.

— Вы, господин Борман, — продолжал тем временем Консул, — до конца должны оставаться в бункере вместе с фюрером. Именно вы должны будете помочь господину Шикльгруберу свести счеты с жизнью, когда станет ясно, что из пленника власти он может превратиться в пленника коммунистов, а значит, в пленника собственного позора. Вы ведь не желаете, чтобы кремлевские коммунисты возили его по городам России в железной клетке как варвара, разрушившего и загнавшего в могилу половину Европы.

— В любом случае я намерен оставаться с ним до последней возможности, — взволнованно объяснил Борман.

«Странно, что Консул не опасается за свою жизнь и даже мысли не допускает, что его попытаются арестовать прямо здесь, как арестовали бы или же прямо здесь, на месте, пристрелили любого, кто осмелился бы столь безжалостно распоряжаться судьбой фюрера, — подумалось Скорцени. — Не иначе как гарантом его безопасности выступает сам Гиммлер. Да и Борман не спешит хвататься за пистолет. Не говоря уже о Денице. Впрочем, — возразил он себе, — Консул и сам способен постоять за себя, и ты был свидетелем этого»[81].

— Когда во дворе рейхсканцелярии ваши враги найдут облитый бензином и сожженный труп фюрера, они засомневаются в том, что покончил жизнь самоубийством именно фюрер, а не один из его двойников. — Консул прошелся по залу, на несколько мгновений остановился у окна, за которым редкие капли весеннего дождя благословляюще окропляли первую листву старинного дуба, и вновь вернулся к огромному овальному столу.

Все присутствующие напряженно следили за каждым его шагом, каждым движением. Скорцени почти физически ощущал, какая мощная и властная энергетика исходит от этого могучего человека. Она совершенно не была похожа на ту струю истеричной нервозности, которую постоянно порождало присутствие фюрера. Обер-диверсант редко предавался психоанализу и с недоверием относился к оккультным изысканиям «аненэрбистов»,

[81] Подразумевается инцидент, возникший во время встречи Посланника Шамбалы с фюрером, описанной в моем романе «Антарктида: Четвертый рейх». — *Автор*.

однако в эти минуты он явственно чувствовал, как от Посланника Шамбалы исходит некая соборная благодать.

— Русские будут прекрасно осведомлены, — продолжал тем временем этот невесть откуда явившийся мессия рейха, — что у фюрера было достаточно времени, чтобы благополучно покинуть и бункер, и Берлин, и Германию, и даже пределы Европы. Кроме того, они не смогут поверить в то, что вы, его соратники по нацизму, не позаботились о спасении своего фюрера.

— Они в такое не поверят, — не удержался Скорцени. Хотел добавить еще что-то, однако, встретившись с гипнотизирующим взглядом Посланника Шамбалы, вновь умолк.

— И лишь немногие из них, — продолжил свой монолог глашатай Шамбалы, — будут понимать, что с некоторых пор создатель учения нацизма Адольф Гитлер стал самой большой помехой для развития рейха и для всемирного распространения идей национал-социализма. Решив, что погиб двойник фюрера, спецслужбы и журналисты стран-победителей ринутся на поиски настоящего фюрера. И настоящий фюрер действительно время от времени будет возникать то в Латинской Америке, то в Африке или Испании, то в какой-то германской глубинке. Но это будет двойник-дублер..Но следует подготовить еще одного двойника, который и будет выступать в роли Гитлера, появляясь то в Рейх-Атлантиде, то в латиноамериканских колониях германских эмигрантов.

— Это уже смахивает на некий «фюрер-пасьянс», — едва слышно проворчал Кальтенбруннер, нервно как-то покачивая головой. — Но раскладывать его так или иначе придется.

— Таким образом, — продолжил свою речь Посланник Шамбалы, — мы выиграем время, необходимое для того, чтобы вырастить генетического двойника фюрера, который, как вам уже известно, существует. Ваш представитель, Рудольф фон Риттер, имел возможность видеть его во время аудиенции у Повелителя Внутреннего Мира Этлэна Великого[82]. Напоминаю, что генетический двойник это ближе к оригиналу, нежели родной сын. Поскольку в рождении сына участвует женщина, существо с иной

[82] Эта аудиенция и встреча с клоном Гитлера, его генетическим двойником, подробно описана в моем романе-версии «Антарктида: Четвертый рейх». — *Автор*.

кровью, иной наследственностью, иной кармой. В то время как генетический двойник фюрера — это продолжение существования самого фюрера, одна из форм его бессмертия. К тому же продолжительность жизни генетического двойника фюрера будет достигать пятисот лет, являющихся средней продолжительностью жизни антарктического атланта.

— То есть я так понял, что со временем германцы Рейх-Атлантиды получат в роли правителя Четвертого рейха генетического двойника фюрера?! — оживился Борман, единственный из присутствовавших, кто до сих пор то ли не знал о существовании во Внутреннем Мире генетического двойника фюрера, то ли попросту не придавал ему значения.

— Но это уже будет вождь с иной психикой, иным характером, иными взглядами на будущее арийской расы и арийской цивилизации, — объяснил Консул. — Причем этого не следует опасаться, поскольку и править ему, извините, придется уже не германцами-гитлеровцами, а настоящими арийцами, именующими себя арий-атлантами.

— Главное, что во главе Четвертого рейха будет стоять фюрер Адольф Гитлер, пусть даже это будет уже Адольф Гитлер Второй! — эйфорийно воскликнул Борман.

— А каковой окажется судьба остальных руководителей рейха? — спросил Кальтенбруннер, мгновенно разрушая атмосферу призрачного воодушевления. — Как вести себя им?

Однако отвечать на этот вопрос Борман не мог, да и не пытался. Он тотчас же перевел взгляд на Консула. Остальные последовали его примеру.

«А ведь идеальное решение судьбы рейха заключается в том, чтобы провозгласить фюрером этого красавца из Шамбалы или откуда он там... — подумалось Отто Скорцени. — Неужели никто не понимает этого? Может быть, сама судьба послала его нам, неведомые Высшие Силы? И потом, почему самому Посланнику Шамбалы не приходит в голову такая политическая комбинация?»

— Если кто-то из вас или из других известных миру высокопоставленных лиц решится убегать, то он должен знать, что за ним, его семьей, а также ближними родственниками спецслужбы и мстители-одиночки из стана победителей будут охотиться по всему миру. Но даже если вы на это решитесь, то обязаны подставить

русским и англо-американцам своих двойников, чтобы сбить их с толку. Если же кто-то окажется в руках врага, то обязан либо покончить жизнь самоубийством, либо взойти на эшафот, сохраняя тайну нашего совещания, тайну Рейх-Атлантиды.

— Но ведь высшее руководство может укрыться в подземном мире Рейх-Атлантиды, — вновь нарушил поток своего глубокомысленного молчания несловоохотливый Вольфрам Зиверс.

— Уж вы-то, господин Зиверс, как никто иной, должны знать, что это невозможно, — резко отреагировал Посланник Шамбалы, и впервые Скорцени уловил, что голос его звучит как-то странно, словно слова зарождаются не в гортани человека, а в утробе какого-то механического существа. При нормальной, не взволнованной речи этого не замечалось. — Там создается иной рейх, иная цивилизация, с иной жизненно-космической философией. В том-то и дело, что фюрер, а следовательно, и все вы вышли из-под контроля Высших Посвященных; вы нарушили все те требования, которые в свое время были предъявлены фюреру, попрали все те условия, на которые Гитлер в свое время согласился, и все те обязательства, которые он, в обмен на дарованную ему власть, принял на себя. Все эти концлагеря смерти, газовые камеры, крематории, массовое истребление сотен тысяч людей вне поля боя... Высшие Посвященные, которые выступают гарантами существования и мирного развития вашей цивилизации, не могут смириться с дальнейшим существованием подобного режима.

— А с коммунистическим режимом Москвы они согласны мириться? — спросил Кальтенбруннер.

— В войне, которая сейчас происходит в Европе, будут ослаблены обе империи тьмы. Но вашей суждено погибнуть первой. А теперь я завершу свою мысль. Если бы фюрер вел себя так, как ему было предписано свыше, вашим войскам не пришлось бы тысячами погибать в подмосковных лесах на космическом сорокаградусном морозе. Спросите, почему? Просто мороза этого не было бы, — хищно осклабился Посланник Шамбалы, давая понять, что ему приятно и предъявлять руководству рейха претензии, и объявлять ему приговор. — Да и ваш фюрер, возведший себя в ранг верховного главнокомандующего и главнокомандующего сухопутными силами, не принимал бы таких

откровенно дилетантских, погибельных для вермахта решений, какие он принимал.

На сей раз даже Кальтенбруннер, который до сих пор казался самым храбрым, промолчал. Все были изумлены и на Посланника Шамбалы смотрели, как на человека не от мира сего. Коим он в действительности и был.

— Извините, господа, но вам нет места ни в Рейх-Атлантиде, ни в послевоенной Германии.

— И что же нам теперь делать? — язвительно поинтересовался Гиммлер.

— Единственное, что вы как офицеры можете и обязаны сделать, — это разделить судьбу своей армии и тем самым отвлечь внимание спецслужб победителей от существования где-то там, в глубинах Антарктиды, нового рейха. Вот ваша роль, и вот задача, которая стоит сейчас перед вами! Кстати, если я не ошибаюсь, вы, господин Гиммлер, уже издали приказ, согласно которому ни один сотрудник СД не должен попасть в руки врага живым.

— Да, такой приказ был, — как можно жестче ответил рейхсфюрер СС. — Это закон и традиции нашей службы.

— Кроме того, вами же издан приказ, согласно которому «семьи тех, кто сдастся в плен, не будучи ранен, подлежат уничтожению». При этом вы разъяснили своим подчиненным: «Этого требуют долг перед народом и традиции германцев».

— Да, и такой приказ тоже был издан, — решительно поднялся Гиммлер, нервно одергивая свой френч. — Лично я уже решил для себя, что разделю судьбу своих воинов СС. Уверен, что к этому готовы и другие присутствующие здесь. И не только они.

— Это по-арийски, — признал Консул Внутреннего Мира. — Кажется, у вас, господин Скорцени, все еще имеется двойник фюрера. Говорят, вам удалось взлелеять это редкостное создание.

— Будем надеяться, что удалось, — сдержанно ответил обер-диверсант рейха.

— Считаете, что пора вести речь о двойниках? — удивленно взглянул на него Гиммлер.

— Для чего-то же мы их сотворяли!

— Через три дня я готов встретиться с ним, — молвил Посланник Шамбалы.

— Готов организовать эту встречу.

— В таком случае мне лишь остается ответить на вопрос, который мучил вас в течение всего нашего совещания: почему я не стремлюсь к тому, чтобы возглавить если не этот, погибающий, рейх, то хотя бы Рейх-Атлантиду.

— Я такого вопроса не задавал, — отрубил обер-диверсант.

— Но задавались им. Так вот, объяснения мои будут краткими. Мне хорошо известно, что социально-политический эксперимент, затеянный в Германии, по созданию расы арийцев оказался не только неудачным, но и губительным. Как, впрочем, и жидомасонский эксперимент с построением так называемого коммунизма в России.

— Почему же вы не вмешались в этот эксперимент в России? — окрысился на него шеф института «Аненэрбе».

— Я — всего лишь инспектор, а не вершитель судеб. Вмешиваться в ход событий я могу только в самом крайнем случае, да и то с позволения Высших Посвященных.

44.

Апрель 1945 года. Германия. Ставка рейхсмаршала Германа Геринга в Баварских Альпах, в районе Берхтесгадена.

Когда Геринг, генерал Коллер и адъютант Инген спустились на первый этаж, оберштурмбаннфюрер приказал конвоировавшим их эсэсманам подождать его здесь, а сам вернулся в кабинет рейхсмаршала. Геринг решил было, что он захотел обыскать его письменный стол, но вскоре через открытую дверь до него донесся высокий фальцетный голос Франка, разговаривавшего с кем-то по телефону.

— С генералом — понятно! — кричал он в трубку, пробиваясь через помехи в связи, — созвонитесь, пожалуйста, с Берлином и выясните, что делать с этим их маршалом!

— Если вас освободят, — вполголоса проговорил Геринг, обращаясь к Коллеру, — сразу же постарайтесь связаться с майором Хартманном. Сегодня он звонил мне. Пусть свяжется с охраной аэродрома, может, удастся создать отряд. Номер — в записной телефонной книжке.

— Хартманну. Понял, — лаконично ответил Коллер. Он знал этого отчаянного парня, а главное, знал, что в летную школу Хартманн попал после службы в армейской разведке, а значит, в отличие от многих своих коллег-пилотов, имел представление о том, как вести себя в наземном бою, снимать часовых и уходить от погони. — Только вряд ли меня освободят.

Спустившись вниз, оберштурмбаннфюрер озабоченно как-то осмотрел арестованных, словно бы молчаливо спрашивал у них: «Ну и что мне с вами делать?!», — а затем обратился к Коллеру.

— Вообще-то мне было приказано арестовать лишь разжалованного рейхсмаршала и его адъютантов. Относительно вас как представителя люфтваффе при рейхсканцелярии никаких распоряжений не последовало. Поэтому пока что можете оставаться здесь.

— Благодарю, оберштурмбаннфюрер, — суховато поблагодарил генерал и, пристыженно опустив голову, поспешил отойти подальше от Геринга, за эсэсовское оцепление.

А как только Геринга, майора Ингена и доктора Ламмерса увели, то бросился наверх, в кабинет рейхсмаршала. Уже через несколько минут он сумел дозвониться до начальника штаба расположенного неподалеку авиаполка и сообщить, что, по какому-то недоразумению, местные эсэсманы арестовали главнокомандующего люфтваффе.

Командир полка лично знал генерала Коллера, и звонок его воспринял как приказ немедленно освободить арестованного. Однако плохо представлял себе, как это сделать, чтобы самому не оказаться в казематах гестапо.

— Я, конечно, сообщу о вашем звонке Хартманну, как только он вернется из полета, да и сам попытаюсь кое-что предпринять, — проговорил он в трубку после небольшой предательской паузы. — Но прямо скажу: никто бы не решился арестовать рейхсмаршала Геринга, не имея на то приказа фюрера.

— Там есть люди, которые готовы и фюрера арестовать.

— Но приказ из Берлина все же был? — не стал разочаровывать его полковник, доказывая, что людей, готовых арестовать фюрера, в бункере быть не может.

— Приказ был, — точно так же прямо ответил генерал-майор, — но вы, полковник Тилберг, должны понимать, что отдан он был не фюрером, а за его спиной. В окружении фюрера нашлись люди,

которые, пользуясь тем, что вождь ограничен в своих полномочиях, затеяли грызню за власть. Арест Геринга — всего лишь месть его завистников.

— Я вызову Хартманна. И если только он решится... А главное, если вернется из полета.

— Слишком много «если», полковник, — проворчал Коллер, — а ведь речь идет о рейхсмаршале Геринге, о его судьбе, — и швырнул трубку на аппарат.

Тем не менее до конца дня Коллер пробыл в штабе, ожидая, что кто-то из люфтваффовцев — то ли майор, то ли полковник — позвонит. И был жутко разочарован, когда убедился, что звонка не последует. Зато вновь появились эсэсманы во главе со все тем же оберштурмбаннфюрером Франком. Пока унтерштурмфюрер и двое унтер-офицеров из гестапо обыскивали кабинет и рылись в сейфе Геринга, оберштурмбаннфюрер сидел в кресле в небольшом холле и, время от времени поглядывая на нервно прохаживающегося генерал-майора, молчаливо курил.

— Что же теперь будет с рейхсмаршалом? — наконец не выдержал пыткой молчанием Коллер.

— То, что обычно бывает с предателями.

— Но ведь вы же знаете, что Геринг не может быть предателем. Фюреру он предан, как никто иной. И потом, вы ведь не получили личного приказа фюрера.

— Зато был приказ Бормана. Но от имени фюрера.

— В течение нескольких лет я был представителем Геринга при ставке фюрера и знаю, что он и раньше не очень-то доверял Борману.

— Я этого не слышал, господин генерал, но не вздумайте произносить нечто подобное при моих подчиненных. Не забывайте, что перед вами офицер гестапо.

— Не пройдет и двух недель, как гестапо прекратит свое существование, и я не уверен, что вы будете гордиться тем, что служили в этой организации. — Франк порывался что-то возразить, однако резким движением руки генерал охладил его. — Не будем полемизировать, оберштурмбаннфюрер. Несомненным фактом является то, что война завершается, и не дай вам Бог предстать перед послевоенной Германией в роли палача самого Германа Геринга. Бормана будут судить и повесят или же он покончит с со-

бой. Но при любом исходе этой драмы в роли виновника гибели знаменитого аса и рейхсмаршала предстанете вы. Извините, подполковник, но это так.

Завершив свой монолог, генерал по-наполеоновски скрестил руки на груди и, отвернувшись, демонстративно стал рассматривать огромную картину в массивной золоченой раме. Тем временем подполковник СС докурил сигарету, старательно растер окурок в хрустальной пепельнице и вдруг совершенно неожиданно произнес:

— Пожалуй, вы правы, господин генерал-майор. Слава палача Геринга мне ни к чему.

— Зато очень кстати пришлась бы слава спасителя Геринга. Спасителя приговоренного к казни рейхсмаршала.

— Нет, без приказа освободить господина Геринга я не смогу.

— Чей приказ вам нужен? Я старший по чину. Почему бы вам не выполнить приказ генерала Коллера, который потребовал от вас освобождения рейхсмаршала? Генерала, являющегося представителем люфтваффе при рейхсканцелярии фюрера, собственно при фюрере.

— Такой приказ должен отдать Борман или фюрер. Ну, еще Гиммлер.

— Гиммлер покинул Берлин и находится где-то на севере Германии. Найти его сейчас почти нереально.

— Бормана уговорить вам тоже не удастся. Наоборот, ваше вмешательство може спровоцировать резкую реакцию, в том числе и по отношению к вам.

— В таком случае попытайтесь хотя бы потянуть с его казнью. Не казните его, пока нет суда, нет приговора. А устраивать суд над рейхсмаршалом Борману уже будет некогда. Тем более что через несколько дней ему вообще будет не до Геринга и не до суда.

Вместо ответа Франк крикнул унтерштурмфюреру, чтобы тот прекращал обыск и спускался вниз. Когда унтерштурмфюрер сошел в холл, Франк даже не поинтересовался, обнаружил ли тот что-либо в бумагах Геринга, а движением подбородка указал ему на дверь. Сам он тоже уже вышел в коридор, но затем вернулся и, как только сапоги унтерштурмфюрера отгрохотали по старинному паркету, произнес:

— Мне сообщили, что завтра сюда прибудет обергруппенфюрер СС Кальтенбруннер.

— Специально в связи с арестом Геринга?

— Об этом мне ничего сказано не было. Но точно знаю, что прибывает он не из бункера фюрера, а значит, не от Бормана, и, если я верно понял, даже не из Берлина.

— Но ему уже известно о том, что здесь происходит?

— Вряд ли он знает о решении Бормана и аресте рейхсмаршала. Впрочем, мне не смогли объяснить, с какой целью он прибудет. Не представляю себе, каким образом его появление может повлиять на судьбу Геринга, но не сомневаюсь, что может. Подумайте над этим.

— Я попытаюсь связаться с ним.

— И поговорить как генерал с генералом, — поддержал его Франк. — Честь имею, господин генерал-майор.

Эта беседа с оберштурмбаннфюрером немного взбодрила Коллера. Во всяком случае, появилась надежда, что с казнью Франк торопиться не будет. Еще больше надежды вселяло появление в Берхтесгадене начальника полиции безопасности и службы безопасности рейха Эрнста Кальтенбруннера.

Правда, Коллер не был близко знаком с ним. Так, несколько раз виделся с ним в рейхсканцелярии, однажды даже перекинулся несколькими словами. Вряд ли этого достаточно, чтобы считать их знакомство состоявшимся, тем не менее это уже хоть какое-то основание для трудной доверительной беседы по душам. И потом, вполне возможно, что рядом с Кальтенбруннером окажется его подчиненный и друг студенческих лет Скорцени, с которым будущий шеф Главного управления имперской безопасности подружился еще во времена пребывания в элитном студенческом добровольческом корпусе «Венский академический легион».

Историю об этой дружбе Коллер услышал от сотрудника аппарата Геббельса, начинавшего свою журналистскую карьеру в нацистской венской газете «Национал-социалистише нахрихтен», с которой когда-то сотрудничал и молодой Скорцени[83]. А, вспомнив о знакомстве с этим журналистом, подумал, что ведь это

---

[83] Сотрудничать с этой газетой Скорцени стал после того, как летом 1932 года побывал на проходившей в столице Австрии встрече студенческой молодежи и активистов национал-социалистского движения. Антиправительственная пропаганда на страницах этой газеты — таковым было первое поручение кандидата в члены нацистской партии.

может быть хоть каким-то поводом для начала разговора с обер-диверсантом рейха. Во всяком случае, никакого иного подхода к любимцу фюрера подыскать генерал так и не смог.

«Было бы неплохо, если бы обер-диверсант действительно оказался здесь, — размечтался Коллер, пройдя в гостиную и открывая бутылку французского вина. — Этот не стал бы ждать ничьих указаний. Да и Франка долго уговаривать тоже не станет. Знал бы Геринг, как я пытаюсь, какие усилия предпринимаю, чтобы спасти его! — горестно вздохнул генерал-авиатор. — Сумеет ли поверженный рейхсмаршал хоть когда-нибудь оценить то, что в момент нависшей над ним смертельной опасности во всем рейхе нашелся только один человек, который действительно пытался вытащить его из петли гибели и позора? И этим человеком оказался я — генерал Коллер!»

45.

Апрель 1945 года. Германия. Баварские Альпы. Берхтесгаден.

Утро 24 апреля Геринг встретил в одной из подвальных камер берхтесгаденского гестапо. Ночь выдалась прохладной, рейхсмаршал основательно продрог под тоненьким измызганным одеялом, и наутро в своем измятом маршальском мундире, небритый, голодный и простуженный, он казался самому себе церковным нищим, проснувшимся в немолитвенный день на заиндевевшей паперти.

— Доброе утро, господин рейхсмаршал, — поприветствовал его майор Инген, все еще укутываясь в свое одеяло.

— Ценю ваш оптимизм, майор. Оно будет добрым, если нам удастся вырваться на свободу.

— Ваше слово, господин рейхсмаршал, — как удар бомбардировщика.

Геринг поморщился, словно от боли в печени, но великодушно промолчал. В конце концов, раньше эта фраза его не раздражала.

Майор тоже спал в одежде, однако выглядел куда опрятнее своего патрона и уж, во всяком случае, бодрее и жизнерадостнее. И вообще, из всех четверых, находившихся теперь в «маршаль-

ской» камере, рассчитанной на восьмерых заключенных, только адъютант-полковник Бернд фон Браухич решился вечером снять форму и по-солдатски аккуратно сложить ее на лавке у стола. И только он умудрялся теперь безмятежно по-солдатски оглашать их тюремное пристанище мощным храпом.

Вслушиваясь в него, рейхсмаршал, давно избалованный комфортом своих «римских вилл», болезненно морщился от раздражения, нервничал и злился, однако окликнуть адъютанта так и не посмел. Впрочем, душевное равновесие главкома люфтваффе было нарушено еще вчера, когда он заметил, что оберштурмбаннфюрер СС Франк и прочие тюремщики относились к полковнику как сыну фельдмаршала фон Браухича с куда бо́льшим уважением, нежели к нему, Герингу!

«Уж не за то ли эсэс-предатели так унизительно уважают Бернда, что в свое время фюрер отстранил его отца от командования сухопутными войсками за позорное поражение под Москвой?! — мысленно возмущался он, сожалея, что до сих пор терпел этого штабного кретина у себя под боком, вместо того чтобы отправить на Восточный фронт. — И неужели эти мерзавцы столь дурно воспитаны, что не могут выделить мне отдельную камеру?! Уважение к чину предусмотрено даже по отношению к военнопленным! — Но тут же одернул себя: — Вот именно, к военнопленным. А тебя содержат здесь, в гестапо, как предателя рейха!»

Поток его размышлений был прерван появлением оберштурмбаннфюрера Франка. Он вошел в камеру, постоял у двери, исподлобья осматривая помещение, затем скользнул взглядом по измятому мундиру Геринга и, иронично ухмыльнувшись, самодовольно промычал:

— Не надолго же вас хватило, бесстрашный ас.

— Я прошу позволить мне связаться по телефону с фюрером, — сдавленным от волнения голосом проговорил рейхсмаршал. — Уверен, что после общения со мной он прикажет исправить ту чудовищную ошибку, которую вы сейчас совершаете.

— ...Которую совершил он, когда, доверившись вам, назначил главнокомандующим военно-воздушными силами рейха. Все, что происходит сейчас в этих стенах, — всего лишь попытка самого фюрера и преданных ему людей исправить его же ошибку. Запоздалая, следует сказать, попытка.

Вновь саркастически хмыкнув, Франк прошелся до стенки с маленьким зарешеченным окошком под самым потолком и, широко расставив ноги в до блеска надраенных сапогах, стоял там, преисполненный собственного величия, упиваясь, пусть и временной, призрачной, но все же властью.

— Тем не менее я прошу позволить мне связаться по телефону с фюрером, — сдавленным от волнения голосом проговорил Геринг.

— Слишком неуверенно вы все это говорите, господин, э-э... Геринг, — едва удержался оберштурмбаннфюрер, чтобы не назвать его чина, — прекрасно понимая, что ни для меня, ни для фюрера вы уже не представляете никакого интереса. И не вздумайте повторять свою просьбу в третий раз.

— Однако же ваши обвинения в измене ничем не обоснованы, — вмешался в их разговор Ламмерс, — исходя из законов Великогерманского рейха.

Франк ухватил тщедушного начальника рейхсканцелярии за грудки, сорвал его с нар и, припечатав к стенке, прохрипел:

— Не сметь ссылаться в этих благословенных стенах на какие-то там законы рейха. Я не позволю осквернять это благословенное Богом и фюрером заведение цитированием статей уголовного кодекса. Когда-то господин Геринг объявил, что когда он слышит слово «культура», то хватается за пистолет[84]. Я прав, господин Геринг?

— Какое это имеет сейчас значение? — нервно передернул плечами рейхсмаршал, оглядываясь на двух рослых надзирателей, которые тоже переступили порог и готовы были наброситься хоть на Ламмерса, а хоть на него.

— А то, что я, лично я хватаюсь за пистолет, когда слышу в этих стенах упоминание о законах! О законах следовало думать тогда, когда вы благословляли господина Геринга на захват власти, данной германским народом фюреру, только фюреру и, пока он жив — а он, несомненно, жив! — никому, кроме фюрера.

— Давайте успокоимся, оберштурмбаннфюрер, — заговорил Бернд фон Браухич, все это время молчаливо сидевший за столом

---

[84] Здесь идет ссылка на известное изречение Геринга: «Когда я слышу слово культура, то хватаюсь за пистолет».

со склоненной, помеченной первыми сединами головой. — Что, по вашим предположениям, ждет нас дальше?

— Если вас интересует, какой вид казни вам изберут — расстрел или виселицу, то в отношении вас, полковник фон Браухич, я бы ограничился расстрелом, да и то исключительно из уважения к генерал-фельдмаршалу фон Браухичу, в штабе которого в свое время служил мой отец. Всех остальных, очевидно, вздернут. Впрочем, ваше любопытство будет удовлетворено уже через, — взглянул он на наручные часы, — десять минут.

— А что... должно произойти через десять минут? — еще более взволнованно поинтересовался Геринг.

— Должно. Сюда явится обергруппенфюрер СС Эрнст Кальтенбруннер. Он и решит: когда и каким образом. Кстати, напомню вам, господин Геринг, что ваш коллега и единомышленник адмирал Канарис повешен еще 9 апреля. И казнь производилась по личному приказу Кальтенбруннера[85].

Тюремщики вышли, а Геринг и его сокамерники еще несколько минут оставались в тех позах, в которых их застало известие о прибытии начальника Главного управления имперской безопасности.

«Ну что, Великий Герман, — не без злорадства сказал себе Геринг, когда шаги и голоса в подземелье затихли, — ты хотел, чтобы тебе была оказана честь в соответствии с чином? И она будет тебе оказана: тебя пристрелит сам обергруппенфюрер Кальтенбруннер. Причем сделает это с наслаждением. Или, по крайней мере, будет командовать казнью. Извини, большего чина Борману найти не удалось: не снимать же ради такой оказии с фронта кого-то из фельдмаршалов! Обойдешься обергруппенфюрером»[86].

Кальтенбруннер оказался пунктуальным. Огромного роста, с широкими, обвисшими и основательно сутулыми плечами, он показался Герингу каким-то горилоподобным существом, которое ворвалось в их камеру только для того, чтобы растерзать их. Не

---

[85] Приказ о казни Канариса, которого как бывшего руководителя военной разведки нельзя было отдавать в руки врагу, Гитлер отдал в последних числах марта. Но сделал это через Кальтенбруннера, который распорядился о казни и, очевидно, определил вид ее.

[86] Эсэсовский чин обергруппенфюрера соответствовал армейскому чину генерал-полковника.

произнеся ни слова, он остановился у самой двери, почти заслонив собой весь проем, и молча уставился на сбившихся в кучку арестантов. Во взгляде его не было ни ненависти, ни сочувствия, это был отчужденный взгляд человека, для которого судьба возникших перед ним посреди подземелья людей уже была неинтересна.

Для чего он как начальник РСХА явился сюда, каковой была скрытая цель его визита и чего он ожидал, чего добивался от Геринга — так и осталось его неисповедимой тайной. Создавалось впечатление, что и прибыл-то он только для того, чтобы продемонстрировать некогда всесильному Герингу свое полнейшее, а посему убийственное безразличие. Иное дело Франк; тот ожидал, что Геринг если и не бросится к ногам Кальтенбруннера, то, по крайней мере, начнет умолять его о спасении, о пощаде, о снисхождении.

Однако рейхсмаршал и остальные заключенные тоже смотрели на пришельца молча, взглядами, в которых любопытство смешивалось с неверием и ненавистью, а надежда — со страхом.

Так ни слова и не произнеся, Кальтенбруннер медленно, как старая облenившаяся горилла, развернулся и вышел[87]. А через полчаса в камере вновь появился оберштурмбаннфюрер Франк. Теперь он уже не казался таким агрессивным и самоуверенным, как прежде, однако и растерянным тоже не выглядел.

— Адмирала Канариса наш Кальтенбруннер казнил чуть ли не собственноручно, — как бы извиняясь за нерешительность начальника Главного управления имперской безопасности, проговорил он. — А вас, господин Геринг, пока что решил попридержать.

— Это не он решил, — удрученно ответил Геринг. — Так решили те, кто действительно способен принимать решение по данному вопросу.

---

[87] Исторический факт. Кальтенбруннер действительно навестил Геринга в его камере в подземельях гестапо, но при этом не произнес ни слова. Тем не менее можно предположить, что именно по его приказу 29 апреля Геринга под мощной охраной перевезли в расположенный неподалеку от Берхтесгадена средневековый замок. Очевидно, начальник РСХА не решился взять на себя ответственность за казнь Геринга и приказал ждать приказа самого фюрера или кого-то из других обитателей рейхсбункера.

— И не спешите радоваться: только что поступил приказ рейхсштатгальтера округа Обердонау господина Эйгрубера, которым объявлено, что все лица, которые отказываются выполнять волю фюрера, заражены пораженческими настроениями или не пожелают защищать ввéренную ему как рейхсштатгальтеру территорию с оружием в руках, будут расстреляны на месте, невзирая на чины и должности.

— Причем здесь Эйгрубер?! — попробовал изумиться Ламмерс. — С каких это пор смертные приговоры?..

— В создавшейся фронтовой ситуации вся власть переходит в руки рейхсштатгальтеров, — прервал его Франк, проявляя умилительное многотерпение. — Кстати, я что-то не слышал от вас, господа, просьб о помиловании и спасении. А ведь появление Кальтенбруннера давало вам шанс. Особенно вам, полковник фон Браухич. Или вы рассчитываете, что здесь появится фюрер?

— Как адъютант я обязан разделить судьбу своего командира, — довольно спокойно ответил отпрыск древнего прусского военно-аристократического рода.

— Это будет несложно. Правда, вряд ли ваше геройство будет оценено.

— Когда перед оккупацией Чехословакии некоторые фельдмаршалы и генералы пытались здесь, на совещании в ставке «Бергхоф», сдерживать фюрера, мой отец, генерал Вальтер фон Браухич, произнес фразу, которая сломила их упрямство и нерешительность, а затем стала нашим родовым девизом: «Я — солдат, — сказал он. — И мой долг — повиноваться!»

— Хорошие солдаты, осознающие свой долг, в этих камерах не сидят, а сражаются за Германию, — возразил Франк.

— Это вы о себе, оберштурмбаннфюрер? — саркастически поинтересовался полковник, которого стали раздражать откровения Франка.

— Кроме того, ни для кого не секрет, что ваш отец был убежденным монархистом. Кому не известно, что воспитывался он при императорском дворе и почти всю свою юность провел в роли пажа императрицы?

— Фельдмаршал фон Браухич всегда гордился своим аристократизмом и своей приближенностью к императорскому двору.

Как, впрочем, и мой дед, генерал кавалерии его императорского величества.

Бравирование аристократизмом рода Браухичей, к которому прибег полковник, оказалось явным перебором, переполнившим чашу терпения оберштурмбаннфюрера.

— Что касается меня, то я всегда презирал аристократов и всегда поддерживал в этом фюрера, который их тоже презирает.

— Это не делает вам чести.

— И фюреру — тоже? — возмутился Франк. — Кстати, узнав, что всех представших перед народным судом судья Фрейслер приговорил к повешению, — язвительно проговорил он, вновь обращаясь к Герингу, — фюрер, вместо того, чтобы рассматривать прошения о помиловании, приказал охране тюрьмы вешать его разжалованных фельдмаршалов и генералов, как вешают мясо в мясных лавках. Именно так их и вешали. — Вновь презрительно осмотрев заключенных, Франк прорычал что-то нечленораздельное и, с трудом сдерживаясь, чтобы не схватиться за пистолет, вышел.

— Ну зачем вы так, полковник?! — еще больше занервничал рейхсмаршал.

— Что вас встревожило, господин рейхсмаршал? — сухо и не скрывая иронии, поинтересовался полковник. — Как ваш адъютант, я даю им понять, что они все еще имеют дело с рейхсмаршалом.

— Не нужно дразнить этих палачей. Вам не пришлось быть на просмотре фильма о казне участников июльского заговора, а мне пришлось просматривать это дважды, кстати, во второй раз — в присутствии фюрера. Причем фюрер просил своих адъютантов докладывать ему о высших руководителях страны и армии, которые отказываются просматривать эту пленку, у которых она вызывает возмущение или хотя бы минутную нервную слабость.

Геринг действительно был единственным из присутствовавших, кто вынужден был просматривать фильм о казни во внутреннем дворе тюрьмы Плетцензее участников заговора против фюрера 20 июля 1944 года, при просмотре которого чуть не потерял сознание. Это и в самом деле было ужасное зрелище: приговоренных подвешивали на вбитые в стену крючья и мед-

ленно, очень медленно удушали, помня при этом, что съемка казни будет продемонстрирована фюреру. И тут уж палачи старались.

— Успокойтесь, рейхсмаршал. Будем беречь нервы.

— Неужели вы не понимаете, что мы не в той ситуации, когда можем позволить себе раздражать этого тюремщика.

— Наоборот, господин рейхсмаршал, мы с вами в той ситуации, когда можем потребовать от этой гестаповской сволочи заткнуться. Что я и сделал.

— Странно, полковник, что вы не оказались среди заговорщиков, совершавших покушение на фюрера, — заметил майор Инген.

— К сторонникам которых, несомненно, принадлежал ваш отец, фельдмаршал фон Браухич[88], — добавил Ламмерс, — несмотря на то, что через месяц после подавления заговора он запоздало выступил с резким осуждением заговорщиков и пылко приветствовал назначение рейхсфюрера СС Гиммлера командующим армией резерва.

Полковник поднялся и молодцеватым пружинистым шагом прошелся по камере. Все еще молодой, все еще обласканный славой отца и хранимый своей собственной фортуной... Герингу всегда нравился этот офицер. Неизвестно, как бы этот полковник смотрелся сейчас в роли командира авиаполка, но в должности адъютанта он как сын фельдмаршала очень даже смотрелся, придавая весомости и ему самому как главкому ВВС.

— Если бы я оказался в числе повешенных заговорщиков группы генерала Бека, то не имел бы чести быть повешенным в числе предателей группы рейхсмаршала Геринга, — очень вежливо и доходчиво объяснил он.

---

[88] Вальтер фон Браухич (1881—1948), генерал-фельдмаршал с 1940 года. В начале 1938 года был назначен главкомом сухопутных войск, сменив на этом посту генерала Фрича. Был уволен в запас в декабре 1941 года после неудачного наступления на Москву. Заговорщикам сочувствовал, однако в Июльском заговоре против фюрера в июле 1944 года не участвовал. В мае 1945 года сдался англичанам. Умер в октябре 1948 года в Гамбурге, в английском госпитале для военнопленных.

46.

Апрель 1945 года. Германия. Баварские Альпы. Замок Шварцбург в окрестностях Берхтесгадена, место заточения Геринга.

Когда под вечер в рейхсмаршальской камере появился какой-то оберштурмфюрер и приказал Герингу и его единомышленникам выходить, все они решили, что их поведут на казнь.

На Ламмерса это предположение подействовало так, что он чуть было не впал в состояние полной прострации. Дважды он поднимался с нар и дважды падал на них, не в силах устоять на ногах. Заметив, что бывший начальник рейхсканцелярии до изнеможения перетрусил, оберштурмфюрер приказал одному из часовых вышвырнуть его из камеры. Однако полковник фон Браухич, который первым вышел в коридор, остановил верзилу и вернулся за канцеляристом.

— Господин Ламмерс отсидел ноги, — объяснил он офицеру-эсэсману, под руку выводя своего сокамерника. И тотчас же обратился к задержавшемуся у входа, смертельно побледневшему Герингу: — Вам тоже помочь, рейхсмаршал?

— Я не раз встречался со смертью, адъютант, — напомнил ему лучший ас Первой мировой.

— Да это еще не казнь, — смилостивился над арестованными оберштурмфюрер, однако проговорил это вполголоса, очевидно нарушая приказ кого-то из командиров. — Пока еще не казнь.

— Прекратите лгать, оберштурмфюрер, — огрызнулся Геринг. — В сложившейся ситуации в лагерь нас никто отправлять не будет.

Оберштурмфюрер, которому наверняка перевалило за пятьдесят, близоруко всмотрелся в лицо главкома люфтваффе своими полусонными белесыми глазами и неожиданно низким, полуутробным каким-то голосом пробасил:

— Если бы судьба этих арестованных зависела от вас, господин рейхсмаршал, вы бы, конечно же, с казнью тянуть не стали.

— Вы... как вас там...

— Оберштурмфюрер Виттельсбах, — слегка прищелкнув каблуками, отвесил легкий офицерский поклон тюремщик.

— Так вот, вы, Виттельсбах, правы: с врагами рейха я церемониться не стал бы. Но только с врагами, а не с преданными идее

национал-социализма людьми, которые прошли с фюрером весь путь, от мюнхенского путча — до нынешней германской трагедии. И в этом разница между мной и вами.

— Не вижу никакой разницы, — проворчал Виттельсбах.

Герингу было известно, что Шварцбург является одним из нескольких охотничьих замков, располагающихся в окрестностях Берхтесгадена и во времена войн превращающихся в один из его укрепленных форпостов. Однако в мирные времена он обычно становился местом ночлега императора перед выездом на охоту. Вот только чувствовал он себя в этом замке не в роли охотника, а в роли обреченной дичи.

Выйдя из крытой тюремной машины, остановившейся на площадке в нескольких метрах от моста, который когда-то был подъемным, Геринг прошелся взглядом по привратной башне и невысоким темно-серым стенам, выложенным по краям горного ущелья. Замок был небольшим и казался бы откровенной стилизацией под некий средневековый бург, если бы не его удачное расположение на небольшом плато, на изгибе бурной горной речушки.

Тот, кто закладывал его здесь, прекрасно понимал, что определение «охотничий» будет условным, и строительство поручил мастерам, хорошо знакомым с основами фортификации и опытом многих крепостных осад.

Впрочем, действительно, на протяжении нескольких столетий Шварцбург служил не только местом охотничьих сборищ южнобаварской аристократии, но и оплотом баварских монархистов и баварского сепаратизма. В свое время Геринг даже порывался приобрести его, но отпугнула мрачная слава Шварцбурга как вечного пристанища заговорщиков и местных масонов.

— Поскольку мне приказано быть начальником вашей охраны и комендантом замка, — сказал оберштурмфюрер, сопровождая рейхсмаршала в его шествии по небольшому крепостному двору замка, — то я отведу вам, господин Геринг, самый уютный и теплый зал его. Вместо замкового подземелья, в котором приказано вас всех содержать.

— Как рейхсмаршалу мне положен адъютант.

— Все остальные арестованные должны содержаться в подземелье, — мягко возразил Виттельсбах. — Исключение, сделанное для вас, еще можно будет объяснить вашим чином и заслугами,

но как я смогу оправдать исключение, сделанное для кого-то из остальных арестованных?

И Геринг вынужден был признать, что обер-лейтенант СС прав. Уже после того, как крепостные ворота за ними закрылись, а Ламмерса и двух адъютантов эсэсманы-конвоиры увели в подвалы, он продолжал стоять посреди двора, осматривая стены и постройки. Видно было, что замок подвергался налетам авиации, поскольку часть стены была разрушена, как и верхняя часть центральной башни, явно пострадавшая от прямого попадания неразорвавшейся бомбы. К тому же явно небольшой.

— Мне говорили, что вы намеревались приобрести этот замок, — обратился к нему оберштурмфюрер, когда арестанты скрылись в подземелье и у входа в него появился часовой. — Тогда вы, конечно, и предположить не могли, что окажетесь в нем уже в ипостаси заключенного.

— Откуда у вас сведения о моих намерениях? — мрачно поинтересовался Геринг; у него не было желания вести с этим офицером каких-либо бесед. Хотя в душе рад был тому, что этот день жизни ему еще подарили. — Насколько я помню, эти намерения мои не разглашались.

— Видите ли, господин рейхсмаршал, в какой-то степени этот замок является и моим родовым гнездом; как-никак я ведь тоже, как и фельдмаршал Рупрехт[89], принадлежу к баварской королевской династии...

— Позвольте, так вы?..

— Оберштурмфюрер Отто Виттельсбах, — вежливо напомнил комендант замка.

— То есть речь идет не об однофамильце императора?

— Мой отец был офицером личной охраны короля Баварии Людвига III Виттельсбаха[90], хотя, при определенных обстоятельствах, тоже мог претендовать на трон.

---

[89] Речь идет о кронпринце Баварии Рупрехте (1869—1955), который в 1914—1918 годах командовал сначала армией, а затем и группой армий, и в 1916 году удостоен был чина генерал-фельдмаршала.

[90] Виттельсбах — баварская королевская династия, правившая в Баварии с 1180 по 1918 год. Именно к ней принадлежал и последний король Баварии — Людвиг III (1845—1921), которому суждено было править в 1913—1918 годах. Накануне и особенно в годы Второй мировой в кругах

— Как и вы, — явно льстил оберштурмфюреру арестованный Геринг, еще недавно точно так же претендовавший на «трон» всей Германии.

— Мое скромное воинское звание, как и не менее скромная должность, — вам известны, — молвил комендант, встречаясь взглядом с Герингом. И тот понял: начинается выгодный для них обоих торг.

— При том, что вы являетесь родственником фельдмаршала Рупрехта? — тотчас же принялся набивать себе цену рейхсмаршал.

— Мне потому и пришлось надеть мундир офицера СС, что слишком уж пристально в гестапо и СД следили за каждым из нашего рода, считая его родом сепаратистов.

«А ведь этот офицер способен помочь мне вырваться отсюда! — осенило Геринга, всегда с ненавистью отзывавшегося о баварских, саксонских и австрийских сепаратистах. — Надо только наладить более доверительные отношения с ним»

— Как только завещанная фюрером власть в рейхе перейдет ко мне, — молвил рейхсмаршал, входя в сопровождении оберштурмфюрера в одну из комнат на втором этаже замка, в которой стояли высокие, наполненные старинными книгами полки, — мы сразу же вернемся к вопросу о вашем чине и вашем положении в послевоенной Германии.

— Не стану скрывать, что у вас очень сложное положение, господин рейхсмаршал, — вполголоса проговорил Виттельсбах, оглядываясь на дверь. — Фюрер наверняка покончит жизнь самоубийством, если только уже не покончил, и вся власть окажется в руках Бормана.

— В крайнем случае Борман сам пристрелит Гитлера, — попытался развить его мысль главком люфтваффе.

— Не зря же он так упорно цепляется за бункер рейхсканцелярии, — поддержал его оберштурмфюрер. — Вместо того чтобы искать спасения где-нибудь на окраинах Германии, как это, изви-

---

баварской аристократии и, в частности, высшего офицерства вынашивались идеи возрождения Баварии как самостоятельного королевства, причем одним из реальных претендентов на баварский трон являлся кронпринц Баварии генерал-фельдмаршал Рупрехт, который, однако, сдерживал баварских сепаратистов своей нерешительностью.

ните, сделали вы. А также Гиммлер, Дениц, Шелленберг и многие другие.

— Тем более что рядом с Борманом пребывает Геббельс, тот самый, яростно, фанатично настроенный Геббельс.

— Я могу чем-то помочь вам? — самым удачным образом прервал их философско-политический диалог комендант замка Шварцбург.

— Конечно, можете.

— Но речь не должна идти о побеге, — сразу же предупредил он. — Пока что не должна. Не та ситуация.

— Нужно передать две записки.

— Одна из них предназначается вашей супруге — любимой мною актрисе Эмме Зоннеман, а вторая?..

— Представителю люфтваффе при ставке фюрера генералу Коллеру, которого вы легко найдете в моем штабе.

— Это хорошо, что представителю при ставке. Это как-то оправдывает наш сговор. За записками зайду через полчаса. Бумагу и ручку вам сейчас принесет служанка.

«Генерал, — азартно схватился Геринг за доставленную ему престарелой служанкой ручку, — я нахожусь в замке Шварцбург. Передайте привет моему другу из люфтваффе. Вступайте в контакт с комендантом замка. И помните: времени у нас очень мало».

Оберштурмфюрер оказался по-королевски пунктуальным. Зайдя через полчаса, он молча взял у Геринга записки, даже не взглянув на написанное в них, сунул бумажки в карман галифе и так же молча намеревался уйти.

— Так, из чистого любопытства... — остановил его голос Геринга, — вы действительно являетесь сторонником возрождения Баварии как независимого государства?

— Пусть даже в конфедерации с другими германскими государствами, — почти мгновенно отреагировал Отто Виттельсбах. — При условии, что и во главе Германии будет стоять королевская особа. Претендент, причем вполне реальный, соответствующий всем династическим канонам, у нас есть. Я имею в виду обергруппенфюрера Августа Вильгельма[91], одного из сы-

[91] Август Вильгельм (1887—1949) — принц Пруссии, четвертый сын кайзера Вильгельма II, действительно реальный претендент на королевский трон то ли Пруссии, то ли всей Германии. В благодарность за

новей кайзера Вильгельма II. Замечу, что недавно обергруппенфюрер побывал в Берхтесгадене и сам пожелал познакомиться со мной, поскольку хорошо был знаком с моим покойным отцом. В то время как на баварском троне очень хорошо смотрелся бы фельдмаршал Рупрехт. Эти кандидатуры обсуждались еще в 1927 году, на съезде германских, венгерских, украинских и прочих монархистов, который, напомню, состоялся еще в 1927 году здесь в Баварии, в Мюнхене[92]. И участником которого мне выпало быть.

— Правда, тогда эти господа еще не были высшими чинами СС, — неосторожно заметил Геринг. Продемонстрировав таким образом свою нелюбовь к организации СС и ее вожаку Гиммлеру, он забыл, что перед ним тоже стоит офицер СС.

— Это еще ни о чем не говорит, — болезненно воспринял его слова оберштурмфюрер.

— Вы правы, в рядах СС оказалось немало истинных патриотов Германии, которые никогда не забывали о таком понятии, как честь аристократа и честь офицера. Но если помнить, что у Августа Вильгельма столь высокий чин СС, то почему бы не допустить, что он согласится вмешаться в мою судьбу? Разве его приказа не было бы достаточно, чтобы освободить меня?

— Для меня — вполне достаточно, но для оберштурмбаннфюрера Франка, который лично арестовывал вас, — нет. И потом, я ведь понятия не имею, где его разыскивать. Скорее всего, он находится сейчас где-то в Пруссии, где расположены его имения. Если только не переметнулся к англичанам, которые уже успели доставить его в Лондон в качестве гостя королевской семьи, с которой он породнен.

его поддержку своего режима Гитлер наделил его чином обергруппенфюрера СС (генерал-полковника), хотя никакого активного участия в войне или в деятельности СС он не принимал. Кое-кто из участников антигитлеровского июльского заговора рассматривал Августа Вильгельма в качестве возможного преемника фюрера, при этом учитывались его связи с королевскими династиями Европы.

[92] Такой съезд действительно проходил. Бывший русский царский генерал-адъютант, а затем (апрель—декабрь 1918 года) Гетман Украины Павел Скоропадский был удостоен на этом съезде титула гетман всей Украины, король Галиции и Владимирии и господарь Молдавии.

47.

Начало мая 1945 года. Германия. Баварские Альпы. Замок Шварцбург в окрестностях Берхтесгадена.

Записку Геринга генерал Коллер получил лишь тридцатого апреля под вечер и тотчас же связался со штабом авиаполка, в котором служил майор Эрих Хартманн. Ему повезло: Хартманна нашли довольно быстро. Англо-американские войска уже были рядом с аэродромом. Все офицеры полка готовились к эвакуации, значительная часть технического персонала и аэродромной охраны даже успела разбежаться, однако майор-ас помнил о своем обещании попытаться спасти Геринга, поэтому все еще оставался в офицерской казарме, дожидаясь звонка генерала.

— Как там у вас дела, майор? — поинтересовался Коллер, как только Хартманн подошел к телефону.

— Отвоевались мы, господин генерал-майор. В строю — шесть самолетов. И почти все повреждены. В том числе и мой. К тому же американцы уже рядом. Есть ли какие-либо сведения от Геринга?

— Именно поэтому и звоню. Только что мне доставили записку. Геринга и остальных заключенных перевезли в замок Шварцбург.

— Остальные заключенные меня не интересуют, — отрубил Хартманн. — Где находится этот замок?

— Недалеко от Берхтесгадена. Мои люди проведут вас. Сколько бойцов вы сможете собрать в своем отряде?

— Думаю, человек семьдесят.

— Усаживайте их на машины и направляйтесь сюда. По пути пополняйте отряд любыми военнослужащими, ссылаясь при этом на мой приказ, приказ Геринга, фюрера, кого угодно. Кто в этой суматохе станет выяснять и разбираться?

— Сложнее всего будет с транспортом.

— В крайнем случае пробирайтесь пешком. Каких-нибудь двадцать километров для солдата не расстояние.

— Если он пехотинец, — заметил Хартманн. — Однако не будем терять времени. Иду на взлет.

Это его «иду на взлет» Коллер очень часто вспоминал в течение всего первого мая, в течение которого отряд Хартманна так и не появился. Тем временем ситуация все больше осложнялась. Утром генерал позвонил оберштурмбаннфюреру Франку и поинтересовался, поступали ли какие-либо указания относительно рейхсмаршала Геринга. Франк выдержал длительную паузу, прежде чем соизволил изречь:

— Поступали. Одно из них только что.

— От фюрера?

— От фюрера уже вряд ли поступят какие-либо указания по этому поводу.

— Потому что фюрер погиб? Покончил с собой? Его убили? — нервно зачастил Коллер.

— Пока не ясно. Понятно только одно: на связь с войсками он уже не выходит. Всем и всеми командует Борман.

— И какие же указания поступили от Бормана?

— Только из уважения к вам, генерал, могу сообщить, что он потребовал сделать все возможное, дабы «апрельские изменники» во главе с Герингом не смогли избежать заслуженного возмездия[93].

— Однако в его распоряжении не было прямого указания о казни, разве не так?

— Слова «казнить» не прозвучало, однако и так понятно, что речь идет только о смертной казни. Как еще можно наказывать в военное время изменников?

— Вы помните наш разговор, оберштурмбаннфюрер?

— Помню. Но у меня есть приказ.

— ...Который поступил не от фюрера и не от Гиммлера. Борман же не является вашим прямым военным начальником, — все еще не терял надежды убедить его генерал Коллер, продолжая бороться за жизнь главкома ВВС. — И потом, время казни тоже ведь указано не было.

---

[93] Исторический факт. Подобное по смыслу указание Бормана действительно поступило утром 1 мая 1945 года. Фюрер уже покончил с собой, однако Борман приказал обитателям бункера тщательно скрывать этот факт. Все приказания, исходившие в эти дни из бункера, отдавал он. Выбор времени и способа казни оставался за руководителем местного гестапо.

— Не указано, верно. Однако в любом случае освободить рейхсмаршала я не могу.

— Зато можете потянуть время, чтобы замок смогли захватить американцы.

— При приближении американцев все заключенные должны быть уничтожены. Такой приказ я получил еще в тот день, когда переводил Геринга в Шварцбург.

— Понятно, вы не имеете права отдавать столь ценных «языков» в руки врага. А если бы его освободили наши солдаты? Чтобы затем укрыть Геринга где-то в горах. Он мог бы пригодиться нам для переговоров с англо-американцами. Борману русские все равно уже не дадут вырваться из Берлина и даже из бункера. И потом, военные захотят говорить с кем-то из наших фельдмаршалов, в подчинении которых находятся войска и которым подчинятся фронтовые генералы. Так что вряд ли они пойдут на переговоры с Борманом.

— Мне трудно понять, что вы имеете в виду, когда твердите об освобождении Геринга нашими солдатами, генерал, — неожиданно отчеканил Франк и, не вдаваясь в полемику относительно возможностей Бормана, положил трубку.

А еще через какое-то время в кабинет Геринга, в котором восседал теперь Коллер, вбежал его адъютант, лейтенант Мерке.

— Включите радиоприемник, господин генерал, там повторяют сообщение! Фюрер мертв! Он уже мертв!

Генерал мгновенно включил радио и услышал предупреждение о том, что сейчас будет передано важное сообщение. И после незначительной, но очень тягостной паузы оно действительно прозвучало: «Из главной ставки Гитлера сообщают, — объявил диктор срывающимся от волнения голосом, — что наш фюрер Адольф Гитлер сегодня после полудня, на своем командном пункте в имперской канцелярии, борясь до последнего вздоха с большевизмом, пал за Германию»[94].

— Вы слышали это, господин генерал?! Неужели это правда?

— А какие у вас основания не верить Германскому правительственному радио, лейтенант? Да, наконец-то он по-настоящему

---

[94] Здесь передается действительный текст первого радиосообщения о смерти Гитлера. В нем утверждалось, что фюрер «пал сегодня», то есть 1 мая, что, как впоследствии выяснилось с помощью свидетельств обитателей бункера, было неправдой.

мертв. Я сказал «по-настоящему», что означает, что на этот раз он погиб более удачно, нежели в июле прошлого года, — уже явно злорадствовал генерал Коллер, который не мог простить фюреру того унижения, которому он подверг его кумира, Геринга.

Да-да, именно кумира, поскольку Коллер начал восхищаться Герингом задолго до того, как увидел его в мундире рейхсмаршала. Это восхищение он сохранил со времен своей юности, когда Геринг восхищал его, молодого пилота, как бесстрашный ас.

— Что же теперь будет?

— Теперь всем нам, у кого хватает мужества не стрелять себе в висок прямо на своих командных пунктах, придется каким-то образом выбираться из той всемирной бойни, которую наш фюрер затеял, погубив при этом армию, народ и саму Германию.

Лейтенант потрясенно смотрел на своего генерала и молчал. Уж от кого — от кого, а от генерала Коллера услышать такое он не ожидал. Очевидно, мир действительно рушился, причем прямо у него на глазах.

* * *

Возле штаба Геринга на окраине Берхтесгадена отряд Хартманна появился лишь к одиннадцати утра третьего мая. Коллер был зол на него, он теперь весь был соткан из воспаленных нервов, однако майор-ас оставался невозмутим, как перед очередной воздушной атакой.

— Все эти дни мы провели в боях над Берлином, — объяснил Хартманн. — Неожиданно нам перебросили около двадцати машин из-под Берлина, к тому же восемь из них — сверхзвуковые, причем новенькие, только что с завода. Честно говоря, мы были поражены.

— Вот видите, майор, какой у этой страны все еще мощный военный потенциал!

— Вы правы. Просто не верится, что все эти новенькие машины могли появиться в такой ситуации, в какой оказалась сейчас Германия[95]. Ведь страна, по существу, растерзана, и все же...

[95] Исторический факт. Невзирая на бомбежки англо-американской и советской авиации, германская промышленность на заключительном этапе войны сумела выпустить около двух тысяч реактивных истреби-

— Потому что это — Германия! — не без гордости объяснил генерал. — Жаль только, что вы слишком запоздали со своими непобедимыми асами.

— Зато мне удалось привезти более восьмидесяти человек, — напомнил Хартманн, явно гордясь тем, что отряд все же удалось сколотить и доставить сюда. — Вы не представляете себе, господин генерал, скольких усилий понадобилось, чтобы раздобыть машины, две из которых мы захватили наглым пиратским способом.

— Ничего страшного, самое время пиратствовать, — отпустил ему этот грех генерал.

— Когда выступаем?

— Сейчас. Но прежде попытаюсь связаться с начальником местного отделения гестапо Франком.

Трубку поднял какой гауптшарфюрер[96] и сообщил, что оберштурмбаннфюрера Франка в здании гестапо нет. А немного помявшись, уточнил, что уже и не будет.

— С вами говорит генерал-майор Коллер, представитель люфтваффе при ставке фюрера, — уже более полно представился спаситель Геринга. Он знал, что во многих случаях особое впечатление на собеседника производил именно этот его титул: представитель при ставке фюрера. — Мне нужно точно знать: появится ли еще оберштурмбаннфюрер хотя бы завтра утром или же он решил... эвакуироваться.

— Поскольку вы — генерал, то я могу объяснить: перед уходом оберштурмбаннфюрер сказал: «Все, уходим! Раз фюрера с нами уже нет, то здесь нам делать больше нечего!»

— И почему вы не выполнили его приказ?

— Я выполняю его приказ: уничтожаю бумаги, которые могут нас компрометировать.

— Это свидетельствует о том, что вы — настоящий солдат фюрера. А с Франком мы разберемся. У вас есть связь с замком Шварцбург?

телей, скорость которых достигала почти 900 км в час. Советские асы поражались тому, что в воздухе все появлялись и появлялись эти новые сверхскоростные машины, сражаться с которыми было трудно, а главное, непривычно.

[96] Чин гауптшарфюрера СС соответствовал общевойсковому чину обер-фельдфебеля.

— Очевидно, должна быть. Связь пока что работает исправно.

— В таком случае немедленно свяжитесь с комендантом замка и предупредите, что вскоре я прибуду туда с отрядом солдат, чтобы забрать у них содержащихся там арестованных.

— Но я всего лишь гауптшарфюрер, и я не имею права...

— Скажете, что это звонят из гестапо по поручению оберштурмбаннфюрера Франка. Этого будет достаточно. Все, выполняйте приказ, иначе пойдете под трибунал вместе с дезертиром Франком. Кстати, по поводу содержащихся в замке арестованных господин Франк никаких указаний коменданту не давал? — генерал умышленно ни разу не назвал имени рейхсмаршала, дабы не напугать им гауптшарфюрера.

— Нет, никаких указаний отдано им не было. Сегодня я дежурил у телефонного аппарата.

— Я подумаю над тем, чтобы перевести вас в люфтваффе и произвести в лейтенанты, — молвил генерал, — все же лучше завершать войну офицером. И не эсэсманом, да к тому же гестаповцем. Разве я не прав, господин лейтенант?

— Я всегда мечтал стать офицером.

— И вполне заслуживаете этого. Не забудьте сообщить коменданту, что фюрер покончил жизнь самоубийством.

Пока они добирались на машинах до замка, на город дважды наваливалась вражеская авиация. Причем один из штурмовиков решил пройтись по колонне, и хотя Коллер вовремя приказал отряду сойти с машин и рассредоточиться, все равно появилось двое убитых и несколько раненых и вышла из строя одна машина. Однако остановить генерала это уже не могло.

Прибыв к воротам замка, он расставил своих бойцов по окрестным выступам и валунам и приказал часовым вызвать коменданта.

— Вам из гестапо звонили, оберштурмфюрер? — спросил он, как только комендант появился в проеме крепостной двери.

— Так точно.

— В таком случае вам уже все известно. Фюрер погиб, Борман, как мне только что стало известно, тоже пустил себе пулю в лоб, а русские танки в упор расстреливают рейхсканцелярию. Да, забыл сообщить, что ваш непосредственный начальник оберштурмбаннфюрер Франк тоже отбыл в неизвестном направлении, чтобы не

сказать — дезертировал. Исходя из всего вышесказанного, приказываю: арестованных немедленно передать мне, а вам советую снять с себя эсэсовский мундир и уходить в горы.

— То есть вы, как старший по званию, приказываете мне передать вам арестованных? — вслух размышлял оберштурмфюрер, очевидно, заранее прикидывая, каким образом ему придется оправдывать свои действия.

— Так и запишите в своем тюремном журнале: «Переданы по приказу и под ответственность представителя люфтваффе при ставке фюрера генерал-майора Коллера».

— Именно так и запишу, — облегченно вздохнул оберштурмфюрер.

— И на этом покончим с формальностями.

— А замок? Что будет с замком?

— Я не требую от вас передачи мне замка.

— Но я назначен его комендантом.

— Вот и командуйте его гарнизоном. Или принимайте любое иное решение.

— Могу я сообщить своим солдатам, что получил от вас приказ оставаться в замке и удерживать его любой ценой?

— Вы что, действительно собираетесь обороняться в этом охотничьем пристанище? Сколько вас здесь? Хотя бы три десятка штыков наберется?

— Под моим командованием — двадцать семь солдат и трое гражданских лиц обслуживающего персонала.

Выслушав этот доклад, генерал Коллер лишь грустно улыбнулся.

— Опоздали вы немного со своим мужеством, оберштурмфюрер. Вас бы в сорок первом — да под Москву. Но если уж вы решились оставаться в замке, то помните, что, в отличие от русских, американцы штурмовать Шварцбург не будут, а бросят на него три десятка бомбардировщиков и в течение получаса превратят его в груду камней.

— Пожалуй, так оно и будет, — развел руками обер-лейтенант СС. — Но все же за его стенами чувствуешь себя надежнее, чем в открытом поле, в окопчике.

— Решать, оберштурмфюрер, вам. Но в плен советую сдаваться только американцам, которые наиболее лояльны к нам, и только

после того, как их передовые отряды войдут в город, лучше всего на второй-третий день, когда негры из передовых отрядов немного поостынут, а значит, появится больше шансов уцелеть.

— Благодарю за дельный совет.

— К этому часу, — взглянул Коллер для пущей важности на часы, — американские танки уже должны подходить к Берхтесгадену. Американцы наступают очень решительно, уже даже не ради того, чтобы окончательно сломить наше сопротивление, сколько для того, чтобы как можно больше территории взять под свой контроль, не допуская туда русских.

— То есть надежды уже не осталось, это крах...

— Вы только сейчас поняли это?

— Когда первого мая я получил приказ расстрелять или повесить, на свое усмотрение, Геринга, мне казалось, что все выглядит не так безнадежно.

— Что же удержало вас от казни? Напомню, что сегодня уже пятое мая.

— Формально я ждал письменного приказа о казни или приговора суда.

— А неформально?

— Неформальную сторону моего положения вам объяснит сам Геринг. Это длинная история, з которую я обычно не посвящаю людей, чье знакомство со мной не обещает быть долгим.

— В любом случае мы, офицеры люфтваффе, всегда будет признательны вам за мужество, позволившее спасти жизнь такому выдающемуся человеку. Самому рейхсмаршалу Герингу!

— Может, это и выглядит наивно, однако мне действительно хотелось бы, чтобы вы, господин генерал-майор, как и ваши офицеры, не забывали этого. Когда-нибудь мне, возможно, тоже может понадобиться ваша поддержка. Нет-нет, не сейчас, а через какое-то значительное время, скажем, через несколько лет после войны.

— Я не пытаюсь уточнять, что вы имеете в виду. Но вам, лично вам, предлагаю уходить отсюда вместе с нами, оставив вместо себя фельдфебеля или унтер-офицера.

— И куда прикажете уходить?

— Сначала в Берхтесгаден, если там еще нет американцев, а затем в горы. Или... почетно капитулировать, — добавил он, попытавшись избежать слов «сдаться в плен».

— Мне надо посовещаться с гарнизоном, — ответил Виттельсбах.

— При создавшейся ситуации вы обязаны это сделать, — признал генерал.

— И поговорить с самим рейхсмаршалом.

— Попытаетесь выяснить, желает ли он покинуть ваши подземелья?

— Он не в подземелье. Я сделал для него исключение. Просто хотелось бы еще раз переговорить с ним, теперь уже не как с заключенным, а как с государственным деятелем, которому найдется место и в послевоенном правительстве или в рейхстаге.

— Думаю, десяти минут вам достаточно, — проговорил генерал. — И ворота оставляйте открытыми, вдруг ваш СС-гарнизон вздумает противиться выдаче рейхсмаршала.

— Постараюсь убедить.

— Даже силой личного оружия. Знаете, как-то не хочется утруждать моих засевших на скалах снайперов.

Виттельсбах появился минут через пятнадцать. Судя по его раскрасневшемуся лицу, обсуждение и в самом деле было бурным.

— Гарнизон решил, что арестованных мы должны выдать вам, поскольку письменного распоряжения о казни не последовало. — И, наклонившись к Коллеру, полушепотом проговорил: — О том, что было устное распоряжение о казни Геринга оберштурмбанн-фюрера Франка, я своим солдатам не сообщал.

— Правильно сделали, обер-лейтенант, оно и не стоило этого.

— Но гарнизон остается. Мы не можем уподобляться русским партизанам. Если мы и капитулируем, то как полагается капитулировать регулярным войскам. Скорее всего, это произойдет тогда, когда акт о капитуляции будет подписан нашим руководством в Берлине.

Для встречи рейхсмаршала генерал Коллер и оберштурмфюрер Виттельсбах построили своих людей по обе стороны дорожки, ведущей от крыльца жилого здания до ворот укрепленного замка. При этом комендант решил, что сначала он освободит только Геринга, чтобы генерал со своими солдатами мог встретить его, как полагается встречать рейхсмаршала, а уж затем волю вдохнут его адъютанты и в последние дни сильно разболевшийся Ламмерс.

Рейхсмаршал предстал перед своими освободителями осунувшимся, бледным, в измятом мундире и с какой-то подаренной ему комендантом тросточкой с серебристым набалдашником вместо маршальского жезла в руке. Впрочем, теперь все выглядело так, словно уже не было в этом бурге ни тюремщиков, ни освободителей. Перед ним предстал разномундирный и разношерстный гарнизон небольшой горной крепостушки, у стен которой вот-вот должны появиться лавины врагов.

— Господин рейхсмаршал, — строевым шагом подошел к нему с рапортом генерал Коллер, — сформированный мной и майором Хартманном специальный отряд люфтваффе прибыл, чтобы сопровождать вас к вашей ставке в Берхтесгадене! Сейчас, когда фюрер уже мертв...

— Это действительно так — фюрер мертв?! — вскричал Геринг, прервав его рапорт.

— Так точно, господин рейхсмаршал. Еще первого мая он покончил жизнь самоубийством.

— Это официальные сведения?

— Не вызывающие сомнений. Было официальное сообщение Германского радио.

— Такое сообщение действительно было, — поспешно подтвердил оберштурмфюрер Виттельсбах.

— И вы до сих пор скрывали от меня столь важный исторический факт?! — заорал на него рейхсмаршал так, словно перед ним стоял не бывший комендант тюрьмы, получивший приказ о его казни, а нерадивый дежурный по части.

— Господин рейхсмаршал!.. — укоризненно остепенил его генерал Коллер, вспомнив, что они все еще находятся на территории тюремного замка, у окон-бойниц которого стоит добрый десяток автоматчиков.

— Извините, рейхсмаршал, я не имел права сообщать об этом, — вежливо склонил голову Виттельсбах, снимая неловкость ситуации. И только его извинение как-то сразу же умерило пыл Геринга.

— Вы же понимаете, что мы потеряли массу времени, — набыченно покачал он головой, выказывая этим свое крайнее разочарование и сожаление, — которое я вполне мог использовать для переговоров с американским генералом Эйзенхауэром и английским командованием — с целью спасения рейха.

Генерал едва заметно ухмыльнулся: своей напыщенностью речи, амбициозным видом и странноватой мимикой Геринг очень напоминал ему сейчас незабвенного дуче Бенито Муссолини в те первые часы, когда его — уже лишенного всякой власти и только чудом спасенного от казни — личный агент фюрера Скорцени доставил в Берлин.

«Вот из кого, — подумалось ему, — получился бы новый нацистский диктатор Германии, достойный преемник идей традиций фюрера и дуче!»

— У вас появится возможность вступить в эти переговоры уже сегодня, — несколько запоздало напомнил ему генерал-майор Колер. — Причем вместе с гросс-адмиралом Деницем, которого перед смертью фюрер назначил своим официальным преемником.

— Так все же Деница, а не Бормана?! — возрадовался рейхсмаршал.

— Именно так. Фюрер, как всегда, оказался мудрым.

— Это же хорошо! С Деницем — при всей сумбурности его характера — найти общий язык мы сумеем. Это не Борман.

Уловив, что генерал ни словом не обмолвился ни о его несправедливом аресте, ни о мужественном освобождении, расчувствованный Геринг тоже сделал вид, что ничего такого, чтобы унизило его рейхсмаршальское достоинство, не произошло. Обойдя строй, он пожал руки почти всем, кто в нем стоял, в том числе и эсэсманам из тюремной охраны, а затем, вернувшись к стоявшим во главе строя офицерам, объявил всем благодарность за верную службу фюреру и рейху.

— Но особую благодарность я хочу выразить коменданту этого замка, в котором я нашел приют, оберштурмфюреру СС Отто Виттельсбаху. Кстати, пользуясь случаем, сообщаю, что оберштурмфюрер является членом той самой императорской династии Виттельсбахов, которая дала нам кайзера Вильгельма II и многих других прусских и всегерманских правителей.

Строй бойцов растерянно промолчал: эти люди все еще не осознавали, что фюрера уже нет и что гитлеризм, при котором всякое упоминание об императорской династии чуть ли не приравнивалось к измене фюреру, уходит в небытие. Впрочем, Геринг был слишком увлечен осознанием собственной свободы, чтобы обращать внимание на такие мелкие конфузы.

— В Берхтесгадене пока еще нет американцев? — поинтересовался он у генерала.

— Уверен, что еще нет.

— Тогда чего мы тянем? Отправляемся в Берхтесгаден.

— А что прикажете делать нам? — растерянно и почти оскорбленно спросил майор Хартманн, который удостоен был только сухого пожатия руки Геринга, наравне с тюремщиками. А ведь таким образом сбывались его самые худшие подозрения о грядущей неблагодарности Геринга.

— Вы, майор, отправляетесь вместе с нами в Берхтесгаден, — ответил вместо Геринга генерал Коллер. — Остальные могут решать: то ли возвращаться с нами в город, то ли на время рассеяться по горным селам, чтобы переждать там первую волну оккупантов или погибнуть в боях с ними.

— Но возможен и третий вариант: все желающие могут влиться в гарнизон нашего замка, — объявил оберштурмфюрер Виттельсбах.

И уже через несколько минут спецотряд генерала Коллера, в самом деле распался. Около двух десятков солдат, в основном из тех, кто не принадлежал к люфтваффе, а пристал к майору Хартманну по пути в Берхтесгаден, осталось в замке, еще столько же решило уйти в Баварские Альпы, кое-кто даже с надеждой на то, что удастся пересечь швейцарскую границу.

И все же около пятидесяти людей, в основном вооруженных автоматами офицеров и унтер-офицеров военно-воздушных сил, составили личную охрану рейхсмаршала, с которой уже через час тот прибыл в прифронтовой Берхтесгаден[97]. В эти минуты Геринг казался себе триумфатором, въезжающим в столицу сотворенной им империи после решающей битвы, в которой все пророчили ему не только поражение, но и гибель.

---

[97] Версия, которой обычно придерживаются публицисты при восстановлении хроники последних предкапитуляционных дней Геринга, говорит о том, что из замка, где рейхсмаршал ожидал своей казни, его освободил случайно проходивший мимо отряд бывших служащих люфтваффе, который после этого сразу же «рассеялся по окрестным горам». При этом не уточняется, откуда взялся столь специфический отряд авиаторов и почему, прежде чем рассеяться в горах, он вдруг оказался именно у того замка, в котором томился их главнокомандующий.

48.

Конец апреля — начало мая 1945 года. Германия. Земля Шлезвиг-Гольштейн. Ставка гросс-адмирала Деница в морской школе в Мюрвике, вблизи Фленсбурга.

Когда комендант морской школы сообщил адъютанту Деница капитан-лейтенанту Наубе, что гросс-адмирала срочно просят зайти в радиорубку, тот был несказанно удивлен.

— А вы ничего не путаете, обер-лейтенант? Если бы нас кто-либо и пытался разыскивать, то радировал бы в Плен[98], избранный гросс-адмиралом в качестве своей временной ставки.

— Именно там радисты ставки фюрера и искали вас. Но в Плене им подсказали, что вы здесь. Не исключено, что теперь этот Богом забытый Плен может стать и временной столицей Германии.

— То есть? — не понял Фридрих Наубе. Они с гросс-адмиралом и несколькими штабистами кригсмарине прибыли сюда только два часа назад, причем в дороге трижды попадали под налеты англо-американской авиации, и теперь оба мечтали только об одном — хотя бы часик подремать. Чем, собственно, и занят был теперь главком кригсмарине.

— Простите, капитан-лейтенант, это всего лишь мои предположения, — тотчас же стушевался комендант. — Но гросс-адмирала действительно срочно просят выйти на связь с рейхсканцелярией.

Школа располагалась в крепком старинном особняке, обнесенном высокой, почти крепостной оградой, с мощными подземельями и столь же мощной радиостанцией. Почти все курсанты и преподаватели школы пополнили ряды расквартированного под Фленсбургом полка морской пехоты или команды кораблей, а оставшаяся в школе рота охраны должна была теперь следить за поддержанием порядка и усиливать личную охрану гросс-адмирала.

---

[98] Плен — городок, расположенный южнее Киля, в котором на какое-то время в конце апреля 1945 года обосновался со своим штабом гросс-адмирал Дениц. Но уже тогда он готовился к переносу ставки в морскую школу в Мюрвике, куда и переехал сразу же после гибели Гитлера и назначения его главой государства.

Укутавшись в шинель, Дениц сидел в кресле начальника школы, отправленного во Фленсбург вместе с частью своих воспитанников, но не спал, а устало, с неуемной тоской в глазах смотрел в окно, за которым зеленела часть кроны старинного с трудом пробудившегося этой, очевидно, последней в своей жизни весной. Возможно, в эти минуты смертельно уставший от войны и командных забот гросс-адмирал и сам чувствовал себя таким же теряющим интерес к своему бытию дубом.

— Мой гросс-адмирал, вас просят зайти в радиорубку школы, чтобы установить связь со ставкой фюрера, — с удушающей хрипотцой отставного подводника проговорил Наубе.

— Что там еще, якорь им всем в брюхо?!

— Мне почему-то кажется, что они наконец-то решились передать всю полноту власти в рейхе вам, мой гросс-адмирал. — Несмотря на то что время от времени Дениц болезненно реагировал на это обращение своего адъютанта — «мой гросс-адмирал», особенно когда оно звучало в присутствии кого-то из высоких вермахтовских чинов, теперь главком не обратил на него никакого внимания. Впрочем, в последнее время «фюрер подводных лодок» научился не замечать многое из того, что еще недавно основательно раздражало его.

— Вопрос в том, хочу ли я принимать на себя это бремя, — медленно, устало выбирался из глубокого кожаного кресла Дениц.

— Даже если это бремя главы государства?! — не поверил ему адъютант, всегда мечтавший о том, чтобы не по-флотски напыщенное «мой гросс-адмирал» он, наконец, мог заменить скромным обращением: «мой гросс-фюрер». Причем именно таким — «мой гросс-фюрер!» — Простите, мой гросс-адмирал, но это тот случай, когда даже вы можете показаться неправым. Хотя обычно я это исключаю.

Начальник радиостанции встретил его у входа в радиорубку.

— Я поздравляю вас с новым назначением, господин гросс-адмирал, — стоял он, неестественно вытянувшись, и дрожащей рукой протягивал Деницу радиограмму.

— С каким еще назначением? — подозрительно поморщился гросс-адмирал.

— Самым высоким: вы теперь наш фюрер, я так полагаю.

«Гросс-адмиралу Деницу, — прочел главком кригсмарине. — На место рейхсмаршала Германа Геринга фюрер назначает вас, господин гросс-адмирал, своим преемником. Письменные полномочия уже посланы. Борман. Геббельс».

— Больше никаких радиограмм из Берлина не поступало? — поинтересовался он у начальника радиостанции.

— Никак нет, господин гросс-адмирал.

— Из Берлина, из ставки, в радиопередачах вражеских радиостанций — ничего такого?..

Деница интересовало сейчас именно то, что предательски недоговаривали Борман и Дениц: жив ли фюрер? Но поскольку речь шла о жизни и смерти Гитлера, то он не решался так прямо и сформулировать свой вопрос. Свое неожиданное восхождение в канцлеры гросс-адмирал воспринял без особого энтузиазма. Он всегда считал себя военным моряком, флотоводцем, поэтому сейчас у него было такое ощущение, что политики, приведшие германский народ к катастрофе, попросту хотят прикрыться его именем, чтобы потом взвалить на него всю вину за позорную капитуляцию рейха.

— Возьмите, Наубе, карандаш, и давайте будем сочинять.

— Что именно мы с вами будем сочинять?

— Письмо фюреру.

— Хотите отказаться от полномочий, которые он вам передал?

— Вы же знаете, Наубе, что я не привык оплакивать потери. Но реальность такова, что сам фюрер мне ничего не передавал.

— Позвольте, а радиограмма?

— Эти полномочия я получил от господ Бормана и Геббельса, которые, в общем-то, не вправе были мне их передавать. По крайней мере до тех пор, пока сам фюрер жив. У нас есть какие-то основания считать, что Гитлер ушел из жизни?

— Никаких оснований! — решительно повертел головой адъютант.

— И я так считаю. Поэтому пишите: «Мой фюрер, моя верность вам неизменна[99]. Передача мне ваших полномочий...» Впрочем,

---

[99] Уже после того как ему были переданы полномочия, на следующий день после гибели фюрера, Дениц, все еще не знавший о том, что фюрер действительно застрелился, направил ему верноподданническое письмо, начинавшееся процитированными словами. — *Автор.*

подождите, Наубе, в радиограмме Бормана что-то там говорится о письменных полномочиях, которые уже посланы.

— Наверное, их следует ожидать завтра. Или послезавтра. Если только они вообще дойдут.

— Вот тогда и допишем наше письмо. К тому дню, когда мы получим эти письменные подтверждения полномочий, многое прояснится. А главное, станет ясно, жив ли фюрер.

Однако служебное утро следующего дня началось с того, что в кабинет гросс-адмирала вошел начальник радиостанции.

— Опять из рейхсканцелярии? — удивленно уставился на него Дениц.

— Никак нет, из совершенно иной инстанции, — усталым голосом объявил начальник радиостанции и вручил Деницу еще одну радиограмму, в этот раз — подписанную Кальтенбруннером и Скорцени.

«Господин гросс-адмирал, господин канцлер, — говорилось в ней, — просим завтра, к десяти утра, прибыть на базу "Нордберг", где вас будет ждать фюрер. Предстоят проводы стаи "Фюрер-конвоя". Самолет за вами будет послан».

— Вот теперь все проясняется! — потряс Дениц радиограммой. — Теперь мне понятна недосказанность, которая бросается в глаза в радиограмме Бормана и Геббельса.

— Что именно проясняется? — осторожно поинтересовался Наубе, кивком головы выпроваживая обер-радиста из кабинета.

— Здесь сообщается, что фюрер уже в «Нордберге», он покидает рейх на одной из субмарин «Фюрер-конвоя» и отбывает.

— В Испанию?

— Скорее всего, в Аргентину. Впрочем, это не столь уж и важно.

— В любом случае сразу же после его проводов вся власть в Германии переходит к вам, — подсказывал ему дальнейший ход мыслей адъютант.

— Власть — да, переходит, — мрачно отшутился Дениц, — вот только Германии уже нет.

— Была бы власть, а Германию мы создадим. Сейчас я свяжусь с аэродромом, и будем готовиться к отъезду. Странно только, что в своей радиограмме Борман даже не намекнул на бегство, простите, на отъезд фюрера.

— Если эта операция поручена Скорцени, то Борман и Геббельс могли и не знать о ней. То есть они могли знать, что фюрер отбывает из рейхсканцелярии, но считать, что он направляется в «Альпийскую крепость».

49.

Конец апреля 1945 года. Германия. «Нордберг» — секретная база субмарин «Фюрер-конвоя» на побережье Северного моря.

Каждый, кто прибыл на это совещание, понимал: они в последний раз собираются вместе, в последний раз получают приказ главкома кригсмарине, и вообще, все, что сейчас будет происходить, уже через каких-нибудь полтора часа, то есть сразу же после выхода из базы, с трагической необратимостью сможет вкладываться в ностальгическое понятие «последние минуты на земле рейха».

Войдя в кабинет начальника секретной базы «Нордберг», гросс-адмирал Карл Дениц задумчиво осмотрел выстроившихся вдоль длинного дубового стола адмиралов и офицеров: осунувшиеся лица, наполненные прощальной грустью, красноватые от усталости и бессонницы глаза, согнутые годами и субмаринной теснотой увядающие плечи...

А ведь еще недавно все эти люди казались ему бравыми морскими офицерами: по-аристократически холеными, самоуверенными и бесстрашными.

«...Перед тобой, главком кригсмарине, — мысленно объяснил себе Дениц, — люди, уцелевшие на поле битвы только для того, чтобы испить яд поражения и за себя, и за всех павших. Это люди, которым не хватило храбрости, чтобы погибнуть в бою, и не хватило мужества, чтобы прекратить свое презренное существование выстрелом чести».

Дело в том, что Дениц и сам все чаще размышлял над праведностью выстрела чести, решая для себя, что важнее: до конца, до последней возможности спасать честь германского флота и самой Германии или же заботиться только о собственной, да и то весьма сомнительной чести самоубийцы?

После визита в секретную школу людей-торпед, посетить которую не так давно пригласил его личный агент фюрера Отто Скорцени, гросс-адмирал увлекся чтением подаренного ему обер-диверсантом рейха «Философского наставления для курсантов особой мореходной школы», основа которого состояла из выдержек настольных книг японских самураев и камикадзе: трактата «Скрытое в листве»; священной книги самураев «Путь воина» и самурайского воинского пособия «Начальные основы воинских искусств».[100] Именно там Дениц с удивлением открыл для себя, что, прибегая к харакири, самурай, оказывается, не убивает свою земную плоть, а «избавляет себя от позорной церемонии жизни».

Но еще больше поразило его последнее и, очевидно, самое мудрое наставление начинающему самураю: «Если на войне самураю суждено будет проиграть бой и придется сложить голову, ему надлежит гордо назвать свое имя и умереть с улыбкой, без унизительной поспешности».

...Вот оно: перед лицом смерти гордо назвать свое имя и умереть с улыбкой, без... унизительной поспешности! Кто еще может посоветовать воину умереть с улыбкой, а главное, без унизительной поспешности?! Возможно, только этот курсантский винегрет из самурайских наставлений и постулатов в конечном итоге удержал «фюрера подводных лодок», как титуловал его сам Гитлер, от унизительной поспешности самоубийства. Хотя он прекрасно понимал, что выбор у него невелик: позорный плен или выстрел чести.

— Контр-адмирал Штауф, — решил Дениц, что ему следует пройти вдоль строя, пожать каждому из подчиненных руку и, объявляя приказ, сказать те последние слова, которые он мог и обязан был сказать как главнокомандующий флотом.

— Я, господин гросс-адмирал.

— Вам поручено командовать ударной стаей, которая состоит из десяти особых субмарин «Фюрер-конвоя» и четырех

---

[100] Речь идет об 11-томном трактате Ямамото Цунетомо «Скрытое в листве» (716), Кодексе чести самурая «Буси-до» («Путь воина») и пособии Дайдодзи Юдзана(1639—1730) «Начальные основы воинских искусств». В основу воспитания германских камикадзе, над школами которых шефствовал Отто Скорцени, тоже были положены принципы воспитания японских самураев, камикадзе и ниндзя.

линейных боевых субмарин сопровождения, которые будут обеспечивать авангардно-арьергардное и боковое охранения. Благодаря тому что база «Нордберг» расположена в скальном грунте и причалы ее скрыты под водой и скалами, противник не догадывается о наличии здесь эскадры «Фюрер-конвоя» и уж никак не предполагает, что этой ночью мы выйдем в море тремя большими стаями. Тем более что наша контрразведка допустила утечку информации о том, что большая часть субмарин «Фюрер-конвоя» уже лежит на дне или перебазирована к берегам Аргентины.

— Постараемся поверить в то, что англичане поверят нашей дезинформации, — не без иронии заверил его Штауф, однако Дениц предпочел не заметить его скепсиса. Хотя и помнил, что Штауф уже трижды совершал длительное рейдирование проливов Па-де-Кале и Ла-Манша и, как никто иной, знал, сколь отчаянно, не считаясь с потерями, англичане пытаются запереть перед германцами эти подводные ворота Атлантики.

— Учтите, что люди и груз, которых вам приказано доставить на антарктическую «Базу-211», — бесценны. Когда вы будете подходить к Па-де-Кале, в воздухе появятся наши бомбардировщики и два звена штурмовиков. Вести их будут пилоты, готовые направить свой самолет на любое вражеское судно, если только его не удастся потопить бомбовыми ударами, чтобы, таким образом, ценой собственной жизни уберечь вас от нападения. На них можно положиться, поскольку все они прошли специальную подготовку в отряде пилотов-смертников под командованием Отто Скорцени и действуют в бою, не оплакивая потерь.

Все машинально перевели взгляды на стоявшего чуть в сторонке от замершего строя обер-диверсанта. Скорцени не подлежал приказам гросс-адмирала, он не собирался воспользоваться бортом какой-либо из субмарин, хотя соблазн такой был, а прибыл на базу «Нордберг» только для того, чтобы до конца выполнить самим фюрером возложенный на него долг: обеспечить охрану и последний выход в океан субмарин «Фюрер-конвоя».

— Я имею представление о том, какие парни проходят подготовку в отряде ракетно-авиационных камикадзе оберштурмбанн-фюрера Скорцени, — заверил его контр-адмирал Штауф и, вновь

метнув взгляд в сторону «самого страшного человека рейха», хитровато ухмыльнулся. — Люди-бомбы, люди-торпеды и, наконец, люди-ФАУ. Не знаю, как побеждать, но умирать в обнимку с врагом эти торпедно-ракетные смертники умеют.

— Умирать в обнимку с врагом! Прекрасно сказано, контр-адмирал, — признал Дениц, взглянув перед этим на невозмутимо уставившегося в пространство перед собой наставника германских камикадзе. — Третий рейх оказался в такой военной западне, что вскоре всем нам придется умирать в обнимку с врагами. Не оплакивая при этом потерь. Но вас, команд «Фюрер-конвоя», это уже не касается: вы уходите на иной континент, в иную страну, в иной мир. И, поверьте, я отчаянно завидую вам.

— А я почему-то вам. И вообще всем остающимся на борту этого гибнущего рейхс-«Титаника».

Когда Дениц впервые встретился с этим смуглолицым черноволосым морским офицером, за которым, из-за его скуластого лица и безбожно кривых ног, закрепилась кличка Азиат, то определил его породу, как «дичайшую помесь венгерского цыгана с литовским татарином». Теперь же, увидев его коварную ухмылку, сотканную из морщинистой желтовато-пепельной кожи, по-барабанному натянутой на костлявое азиатское лицо, убедился, что в определении своем он был недалек от истины. Хотя когда-то оно звучало, как не подлежащий обжалованию приговор.

В свое время гестаповцы даже протестовали против присвоения Штауфу чина капитана цур зее[101], мотивируя это тем, что в его венах нет ни капли арийской крови. Однако Дениц, который яростно добивался неподвластности кригсмарине гестапо и гестаповской агентуре, сумел отстоять не только его, но и нескольких офицеров-иудеев, продолжая, таким образом, традиции, заложенные его предшественником и патроном гросс-адмиралом Редером[102], всегда настаивавшим на поддер-

---

[101] Чин капитана цур зее приравнивается к чину капитана первого ранга, то есть полковника военно-морских сил, а корветтен-капитана — к капитану третьего ранга (майору).

[102] Гросс-адмирал Эрих Редер (1876—1960) действительно пытался исключить вмешательство гестапо в деятельность флота и сумел спа-

жании независимости и исключительной кастовости морского офицерского корпуса.

— За час до начала нашего совещания в сторону Английского канала ушла тройка подводных корсаров под флагом корветтен-капитана Оэля. Эти субмарины проведут разведку и отвлекут на себя удар любого противника. Второй удар примут на себя субмарины вашего сопровождения. Задача субмарин «Фюрер-конвоя» — без потерь прорваться в Атлантику.

— И мы, несомненно, прорвемся, гросс-адмирал.

— У берегов Юго-Восточной Африки вас встретят суда, чтобы принять груз с бортов субмарин сопровождения, после чего эта стая уйдет в рейдерский поход против кораблей противника, появляющихся в водах между Южной Америкой и Южной Африкой. То есть на подступах к Рейх-Атлантиде. Более подробные инструкции — в пакете, который мой адъютант Фридрих Наубе вручит вам непосредственно перед посадкой на борт субмарины. На все вопросы, которые могут возникнуть у вас; ответы найдете в письменном приказе, после вскрытия пакета.

— Вопросов не будет. Моя стая выполнит ваш приказ, гросс-адмирал.

— Вы, вице-адмирал фон Готт, возглавляете командование центральной стаей и одновременно всем отрядом, который выйдет в море под вашим флагом.

— Благодарю за оказанную честь, господин гросс-адмирал!

— Напоминаю всем присутствующим, что в 1939 году вице-адмирал фон Готт оказался в числе первооткрывателей и первоисследователей Новой Швабии. Он же командовал потом первой стаей субмарин «Фюрер-конвоя», уходившей к берегам Антарктиды с десантом истинных арийцев, а затем именно он, приказом фюрера, был назначен комендантом «Базы-211» и одновремен-

---

сти не только от увольнения, но и от концлагеря нескольких офицеров-иудеев. В 1939 году, буквально через несколько месяцев после присвоения ему чина гросс-адмирала, Редер был отправлен в отставку с поста главкома ВМС из-за конфликта с фюрером. Приговоренный Нюрнбергским трибуналом к пожизненному заключению, он настаивал, чтобы его приговорили к расстрелу.

но — комендантом столицы Рейх-Атлантиды города Арийбурга, неофициально именуемого еще Новым Берлином. Я ничего не напутал, господин Полярный Барон?[103]

— Вы точны, как адмиральский компас.

— На вашей флагманской субмарине выйдет в море несколько человек, чьи лица будут скрыты под медицинскими масками. Ни вы лично, ни кто бы то ни было иной из экипажа вашей подлодки не имеете права интересоваться их личностями, а уж тем более — пытаться опознать их по лицам. Каждый из моряков или других пассажиров субмарины, кто продемонстрирует повышенный интерес к этим личностям, при первом же всплытии должен оказаться за бортом с пулей в затылке.

— Их тайна, конечно же, будет сохранена, гросс-адмирал.

— Кстати, это касается всех командиров стай и отдельных субмарин. Вчера вы, моряки вашего отряда, приняли обет вечного молчания и самопожертвования[104]. Поэтому дисциплина должна быть жесточайшей, и действовать командирам надлежит решительно и жестко, не оплакивая потерь.

— И мы не станем оплакивать их, — поскреб подбородок Полярный Барон, забыв, что обязан стоять перед гросс-адмиралом по стойке смирно. — Но у меня вопрос: утром мне стало известно, что на две субмарины заводят по двадцать пять женщин. Что это за женщины, как мы должны относиться к ним во время плавания и особенно во время кратковременного отдыха на базе в Юго-Западной Африке? Уж этот-то спецотряд засекречивать, по-моему, ни к чему.

---

[103] Более подробно о судьбе вице-адмирала барона фон Готта (Полярного Барона) — в моем романе «Антарктида: Четвертый рейх», тематически предшествующем роману, который вы держите сейчас в руках. — *Автор*.

[104] По имеющимся сведениям, все моряки, уходившие в океан на субмаринах «Фюрер-конвоя», принимали обет вечного молчания, и команды субмарин формировались в основном из моряков, чьи близкие родственники погибли во время войны, или из лиц, некогда воспитывавшихся в детских приютах. Цель — уменьшить степень их привязанности к Германии и избавиться от послевоенных поисков этих моряков усилиями родных и близких.

— Я могу облегчить вашу участь, вице-адмирал, и часть этого бесценного груза взять на свою субмарину, — вполголоса проворчал Вилли Штауф.

— Сначала дослужитесь до вице-адмирала, — в той же тональности пробормотал фон Готт.

В любой иной ситуации Дениц резко прервал бы этот джентльменский обмен словесными ранениями, однако на этот раз — сдержался.

— Это строжайше отобранные арийки, которые находились в одном из особых пансионатов СС, лебенсборне «Святилище арийцев», и призваны были, удовлетворяя арийцев в мундирах СС, дарить Германии «детей фюрера». Команду беременных арийек мы в свое время уже отправили в Рейх-Атлантиду. Теперь еще одна команда, составленная из женщин, которые еще не зачали или которые уже не способны зачинать.

— Какая предусмотрительность! — съязвил фон Готт, пытаясь втянуть гросс-адмирала в ироническую перепалку, однако гросс-адмирал оставался непоколебимым.

— Предназначение одних, — объяснил он, — служить зарождению нового поколения, на сей раз — арий-атлантов; предназначение других — сохранять постоянную готовность к изысканным постельным усладам.

— Понятно, — кивнул Полярный Барон, проникаясь, наконец, житейской мудростью подобного подхода. — На «Базе-211» — острейшая нехватка женщин, поэтому я сам неоднократно обращался к фюреру и Гиммлеру с просьбой перебросить еще несколько женских отрядов.

— Тогда что вас смущает, вице-адмирал?

— В данном случае меня интересовало, как вести себя с этими женщинами во время похода.

— С «усладными» можете общаться без ограничений и особо не церемониться, но только на африканской базе и только демонстрируя уважение к этим арийкам; с остальными — исключительно с разрешения идущего вместе с женотрядом врача. Эти женщины должны выносить в своих чревах цвет новой расы — арий-атлантов.

— Я понимаю, гросс-адмирал. К каждой из женщин мои люди будут относиться, как к истинной арийке.

50.

Май 1945 года. Лондон. Центральный офис «Сикрет Интеллидженс Сервис» (английской секретной разведывательной службы).

...Уже на следующее утро английские радиоперехватчики сумели записать и расшифровать переданный по радио личный приказ фюрера об объявлении благодарности Отто Скорцени и другим чинам СД и морского флота, «участвовавшим, — как в нем говорилось, — в проведении эвакуации ряда высших руководителей рейха из оккупированной врагами Германии». В этой радиограмме фюрер заявлял, что он никогда не признает каких бы то ни было условий акта о капитуляции, кем бы из оставшихся в Германии бывших руководителей рейха они ни были подписаны.

«Мы приступаем ко второй стадии борьбы за господство арийской расы и национал-социалистской идеологии, — объявлял этот, вдруг совершенно некстати оживший "фюрер". — Наша непримиримая борьба будет вестись под знаменами и свастикой Четвертого рейха, который уже перегруппировал свои силы и, установив отношения с Высшими Посвященными Внутреннего Мира, развернул широкую борьбу за установление в Европе и Америке нового высшего порядка.

Задача нового этапа нашей борьбы — объединение национальных элит всего мира во имя сотворения единой всепланетной нации нордических атлантов, в которой, методом воспитательной пропаганды и регулярных физических чисток, были бы изжиты воровство, бандитизм, проституция, наркомания, а также бесконтрольное увеличение физически и психически неполноценной массы населения. Рейх и национал-социализм непобедимы! Вождь Четвертого великогерманского рейха Адольф Гитлер.

Атлантика. Борт субмарины "Фюрер-конвоя" "U-330".

Нетрудно было установить, что радиограмму передали из субмарины, находившейся приблизительно в ста милях от английского острова Сент-Килда. Судя по интенсивности радиопереговоров, которые ранее были зафиксированы в этом районе, следовало признать, что группа английских подводных лодок

действительно обошла Оркнейский архипелаг и другие шотландские острова и ушла в Атлантику.

Однако все это — сухая констатация, а нужна была профессиональная аналитика. Если предположить, размышлял О'Коннел, что на борту одной из субмарин действительно находится фюрер, то эта волчья стая, как именовал отряды своих субмарин гросс-адмирал Дениц, конечно же, не стала бы рисковать, прорываясь через английские морские заставы в проливах Па-де-Кале и Ла-Манш. Особенно если субмарины уходили от берегов Норвегии, где у гитлеровцев все еще имелись военно-морские базы.

Настораживала новоиспеченного генерала от разведки и открытость сведений, заложенных в радиопослании «фюрера»: номер субмарины, ее принадлежность к секретному соединению «Фюрер-конвоя»... Хотя, с другой стороны, именно эти данные многим германцам могли служить косвенными подтверждениями истинности обращения фюрера; доказательством того, что он жив, спасен и находится вне Германии, вне досягаемости врагов.

Это-то было сейчас самым важным открытием для генерала: фюрер жив! Причем сведения об этом поступили именно тогда, когда, казалось бы, германскому сектору «Сикрет Интеллидженс Сервис», наконец, удалось собрать достаточно убедительных свидетельства его... гибели, основанием которых служили сведения, полученные из нескольких официальных и неофициальных германских источников.

И хотя среди тех лиц, которые эту информацию в той или иной форме выдавали, не было пока что ни одного непосредственного свидетеля самоубийства фюрера или хотя бы просто обитателя бункера, — тем не менее их утверждениям можно было верить. К тому же они подтверждались самой ситуацией, которая складывалась в эти дни в поверженной Германии, в том числе — актом передачи всей полноты власти в стране гросс-адмиралу Деницу.

Возможно, эта радиограмма и была бы в конечном итоге воспринята как фальшивка, но в тот же день несколько германских агентурных источников, расположенных в районах германских городов Куксхафен, Эльмсхорн и Пиннеберг, сообщили, что вчера из секретной базы субмарин ушла стая «Фюрер-конвоя», на одной из которых находится... фюрер!

Когда все эти сообщения, собранные германской секцией «Сикрет Интеллидженс Сервис», положили на стол генералу О'Коннелу[105], он сразу же обратил внимание на явное временное несоответствие: послание фюрера не могло быть радировано из далекой для Германии северной оконечности Шотландии буквально через несколько часов после того, как субмарина с ним на борту оставила некую секретную базу, находящуюся на германском побережье Северного моря.

Объяснение этой временной нестыковке найти, в общем-то, можно было бы очень просто: германские агенты пользовались запоздалыми слухами, а не проверенными данными и вели речь о другой стае, выход которой последовал за выходом специального секретного отряда «Фюрер-конвоя». Или же радист отправил заранее составленное радиопослание, находясь при этом в субмарине передовой разведывательной стаи. В то время как Гитлер действительно ушел на субмарине основной группы соединения «Фюрер-конвоя».

Едва генерал успел погрузиться в хитросплетения этой информационной атаки германских спецслужб, как позвонили из приемной Уинстона Черчилля.

— Прошу прощения, это полковник О'Коннел? — узнал начальник западноевропейского отдела военной разведки по-иезуитски вкрадчивый голос недавно назначенного личного секретаря премьера Роберта Критса, прозванного за его аскетического вида лицо и садистскую невозмутимость Инквизитором.

— Генерал, — напомнил ему О'Коннел, — с вашего, мистер Критс, великодушного позволения.

— Прошу прощения, но сэр Уинстон Черчилль обозначил ваш армейский чин именно так — «полковник».

— Из этого следует, что сэр Черчилль запамятовал. Как это с ним довольно часто случается.

— Прошу прощения, но это исключено: сэр Черчилль слишком щепетилен в признании чинов и родовых титулов, чтобы ошибаться в них таким грубым образом.

---

[105] С генералом (тогда еще полковником) О'Коннелом читатель может встретиться на страницах моих романов «Похищение Муссолини», «Черный легион» и других, входящих в многотомную эпопею «Война империй». — *Автор.*

Генерал уже специально возродил в своем воображении постное, по-лошадиному удлиненное лицо Инквизитора, чтобы парировать его выводы как можно въедливее, как вдруг вспомнил, что на самом деле унизительно-бравадное «понижение» провинившегося перед ним военного или чиновника в чинах, титулах и должностях — всегда служило самым верным признаком сугубо английского, великосветского раздражения Черчилля.

— Кажется, вы позвонили мне, чтобы сообщить, что сэр Черчилль опять ждет меня с докладом?

— Прошу прощения: чтобы сообщить, что вам, полковник, повезло — вы по-прежнему принадлежите к тем немногим из разведывательных чинов, которых сэр Черчилль все еще время от времени ждет с докладами.

Когда скрипучий, как рассохшееся колесо старой колымаги, голос Роберта Критса наконец умолк, генерал еще несколько мгновений смотрел на трубку с такой ненавистью, словно собирался грохнуть ею о землю. И понадобилось огромное усилие воли, чтобы избавиться сразу от двух наваждений: ненависти к угасшему голосу Инквизитора и неугасающей ненависти к порождающей его телефонной трубке.

Но именно тогда, когда О'Коннел в конце концов пересилил себя, в дверях кабинета появился его адъютант, старший лейтенант Генри Митчелл.

— Господин генерал, еще одно сообщение, касающееся особого соединения германских субмарин «Фюрер-конвоя». Сразу две волчьи стаи Деница, общей численностью более двадцати единиц, прорвались через пролив Па-де-Кале и в районе острова Олдерни, в Ла-Манше, неожиданно, из засады, атаковали наш конвой.

— Пусть это сообщение взволнует наших адмиралов, адъютант.

— Аналитично. И все же я хотел сообщить, что два надводных судна и одна субмарина в ходе этой атаки потоплены. Еще один надводный транспорт поврежден, и капитан вынужден был выбросить свое судно на мель. Германцы, судя по всему, потеряли одну подлодку. И напоминаю, что речь идет об особом, секретном соединении «Фюрер-конвоя», которое вас обычно очень интересует.

— Но это не могут быть субмарины «Фюрер-конвоя» — им категорически запрещено вступать в бой, для этого существуют

подлодки боевого охранения. И уж тем более запрещено неспровоцированно нападать на вражеские суда.

— Вполне аналитично, сэр.

— Тогда почему морские службы решили, что имеют дело именно с «Фюрер-конвоем»?

— В этом-то и заключается самое важное для нас, военной разведки, — положил перед ним на стол листики с донесениями старший лейтенант Митчелл. — Наши радисты перехватили переговоры капитанов субмарин, из которых следует: субмарина с фюрером и «эзотерическими символами могущества рейха» благополучно прошла остров Уэсан, что недалеко от северной оконечности французской Бретани, и ушла в Бискайский залив.

— То есть не в Атлантику, а в Бискайский залив? — подошел к огромной настенной карте Европы генерал О'Коннел. — Не верю, фюрер не решится отсиживаться под полой у генерала Франко. Да и правитель Испании не решится давать ему приют под слово чести о невыдаче. Он и сам в панике, опасается, как бы наши войска не прошлись по его владениям от Атлантики до Средиземного моря.

— Аналитично. Но вполне возможно, что фюрер всего лишь использует эту базу для передышки, чтобы быть поближе к Германии на той случай, если наше братство по оружию с русскими перерастет в открытые боевые действия и нам понадобится опыт уцелевших германских дивизий. Так или иначе, а нам сообщают, что в Бискайском заливе стая «Фюрер-конвоя» была встречена германскими подлодками, базирующимися в Испании.

— А ведь в Бискае действительно имеется секретная германская база субмарин, — признал генерал, нашаривая пальцами мыс Ахо, расположенный восточнее Сантандера. — И находится она в этом в районе.

— Именно эта база, похоже, упоминается в радиопереговорах подводников.

— Значит, следует полагать, что фюрер собирается обрести временный приют на этой базе. Или же на одной из секретных баз испанских фалангистов в Кантабрийских горах.

— Аналитично. Однако нам известно, что фюрер погиб, и в этом уже никто в армейских штабах и в руководстве страны не сомневается.

— Вообще никто, кроме меня, — проворчал О'Коннел. — Поскольку я уже начинаю сомневаться не только в том, что фюрер действительно погиб, но и в том, что он когда-либо существовал.

— Но и это еще не все, господин генерал. Только что получено агентурное сообщение о том, что Адольф Гитлер и Ева Браун прибыли вчера во Фленсбург, что на границе с Данией, где уже находятся Дениц, Кейтель и Йодль.

— Что за бред вы несете, Митчелл?!

— Но если исходить из аналитики данных сведений.

— Послушайте, вы, аналитик!.. Возводя вас в адъютанты, я рассчитывал, что действительно стану получать от вас осмысленный, аналитический материал. Вы же приходите ко мне с набором совершенно разноречивых, в подворотнях всего мира собранных агентурных сплетен.

— Я здесь ни при чем, — еще больше ссутулился и так слегка сутуловатый адъютант, лишь недавно повышенный до этой должности из безликих консультантов аналитического отдела СИС. — Это наша агентура пытается убедить нас, что Гитлер теперь уже един в трех лицах!

— Идиоты!

— Аналитично, — пробубнил Митчелл и даже не обратил внимания на то, как брови генерала поползли вверх и остановились где-то у самой кромки отчаянных залысин, и что на сей раз это его «аналитично» О'Коннел воспринял уже как откровенное издевательство. — Однако этими же идиотами, — вдохновенно продолжал он, — замечено, что на полуострове Ютландия концентрируются значительные воинские силы из тех, что отходят под ударами наших войск и войск союзников.

— Представляю себе, какого огромного труда стоило нашей агентуре подобное умозаключение, — саркастически процедил генерал.

Митчелл и на сей раз хотел было проронить свое роковое «аналитично», однако на сей раз Бог миловал его не только от генеральского, но и от Своего собственного гнева.

— Кроме того, известно, что в район Шлезвиг-Фленсбург спешно переброшены дивизия из Дании, несколько бригад морской пехоты и два батальона, сформированные из курсантов военно-морской школы в Киле.

— И на всем пространстве этой части полуострова — ошарашивают нас глубиной своих познаний агентурные источники в Германии — от моря до моря ведутся усиленные фортификационные работы.

— Аналитично, — вновь попытался подбодрить генерала его адъютант, однако, встретившись с изумленным взглядом последнего, вовремя спохватился. — Простите... Вырвалось.

— Но все эти сведения, — поучительно молвил О'Коннел, и на этот раз прощая старшего лейтенанта, — свидетельствуют только о том, что преемник Гитлера гросс-адмирал Дениц решил продолжить свою агонию на этом удобном для обороны обрезке суши. Выигрывая таким образом время для переговоров с военными и гражданскими представителями правительств стран-победительниц.

— Следует учитывать и этот фактор.

— Время им сейчас нужно, господин аналитик! Единственную ценность для них представляет сейчас время, кредит коего они намерены получать в обмен на жизни десятков тысяч своих солдат, которые для высшего командования вермахта и рейхсфлота уже давно никакой ценности не представляют. «Если не договориться с русскими, то хотя бы удачно продаться англо-американцам»! — вот единственный постулат их «штабного святописания». Кстати, очень близкого сейчас к кодексу, которого придерживалась еще небезызвестная вам подруга Христа Мария Магдалина, напропалую греховодничая в римском крепостном гарнизоне Магдалы, да простится мне мое богохульство.

— Все это понятно... — задумчиво произнес аналитик. — Но как быть с версией об ожившем фюрере?

— Эту версию нужно всячески проверять и лелеять. Прежде всего, ее следует положить в основу фундаментального расследования.

— И если предположить, что фюрер действительно жив, то нужно идти по его следам. Но все это неофициальная позиция. А какую официальную позицию мы должны занимать по отношению к ожившему фюреру? Должны ли мы принимать его в расчет или же следует делать вид, что его не существует?

— Кто из нас двоих слывет аналитиком: я или вы?! — опять взорвался О'Коннел, на психику которого все сильнее давило

приглашение к докладу самого Уинстона Черчилля. — Так давайте же впредь договоримся, что вопросы буду задавать я, а вы будете анализировать факты и преподносить мне ту аналитику, о которой так упорно твердите!

— Учту, — кротко заметил старший лейтенант и словно ни в чем не бывало спросил: — Так все же, как нам воспринимать некстати ожившего фюрера?

И тут генерал не выдержал и громогласно, словно находился в солдатской казарме или на плацу, расхохотался.

— Судите его собственным судом, старший лейтенант! И разопните на кресте!

— Воспринимаю как приказ, — не уронил чувства собственного достоинства Митчелл, демонстрируя оксфордскую выучку и аристократическое воспитание.

— Только обязательно сделайте это. Разрешаю и заранее отпускаю все грехи! Только делайте это, как всегда, — аналитично.

* * *

Во время недолгой дороги до резиденции премьера генерал даже не пытался осмыслить весь тот ворох дезинформации, с которой ему надлежало теперь предстать перед Уинстоном Черчиллем. Единственное, что он отчетливо понимал, так это то, что встреча будет тяжелой. Омерзительно тяжелой. Тем более что и несколько предыдущих бесед с сэром Черчиллем, в которых речь, как правило, заходила о судьбе бывшего его кумира Бенито Муссолини, тоже выдавались непростыми.

Опять ливень! Наблюдая из окон автомобиля, как прилегающие к Темзе кварталы медленно погружаются в пучину ливневых потоков и тумана, О'Коннел мысленно содрогался: в эти минуты город напоминал ему стремительно погружающийся в океанскую бездну «титаник» под названием «Лондон».

Он знал, что Черчилль ненавидел Англию за ее бесконечные дожди, и в такую погоду предпочитал уединяться в своей келье одинокого странника, где, сидя у камина, можно было грезить залитыми жарким сиянием лагунами залива Батабано на Кубе, суданскими оазисами Сахеля и ослепительно зелеными склонами

холмов в окрестностях Кейптауна[106]. Аристократ и потомственный военный, депутат парламента и премьер, писатель и журналист — на примере жизни Черчилля все это поглощалось одним-единственным по-настоящему приемлемым для него определением — «авантюрист».

— Старый, презирающий Англию и англичан, авантюрист!

— Простите, сэр, это вы о ком? — несмело поинтересовался водитель, и только теперь генерал обнаружил, что произнес эти слова вслух.

— Отвратительная погода, не правда ли, сержант? — сурово молвил генерал, пытаясь поставить водителя на подобающее ему место.

— Когда Господь придумывал ливни, сэр, Он не предполагал, что мы придумаем автомобиль. Из кабины автомобиля — дождь отвратительное зрелище. Сначала Он подарил нашим предкам камин, а затем уже приучал к нему бесконечными дождями.

«А ведь единственное достоинство, которое ты в свое время узрел в этом болване-уэльсце, именовалось молчаливостью! — покаянно упрекнул себя О'Коннел. — В то же время, сколько по-настоящему молчаливых парней осталось лежать после высадки во Франции на полях Пикардии, Нормандии и Приморской Сены!»

...В принципе Черчиллю уже наплевать было на своего бывшего, теперь уже самой историей развенчанного кумира Бенито Муссолини, которого однажды, в сердцах, даже решился назвать «обезумевшим макаронником». Но существовало нечто такое, что заставляло этого закоренелого авантюриста-британца пристально следить за каждым шагом, каждым зигзагом судьбы, каждым публичным выступлением повергнутого дуче.

Дело в том, что, куда бы ни направлялся в последнее время этот «обезумевший макаронник»: под столичный арест итальянской королевской гвардии, в комфортабельную горную тюрьму-отель «Кампо Императоре», в спасительный Берлин, в который его доставил Отто Скорцени, или в новую резиденцию в Северной Италии, — везде за ним следовал чемодан с письмами деятелей различных стран, среди которых было и несколь-

[106] В молодости У. Черчилль воевал против кубинских повстанцев Хосе Марти, подавлял так называемое восстание дервишей в Судане и чуть не погиб в плену у буров в Южной Африке.

ко писем самого Уинстона Черчилля[107]. Да-да, тех самых писем «британского поклонника Бенито Муссолини», которые уже даже теперь откровенно компрометировали Черчилля как главу правительства Великобритании, чей народ сражался против войск режима дуче, презирая при этом сам фашистский режим, этим дуче порожденный.

Сэра Черчилля эта его непорядочность изумляла и бесила. Он не мог найти ей никакого приемлемого объяснения, не говоря уже об оправдании. Всякий раз, когда стареющий англосакс сталкивался с абсурдностью характера и натуры своего итальянского коллеги, он оказывался бессильным в осуждении и невосприятии всего, что связано с поведением этого беспринципного, амбициозного итальяшки.

«Любой порядочный человек, имеющий хоть какое-то представление о таких понятиях, как "джентльмен" и "честь джентльмена", давно сжег бы эти письма в камине и забыл о них, — в сердцах обронил Черчилль во время последней встречи с О'Коннелом. — А этот обезумевший от страха макаронник таскает их за собой по миру, как некогда, в далекой юности, совращенная и изнасилованная монахиня — давно протухшие атрибуты своего девичьего грехопадения».

«Так ведь о назначении камина этот обезумевший макаронник имеет весьма смутное представление», — «оправдал» его аристократ-ирландец, давно сотворивший себе культ родового камина.

Стоит ли удивляться, что в эти дни Черчилль многое бы отдал, чтобы любым путем избавиться от этого смертельного для его политической карьеры компромата. Причем избавиться, желательно, не только от самой этой гнусной эпистолярии, но и от не менее гнусного обладателя ее. Вот только единственным человеком, на которого он мог положиться в этом деле и который мог хоть что-то реально предпринять, оставался О'Коннел.

---

[107] Исторический факт. Во время похищения Муссолини личным агентом фюрера Отто Скорцени из его высокогорной тюрьмы, горнолыжного отеля «Кампо Императоре», при нем действительно оказался полный чемодан писем, которыми великий дуче намеревался шантажировать многих деятелей тогдашней Европы, ранее восхищавшихся его личностью, идеологией и методами правления. Подробнее об этом — в моем романе «Похищение Муссолини», входящем в многотомную эпопею «Война империй». — *Автор.*

И хотя Черчилль давно разочаровался в авантюрно-диверсионных талантах ирландца, не сравнимых с талантами его нового и тоже тайного диверсионного кумира — Отто Скорцени, тем не менее просил, увещевал, буквально заклинал его:

«Доберитесь до этого мерзавца-макаронника, О'Коннел!»

«Я постараюсь, сэр!»

«Нет, вы все же дотянитесь до него, черт возьми, достаньте его, наконец, О'Коннел!»

«Я, несомненно, постараюсь, сэр!»

«Уничтожьте — если не самого дуче, то хотя бы его проклятый компроматный чемодан с письмами. Вы ведь это умеете, во всяком случае должны были бы уметь. Чему-то же вас учили в этих ваших специальных разведывательно-диверсионных школах!»

«Мы нацелим на это усилия нашей агентуры».

«Привлекайте к операции любых людей: англичан, американцев, итальяшек, русских, германцев, да хоть самого Скорцени, черт возьми! Скупите их с потрохами! Только дотянитесь до него, в конце концов!»

В какую-то минуту генералу вдруг показалось, что тема исчерпана и все возможные в данной ситуации заверения премьером были получены. Каковым же было его удивление, когда, прощаясь с ним, Черчилль вдруг с огорчением сказал: «И все же очень жаль, О'Коннел, что вы так и не восприняли с надлежащей ответственностью мое личное задание, касающееся этого обезумевшего макаронника с его эпистолярным рассадником политической чумы. Неужели действительно придется прибегнуть к помощи некоего человека со шрамом»?

51.

Май 1945 года. Лондон. Резиденция премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля.

В ожидании генерала О'Коннела премьер оставил свой рабочий кабинет и уединился в небольшой уютной комнатушке с камином, которая служила ему для приема неофициальных визитеров и для столь же неофициальных раздумий. Про себя Черчилль

называл ее «кельей одинокого странника», и сейчас, когда война шла к победному завершению и моральное напряжение начинало понемногу спадать, он старался уединяться здесь как можно чаще, особенно к концу утомительного рабочего дня, под традиционно дождливый лондонский вечер.

Вот и сейчас он сидел в высоком, необъятной ширины кожаном кресле, между камином и залитым потоками косого весеннего ливня готическим окном, постепенно углубляясь в свои раздумья, настоянные на трех стихиях сразу: огне, воде и полыхающих холодным пламенем воспоминаниях.

Его никогда не вдохновлял огонь, он ненавидел бесконечные английские дожди и терпеть не мог воспоминаний. Но лишь астральное единение этих несоединимых стихий сотворяло в его сознании великую иллюзию отчужденности от того реального мира, в котором он в данное время существовал, и возвращало в то или иное временное бытие, в котором он, конечно же, побывал, но которое давно перестало восприниматься им в реалиях его собственной жизни.

— Вам удалось связаться с полковником О'Коннелом, многоуважаемый Критс, — каким-то необъяснимым чутьем уловил премьер появление в «келье одинокого странника» своего личного секретаря, обладавшего способность бесшумно появляться и так же бесшумно, бестелесно исчезать.

— Генерал О'Коннел уже в пути, сэр. По всей вероятности, он прибудет через пять минут, сэр.

— Он уже давно должен был бы появиться здесь, — проворчал Черчилль, потягивая «Наполеон» и закуривая его кубинской сигарой. За тем, чтобы запасы французского коньяка и кубинских сигар не истощались, тоже следил он, Роберт Критс, известный в вестминстерских кругах под псевдонимом Иезуит.

— Ливень, знаете ли, сэр.

— Это не оправдание, Критс. Я тоже предпочитаю сидеть в такую погоду в теплой ванной у пылающего камина, но как-то так складывается, что чего-то одного не хватает: камина, ванны или дождя.

Услышав о ванной у пылающего камина, Критс мысленно — только мысленно! — ухмыльнулся. Ему вспомнилась одна из многочисленных легенд, которыми было окутано военно-

романтическое прошлое Черчилля. Однажды тринадцатый потомок герцога Мальборо потребовал остановить поезд прямо посреди Сирийской пустыни и вежливо попросил машинистов прямо в паровозной топке нагреть воду для его ванны, которую предусмотрительно возил с собой.

Все, кто находился тогда в поезде, пришли в ужас, поскольку в стране шла гражданская война, да к тому же по подступающей прямо к предместьям Дамаска каменистой пустыне носились банды «верблюжих всадников». Однако сэр Черчилль был человеком, возведшим на сирийский трон короля Фейсала, и если уж ему захотелось прямо здесь, посреди выжженной пустыни, полежать в ванной, в которой он мог бы выпить бокал охлажденного шампанского и выкурить сигару, — то кто решится отказать ему в этом скромном удовольствии?

— Подполковник О'Коннел, — безбожно понижал и понижал премьер в чине начальника западноевропейского отдела военной разведки, — должен был сидеть у меня в приемной еще до того, как мне пришло в голову вызвать его. Или, может быть, он все еще не знает, когда, где и каким образом кончил дни свои его подопечный — великий дуче?

— Генерал О'Коннел, несомненно, знает о печальной участи дуче Муссолини, сэр. Но не догадывается, что повешение расстрелянного Муссолини может служить поводом для того, чтобы он мог беспокоить своим визитом премьер-министра Великобритании, сэр.

На изысканном старинном подносе стояла далеко не кофейная чашка кофе, лежала еще одна сигара и изданная в толстом кожаном переплете книга Юлия Цезаря «Записки о Галльской войне», которую секретарь всегда приносил сюда, если Черчилль забывал ее в своем рабочем кабинете.

— Возможно ли такое, чтобы вы когда-нибудь забыли о существовании нашего общего кумира Цезаря?

— Забыть я могу только в том случае, когда... понадобится забыть. Если вы решите диктовать продолжение своей книги «Великие современники»[108], сэр, то я — к вашим услугам.

---

[108] Книга очерков У. Черчилля о видных деятелях конца XIX — начала XX столетия «Великие современники» была опубликована в 1939 году, и стала популярной как раз накануне Второй мировой войны.

«Странно. Слишком уж быстро этот полумонах определил, что источником моего вдохновения и образцом для подражания является именно эта книга — "Записки о Галльской войне" Юлия Цезаря, — подумал Черчилль, глядя вслед Роберту Критсу. Он и сам считал себя неплохим психологом и добытчиком информации, однако способность его нового секретаря проникать во все тайны его человеческих и творческих устремлений порой приводили премьера в изумление. — И вообще, знать бы источники его инквизиторского всезнайства...»

Как только сэр Черчилль уединялся в своих коньячно-сигарных мечтаниях, немедленно появлялся Роберт Критс с одним и тем же арабским подносом, на котором неизменно находились «Записки о Галльской войне» Цезаря. Секретарь словно бы опасался того, что, увлекшись блужданием «пустынями прошлого», его патрон потеряет день или хотя бы несколько часов, которые должны, по его мнению, конечно же, должны быть посвящены творению книг.

Теперь Черчилль, конечно, привык к появлению писаний Цезаря везде, где бы он ни вознамерился уединиться (с дежурным томиком «Галлов» личный секретарь не расставался, как шулер — с колодой карт). Но когда «Записки о Галльской войне» явились ему впервые, он долго и упорно сверлил Критса взглядом, пытаясь понять, что происходит.

— Что-то еще? — вежливо поинтересовался тогда личный секретарь.

— Ничего, кроме одного: почему из всех книг, которые вы обнаружили в моей рабочей библиотеке, вы принесли мне именно эту?

— Вы ожидали увидеть на этом арабском подносе какую-то иную книгу? — «Цезаря» секретарь всегда доставлял ему покрытым желтой салфеткой, на подносе, словно некое запретное блюдо.

Впрочем, в этом ритуале «возвращения к перу» действительно все имело свой тайный смысл. Книгу древнеримского оратора и полководца он привез из военной экспедиции в Индию. Она принадлежала какому-то колониальному чиновнику, погибшему вместе со всей своей семьей во время нападения на его виллу отряда индусских повстанцев, а поднос он привез из

Судана как подарок одного из шейхов, сыну которого Черчилль спас жизнь.

Да и появление в его кабинете Роберта Критса тоже связано было с военными приключениями Черчилля. Он взял его на службу к себе по совету редактора газеты «Морнинг пост», решившего, что Критс имеет право рассчитывать на нечто большее, нежели одна небольшая колонка «колониального» политического обозревателя в месяц. И Черчилль взял Критса в свою команду во время выборов в парламент. Это была своеобразная дань памяти, поскольку на Англо-бурской войне в Африке[109] он оказался с удостоверением военного корреспондента именно этой газеты.

— Вы не поняли меня, Критс. Я спросил, почему вы остановили свой выбор именно на Цезаре. Я никогда не брал «Галльскую войну» в вашем присутствии в руки, никогда не ссылался на нее и даже не упоминал о ней, — объяснил ему тогда премьер.

И это было правдой: Черчилль действительно никогда не притрагивался к «Галльской войне» Цезаря в присутствии кого бы то ни было и никогда публично не проявлял своего пристрастия к творениям этого оратора литературного слова и трибунного пера. Подражание Цезарю было его творческой тайной, которую он хранил, как тайну «золота тамплиеров».

— Потому что прежде чем внимательно прочесть вашу, сэр, шеститомную эпопею «Мальборо», книгу эссе «Мысли и приключения» и книгу исторических портретов «Великие современники», а также сборники ваших речей «Пока Англия спала» и «Шаг за шагом», я очень внимательно проштудировал «Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря. Так уж случилось, что Цезарь и Наполеон превратились в моих кумиров задолго до того, как мне посчастливилось стать вашим личным секретарем, сэр. Но еще до того, как стать им, у меня появился третий кумир. Он вам известен.

— Тоже мечтали стать полководцем?

---

[109] Во время Англо-бурской войны (1899—1902) Уинстон Черчилль действительно был военным корреспондентом газеты «Морнинг пост». Попав в плен к бурам, он совершил смелый побег, слава о котором помогала ему затем и в журналистском, и в политическом восхождении.

— Я так и знал, что вы стремитесь испортить мне настроение, Критс. Бездарная операция при абсолютно бездарном командовании[111].

— Что лишь подтверждает мою версию о том, что на самом деле вы — писатель! Талантливый, великий, можно сказать, писатель.

— Не отрицаю, — пожал плечами премьер, — время от времени я действительно что-то там пописываю.

— К сожалению, да, всего лишь время от времени. Что весьма прискорбно, сэр. Никому не позволено убивать свой талант.

— Но ведь обычные человеческие слабости мне тоже позволены.

— Нет-нет, вы по природе своей, по состоянию души и способу жизни — писатель, сэр. И чем скорее вы это поймете, тем скорее душа ваша проникнется осознанием истинности избранного вами пути.

— Но какое вам, иезуиту по убеждению, дело до моих литературных опытов? — пропыхтел Черчилль клубами сигаретного дыма.

— Если где-либо в мире появился великий человек, рядом с ним немедленно должен оказаться иезуит.

— Даже так? Любопытно. И чем это мотивируется?

— Такова философия ордена.

— Понятно, что такова философия. Я спросил о конечной цели. Вашей личной, цели всего ордена.

— Она мне неизвестна. Члену нашего ордена не обязательно быть осведомленным о конечной цели того или иного задания. А во многих случаях истинный иезуит и не должен ждать конкретного задания. Его приучают действовать самостоятельно, наподобие того, как обязывают действовать в тылу врага хорошо подготовленного диверсанта.

— В таком случае я, англосакс, крещенный в баптистской церкви, начинаю с уважением относиться к вашему иезуитскому ордену.

---

[111] Эта операция, проводившаяся в январе 1915 года, и в самом деле оказалась крайне неудачной: английский флот и сухопутные силы потерпели поражение и понесли большие потери. Эти и другие неудачи заставили Черчилля в том же 1915 году уйти в отставку с поста военно-морского министра.

— Да, без зависти и гордыни, не завидуя, а способствуя и всячески поддерживая — и всегда рядом. Таково священное правило нашего ордена.

— Действительно священное.

— Однако приблизили меня к вам не традиции монашеского иезуитства, а стремление быть полезным вам, а значит, и человечеству.

...Однако все это из области воспоминаний. А с минуты на минуту здесь, в «келье одинокого странника», должен был появиться генерал О'Коннел, и, лишь вспомнив об этом, Черчилль взял в руки сводку донесений, ради вдумчивого ознакомления с которыми он и попытался уединиться в этой своей «келье».

52.

Май 1945 года. Лондон. Резиденция премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля.

Когда из министерства иностранных дел Черчиллю сообщили, что Муссолини расстрелян на окраине какой-то маленькой деревушки на севере Италии, неподалеку от швейцарской границы, он поначалу не поверил и потребовал самым тщательным образом проверить, так ли это на самом деле. В общем-то, все к тому и шло, но слишком уж невероятной казалась английскому премьеру такая вот, внесудебная, поспешная казнь диктатора.

Еще 26 апреля из ведомства генерала О'Коннела Черчиллю сообщили, что Муссолини с небольшой группой своих соратников направляется в сторону швейцарской границы.

«Он пытается спрятаться в Швейцарии? — изумился тогда старый, опытный авантюрист наивности этой затеи. — От кого и каким образом?!»

Представив себе, какую охоту на дуче устроят сейчас разведки союзников, а также люди итальянского короля, немцы, русские и итальянские партизаны, Черчилль рассмеялся. Правда, это был смех человека, готового первым броситься в погоню на опережение. Но если американцам, русским и всем прочим Муссолини нужен был живым, то Черчилль желал ви-

деть его только мертвым, причем умерщвленным как можно скорее, до того, как он будет схвачен кем-либо и начнет давать первые показания.

Ознакомившись с последними донесениями того дня, последовавшими из министерства иностранных дел, из штаба сухопутных войск, из ватиканских и иных источников, Черчилль тут же связался с О'Коннелом и приказал трубить во все охотничье-разведывательные рога.

— Мне нужно «Евангелие»! — орал он в трубку, хотя крайне редко позволял себе повышать голос. — Причем желательно вместе с трупом его обладателя, Паломника!

И генералу не нужно было объяснять, что под кодовым названием «Евангелие» Черчилль имеет в виду свою переписку с Муссолини, а под Паломником, — самого презренного дуче.

— Постараюсь сделать все возможное, сэр.

— Это не ответ, О'Коннел!

— Но, видите ли, сэр, существуют объективные факторы, которые...

— В данной ситуации — это уже не ответ, — еще жестче отрубил премьер-министр. — И мне очень жаль, что я все еще не слышу ответа, достойного одного из руководителей «Сикрет Интеллидженс Сервис».

— Я мобилизую всех имеющихся в Италии наших людей, и мы попытаемся добраться до этого... Паломника, сэр, — стоически выдерживал его натиск генерал.

— Нечто подобное, мой генерал, я уже слышал почти два года назад, когда дуче оказался в руках итальянского короля. И когда, ошалев от радости, монарх по-идиотски прятал своего пленника по каким-то задворкам.

— Но и тогда мы предпринимали все, что только можно было... — начал оправдываться Альберт О'Коннел.

— Тогда вы ничего не предприняли, — жестко перебил его Черчилль. — Хотя тоже получили приказ добраться до этого... Паломника и тоже якобы трубили большой сбор.

— Не смею возразить, мы потерпели общую неудачу, — воспользовался генерал одной из мнимых пауз премьера, чтобы еще раз вклиниться в его монолог. — Однако достаточно пройтись по сообщениям наших агентов...

— Сообщения ваших агентов, О'Коннел, ровным счетом ничего не стоят. О том, где именно итальянцы прятали Паломника, вы, лично вы, генерал от разведки, узнали только после того, как некий человек со шрамами победно доставил его в Берлин[112]. В подарок своему фюреру. Причем узнали вы об этом из тех же недостойных истинного разведчика источников, то есть германских и итальянских газет, из которых узнал и я, в разведке человек безгрешный.

— Согласен, тогда германцы опередили нас, господин Черчилль, но если подходить объективно...

— Понимаю, — не дал ему договорить Черчилль, — что я — не фюрер, и преподносить подобные подарки, в виде выкраденных руководителей соседних стран, мне не полагается, тем не менее просил бы вас, полковник, — тут же начал ритуально понижать его в чине премьер-министр, — вспомнить о том, каким именно ведомством вы руководите.

— Признаю, что в той ситуации мои люди сработали ниже своих возможностей.

— Издеваетесь, подполковник?

— Простите, сэр?

— Скажите мне прямо, майор, у вас действительно имеется хотя бы два-три человека, которых вы сумеете быстро перебросить в район озера Комо, где, как явствует из последних донесений, может находиться сейчас Паломник?

— Честно признаюсь, что на крайнем севере Италии у нас нет надежной агентуры, однако мы активизируем всех, кто способен выполнить подобное задание. Словом, поднимем на ноги всю нашу диверсионную сеть.

— И не только. Свяжитесь с местной мафией, с партизанами, с местными высокопоставленными итальянскими полицейскими чинами, со Скорцени или с германским генералом Геленом[113], да хоть с папой римским!

---

[112] Подробнее об этих событиях в моем романе «Похищение Муссолини», который вошел в цикл «Война империй». — Автор.

[113] Генерал-майор вермахта (с 1 декабря 1944 года) Рейнгард Гелен. Начальник отдела «Иностранные армии Востока» Главного управления имперской безопасности при штабе Верховного главнокомандования. После войны возглавлял разведывательную службу ФРГ. Известен был под кличкой Серый Генерал.

«А что, с папой римским — это мысль!» — согласился с премьером О'Коннел, однако произнести это вслух не решился.

— Мне понятны ваша цель и ваши требования, — уже почти сквозь сжатые зубы проговорил генерал, чувствуя, как что-то там у него внутри яростно закипает.

В данном случае, пользуясь своей властью, Черчилль прибегал к совершенно недозволенным методам — это было понятно. Вот только генерал представления не имел о том, как следует противостоять этому натиску.

— Кстати, помнится, в прошлый раз вы рассказывали мне о некоей прекрасной представительнице итальянской «черной знати»[114], высшей аристократии Италии.

— Да, в той истории с Муссолини была замешана и одна очаровательная римлянка, — неуверенно подтвердил генерал, еще понятия не имея, о ком именно идет речь.

— И вам удалось подступиться к этой римлянке и всем прочим сливкам «черной знати»? Только правду, правду...

— В общем-то да... — все еще мучительно пытался припомнить генерал О'Коннел, о ком это решил поведать ему премьер-министр.

— А не могли бы вы отвечать если не определеннее, то хотя бы увереннее, генерал?

— Для начала хотелось бы уточнить, кого именно вы имеете в виду, — признал свое поражение О'Коннел.

— Все то, хорошо известное вам околоватиканское чиновничество, которое уже подарило Италии не одного негодяя, причем не только с церковной окраской...

— Но вас интересует женщина, — к этому мгновению генерал уже, наконец-то, сумел вспомнить имя прекрасной представи-

---

[114] «Черной знатью», или «черными аристократами» в Италии называют узкий круг аристократов, к которому принадлежат родственники и потомки римских пап, в разные века возглавлявших Святой престол. Продолжая оставаться влиятельными церковными и общественными деятелями, представители этой аристократии во все времена в значительной степени формировали политику не только Святого престола, но и королевского двора, а также правительства Италии. Кроме того, роды «черной аристократии», как правило, владеют огромными земельными угодьями, старинными дворцами и виллами, большими собраниями ценностей и произведений искусства.

тельницы «черной знати» и теперь спешно пытался привязать к нему имя кого-то из своих итальянских агентов или хотя бы кандидатов на вербовку.

— Вот именно: некая итальянка, которая якобы работала на вас, на разведку Ватикана, германцев и добрый десяток других спецслужб.

— Признаю, к тому времени она уже действительно являлась двойным агентом.

— Если вы имеете в виду только германскую и итальянскую разведки, то все же потрудитесь обратить внимание на мою подсказку и вспомнить еще и о ватиканской.

— Понимаю, вы — о «Содалициум Пианум»[115], специальной церковной сыскной службе, которую возглавляет прелат Бени-ни, — решил щегольнуть своими познаниями О'Коннел.

— Вы опять неточны, генерал: не «прелат Бенини», а «яростный поклонник и приверженец Бенито Муссолини» прелат Бенини.

— Уточнение принимается, сэр

— И уверен, что это «Содалициум Пианум» нашла, проверила и не просто завербовала эту вашу княгиню, но и открыла в ней шпионский талант.

— Насколько я понял, речь идет о княгине Марии-Виктории Сардони.

— Как вы назвали ее? Княгиня Мария-Виктория Сардони? Очевидно, речь именно о ней. Ведь это она помогла тогда Скорцени в его погоне за Паломником?

— *Какое-то участие она, несомненно, принимала.*

— И какие же выводы после всей этой истории вы сделали, мой генерал? Сумели получить хоть какой-то доступ к телу этой

---

[115] Такая разведслужба действительно существовала (а возможно, и существует). Она была создана в Ватикане папой Пием X для выяснения настроений среди так называемых церковников-модернистов, призывавших к научному постижению истории христианства и, в частности, биографии Христа, к тому, чтобы был открыт доступ к секретным архивам Святого престола и модернизирована Библия. «Содалициум Пианум» призвана была помочь высшей ватиканской иерархии нейтрализовать усилия модернистов. Для этого она обладала собственной агентурной сетью.

новоявленной Марии Магдалины? Или хотите сказать, что и на этом фронте Скорцени обошел вас на половину корпуса?

— У нас есть человек, близкий к телу княгини Сардони. Сейчас.

— Неужели? И чем же он занимается, пребывая у тела этой смазливой итальянки?

— Поисками кладов Роммеля.

— Чьих-чьих кладов?! — изумленно спросил Черчилль.

— Фельдмаршала Роммеля, известного нам по боям в Ливийской пустыне.

— Не надо напоминать, чем нам известен Роммель, кладоискатель вы наш! Лучше объясните мне, почему сокровища германского фельдмаршала этот ваш «суперагент» ищет у тела столь безмятежно прекрасной итальянки.

— Потому что путь к тайнам этих сокровищ пролегает через тайны тела княгини Сардони.

— Вот теперь я слышу доводы истинного разведчика! — коротко, но очень едко рассмеялся премьер. Однако тотчас же выдержал надлежащую паузу и уже совершенно спокойно спросил: — Считаете, что это реально? Лис Пустыни действительно мог не сдать награбленное им в Африке в казну рейха и кое-что припрятать?

— Самым пиратским образом, сэр.

— Заманчиво, конечно, очень заманчиво. Тем не менее сначала надо разобраться с «Евангелием».

...Однако разговор этот происходил несколько дней назад. А теперь перед Черчиллем лежал ворох всевозможных донесений, а также сообщений иностранных газет и радиостанций, из которых следовало, что Муссолини действительно схвачен был итальянскими партизанами в ночь с 26 на 27 апреля, когда пытался достичь швейцарской границы, примкнув вместе со своей немногочисленной свитой к двигавшемуся в том же направлении отряду германцев. К случайно оказавшемуся в том месте отряду.

Брать в плен или истреблять около двух сотен германцев командир этого партизанского заслона, понятное дело, не решился. Но условие, которое он выдвинул перед командиром гитлеровцев, было предельно простым и справедливым: в Швейцарию уходят только солдаты фюрера, к которым у партизан больше вопросов не возникает, итальянцы же остаются.

Ну а дальше начался спектакль, совершенно недостойный великого дуче. Вняв мольбам Муссолини, некий германский лейтенантик попытался спрятать его на дне кузова, прикрыв своей шинелью, однако во время обыска партизаны узнали своего незабвенного вождя и дичайшим образом возрадовались. Они пригнали дуче, как пойманного сельского воришку, в ближайшую деревушку Донго и заперли там в каком-то крестьянском доме.

Известие об этом аресте быстро достигает фронтовых разведок английских, американских, французских и итальянских войск, каждая из которых почла бы за честь для себя вырвать дуче из рук прокоммунистически настроенных партизан. О, как он нужен был им сейчас! Всем им не давала покоя слава Скорцени. Сколько бы полезной для себя информации они сумели скачать из этого языка, прежде чем повесить его!

Мечтал о таком похищении, очевидно, и сам дуче. Он понимал, что коммунисты не станут церемониться с ним, как это делало командование карабинеров после ареста его по приказу итальянского короля. Пребывая в плену у англичан или американцев, он еще мог рассчитывать на более или менее человеческое отношение к себе, на следствие и суд. Здесь же, в плену у партизан, рассчитывать ему было не на что.

И на острове Понца, и на острове Маддалена, где его в свое время прятали от германской разведки, к нему относились довольно лояльно, позволяли возить с собой чемодан с письмами от известных государственных и политических деятелей и даже сохранили за ним право дальнейшей переписки. Но так было до похищения дуче диверсионной группой Отто Скорцени из туристического отеля «Кампо Императоре» на вершине горы Гран-Сассо, после которого он вернулся под крыло фюрера Германии, где был встречен если не как триумфатор, то по крайней мере как страдалец за великую Италию.

То, что германскому специалисту по диверсиям удалось вырвать дуче из той высокогорной комфортабельной тюрьмы, находившейся под охраной целого батальона карабинеров, — уже само по себе было для Муссолини чудом. Поэтому, сидя под арестом в крестьянском доме в деревне Донго, Муссолини понимал: такие чудеса дважды с одним и тем же человеком не происходят. Даже если он — дуче!

Однако германской разведывательно-диверсионной службе СД, по существу возглавляемой теперь самим Скорцени, он уже был ни к чему, а вот среди разведок союзников, в том числе и в рядах английской разведслужбы, начался приступ настоящей «клондайкской лихорадки», которой не хватало разве что пера Джека Лондона. Однако речь шла об английской армейской, фронтовой разведке. Что же касается подопечных самого генерала О'Коннела, то развернуться они так, похоже, и не успели. Правда, винить в этом самого генерала было трудно, красные итальяшки попросту не дали им шанса развернуться, но для какой разведки мира этот ничтожный факт может служить полноценным оправданием?!

Тем временем в ситуацию вмешивается штаб итальянского повстанческого корпуса добровольцев свободы (КДС), в котором тоже нашлись люди, не желáвшие, чтобы, оказавшись в руках одной из иностранных разведок, Муссолини заговорил. У них тоже были для этого веские причины. К тому же руководитель итальянского сопротивления генерал Кадорна очень опасался, что, оказавшись в руках американцев, Муссолини вновь сумеет выжить и вернуться в Италию, как это уже случилось после похищения его германцами.

Именно Кадорнá, как явствовало из донесений, посылает в Донго отряд во главе со своим проверенным человеком — полковником Вальтером Аудизио, больше известным под псевдонимом Валерио. И уже 28 апреля, сославшись на приказ командования, Валéрио забирает Муссолини под свою ответственность, чтобы почти тотчас же расстрелять его вместе с любовницей Кларетой Петаччи, кстати, дочерью личного лечащего врача папы римского Пия XI, на окраине некоей горной деревушки Медзагра.

Но просто так, банально, взять и казнить Муссолини — этого руководителям корпуса добровольцев свободы показалось мало; им нужно было казнить с особой жестокостью, чтобы запугать всех прочих королевских генералов и чиновников. А затем еще и неоспоримо убедить итальянцев и весь мир, что Муссолини действительно погиб, причем погиб именно от рук партизан, а не людей, верных королю или подосланных англо-американцами, в тяжких муках, зверской смертью. И тогда они привозят тела дуче, Петаччи и еще шести высокопоставленных чиновников, из числа

приверженцев Муссолини, в Милан, чтобы там, на площади Лорето, подвесить их за ноги к перекрытиям бензоколонки.

Просмотрев последнее сообщение из Италии, Черчилль еще раз взглянул на снимок, сделанный одним из секретных английских агентов, давно прижившихся в полиции Милана, и вновь содрогнулся: лицо Муссолини было обезображено до неузнаваемости, тут уж коммунисты явно постарались продемонстрировать весь свой садизм. Зачем нужно было рядом с дуче вешать за ноги женщину, которая, пытаясь защитить своего кумира, бросилась под пули, — этого уже не смог бы ни объяснить, ни тем более оправдать никто. Кроме, разумеется, самих коммунистов.

И все же в данном случае Черчилль должен был быть признателен коммунистам, что те убрали Муссолини. Он, возможно, как никто иной, мечтал о том, чтобы дуче не дожил ни до конца войны, ни до какого-либо суда над ним. Те показания, которые он мог давать на суде, и те письма, которые журналисты способны были цитировать, освещая этот процесс, сами по себе могли служить приговором ему как политику демократической страны.

«И все же в день гибели Муссолини, — молвил себе Черчилль, отпивая из чашечки кофе и закуривая его дымом ароматной сигары, — мир обеднел на еще одного неординарного политика и еще одного сильного мира сего. Не только Италия, но и весь мир обеднел на него. И когда-нибудь человечество еще поймет это», — оправдывал премьер свою былую увлеченность этим итальянским лидером. Которая не была, не могла оказаться — Черчилль попросту не мог этого допустить — ошибочной.

Ясное дело, в последние годы, особенно в годы военного противостояния с Италией, у Черчилля появилось множество оснований для пересмотра своего отношения к дуче и даже для разочарования им. И все же долгое время дуче был первым среди европейских лидеров. А в предвоенные годы, особенно после того, как Муссолини выступил инициатором проведения Мюнхенской конференции, главной целью которой было умиротворение Гитлера ради спасения мира в Европе, — он вообще начал представать в глазах миллионов европейцев в роли лидера лидеров.

Да и папе римскому Пию XI тоже не на что было обижаться на Муссолини. Скорее, наоборот, он должен был бы позаботиться, чтобы теперь дуче если не канонизировали, то уж, по край-

ней мере, беатифицировали[116]. В конце концов, именно Муссолини следует считать одним из творцов государства Ватикан. Потому что он сделал то, что не решались сделать до него никто из предыдущих правителей, – от имени государства Италия подписал соглашение (конкордат), согласно которому Ватикан превращался в самостоятельное государство с площадью сорок четыре гектара[117]. Мало того, право экстерриториальности стало распространяться и на загородную виллу папы римского «Кастель Гандольфо».

Так что, как бы теперь ни относились к нему ватиканские кардиналы, но имя свое Муссолини увековечил не только историей Италии, но и историей государства Ватикан.

Во время своего первого ареста, будучи уверенным, что его казнят по приказу короля, Муссолини, исповедавшись священнику, решил составить завещание. После бегства дуче текст этого, теперь уже исторического документа был опубликован. В нем дуче писал: «Рожденный католиком, я, несмотря на заблуждения юности, надеюсь умереть в этой же вере. Я не хочу пышных похорон, никаких похоронных почестей».

«Ну, заблуждения юности в расчет не принимаются, – резюмировал Черчилль, – их хватало у каждого, а вот что касается ритуала похорон, то в этом дуче оказался почти провидцем.

Поскольку расстрел под сельским забором, надругательство над телом казненного, а также повешение вверх ногами на одной из площадей Милана – к пышным похоронам и похоронным почестям причислить трудно, – вздохнул Черчилль, – то можно считать, что просьбу твою, о великий дуче, Господь услышал». Вот только услышал он ее так, как может услышать только всепрощающий Господь, да простится нам!»

---

[116] Канонизация – причисление к лику святых, беатификация – возведение в ранг блаженных. Кандидат в святые должен иметь как минимум четыре доказанных чуда, а в блаженные – как минимум два. При этом они в «героической степени» должны были отличаться христианскими добродетелями.

[117] Речь идет о так называемых Латеранских (по названию дворца, в котором происходило это событие) соглашениях (февраль 1929 года) между Пием XI и Муссолини о придании Ватикану статуса самостоятельного государства.

Еще какое-то время Черчилль сидел, стараясь не смотреть на ворох донесений и фотографий и пытаясь ни о чем не думать. Единственной мыслью его было при этом бездумном уединении: «Знать бы, как умрешь ты сам, о великий Черчилль, и как воспримут твою смерть нелюбимые тобой и уж, конечно, не любящие тебя англичане!»

Но это он счел даже не мыслью, а всего лишь покаянным восклицанием грешника. Обычно к подобным «предсмертным метаниям» Черчилль старался не прибегать. Уже хотя бы потому, что это претило его жизненной философии. Однако на этот раз он вновь не сдержался.

Ливень превращался в еще один лондонский потоп. Если бы лондонцы знали, как их премьер ненавидит из-за подобных ливней и Лондон, и всю Англию, они давно изгнали бы его из страны, побивая камнями. Впрочем, дело сейчас был не в ливне.

Теперь ему уже по-настоящему, почти мучительно хотелось, чтобы поскорее появился генерал О'Коннел. Не потому, что очень уж жаждал видеть этого, совершенно случайно оказавшегося не только в разведке, но и на вершине иерархической лестницы служаку, а потому, что только от генерала зависело теперь, какими именно окажутся его, Черчилля, собственные похороны. Как скоро они настанут, и произойдут ли они раньше, нежели настанет его политическая смерть, притаившаяся в письмах к «великому макароннику».

Лично ему хотелось бы, чтобы чуточку раньше. Ибо знал: не тот он человек, который способен пережить свою собственную политическую смерть. А она может настать очень скоро, если только не выяснится, где, в чьих руках, оказалась после казни Муссолини столь некстати хранимая им эпистолярия.

* * *

Не выдержав испытания одиночеством и неизвестностью, Черчилль резким движением руки смел со стола все сообщения и фотографии, но именно в то мгновение, когда он это сделал услышал легкое, едва уловимое движение у двери за портьерой.

«А ведь это опять проделки Роберта Критса, — понял Черчилль. — Ты и не заметил, как у тебя под боком созрела соб-

ственная "Содалициум Пианум". И дай-то Бог, чтобы этот монашествующий бездельник работал только на разведку Ватикана!»

В общем-то, Черчилль уже знал, что Критс ведет собственные дневниковые записи. Секретарь специально подсунул хозяину-благодетелю одну из своих тетрадей, чтобы тот мог убедиться, что творца этой «хроники времен Черчилля» прежде всего интересует сам Черчилль как личность, со всеми его странностями, амбициями, привычками и манерами. Внимательно изучив эти записи, Уинстон поначалу решил было тетрадь конфисковать, а владельца ее из резиденции изгнать. Однако не сделал этого. По нескольким причинам, которые счел весьма вескими.

Во-первых, «хроника» была правдивой, пусть даже и не без налета субъективизма; во-вторых, она позволила ему, премьеру и аристократу Черчиллю, взглянуть на себя как бы со стороны, а главное, на себя, уже ушедшего в мир иной. В-третьих, он ведь прекрасно понимал, что рано или поздно должен найтись и его собственный биограф, так пусть лучше это будет ироничный (но, к счастью, не желчный!) Критс, которому, как говорится, сам Бог велел, чем кто-то иной, пока что неведомый.

И, наконец, Черчилль открыл для себя, что ведь Критс тоже не лишен литературного дара. Мало того, он прямо подражает ему, Уинстону Черчиллю. Или все же Юлию Цезарю? Впрочем, ясно, что оба они являются поклонниками литературного стиля Цезаря с его «Записками о Галльской войне», а значит, что-то родственное между ними все же есть.

Чтобы подслушивать и подсматривать за своим кумиром, этот тридцатилетний проходимец всегда оставлял дверь в «келью одинокого отшельника» немного приоткрытой, и заботился о том, чтобы она всегда была основательно смазана и не скрипела. Да и портьеры были такими, что за ними можно было прятаться, как за соседским забором.

Черчилль уже давно понял, что Критс только для того и прорывался в секретари, в его апартаменты, чтобы присвоить себе славу биографа премьера. И признал, что не имеет права лишать его такого права и такой возможности. Уже хотя бы потому, что нет у него на примете человека, который готов был бы полноценно заменить Критса и в качестве личного секретаря премьера, и в

качестве самозваного автора «хроники времен Черчилля», а главное, в качестве самозваного биографа.

— Критс! Вы слышите меня, Критс?

— Слышу, сэр.

— Явитесь-ка миру, досточтимый.

— Я здесь, сэр, — появился личный секретарь в проеме двери.

— Вы постоянно подсматриваете за мной из-за портьеры?

— Прошу прощения, сэр.

— Я ведь не обвиняю вас, а задаю вопрос.

— Иногда, сэр. Но всякий раз это случается совершенно случайно.

— И вам это понадобилось только для того, чтобы оставаться правдоподобным в описаниях, которые содержатся в вашей «хронике».

— Абсолютно верно, сэр. Я хочу, чтобы читатели моей хроники, которую условно называю «Хроника времен Уинстона Черчилля» содержала в себе как можно больше жизненной правды. Как в ваших книгах «Герцог Мальборо» или «Великие современники».

— Вот как! — попыхивал сигарой Черчилль. — Похвально, похвально... Знаете, почему, уличив в подсматривании, я не наказываю и даже не увольняю вас?

— Нет, сэр, — произнес Критс, собирая разбросанные по полу донесения и фотографии.

— Даже не догадываетесь?

— Почему вы разбросали эти бумаги, я уже догадываюсь, а вот почему не наказываете меня — пока что нет, сэр.

— Потому что мы с вами, Критс, родственные души.

Критс многозначительно промолчал и так, сидя на корточках, удивленно уставился на Черчилля.

— В чем эта родственность, сэр? — несколько оживился секретарь, поняв, что гроза миновала.

— В методах познания действительности.

— Очень любопытно.

— Представляете, за сколькими портьерами и в домах каких известных людей современности мне довелось простоять, подглядывая за каждым из них, прежде чем появился сборник моих исторических портретов «Великие современники»! — уже откровенно поиздевался над ним Черчилль.

— Признаю: то, что вы сказали, звучит довольно поучительно.

— Прежде чем отправитесь записывать эту фразу и описывать ситуацию, в которой она была произнесена, давайте договоримся: в принципе подглядывать вам категорически запрещено.

— Виноват, сэр.

— *Я сказал: категорически.*

— Категорически виноват, сэр.

— Но если уж вы в очередной раз решили удобно устроиться за своей портьерой, то не надо при первой же опасности быть разоблаченным в страхе выскакивать из-за нее.

— Вы поистине великодушны в своих советах, сэр.

— Всего лишь забочусь о ваших нервах. Постарайтесь беречь их.

— Вы забыли предупредить меня еще об одной особенности нашего договора: чтобы при вашей жизни я никому никогда не рассказывал о том, что мне порой удается подглядеть.

— Меня это не пугает. Я привык к тому, что обо мне сплетничают.

— Вы не правы, сэр. Сплетничали о вас раньше.

— Неужели перестали?! — почти в ужасе спросил премьер-министр. — Если это так, то мне конец, перед вами — политический труп.

— А теперь о вас уже не сплетничают, сэр, — это в прошлом, теперь о вас творят легенды.

53.

Конец апреля 1945 года. Германия. «Нордберг» — секретная база субмарин «Фюрер-конвоя» на побережье Северного моря.

Подойдя к командиру арьергардной стаи барону Людвигу фон Риттеру, главком флота Дениц какое-то время молчал, словно собирался с мыслями или пытался вспомнить, кто перед ним.

— Контр-адмирал и бригаденфюрер СС фон Риттер, — представился барон, решив, что гросс-адмирал запамятовал его фамилию.

— Как вы провели свой трехнедельный отпуск в рейхе, контр-адмирал? — неожиданно для всех отступил Дениц от формы отдачи приказа и при этом умышленно упустил его эсэсовский чин.

— Я признателен вам и... — чуть изогнул свое туловище бригаденфюрер, чтобы видеть Скорцени, однако в последнее мгновение не стал называть имени бывшего личного агента фюрера, а произнес: —... и всем, кто помог мне преодолеть запрет Правителя Внутреннего Мира и еще раз взглянуть на Германию. Это было трогательно.

Дениц помнил этого человека еще по тем временам, когда скандальными приключениями тот добывал себе славу полярного бродяги, закрепившуюся затем в сугубо бродяжьей кличке Странствующий Бездельник. Но именно потому, что слава полярного исследователя за бароном фон Риттером все же числилась, в 1938 году фюрер лично назначил его командиром арктического авианосца «Швабенланд», уходившего в далекую неизведанную Антарктиду на поиски Новой Швабии. Поиски земли для сотворения нового рейха.

И следует признать, что приказ и наставления Гитлера Странствующий Бездельник выполнил безупречно, швырнув под ноги правителю Третьего рейха значительную часть континента. То есть позволив себе то, что в свое время позволял себе только Магеллан. И как же безбожно Дениц завидовал ему в те времена, как самоубийственно он, морской мечтатель, завидовал тогда этому странствующему барону!

Ну а дальнейшую судьбу фон Риттера определило то, что в первой стае «Фюрер-конвоя», которая уходила к берегам Новой Швабии под флагом контр-адмирала фон Готта, он оказался в роли начальника службы безопасности. Теперь он был заместителем коменданта «Базы-211» и начальником ее службы безопасности. К тому же он представал перед рейхсканцелярией и фюрером в ипостаси главного идеолога Рейх-Атлантиды.

В тот же день, когда после длительного отсутствия Риттер вновь ступил на землю Германии, рейхсфюрер Гиммлер возвел его в чин генерал-майора войск СС, и фюрер утвердил этот чин, не лишая его при этом чина контр-адмирала. Ничего не поделаешь, в течение последнего года войны все больше морских офицеров одновременно становились и офицерами СС, а Гиммлер

даже вынашивал планы полного подчинения кригсмарине своему штабу как одного из соединений зеленых, то есть армейских СС. И главнокомандующему флотом приходилось мириться с этих скрытым, но безжалостным поглощением.

Тем не менее Деницу показалось, что Гиммлер даже начал было заискивать перед руководителями Рейх-Атлантиды, Готтом и Риттером, очевидно, поневоле смиряясь с мыслью, что вскоре и сам может оказаться в подземном мире нового рейха, причем, учитывая все усложняющиеся отношения с фюрером, неизвестно, в какой роли и на каком положении.

— Вам надлежит командовать арьергардной стаей, состоящей из десяти субмарин собственно «Фюрер-конвоя» и двух обычных боевых бортов в качестве замыкающих. Если будет обнаружена погоня, эта боевая двойка должна будет принять удар на себя.

— Это будет делом их чести.

— В крайнем случае можете направить на помощь ей свою десятую, в кильватерном строю, подлодку, на борту которой имеется отряд морских диверсантов, специально подготовленных для минирования и захвата судов противника. При этом трое из них являются командирами управляемых торпед. Все они тоже подготовлены в особой школе морских камикадзе под командованием Скорцени.

— Это добровольцы, изъявившие желание умереть за фю... то есть за Германию, — вовремя сориентировался обер-диверсант рейха. — Тридцать секунд в отчаянной решимости в торпеде — это их звездный час.

— Цинично, однако, по сути, верно, — признал Дениц. — Дополнительные инструкции и разъяснения — в пакете, который вам будет вручен у борта субмарины. Задача ясна?

— Так точно. И она будет выполнена.

— Иначе и быть не может, когда речь идет о стае «Фюрер-конвоя».

Дениц уже собирался перейти к стоявшему рядом с фон Риттером бригаденфюреру Ширнеру, но барон неожиданно остановил его:

— Господин гросс-адмирал, позвольте спросить: сами вы уходить с нами не собираетесь? Ведь через два-три дня враги уже будут здесь, на базе.

— Не собираюсь, — вежливо, но твердо ответил Дениц.

— Да простит меня высокое собрание, но вам, гросс-адмирал, не стоит оставаться здесь. Враги не достойны того, чтобы видеть главнокомандующего кригсмарине в своем плену. Передавайте власть любому из адмиралов и поднимайте свой флаг на любой из субмарин центральной стаи.

Главком медленно, устало обвел взглядом всех присутствующих и по их реакции понял, что все они готовы посоветовать ему то же самое.

— Пусть с иностранцами разбираются политики, — прояснил их общую позицию Вилли Штауф. — Мы, конечно, воевали, однако объявляли им войну не мы.

— Поднимайтесь на борт субмарины и принимайте командование эскадрой, — поддержал его капитан цур зее Артур Каст, командовавший рейдерской стаей, которая вот уже целую неделю патрулировала вход в бухту и которая должна была оставаться здесь до тех пор, пока подводный проход в подземную базу не завалят взрывами и не превратят в еще одну из тайн рейха, тайн Второй мировой. — Насколько мне известно, никто не лишал и уже не сможет лишить вас титула «фюрер подводных лодок», которого вы удостоены фюрером Великогерманского рейха. Пусть наши враги узнают, что эскадра «Фюрер-конвоя» ушла под флагом «фюрера подводных лодок», то есть самого гросс-адмирала Деница.

Прежде чем как-то отреагировать на его слова, Дениц едва заметно повернул голову в сторону Скорцени и скосил на него глаза. Обер-диверсант, тоже пытаясь не привлекать внимания собравшихся, едва заметно покачал головой: «Нет!»

— Не провоцируйте меня, Каст, — тотчас же отреагировал гросс-адмирал. — Мне и так нелегко принимать решение о том, чтобы оставаться здесь, томя себя мыслями о неминуемой капитуляции и неминуемом пленении. Но кто-то же должен решать судьбу флота и бывших моряков, отстаивая их интересы во время и после капитуляции.

Только теперь он подошел к начальнику секретного Арктического учебного центра, располагавшегося теперь где-то в Австрии в районе ледовых вершин Кицбюэльских Альп. Именно там неделю назад завершил свою подготовку последний набор арктиче-

ских стрелков, которых в суровых условиях ледовых альпийских склонов и перевалов готовили для охраны Рейх-Атлантиды.

— Сколько своих арктических стрелков вы погрузили на субмарины на сей раз, бригаденфюрер Ширнер?

— Двести пятьдесят семь, господин гросс-адмирал. Сорок из них составили усиленный взвод арктических амазонок, набранных в основном из альпийских баварок. Еще сто двадцать арктических стрелков готовы усилить охрану вашей ставки во Фленсбурге. Этот отряд сформирован уже из наших бывших выпускников, которые успели побывать в боях в районе Шведта под командованием оберштурмбаннфюрера Скорцени. Они прекрасно обучены и готовы составить основу вашей «наполеоновской старой гвардии».

— Сохранить бы этих парней.

— Зачем? — не задумываясь спросил руководитель школы арктических стрелков. Они созданы и обучены, чтобы сражаться и умирать.

Гросс-адмирал с грустью взглянул на него, пошевелил челюстями, пытаясь что-то ответить, но так и не ответил.

Он уже направился к своему столу, чтобы завершить сцену прощания коротким напутственным словом, однако его остановил негромкий голос Скорцени:

— Капитан-лейтенант Штанге.

Дениц остановился и обратил внимание, что по ту сторону стола, рядом с начальником базы и начальником ее службы безопасности стоит Ральф Штанге, которого они недавно отозвали из Латинской Америки.

— И что?.. — спросил он обер-диверсанта, не поворачивая головы.

— Две резервные субмарины «Фюрер-конвоя» и две — охраны. Стая-призрак. Резерв фюрера. И повышение в чине.

— Да-да, конечно, вспомнил. Подготовлена к походу и четвертая стая, которая получила наименование стая-призрак. Командовать этой стаей приказываю вам, Ральф Штанге. Отдавая этот приказ, я одновременно, по представлению коменданта базы «Латинос» и военного губернатора Германской Патагонии, присваиваю вам чин корветтен-капитана.

— Благодарю за оказанную честь, господин гросс-адмирал!

— Как вы уже слышали, под вашим командованием будет находиться четыре субмарины. Две из них — из «Фюрер-конвоя». Отход стаи-призрака отложен до особого приказа, она объявлена личным резервом фюрера. И уходить из «Нордберга» она будет только по приказу фюрера. Только по его личному приказу.

— Но, господин гросс-адмирал, ходят слухи, что фюрер погиб, — несмело как-то напомнил вице-адмирал фон Готт. — Или я что-то не так понял?

Гросс-адмирал беспомощно оглянулся на Скорцени. Тот великодушно ухмыльнулся.

— Вы все не так поняли, вице-адмирал, — пророкотал он своим лавинным басом. — И вообще, кто вам сказал, что фюрер умер? Кто вам мог сказать такое?! Фюрер жив! Фюрер с нами! И никаких псалмопений по этому поводу, никаких псалмопений!

Присутствующие растерянно переглянулись, после чего наступило неловкое, тягостное молчание.

— Прошу прощения, высокое собрание, но, в таком случае я хотел бы ясности, — первым опомнился барон фон Риттер. — Так все же — фюрер жив или добровольно ушел от нас, как сообщило нам и всему миру правительственное радио?

— В том-то и дело, что оно сообщало это не нам, а всему миру.

— А телеграмма Бормана и назначение вас, господин гросс-адмирал, главой государства? — не унимался Полярный Барон.

— Но не фюрером же! И потом, что такое телеграмма? — пожал плечами Дениц и вновь вопросительно взглянул на Скорцени, подчеркивая этим, что все вопросы следует адресовать агенту фюрера по особым поручениям, а не ему.

Скорцени сделал два шага вперед, предстал перед строем низкорослых подводников и, покачиваясь на носках, почти насмешливо оглядел их. Он не скрывал, что поражается их наивности, их непониманию ситуации.

— Надеюсь, нет необходимости напоминать вам, господа, что отвечать за безопасность операции «База-211», как и за безопасность Рейх-Атлантиды, фюрер поручил мне. Именно мне. И никаких псалмопений по этому поводу, никаких псалмопений! — рявкнул он так, что, казалось, ударная волна его взрывного, громыхающего голоса способна была разнести стены этого подземного сооружения.

Командиры стай опять молча угрюмо переглянулись. Они все еще плохо были знакомы с обер-диверсантом рейха и еще только привыкали к манере его поведения и особенно к манере его речи.

— Никто и не сомневается в ваших полномочиях, господин оберштурмбаннфюрер, — как можно спокойнее и убедительнее проговорил Теодор фон Готт. — Но, покидая берега Германии, причем, покидая их, возможно, навсегда, — мы хотим знать, что нам говорят правду. Ту правду, на которую мы имеем право и которую мы заслужили своей борьбой и преданностью фюреру.

— Точно так же, — не обратил абсолютно никакого внимания на его «псалмопения» Отто Скорцени, — мне поручено отвечать и за проведение эвакуации лучших сил рейха в Антарктиду. Отборнейших его сил — на землю будущего рейха. Да, в соответствии с приказом фюрера вся эта операция, сама «База-211», как и наша с вами эвакуация, подлежат режиму строжайшей имперской секретности и полной защиты со стороны СД. Однако весь опыт войны показывает, что лучший способ сохранения секретности заключается не столько в полном отсутствии информации, сколько в хорошо налаженной дезинформации. Только поэтому я могу сказать вам: фюрер действительно... погиб. Но погиб он только для врагов.

— Вот как?! — изумленно повел подбородком Людвиг фон Риттер.

— Выходит, нас попросту обманули? — недоверчиво спросил вице-адмирал фон Готт.

— И можете в этом не сомневаться: обманули, — расстрельно взглянул на него с высоты своего почти двухметрового роста Скорцени. — Но не вас, а врагов.

— Кто же тогда стрелялся в кабинете фюрера в рейхсбункере и кого сжигали во дворе рейхсканцелярии? — присоединился к любознательным мореманам Вилли Штауф. — Зачем вообще понадобился весь этот спектакль? Как глава рейха фюрер мог вступить в мирные переговоры с главами враждебных нам государств или попросить убежища в Испании.

— Если бы он попросил убежища в Испании, наши враги вспахали бы эту страну в его поисках, — объяснил Скорцени. — А главное, это означало бы, что фюрер капитулировал. На самом же деле капитулировать может только обессилевшая в неравной

борьбе Германия. Но не фюрер. И никаких псалмопений по этому поводу, вы слышите — никаких псалмопений! Фюрер не имеет права ни оказаться в плену, ни капитулировать. Акт о капитуляции будут подписывать другие люди.

— Но фюрер действительно не погиб? Или все же застрелился? — в своей простаковатой манере поинтересовался бригаденфюрер СС Ширнер.

— Конечно же, нет. Это была имитация. Просто так нужно было для безопасности фюрера! Неужели это не понятно?! — неожиданно взорвался гросс-адмирал Дениц. — Что вы устроили здесь допрос?!

— Враги хотели получить останки фюрера, разве не так? — вновь заговорил Скорцени. — И они их получат. У нас все еще есть кому жертвовать своими жизнями во имя фюрера и Германии. Получат и успокоятся. Для нас крайне важно, чтобы враги поверили в смерть фюрера и не пустили по его следу свору ищеек. Однако пройдет время, и они вновь услышат о фюрере. Он сам решит, когда ему следует «ожить» и явиться миру. Превратив одну из ближайших к Антарктиде латиноамериканских баз Германии в свою новую рейхсканцелярию, Адольф Гитлер сплотит и поведет за собой всех национал-социалистов мира. Наше мощное движение охватит все континенты планеты, в том числе и Россию, которая возомнит себя победительницей на военных фронтах, но окажется побежденной на фронтах идеологических. Именно Гитлер станет тем связующим звеном, которое объединит арий-атлантов Внутреннего Мира, рейхсатлантов «Базы-211» и арийцев возрожденной Германии, которая быстро и неминуемо восстанет из пепла. Хайль Гитлер! — вскинул он руку в римском приветствии.

— Зиг хайль! Зиг хайль! Зиг хайль! — в едином порыве откликнулись подводники.

— Так, значит, фюрер все же уходит с нами? — неожиданно спросил вице-адмирал фон Готт, разрушая своим вопросом эйфорию присутствующих, вызванную ожиданием грядущего торжества национал-социализма.

— Естественно, уходит. Только чуть позже, на одной из субмарин стаи-призрака, — все в том же напыщенном тоне разъяснил Скорцени, удивляя подводников своей странной откровенностью. — Он пожелал уйти последним, после того как убедится, что

все, кто подлежал эвакуации в Антарктиду, а также на базы Латинской Америки и Южной Африки, действительно эвакуированы и что переговоры с Западом и русскими ведутся согласно его воле. Таким образом, всем станет ясно, что он не бежал из Берлина и Германии, а отступил на заранее подготовленные позиции.

— Я так понимаю, господа, — обратился Полярный Барон к своим коллегам, — что эту информацию мы должны хранить в строжайшей тайне. Ни один член экипажа, ни один моряк и солдат из охраны «Нордберга» не должен узнать о том, что вместо фюрера застрелился его двойник и что фюрер выходит в океан вместе с нами.

— Вот именно! — поддался всеобщему фюрер-гипнозу гросс-адмирал. — Никто, кроме вас, ни один человек не имеет права знать о том, что фюрер жив и что он будет покидать рейх на борту субмарины. Отныне это является величайшей тайной рейха, тайной, которая...

— Простите, гросс-адмирал, — прервал его пламенную речь Отто Скорцени, — но я вынужден внести некоторые коррективы. Слушайте меня внимательно, господа. До отхода авангардной стаи остается час, до выхода в море стаи арьергарда — два часа. Так вот, на вашу субмарину, вице-адмирал фон Готт, взойдут четыре человека, чьи лица будут скрыты под медицинскими масками. Они будут в плащах с поднятыми воротниками, лица их не будут видны, однако фигурами своими они будут напоминать Гитлера, Бормана, Гиммлера и Мюллера.

— Я верно понял: всего лишь напоминать?

— Это не имеет значения, вице-адмирал: «напоминать — не напоминать»! — свирепо взглянул на него обер-диверсант рейха. — Вы обязаны придерживаться той версии, которая вам предложена.

— Такой подход меня вполне устраивает, — поспешил ретироваться фон Готт.

— В таком случае продолжим инструктаж. Все слушают, и никаких псалмопений по этому поводу быть не должно. Охранники причалов и базы, весь обслуживающий персонал должны будут «по секрету», как самую большую тайну, узнать, что именно эти названные мною господа ушли на субмарине, покинув пылающие берега Германии. Это должно быть преднамеренной утечкой ин-

формации. Причем вы должны будете построить небольшой почетный караул, который бы приветствовал этих лиц у входа на причал. Что должно будет подтверждать версию о бегстве высшего руководства в Латинскую Америку.

— Вот как! — не удержался Дениц, и все удивленно посмотрели на него. Для них было открытием, что, оказывается, гросс-адмирал ничего не знал о секретной операции «Отъезд фюрера». — То есть фюрер жив и искать его следует в Латинской Америке?

— Только так: фюрер, конечно же, не ушел от нас, он жив, и вместе со своими ближайшими соратниками, опираясь на большие колонии германцев в Аргентине, Чили, Уругвае, Парагвае и Боливии, разворачивает деятельность по возрождению национал-социалистского движения. Именно об этом будет рассказывать каждая из сотни женщин Союза германок, которые будут допущены к церемонии прощания с подводниками, уводящими свои субмарины к берегам Южной Америки и Южной Африки. Участниками этого скромного прощания станут также два взвода арктических стрелков генерала Ширнера, из тех, которые остаются для прикрытия базы, и два взвода морской пехоты. Нам нужны свидетели отъезда фюрера. Как можно больше свидетелей. Уже завтра десятки тысяч жителей окрестных городов и деревень из уст в уста должны передавать весть о том, что фюрер жив, он спасен, а значит, борьба продолжается. Конец войны — это всего лишь начало нового этапа борьбы национал-социализма за самые достойные умы, но теперь уже не только германской расы, но и всего мира.

— Нам понятен ваш замысел, господин оберштурмбаннфюрер, — выразил общее мнение вице-адмирал.

— Это не мой замысел, это замысел фюрера, — уточнил скромняга Скорцени. — Его замысел и его воля, которая любой ценой должна быть *выполнена*, вы слышите: любой ценой. Кроме всего прочего, эта пропагандистская акция должна отвлечь внимание вражеской агентуры от похода стаи-призрака, на которой действительно будет уходить сам фюрер. К моменту ее отхода все округ будут знать, что на базе не осталось ни одной субмарины «Фюрер-конвоя», ибо стая-призрак в это время будет находиться в другой секретной бухте базирования и вернется сюда только после вашего ухода.

— Если будет создан Четвертый рейх, — молвил Дениц, очарованный речью обер-диверсанта, — то министром пропаганды его должны стать вы, Скорцени.

— А нельзя ли предусмотреть для меня пост министра диверсий? — ухмыльнулся Скорцени.

— Интересное пожелание.

— Поскольку то, что мы сейчас совершаем, — тоже диверсия, только информационная. Выражаясь языком моряков, сейчас мы «секретим» на дне те глубинные радиоуправляемые бомбы, которые будут срабатывать не только в первые дни нашего поражения, но и в течение многих десятилетий после войны.

54.

Май 1945 года. Лондон. Резиденция премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля.

Генерал О'Коннел появился как раз в то время, когда Черчиллю позвонил один из его доверенных людей в министерстве иностранных дел и сообщил, что информация, связанная с гибелью Муссолини, подтвердилась.

— А я не усомнился в ее достоверности, — жестко ответил премьер, сразу же неприятно осадив информатора.

— Как подтвердилась и подлинность того факта, что повешенное в Милане изувеченное тело принадлежало дуче.

— Его действительно привезли в Милан уже мертвым? — спросил Черчилль только для того, чтобы как-то смягчить свое информационное отторжение.

— И подтверждено многими свидетелями. Можно считать установленным фактом. Прежде чем труп повесить на бензозаправке, его жутко изуродовали. Надругались и над телом Клареттьі Петаччи.

— Считаете, что меня должны интересовать все эти садистские подробности? — мужественно сохраняя вежливость тона, поинтересовался премьер.

— Вы просили уточнить, действительно ли...

— Но ведь вы уточнили?

— Отвергая всякие сомнения.

— Тогда зачем мне эти ваши «подробности из морга»? Кстати, не упоминается ли в сообщениях дипломатов некий чемодан, набитый всевозможными письмами, который дуче имел прескверное обыкновение повсюду таскать за собой?

— Нет, о чемодане, вообще о каких-либо вещах или документах дуче в этих сообщениях нет ни слова. Очевидно, этой детали никто не придал значения.

— А напрасно.

— То есть речь должна идти о чемодане с письмами? Задание понял.

Положив трубку, Черчилль вопросительно взглянул на генерала О'Коннела.

— Вы просили прибыть, сэр?

— Удалось ли вам, наконец, выяснить фамилию нашего агента, имеющего связь с этой, как ее там, княгиней? — пощелкал премьер пальцами.

— Княгиней Марией-Викторией Сардони. — Генерал достал из папки фотографию женщины с распущенными волнистыми волосами и римскими, истинно аристократическими, чертами лица. Красавицей ее назвать было трудно, однако было в ее строгом взгляде и горделиво вскинутом подбородке что-то очень жесткое, властное и... неподступное.

«А точнее, — неподсудное, — сказал себе Черчилль. — Как думаешь, решился бы ты ухаживать за такой вот, теряя массу времени, денег и нервов? Вряд ли. Честно признайся себе: вряд ли!»

— Ну, допустим... — задумчиво проговорил Черчилль вслух, повертев снимок между пальцами, как картежный шулер — невесть откуда появившуюся пятую даму. — И кто тот сладострастец, которому удалось пробить подобную броню?

— Майор разведки Эдвард Эйховен.

— После взятия такой «сексуальной Бастилии» — и все еще майор? — ловеласно покачал головой Уинстон.

— Представим к повышению. Известен под псевдонимом Тото, или Монах Тото, поскольку выступает в облике католического монаха-миссионера. «Бедный, вечно молящийся монах Тото» — так скорбно представляет он себя в кругах «черной римской знати», в которые проникает именно благодаря княгине Сардони. Год назад...

Поведать о том, что же произошло год назад, О'Коннел так и не успел; он умолк, поймав на себе удивленный взгляд Черчилля, который неотрывно смотрел на него, с недонесенной до рта сигарой.

— Простите, — вежливо подался к нему генерал, — что-то не так?

— А как ему удалось пробиться к этой постельной аристократке?

— Видите ли, — ухмыльнулся генерал, — это уже касается интимных мужских особенностей, умения вести себя с женщиной в постели.

— Помилуйте, генерал. В данном случае меня интересуют не мужские достоинства вашего героя сексуального фронта и постельные подробности. Я спрашиваю, как это ему удалось, пребывая в ипостаси бедного, вечно молящегося Монаха Тото, подступиться к этой аристократке?

— Для меня это тоже загадка. Правда, была информация о том, что, якобы, сблизил его с княгиней не кто иной, как сам Отто Скорцени.

— Стоп-стоп, вы опять всуе упомянули имя Скорцени? Почему же вы до сих пор молчали об этом, О'Коннел?

— Не представлялось случая, сэр.

— Когда и при каких обстоятельствах это произошло?

— При попытке Скорцени приблизиться к папе римскому. В ходе запланированной фюрером операции по похищению папы римского Пия XII, под кодовым названием «Черный кардинал». В свое время я вам о ней докладывал.

— Кажется, ее отменил сам фюрер. Почему? Она представлялась ему настолько неосуществимой?

— Наоборот, нам пришлось задействовать всю нашу агентуру, чтобы как-то воспрепятствовать этому похищению. Мы предупредили самого Пия XII. И все же у нас не было уверенности, что германцам не удастся захватить или убить папу. Не следует забывать, что занимался подготовкой операции известный нам Отто Скорцени.

— Сам Отто Скорцени! — уточнил Черчилль. — Учитесь уважать профессионализм и профессионалов, под какими бы флагами они ни служили.

— Я пытался выяснять у майора. Причастность к операции «Княгиня Сардони» этого исполосованного дьявола он пытается отрицать. Правда, делает это неубедительно.

— Вот вам еще один аргумент.

— И все же версия сближения с княгиней Сардони при помощи Отто Скорцени показалась мне неправдоподобной.

— И правильно, что показалась неправдоподобной. Куда более правдоподобной кажется мне версия о том, что Скорцени сблизил нашего майора со своей собственной, германской разведкой[118].

— Меня это тоже насторожило.

— Не лгите, полковник, — тотчас же принялся понижать его в чине премьер. — Вас это не могло насторожить, поскольку вы не поверили в причастность к этим контактам Скорцени. А я этому предположению верю.

— Мы немедленно отзовем майора Эйховена, этого «вечно молящегося Тото» и основательно примемся за него, используя все методы допросов с пристрастием...

— Не сметь никого отзывать! Если Скорцени и завербовал его — теперь это уже не имеет никакого значения, поскольку не существует и самой германской разведки. Немедленно свяжитесь с этим майором, *выйдите через него и, княгиню* Сардони и ватиканскую разведку, а, может, и на самого Скорцени и попытайтесь выяснить, что же на самом деле произошло с «эпистолярным» чемоданом дуче. Куда он девался? Кто его в эти дни изучает?

«Опять этот чертов чемодан!»

— Я понимаю, что только что вы, генерал, мысленно отругали и меня, и этот чертов чемодан. Не стесняйтесь, произносите вслух. Но запомните: добыть оригиналы моих писем к Муссолини — это уже не только в моих личных интересах, но и в интересах Великобритании. Потому что это — престиж ее премьера, престиж королевства и... престиж разведки, некогда считавшейся лучшей в мире.

---

[118] В своих предположениях Черчилль был недалек от истины. Скорцени не вербовал майора Эйховена, однако сумел разоблачить в этом «монахе Тото» английского разведчика и выкачать из него все те сведения, которые ему понадобились. Подробнее об этом — в моем романе «Черный легион» из эпопеи «Война империй». — *Автор*.

— Мне это понятно, сэр.

— Добыть чемодан вы уже не сумеете, это я себе уяснил. Постарайтесь хотя бы выяснить, в чьих руках находятся сейчас оригиналы писем.

— Отныне для меня это станет вопросом чести, сэр.

* * *

Когда генерал оставил «келью одинокого отшельника», Черчилль еще долго прохаживался по ней взад-вперед, нервно беседуя с самим собой. Затаившись за портьерой, — премьер просто забыл о том, что личный секретарь может находиться там и подглядывать, — Критс видел, как премьер шевелил губами и даже время от времени взмахивал правой рукой, словно бы пытался кого-то прервать. Левую руку он держал при этом за спиной и вообще пребывал позе трибуна.

Понимая, что этот «разговор с интересным собеседником» будет продолжаться довольно долго, личный секретарь незаметно выскользнул из «кельи» и вскоре появился со своей записной книжкой.

— Я понял, что в свое время вы лестно отзывались о Муссолини и его режиме в направленных к дуче письмах. Теперь это вас тревожит.

— А вас тоже? — проворчал Черчилль, опускаясь в кресло и давая себе слово, что впредь он будет безжалостно изгонять Критса из его запортьерного убежища.

— Постольку, поскольку оно будоражит вашу душу. Смею заметить, что ваши высказывания и письма относятся к довоенному периоду. А вот что говорил по поводу Муссолини Адольф Гитлер, причем уже в июле 1941 года, позвольте прочесть: «При встречах с дуче я всегда испытываю особую радость; он — грандиозная личность. Самое удивительное, что он в то же время, что и я, работал на стройке в Германии. Безусловно: моя программа написана в 1919 году, тогда я еще ничего о нем не знал».

— Какие счастливые были времена, — проворчал Черчилль, — Гитлер не ведал о Муссолини, а весь остальной мир пока еще не ведал о существовании их обоих.

— Согласен с вами, сэр.

— Ваше согласие в данном случае не обязательно.

— Позвольте продолжить чтение, сэр?

— Я слушаю вас, Критс, слушаю. И просил бы вас не отвлекаться по пустякам.

— «Наши учения *отнюдь не заимствовали* друг у друга духовные основы, — продолжает дальше фюрер, — но каждый человек есть продукт как своих, так и чужих идей. И нельзя сказать, что события в Италии не оказали на нас никакого влияния. Без черных рубашек, возможно, не было бы и коричневых».

— Это уж точно. *Исповедь двух отъявленных негодяев.*

— Одного, Гитлера, — обронил личный секре́тарь и, не позволяя премьер-министру вставить ни словца, продолжил чтение на еще более высоких регистрах. — «Поход на Рим в 1922 году был одним из переломных моментов в истории. Уже сам факт, что такое вообще возможно, послужил нам хорошим стимулом. Если бы марксисты одолели Муссолини, не знаю, смогли бы мы выстоять. Национал-социализм был тогда растеньицем со слабыми корнями.

Смерть дуче была бы величайшим несчастьем для Италии. Кто прохаживался с ним по залам виллы Боргезе[119], и видел его голову на фоне бюстов римлян, тот сразу почувствовал: он — один из римских цезарей! В чем-то он прямой потомок великих людей той эпохи».

Оказалось, что Критс был прирожденным чтецом-декламатором. Он об этом догадывался и не пытался скрывать свой талант.

— Если сочтете необходимым, сэр, я могу отпечатать для вас этот текст, чтобы в любое время вы могли им воспользоваться.

— Вы всерьез решили, что хвалебные отзывы Гитлера о Муссолини могут оправдывать мои, премьер-министра Великобритании, собственные высказывания о нем?

— Во всяком случае, высказывания фюрера могут подтверждать объективность ваших собственных оценок.

---

[119] Вилла князя Боргезе, сооруженная в XVII веке, была официальной резиденцией Муссолини, и фюрер посетил ее вместе с дуче во время визита в Италию в 1938 году. Вилла Боргезе славилась своим уникальным собранием античных скульптур.

— Что касается объективности — тут вы, может быть, правы. Оставьте мне этот текст и постарайтесь подыскать подобные цитаты в речах кого-либо из лидеров европейских держав, не входящих в «Ось Берлин—Токио».

— Уверен, что они отыщутся. И каждая из них способна будет заткнуть глотку любому зловредному журналисту или политику.

«Заткнуть глотку»! Какая наивность! Нужно совершенно не знать наших сволочных политиков, чтобы рассчитывать заткнуть им глотки с помощью цитат из речей и писем Гитлера, Рузвельта или Сталина. Хотя, конечно, какое-никакое моральное оправдание это давало: мол, как видите, не один я был таким идиотом! Но существовала одна фраза, которую уж наверняка никак ни объяснить послевоенным лондонцам, потерявшим от фашистских бомбардировок тысячи своих родственников, друзей и знакомых, ни оправдать он не сможет.

Сказана она была еще в 1927 году, во время его, Черчилля, приезда в Италию, на встречу с Муссолини, который тогда еще только приобретал настоящую популярность и у себя на родине, и в столицах других стран. Тогда, пребывая в прекрасной Флоренции, во время одной из шумных пресс-конференций он, в ту пору еще только канцлер казначейства в правительстве премьера Стэнли Болдуина, произнес то, что было затем тщательно зафиксировано сразу несколькими итальянскими и английскими журналистами.

«Именно Италия дала нам средство против русского яда! — воскликнул он, отвечая на волне захлестнувших его эмоций на вопрос о том, что для него значат теперь Италия и Муссолини. — Будь я итальянцем, я стал бы фашистом!»

Западню, в которую он себя загнал этими словами, Черчилль почувствовал сразу, как только один из германских журналистов спросил его:

— А почему бы вам, господин Черчилль, не стать английским фашистом и не создать фашистскую партию Великобритании?

— Потому что я слишком консервативен, — почти отшутился тогда Черчилль, — не зря же я принадлежу к самому консервативному крылу консервативной партии Великобритании.

И все же когда он вернулся в Лондон, премьер Болдуин, постоянно чувствовавший, что Черчилль дышит ему в затылок, не преминул ехидно заметить:

— Так что, будем срочно переименовывать консервативную партию в фашистскую? Или, может, распустим консерваторов и будем формировать из добровольцев союз фашистов?

— Пока обойдемся наличием консервативной партии, многие члены из которой дадут фору любым фашистам — итальянским или германским.

— Как прикажете, дуче Черчилль, как прикажете!

А потом ведь еще была длительная переписка с Муссолини, в массе которой обязательно отыщутся и письма, в которых он уговаривал дуче, яростно рвущегося в бой на стороне Германии, не вступать в войну.

Причем, к нынешнему стыду своему, в виде платы за нейтралитет Черчилль обещал передать Италии все восточно-африканские колонии Великобритании, включая Эфиопию, а также Северный Тунис, Корсику, Истрию, Далмацию, Ниццу и даже Мальту.

Обещать — еще не значит передать. И кто знает, чем бы, в конечном итоге, кончились переговоры между правительствами Великобритании и Италии? Но кого этим сейчас убедишь? Черчилль прекрасно понимал, какой вой поднимут оппозиционная пресса и его личные враги, когда на свет Божий начнут всплывать факты из секретной переписки и секретных переговоров. Скандала в любом случае не миновать, однако нужно попытаться пройти его с наименьшими потерями.

А ведь первые симпатии к Муссолини у Черчилля, журналиста по крови и духу, зарождались как симпатии к коллеге по перу, автору популярных статей в «Пролетарио» и «Авенире дель Лавораторе» («Будущее рабочего»); к главному редактору официального органа соцпартии «Аванти!» и издателю «Новой Италии»; к создателю авантюрно-любовного романа «Клаудиа Партичелла, любовница кардинала», написанного специально для публикации с продолжением в газете «Народ». Хотя по поводу этого романа было истрачено немало критических чернил, тем не менее некоторые фрагменты, из тех глав, которые были переведены для него, Черчиллю нравились. Во всяком случае, называть Муссолини бездарным было бы грешно.

...И потом, почему он не должен был соглашаться со словами Бенито Муссолини как руководителя организации «Фашио ди комбаттименто» («Союз борьбы»), который после встречи в 1934 году с Гитлером прямо говорил: «Этот Гитлер — существо свирепое и жестокое. Он заставляет вспомнить Аттилу. Германия так и осталась со времен Тацита страной варваров. Она — извечный враг Рима»?

Однако правдой остается и то, что последнее письмо к дуче он написал 9 июня 1940 года, а на следующий день узнал, что, выступая перед огромным собранием членов своей партии и студентов с балкона римского дворца «Венеция», дуче официально объявил Великобритании войну. Такого жестокого удара ниже пояса он, естественно, не ожидал. Поэтому переживал его довольно болезненно.

Черчилль до сих пор помнит, как он порывался публично отозвать это свое письмо, обвинив Муссолини в беспринципности и коварстве. Но теперь премьер был благодарен судьбе, что тогда у него хватило ума не привлекать внимания к своей эпистолярии и не провоцировать дуче на публичный обмен обвинениями и разоблачениями. То-то публика повеселилась бы на трибунах этой гладиаторской арены!

Интересно, знает ли обо всем этом иезуит Роберт Критс? А генерал О'Коннел? И вообще, у кого накапливается сейчас «секретное досье Черчилля»?

55.

Май 1945 года. Германия. «Нордберг» — секретная база субмарин «Фюрер-конвоя» на побережье Северного моря.

Гросс-адмирал Дениц явно нервничал: только что ему сообщили, что у Восточно-Фризских островов появился отряд английских кораблей, в состав которого входят четыре надводных судна и как минимум две подводные лодки.

— Они что, якорь им всем в брюхо, решили, что уже могут хозяйничать в территориальных водах Германии?! — вскипел он.

— Обнаглели, это очевидно, мой гросс-адмирал, — поддержал его праведный гнев адъютант Фридрих Наубе, вошедший в кабинет теперь уже не только главнокомандующего военно-морским флотом, но главы державы, с этим донесением. — И прощать им этого нельзя.

Они оба помнили, что через полчаса в море следует выйти последней стае секретного соединения субмарин «Фюрер-конвоя», на которой в океан, кроме всех прочих, должны уйти, как гласил секретный приказ, «некоторые высшие руководители Германии, группа ученых и конструкторов секретного "Зондербюро-13", а также святыни СС и Третьего рейха».

Это было последнее задание Гитлера, которое Деницу надлежало выполнить еще как главнокомандующему кригсмарине и, в частности, как «фюреру подводных лодок». И теперь оба они — главком и его адъютант — делали все возможное, чтобы приказ был выполнен с той же прилежностью, с какой обычно выполнялись все остальные указания фюрера.

— Передайте мой приказ, Наубе: немедленно поднять в воздух две приданные флоту эскадрильи морских штурмовиков прикрытия. Штурмовой стае субмарин фрегаттен-капитана Кремса затаиться у острова Вангероге, чтобы во время выхода в море стаи призраков быть готовым принять удар англичан на себя. И сражаться им надлежит до последнего патрона, не оплакивая потерь! Чего вы ждете, капитан-лейтенант?

Еще несколько мгновений адъютант молчал, сопровождая свое красноречивое бессловесие прерывистым, с характерной для старых подводников удушливой хрипотцой, дыханием, затем произнес:

— Приказы немедленно будут отданы, мой гросс-адмирал, но кое-кто из офицеров-пилотов, да и моряков тоже, интересуется, действительно ли вы ведете переговоры с англо-американцами о прекращении войны, о нашей полной капитуляции.

— А о чем, по-вашему, я еще могу вести переговоры?! — поиграл желваками осунувшегося, бледновато-серого лица главком флота. — Может, о том, чтобы перед нами капитулировала Англия, а весь атлантический флот США завтра же сдался нам на милость победителя?! Или чтобы русские повернули свои танки в сторону Урала, а бездарные румынешти снова превратились в

наших союзников? Что вы молчите, адъютант?! Вещайте, я с наслаждением выслушаю вас.

— Вы правы, мой гросс-адмирал.

— Тогда почему же вы, мой доблестный, всепонимающий адъютант, не разъясняете этим любопытствующим офицерам, до какого позорного состояния Германии они довоевались?

— Иногда пытаюсь.

— И что же?

— Говорить с ними об этом бессмысленно.

— Тогда почему вы решаетесь соваться ко мне с подобными вопросами — о чем я веду переговоры с нашими врагами, якорь вам в брюхо?!

— Они хотят знать правду и хотят слышать ваш голос.

— А голоса шефов местного гестапо и службы безопасности СС им не хочется услышать?! Эти господа, доложу я вам, давно истосковались по их обветренным пиратским рожам и висельничным шеям!

Услышав эту угрозу, Наубе вздрогнул. Он помнил, с каким упрямством Дениц, вслед за своим предшественником, гросс-адмиралом Редером, отстаивал право флотских офицеров не вздрагивать при словах «СД» и «гестапо», добиваясь, чтобы гестаповский Мюллер отозвал из флота всех своих агентурных выродышей, искоренив столь погибельные для команд судов, особенно подводников, уходящих в длительное плавание, стукачество и недоверие.

«Но, очевидно, всему есть предел, — попытался оправдать он последние слова гросс-адмирала, списав их на обычный приступ гнева. — Если бы гросс-адмирал действительно позволил в свое время гестапо по-настоящему ворваться в личный состав кригсмарине, то половину надводных кораблей пришлось бы превращать в плавучие тюрьмы, а береговые базы — в концлагеря».

— И о чем они еще говорят? — насупился тем временем гросс-адмирал, рассматривая какую-то лежащую перед ним на столе бумагу. Он и сам понимал что «с пиратскими рожами и висельничными шеями» явно загнул, и что это уже — на грани истерики, а любое проявление истеричности казалось ему недостойным морского офицера береговым позорищем.

— О конце войны, — вдруг осмелел Наубе, — и о том, что все авно эта война проиграна и мы только зря теряем на ней лучших оих подводников и пилотов. Самых опытных и проверенных в оях подводников и пилотов.

— Но я не могу завершить войну своим собственным прика-м! Вам ли это объяснять, Наубе?! Это начать любую много-тнюю бойню можно одним росчерком пера, одним провокаци-нным выстрелом в сторону врага или просто одним дурацким риказом. А завершать ее следует долгими переговорами со вче-шними врагами. С врагами, адъютант! Которые ненавидят нас жаждут нашей смерти. Однако и смертью нашей они жаждут сладиться только после того, как насладятся созерцанием фи-ческих и душевных мучений, то есть почувствуют вкус мести.

— Вы все верно говорите, — сочувственно вздохнул капитан-йтенант Наубе.

— Особенно трудно завершать войну, которую ты проиграл. врагами, которых ты сам себе сотворил, и если победа, в конце онцов, осталась за ними. Причем в числе врагов оказались даже е страны, которые самой историей, изначально, преподнесены ыли нам в образе естественных союзников.

«А ведь это прямое осуждение политики фюрера!» — отметил о себя Наубе, однако обсуждать это вполне справедливое осуж-ение не стал.

— *И что вы в таком случае прикажете делать с ними* — этими мыми опытными и проверенными в боях моряками и пилота-и? — завершил свой монолог новый фюрер рейха.

— Они должны воевать, пока не последует вашего приказа о екращении боевых действий, мой гросс-адмирал.

— Вы поражаете меня своей сообразительностью, адъютант! на у вас бесподобна.

Деницу шел пятьдесят четвертый год, однако выглядел он в следние дни так, словно отсчитывал седьмой десяток своих лендарей. И Наубе понимал, что это уже необратимо, что это зический и моральный износ, от которого он как адъютант и прочие «пиратские рожи» обязаны были бы оберегать своего вкома, вот только понятия не имели, как именно это следует лать. Да и возможно ли это в гибельных условиях, в которых азалась сейчас Германия?

— Кстати, мой гросс-адмирал, они интересуются, будете ли вы провозглашены фюрером.

— А что, появились горячие головы, которые готовы провозглашать меня фюрером?

— Было бы провозглашено. Они поддержат. Шикльгрубера фюрером тоже не они провозглашали.

— Вот и провозглашайте, Наубе. Что вы смотрите на меня, как на прищельца из иных миров?

— Пытаюсь понять, насколько серьезно это ваше предложение. Тем более что офицеры интересуются, можно ли уже сейчас обращаться к вам: «мой фюрер»?

На сей раз Наубе лукавил: с подобными вопросами никто к нему до сих пор не обращался, однако адъютант главкома вычитывал их в глазах всех тех, кто пытался попасть к его шефу на прием в его резиденции в морской школе в Мюрвике, неподалеку от Фленсбурга.

— Нельзя! — отрубил гросс-адмирал. — Ни в коем случае нельзя. Может, вы еще станете вскидывать при мне руки вверх и кричать: «Хайль Дениц»?

Капитан-лейтенант Наубе молча пожал плечами. Уж этот всплеск гнева главкома вообще был ему непонятен. Почему бы ему не ответить: «Да, можете обращаться: “мой фюрер”; да, орите в свое удовольствие: “Хайль Дениц”? Что в этом странного или страшного?

Наубе в принципе не понимал, что так смущает и отпугивает гросс-адмирала в этой, теперь уже, можно сказать, священной, традиции рейха. Вот именно, в традиции!

— Думаете, что германцам очень трудно будет привыкнуть к возгласу «Хайль Дениц»? Но ведь вспомните, что и к возгласам «Хайль Гитлер!» тоже привыкли не сразу. Некоторые флотские шутники даже пытались выкрикивать: «Хайль Шикльгрубер!», то есть пользуясь настоящей фамилией Гитлера, что вообще представлялось полным идиотизмом. А так — «Хайль Дениц!» На мой взгляд, вполне приемлемо.

— Не валяйте дурака, Наубе! — явно огрызнулся гросс-адмирал. — А не то я заставлю всех флотских офицеров приветствовать друг друга возгласами «Хайль Наубе!», что будет выглядеть значительно благозвучнее.

56.

Май 1945 года. Германия. «Нордберг» — секретная база субмарин «Фюрер-конвоя» на побережье Северного моря.

Пока адъютант передавал начальнику радиосвязи базы приказ главкома, сам Дениц отправился к одному из подземных, сооруженных в глубине прибрежной скалы причалов, у которого стояли специальные субмарины большого водоизмещения, относящиеся к соединению «Фюрер-конвоя».

С его появлением представители командования и службы безопасности базы «Нордберг» и стаи призраков сгруппировались у бетонного колпака охранного дота. А между ними и огромными черными телами субмарин офицеры начали поспешно и слишком суетно выстраивать из двух отделений — морских пехотинцев и арктических стрелков генерала Ширнера — почетный караул, а также оркестр, кое-как собранный из раненных в боях оркестрантов-пехотинцев, пребывающих на лечении в местном госпитале. Свой собственный, штатный оркестр новый комендант базы штандартенфюрер СС Ганс Кирхнер два месяца назад отдал на пополнение команды только что спущенного тогда на воду после ремонта линкора «Кемниц».

— Господин гросс-адмирал, — ленивой трусцой засеменил навстречу главкому не в меру располневший на береговых харчах комендант базы, — оберштурмбаннфюрер СС Отто Скорцени и лица, которые его сопровождают...

— ...которых он сопровождает, комендант, — как можно внушительнее произнес Дениц, — он, а не его!

— ...которых Скорцени, а не его... — разволновавшись, повторил Кирхнер, — сопровождает...

— Что вы, комендант, путаетесь в элементарном докладе, как пушистый кадетик — в нижнем белье портовой проститутки?

— Виноват, господин гросс-адмирал.

Еще несколько дней назад амбициозный полковник от СС мог позволить себе посматривать на Деница свысока, убеждая себя и всех вокруг, что как комендант секретной базы «Фюрер-конвоя»

он подчиняется только фюреру. Но теперь фюрера не было, а верховным правителем Германии стал Дениц, и с этим приходилось считаться даже ему, Кирхнеру. И Дениц, в общем-то, никогда раньше не отличавшийся мстительностью Дениц, прекрасно понимал это.

— Но вы так и не закончили свой доклад, полковник. Где там находится сейчас Отто Скорцени и «сопровождающие его»?

— Они должны появиться через теперь уже пятнадцать, — взглянул он на часы, — минут.

— Ясно, несите службу дальше. А почему вы все еще здесь? — сразу же переключился гросс-адмирал на стоявшего у пулеметной амбразуры дота командира разведстаи капитан-лейтенанта Вильтена.

— Мне приказано было находиться здесь и ждать...

— Все существовавшие до этой минуты приказы отменяются, капитан-лейтенант. Вам что, до сих пор не сообщили, что у Восточно-Фризских островов появился отряд английских кораблей?

— Никак нет.

— Так вот, теперь вы об этом знаете. Немедленно выводите свою стаю на боевые позиции. Нельзя допустить, чтобы англичане вошли в залив, прежде чем из него выйдет стая призраков.

— Они не войдут в него, господин канцлер.

— Подробности приказа вам сообщит радист. Но это должен быть решительный бой, капитан-лейтенант! — бросил он уже вдогонку командиру стаи, рванувшемуся к стоявшей у дальнего пирса субмарине. — До последнего патрона и не оплакивая потерь! Англичане надолго должны запомнить этот последний морской бой у берегов Германии!

— И они запомнят его, господин гросс-адмирал! — на ходу ответил Вильтен.

«А ведь и этого парня погубим, причем в самом конце войны! — подумалось гросс-адмиралу. Однако он тотчас же одернул себя: «Ты еще всплакни, провожая его в поход!»

Премьер несуществующего правительства и главнокомандующий теперь уже несуществующего военно-морского флота, Дениц понимал, что, возможно, бой в районе Восточно-Фризских

островов действительно станет последним морским боем у берегов рейха, и тоже несуществующего. Но именно поэтому бой должен быть воистину героическим, достойным традиций славного германского флота!

Так уж получалось, что на любой его приказ накладывалась печать близкого окончания войны, которая сводила на нет целесообразность всех тех жертв, которые он теперь уже почти ритуально, без какой-либо военной целесообразности, приносил. Однако он не мог поступать иначе. Не имел права. Враги первыми должны были запросить мира. Это у них должны были окончательно сдать нервы, они должны были ужаснуться бесполезности всех тех огромных потерь, которые по-прежнему несут, ввязываясь во все новые и новые сражения с гибнущим рейхом.

И Дениц не сомневался, что именно так оно и произойдет. Иное дело, что для этого следует заставить оставшиеся в его распоряжении вооруженные силы до конца, вплоть до мирных переговоров, противостоять врагу. До последнего патрона и не оплакивая потерь! В этом заключалась сущность выработанной им стратегии.

Особую надежду в этой, уже не столько военной, сколько психологической, операции он возлагал на наличие мощных — общей численностью до миллиона солдат — армейских группировок фельдмаршала Шернера и генерал-полковника Рендулица в Чехии, которые, как ему доложили, обладали запасами боеприпасов и продовольствия на семь недель.

«Семь недель боеспособности этих двух групп армий плюс надежное положение германских войск в Скандинавских странах, и непобедимая, теперь уже почти легендарная 319-я пехотная дивизия на Нормандских островах[120] — и есть твой стратегический резерв, — сказал себе Дениц. — Сейчас главное всячески напоминать о нем врагам. Пусть понервничают».

— Командир стаи призраков!

— Я, господин гросс-адмирал.

---

[120] У 319-й пехотной дивизии вермахта — особая судьба. Во время высадки в Нормандии англо-американцы не стали штурмовать Нормандские острова, которые были хорошо укреплены гарнизонами этой дивизии. Так эта дивизия и оставалась на островах до мая 1945 года, после чего благополучно капитулировала.

— Что вы можете сказать о готовности своей стаи к выполнению возложенной на нее исторической миссии, командор?

— Простите, корветтен-капитан.

— Я еще не разучился «считывать» чины своих офицеров, Штанге. Просто вам очень повезло: в океан вы уходите в чине капитана цур зее, а точнее, в чине командора[121], который будет сохраняться за вами и после окончания боевых действий.

— Есть принять чин командора! — на полные легкие выкрикнул Штанге, явно стараясь, чтобы о его повышении узнало как можно больше находящихся здесь моряков. — Кстати, это было моей детской мечтой: когда-нибудь выйти в море командором. Не контр- или вице-адмиралом, а именно командором. Даже не могу объяснить, почему я так решил.

— Я не чародей, раздающий плоды детских мечтаний. Не может стаей «Фюрер-конвоя», обеспечивающей отъезд самого фюрера, командовать офицер столь низкого — корветтен-капитан — чина. Несолидно как-то. В то же время у вас уже есть опыт похода в Латинскую Америку.

Взбодрившийся командор даже постарался не заметить, как Дениц, словно бы извиняясь перед стоявшими рядом с ним комендантом базы Кирхнером и бригаденфюрером СС, начальником арктической школы Ширнером, уточнил:

— Это распоряжение Скорцени. Кстати, пора бы ему уже и появиться, — нервно взглянул он на часы. — Вместе с фюрером.

— Но это действительно фюрер? — приглушив голос и оглядываясь на отошедшую чуть в сторонку свиту гросс-адмирала, поинтересовался Штанге.

— Если вы еще раз зададите мне этот вопрос или хотя бы зададитесь им сами, в океан вы, конечно, выйдете, но только рядовым матросом.

---

[121] Командорами становились капитаны цур зее, то есть капитаны первого ранга, которые находились на адмиральской должности. Как правило, этот чин присваивался капитану цур зее, который командовал соединением кораблей, и он оставался в силе до присвоения ему чина контр-адмирала. В данном случае Дениц повысил командира стаи через чин, от капитана третьего ранга до капитана первого ранга, и возвел его в звание командора.

— Есть не задаваться подобным вопросом, господин гросс-адмирал!

— Мало того, если кто-либо из экипажа хоть на минутку усомнится в том, что на борту действительно находится фюрер, при очередном всплытии можете пристрелить его с именем Скорцени на устах.

«А ведь эти слова тоже принадлежат Скорцени», — понял Штанге. *Он слишком хорошо знал интеллигентские манеры Дени*ца, чтобы предположить, что в эти мгновения он изрекает своими собственными устами. Не хватало только, чтобы подобные реплики он завершал взрывной фразой человека со шрамами: «И никаких псалмопений по этому поводу! Никаких псалмопений!».

— Наубе, — обратился тем временем гросс-адмирал к появившемуся у причала адъютанту. — Пусть радист сообщит командиру разведстаи, что я усиливаю его отряд двумя подлодками из своего резерва и торпедным катером, превращая его стаю в штурмовой истребительный отряд. Англичане и в самом деле должны запомнить этот последний бой гросс-адмирала Деница. Причем запомнить навечно.

— Есть сообщить... — начал было Фридрих Наубе, однако гросс-адмирал безжалостно прервал его. — Это должен быть бой на полное истребление. Всеми оставшимися силами, всей своей яростью и не оплакивая потерь. — А как только адъютант поспешил в береговую радиорубку, расположенную рядом со штабом базы, снисходительно оглянулся на новоявленного командора. — ...Однако на всякий случай запомните: нам, истинным германцам, решившим сражаться до конца, до последней возможности, нужен сейчас не Гитлер, нам нужен фюрер.

— Но сможет ли?..

— Никаких «но», командор! Решение принято, и теперь уже никаких «но»!

— Как прикажете, господин гросс-адмирал.

— Собственно, если вдуматься, германскому народу вообще никогда не нужен был Адольф Гитлер. Ему всегда нужен был мудрый, решительный, справедливый и хотя бы немного удачливый фюрер! Именно такой вождь у нас теперь снова есть!

— Каждого, кто посмеет усомниться в этом, я пристрелю в открытом океане с вашим, гросс-адмирал, именем на устах.

— Только так, Штанге: до последнего патрона и не оплакивая потерь!

* * *

...А еще несколько минут лифт, связывающий наземный дот-пещеру с подземной частью секретной базы субмарин «Фюрер-конвоя», открылся, и оттуда вышли: Адольф Гитлер, Ева Браун (гросс-адмирал твердо решил для себя воспринимать прибывших сюда людей в тех ролях, в которых они сейчас пребывали), оберштурмбаннфюрер СС Скорцени и еще какой-то молодцеватый оберштурмбаннфюрер, который, по замыслу обер-диверсанта рейха, должен был выступать в ипостаси адъютанта и личного телохранителя фюрера. Как затем выяснилось, это был оберштурмбаннфюрер СС барон Вилли фон Штубер, военный губернатор Германской Патагонии и комендант аргентинской базы «Латинос»[122].

Последним появился личный адъютант и офицер по особым поручениям Гитлера оберштурмбаннфюрер СС Рихард Шульце[123]. Высокий, худощавый и педантично медлительный, он подчеркнуто держался чуть позади и в сторонке, однако само присутствие этого оберштурмбаннфюрера, хорошо известного Дениц у, Ширнеру и некоторым высшим офицерам, должно было подтверждать идентичность «ожившего» фюрера.

Шульце не уходил в океан вместе с фюрером, в субмарине для него попросту не нашлось места. А не нашлось потому, что его не пожелал «отыскать» Скорцени, хотя Шульце порывался покинуть Германию, понимая, что для него как адъютанта и личного порученца фюрера пленение общим лагерем не ограничится. Однако обер-диверсант объяснил свое нежелание предать его спаси-

---

[122] Образ «профессионала войны» барона Вилли фон Штубера проходит через все романы эпопеи «Война империй»: «Река убиенных», «Живым приказано сражаться», «Похищение Муссолини» и другие. — *Автор*.

[123] Именно Рихард Шульце, в качестве личного адъютанта, обычно сопровождал фюрера во время его поездок в ставки «Вольфшанце» и «Вервольф». То есть он принадлежал к тем людям, которые лично и очень близко были знакомы с Гитлером.

тельному чреву субмарины тем, что личный адъютант фюрера понадобится им здесь, как человек, способный на Библии поклясться, что фюрер жив и что он, Шульце, лично участвовал в проводах вождя к субмарине «Фюрер-конвоя».

Поначалу Дениц решил было, что, допущенному к тайне Лжефюрера, Шульце вскоре не найдется места и здесь, на родных берегах, то есть сразу после отплытия Великого Зомби его попросту уберут. Но вчера понял, что все значительно сложнее. Как просветил его один из людей Кальтенбруннера, нашедших себе приют в службе СД во Фленсбурге, новой столице рейха, после покушения на фюрера Борман начал оттеснять Шульце, перекрывая ему «доступ к телу» вождя. Причем делал это настолько ловко, что фюрер поначалу даже не мог понять, что, собственно, происходит.

А не убрали личного порученца вождя, очевидно, только потому, что Гитлер время от времени интересовался, куда это девался Шульце и что с ним, после чего оберштурмбаннфюрера немедленно отправляли со срочным поручением в Берхтесгаден, в ставку «Бергхоф». Таким образом, до последних дней Шульце держали при рейхсканцелярии на второстепенных ролях, предавая его забвению фюрера и мучительной невостребованности.

Но с конца марта все вдруг резко изменилось. Хотя Шульце по-прежнему держали в ставке «Бергхоф», за сотни километров от Берлина, однако теперь к нему вдруг стали проявлять усиленный интерес не только офицеры СД, но и обитатели рейхсканцелярии. Первым с ним встретился Геббельс. Разговор вроде бы шел ни о чем; так, светский треп о горных лавинах, об альпийских курортах, о «подлом нейтралитете» Швейцарии, в кантонах которой проживают десятки тысяч германцев...

Но именно Геббельс, прощаясь с узником комфортабельной гауптвахты, как бы невзначай обронил странную фразу: «Прекрасная это ставка — Бергхоф. Жаль только, что нынешний фюрер терпеть не может холодные пейзажи местных Альп, не то, что бывший, убиенный».

«Простите, кажется, вы сказали: “нынешний” и “бывший убиенный”»?

«Именно так и сказал, — даже не пытался погасить нахлынувшую на губы ухмылку главный идеолог рейха. — Что вас удивило?»

«Но о чем это вы?!» — с неподдельным ужасом воскликнул личный порученец Гитлера.

«О Бормане, досточтимый вы наш оберштурмбаннфюрер Шульце. Детали всевозможных рейхсканцелярских видений и перевоплощений вам лучше обсуждать с рейхслейтером Борманом».

А затем были встречи со Скорцени, Кальтенбруннером, Борманом и вновь со Скорцени. Уже с начала апреля ему ненавязчиво, как бы намеками, начали внушать мысль, что на самом деле в рейхсканцелярии пребывает сейчас не фюрер, а его двойник, который действует по указке Бормана, получающего инструкции от настоящего фюрера. Сам же фюрер проходит курс лечения и восстановления нервной системы в одном из горно-альпийских курортов Штирии[124].

Кстати, помогал врагам Шульце в его «отстранении» от фюрера и другой личный адъютант Гитлера, обергруппенфюрер СС Юлиус Шауб, который считал себя личным адъютантом вождя с 1924 года и который, после мюнхенского путча в ноябре 1923 года, сидел вместе с фюрером в Ландсбергской тюрьме. Этот «старый товарищ фюрера по партии» всегда следил за приближением Шульце к фюреру с подозрением и неукротимой ревностью. Но и он теперь притаился.

...Сейчас трудно было понять, окончательно ли Шульце поверил в версию с «двойником в рейхсканцелярии», но роль свою он исполнял покорно и смирно. При этом, помня наставления Скорцени, старался не особо присматриваться к внешности омоложенного и оздоровленного фюрера.

А вот главкому флота это не возбранялось, поэтому он сразу же обратил внимание, что на сей раз Гитлер был без огромной, аляповатой бронированной фуражки, в которой обычно появлялся в течение всей войны, а новенький эсэсовский мундир без знаков различия сидел на нем, как на гвардейце придворной императорской гвардии; и взгляд его был жестким и слегка пре-

---

[124] Историческая область, расположенная в центральной, горной части Австрии. После присоединения Австрии к Германии (аншлюса) Австрия была разделена на три гау (области) Великогерманского рейха: Верхний Дунай, Штирия и Каринтия; при этом термин «Австрия» официально почти не употреблялся.

ительным — взгляд истинного фюрера, с презрением оставляю-его армию, которую так и не смог привести к победе, и страну, оторую умудрился довести до полного краха.

— Мой фюрер, — чеканя шаг, подошел к вождю командир стаи израков, — стая субмарин «Фюрер-конвоя» к выходу в море това. Командовать стаей приказано мне, командору Ральфу танге.

— Я слышал о вас, Штанге, — похлопал его по предплечью фю-р, — мне представили вас как мужественного воина и талант-вого подводника, только что вернувшегося после выполнения жного задания у берегов Северной и Южной Америки. Я не ибаюсь?

— Никак нет, мой фюрер!

Явно нарушая инструкции Скорцени, Шульце слегка подался перед, чтобы можно было видеть лицо фюрера.

— Адъютант, — не оглядываясь, подозвал Зомбарт—Гитлер рона Вилли Штубера. — Железный крест для командора танге.

Штубер мгновенно открыл портфель и достал орден, заранее одготовленный для командира стаи. Фюрер лично прикрепил го на грудь морского офицера. При этом все обратили внимание, то руки у фюрера не дрожат, спина обходится без старческой су-улости, и куда-то исчезла старческая походка.

Понятно, что чудоподобное омоложение и оздоровление фю-ера было волевым решением, а точнее сказать режиссерским одом наставника Имперской Тени обер-диверсанта Скорцени: то Скорцени, которого всегда раздражала старческая немощь ождя после вполне успешных попыток Зомбарта копировать , неожиданно рассвирепел и заявил: «К черту! Такой фюрер и Германии, ни германским эмигрантам, ни тем более дипло-атам и бизнесменам, которые захотят иметь с ним дело в Ла-инской Америке, уже не нужен! Все они должны видеть перед обой настоящего арийца: сильного, уверенного в себе, вполне знающего реалии того времени и той страны, в которых он ебывает».

Именно таким и предстает сейчас перед моряками его воспи-ник — Великий Зомби, двойник, значительно превосходящий го, чьей имперской тенью ему суждено быть, — проницатель-

ный, решительный, рисковый, готовый и дальше вести за собой армию и народ[125].

Уловив на себе пристальный взгляд Великого Зомби, Дениц подошел поближе и, вскинув руку в римском приветствии, крикнул, обращаясь к строю моряков: «Хайль Гитлер!» — и вежливо ответил на пожатие фюрера. При этом гросс-адмирал краем глаза проследил за Шульце. Увидев, как перед фюрером расшаркивается его преемник на посту канцлера, личный адъютант Гитлера нервно передернул плечами и вытянулся по стойке смирно.

— Наберитесь мужества, рейхсканцлер, — твердо молвил Великий Зомби, глядя Деницу прямо в глаза. — В этой героической трагедии каждый должен сыграть только ему единственному самой историей отведенную роль. Но сыграть — этого мало, нужно быть достойным отведенной ему историей роли.

Несколько мгновений гросс-адмирал молчал, словно бы собирался с мыслями. «А ведь Великий Зомби прав: каждый из нас должен оказаться достойным своей исторической роли», — сказал он себе и признал, что в данной ситуации Имперская Тень ведет себя почти идеально: достойно выходя из той ситуации, в которой он оказался не по своей вине, а по вине и воле истории.

— Мне понятна моя роль, мой фюрер. Постараюсь быть достойным ее.

— Даже подписывая акт о безоговорочной капитуляции перед победителями Германии, вы должны вести себя так, как должен вести себя только руководитель непобедимой Германии. Они

---

[125] Операция, которую позволим себе условно именовать «Имперская тень», была проведена Скорцени настолько удачно, что после войны мировая общественность была основательно сбита с толку: так все же, кто покончил с собой (или же был убит) в рейхсканцелярии в апреле 1945 года, фюрер или его двойник? И кто бежал в Латинскую Америку: фюрер или его двойник? Даже 31 августа 1960 года, во время выступления Скорцени в ирландском городе Далкей перед членами «Литературно-исторического общества», люди из этого общества и журналисты все еще пытались выяснить у бывшего обер-диверсанта рейха, чтобы получить информацию, так сказать, из первых рук: так все же, жив фюрер или погиб в рейхсканцелярии? На что Скорцени, оставаясь верным присяге и фюреру, ответил: «Лучшим доказательством того, что фюрер действительно мертв, служит тот факт, что я нахожусь здесь. Будь Гитлер жив, я был бы рядом с ним!»

должны понять, что для нас и для них тоже эта капитуляция — всего лишь временная передышка.

«А вот теперь-то Шульце окончательно сбит с толку! — отметил про себя Дениц, постепенно увлекаясь затеянным Скорцени спектаклем. — Теперь он голову на отрез готов отдать, чтобы выяснить, что же, в конечном итоге, происходит. Впрочем, с толку сбит не только статист Шульце, но и сам Скорцени. Он явно не ожидал такого величественного оглушительного дебюта своего ученика на фюрер-имперской сцене».

Великий Зомби понятия не имел о том, знает ли о нем как о двойнике командир стаи призраков Штанге, зато прекрасно был осведомлен о том, что Дениц теперь уже в курсе всего того, что происходило за кулисами рейхсканцелярии и какую имперскую рулетку раскручивают Скорцени и Борман.

Помня об этом, гросс-адмирал ожидал, что Имперская Тень стушуется и попытается или вообще избежать общения с ним, или же облечет это общение в некую заговорщицкую форму утаивания истинности происходящего от всех остальных обитателей базы. И был удивлен, когда, заставив своего преемника приблизиться к себе, фюрер вдруг заговорил так, чтобы его слышали и представители командования базой, и строй почетного караула, и даже жиденький строй оркестрантов.

— Германцы! Арийцы! Соратники по борьбе! На улицах наших городов — враги! За всю историю человечества ни германцы, ни какой бы то ни было иной народ не видели у своих стен такие несметные полчища врагов! Армии многих стран мира сжигают в эти дни наши поля, разрушают наши храмы, убивают наших сыновей и насилуют наших женщин. Сможем ли мы когда-нибудь простить им это? Враги очень надеются, что сможем, что вынуждены будем. Но они ошибаются: мы им не простим. Никогда!

В священной борьбе против всемирного жидокомунизма и жидомасонства мы побеждены только потому, что, испугавшись нашей силы, против нас выступили те страны, которые обязаны были оставаться в одном лагере с нами. Почему так произошло? Очевидно, потому, что мы не сумели донести до всех народов Европы то слово истины, которое было рождено нашей верой, нашими идеалами, нашей целью.

Да, мы побеждены, но не сломлены! Наше мужество, наша жертвенность, вся наша борьба — это пример для будущих поколений истинных арийцев, та основа, на которой мы построим Четвертый рейх — еще более могучий, еще более совершенный, причем на сей раз — охватывающий элиту не только Германии, но и множества других стран и наций. Германский народ должен был пройти через это испытание огнем, мечом и пропагандистским словом, чтобы, овладев шарниром времени, оказаться на новом витке нашего национального развития.

«Шарнир времени — это из лексикона Гитлера», — довольный собой и успехами своего ученика, ухмыльнулся Скорцени. Сейчас он напоминал тренера, воспитанник которого наконец-то *одержал первую победу.*

— Сегодня я преклоняюсь перед тем человеком, который пал в борьбе против большевизма в рейхсканцелярии под моим именем, под образом фюрера... Отдадим же ему дань уважения и чести.

Услышав это, гросс-адмирал Дениц резко повел подбородком, словно почувствовал, что ему не хватает воздуха. Вздрогнув, он с удивлением взглянул на Скорцени. Ему казалось, что обер-диверсант должен был выслушать слова своего питомца со свойственной ему невозмутимостью, и был удивлен, увидев, что оберштурмбаннфюрер нервно ощупывает полы своего кителя, словно бы пытается нащупать припрятанный где-то там пистолет.

«В "речи фюрера", которую Великий Зомби должен был произнести перед нами, эти слова — о гибели в рейхсканцелярии двойника фюрера — предусмотрены не были, — понял Дениц. — Предполагалось, что этот момент Великий Зомби попросту обойдет молчанием. Но великий немой вдруг заговорил, причем явно не по заготовленному тексту. И заставил Скорцени занервничать».

— Этого «двойника фюрера» мы внедряли в рейхсканцелярию давно, с тех пор, как на меня было осуществлено покушение. Мы поняли, что враги пытаются обезглавить рейх, и мы им такую возможность предоставили. Настоящая борьба только начинается. Я покидаю Германию, но это не остров Святой Елены, это еще только остров Эльба, из ссылки на который я, подобно Наполеону, вернусь в Берлин триумфальным шествием батальонов моей старой гвардии.

«А ведь этот парень как раз и мог бы быть настоящим фюрером! — неожиданно поймал себя на крамольной мысли гросс-адмирал. — Интересно, где и каким образом Скорцени удалось заполучить его, а главное, по каким признакам определил в нем... Великого Зомби? Внешнее сходство — да, этого не отнимешь. Но лучше бы этого сходства не было или, по крайней мере, лучше бы Великий Зомби не увлекался им и не шлифовал его.

У этого человека свой путь, свой характер и свои амбиции. Он — фюрер сам по себе, независимо от того, чью имперскую тень пытается изображать. Тем более что Гитлер — не тот человек, которого хочется копировать и которому следует подражать».

— Вам, гросс-адмирал Дениц, — Великий Зомби выдержал надлежащую паузу и, лишь услышав такое милое его уху: "Слушаю, мой фюрер!", — продолжил: — суждено было оказаться во главе рейха в самый трудный момент его существования, по существу, в момент его гибели. Но все мы верим, что вы найдете в себе мужество достойно встретить все ультиматумы врагов, выйти победителем из дипломатической войны с ними и вывести Германию из состояния войны.

Пока Великий Зомби изощрялся в красноречии, лже-Ева сначала молча понаблюдала за тем, как несколько эсэсманов, минуя строй почетного караула, заносят на причал их чемоданы, а затем остановилась в начале этого строя. В своей отлично подогнанной эсэсовской форме со знаками различия оберштурмфюрера, в элегантно посаженной на ржановолосую головку черной пилотке, она выглядела потрясающе. Окажись сейчас рядом с ней настоящая Ева, она — с ее нескладной фигурой, крестьянской походкой и жеманным, под мелкобюргерское пуританство, поведением, — выглядела бы провинциальной домработницей из местечковой окраины.

— Германцы, наша борьба продолжается! Куда бы судьба ни забросила меня, я всегда буду помнить о вас. Мы еще встретимся, и произойдет это значительно раньше, чем могут предположить наши враги. Мы еще вернемся, мы возродим Германию, сделав ее еще более могучей и прекрасной. И, как я и планировал, величественную столицу нашу Берлин переименуем в Германиа. Чтобы она стала столицей не только Четвертого рейха, но и столицей, священным городом всех германцев мира, всех, кто чувствует

себя принадлежащим к ядру германской расы![126] А в центре величественного Германиа мы все же возведем колоссальный Дворец солдатской славы, с галереей фельдмаршалов и мемориальным монументом Неизвестному Солдату![127] Обязательно возведем. Оставайтесь же верными своему долгу и своему фюреру, а я, ваш фюрер и Верховный судья нации[128], навсегда останусь верен вам и Германии!

Скорцени так и не понял, кто из свиты Деница первым, не удержавшись в своем патриотическом рвении, выкрикнул: «Хайль Гитлер!» Но заметил, что первой вскинула руку в римском приветствии именно она, Фюрер-Ева. А затем произошло то, что неминуемо должно было бы произойти, если бы перед этими воинами выступал настоящий фюрер: причалы секретной базы огласило троекратное «Зиг Хайль!». А как только возгласы затихли, опять послышался голос Фюрер-Евы:

— Мы возродим тебя, Германия! Один народ, одна Европа, один фюрер!

Пока фюрер проходил сквозь строй почетного караула к трапу субмарины, Фюрер-Ева Альбина Крайдер, двойник Евы Браун, стояла рядом с начальником караула и, как и положено офицеру СД, отдавала ему честь, вскинув руку в римско-германском приветствии. Она так и не тронулась с места, пока оркестр не завершил исполнение «Баденвайлерского марша», официально признанного в свое время гимном фюрера.

— Я прощаюсь с вами, мои товарищи по борьбе! — прокричал Лжефюрер, уже стоя на краю трапа. — Но я не прощаюсь с тобой,

---

[126] Идею переименовать Берлин в Германиа фюрер впервые официально озвучил еще в июне 1942 года, в специальном фюрер-поезде, по пути из ставки «Волчье логово» в Берлин, мотивируя это стремлением превратить Берлин в столицу всех германцев мира, в священный город людей, «принадлежащих к ядру германской расы».

[127] Проект помпезного Дворца солдатской славы уже существовал, автором его был известный германский скульптор и теоретик градостроения Вильгельм Крайз (1873—1955), вот только воплотить его в камне Гитлер не успел, хотя проект ему очень понравился.

[128] Титула Верховного судьи нации Гитлер был удостоен на заседании рейхстага в апреле 1942 года, когда он потребовал от членов рейхстага, чтобы ему были предоставлены «чрезвычайные и неограниченные полномочия в сфере законодательной, исполнительной и судебной власти».

оя Германия! — буквально взорвался он, потрясая поднятыми верх кулаками, как это обычно делал фюрер, завершая свои выступления перед многотысячными толпами германцев. — Наша борьба, наша окончательная победа еще впереди! — прокричал он, уже пятясь перед строем моряков из команды субмарины командора Ральфа Штанге. — И заключается она не столько в победе нашего оружия, сколько в победе наших идеалов!

— Вы потрясли мое воображение, — негромко произнес оберштурмбаннфюрер Отто Скорцени, подойдя к Альбине, чтобы, нежливо придерживая под руку, провести по шаткому трапу на палубу огромной субмарины.

— Речь сейчас должна идти не обо мне.

— Понимаю, прежде всего о нашем... фюрере, — хищно как-то улыбнулся обер-диверсант рейха, оглядываясь на Деница и его свиту, остановившихся в нескольких шагах от почетного караула прямо перед одной из амбразур мощного дота.

— Хотите, скажу вам то, что не решилась сказать тогда, во время нашей «альпийской ночи»? — спросила Альбина, как только они оказались одни посередине трапа, уединившись между пирсом и палубой субмарины.

— Вряд ли вам представится более удобный случай.

— Если быть абсолютно искренней, — едва слышно проговорила Фюрер-Ева, — то с некоторых пор для меня в мире существует только один фюрер — это вы, Скорцени.

— Прощальный женский комплимент, — слегка стушевавшись, проворчал обер-диверсант рейха.

— Вы правы: главное не в этом. На самом деле я хочу сказать вам то, что не решилась сказать тогда, в ставке фюрера, на исходе нашей «альпийской ночи». Сегодня здесь все не так, как должно быть. Германия опять идет по ложному пути. Это вы должны быть сейчас на месте Манфреда Зомбарта; это на вашу честь оркестр должен был играть «Баденвайлерский марш»; наконец, это вас, Отто Скорцени, германский народ должен почитать за фюрера. Именно потому, что вы не имеете решительно ничего общего... с Гитлером! Абсолютно ничего общего!

— Но политическая реальность такова, что в это суровое, трагическое время германцы хотят видеть перед собой того, кого они в течение стольких лет обожествляли.

— Понимаю: старый девиз национал-социалистов — «Вперед, за вожаком!» Вполне разделяю его. Но почему Гитлер? Только потому, что тогда, в тридцатые годы, перст судьбы не указал им никого, более достойного?

— Если бы это перст судьбы указал нам более достойного, не было бы потом ни великого рейха, ни национал-социализма, ни культа вождя. Ибо у нас, в Германии, все это зарождалось именно с Гитлера, так же, как в Италии — с Муссолини или в России — со Сталина, а в древней Монголии — с Чингисхана. Может быть, без появления этих личностей мир был бы лучшим, но это уже был бы совершенно иной мир. И мне, Скорцени, делать в нем было бы нечего.

— Впрочем, это уже философский спор, к которому мы обязательно вернемся где-нибудь на набережной Буэнос-Айреса.

— А пока что согласитесь, что, в общем-то, сегодня Зомбарт доказал, что он...

— В такие мгновения, Скорцени, не хочу слышать ни о каком Зомбарте, ни о какой Имперской Тени, — решительно и даже чуточку раздосадованно прервала его Альбина Крайдер. — Хватит с нас Лжефюреров! Не перебивайте меня, Скорцени. Пощадите, не сбивайте с мысли.

— Прошу прощения, оберштурмфюрер.

— Вы ведь прекрасно понимаете, что я не могу уйти в океан с тем, что хотела высказать вам, но не высказала. Сегодня — или никогда!

— Внимательно слушаю вас, Фюрер-Ева.

— Как бы двойник фюрера Зомбарт ни старался, какую бы изобретательность в копировании фюрера ни проявлял, он так и останется всего лишь политическим лицедеем и Лжефюрером. Всего лишь лжефюрером. Вы же, Скорцени, фюрер от Бога. Вам не нужно подражать какому-то жалкому Шикльгруберу-Гитлеру, который тоже всю жизнь только то и делал, что... изображал из себя фюрера.

— Страшные и странные речи вы произносите, фройлейн Крайдер, — полушутя попытался приструнить ее шеф диверсантов.

— Они только потому и кажутся вам страшными и странными, что правдивы. Позволите продолжить?

— А кто может запретить вам изливать свою душу, Фюрер-Ева?

— ...Вам, Отто, не нужно никого изображать и никому подражать, — взволнованно говорила Альбина Крайдер, приближаясь к палубе субмарины и понимая, что именно сейчас она должна сказать Скорцени то самое важное, что попросту обязана была сказать ему на прощание.

— Вы — прекрасная женщина, Крайдер.

— Наоборот, — не позволила Альбина сбить себя с мысли, — это вам должны и будут, обязательно будут подражать миллионы германцев и миллионы сильных духом людей многих других национальностей и рас. Германскому народу не повезло, что во главе его нацистских колонн оказался Гитлер, а не вы. Германия ошиблась в выборе фюрера — вот в чем ее трагедия!

* * *

Субмарина «U-1230» отходила от причалов секретной базы «Фюрер-конвоя» последней. Те несколько людей, которые все еще стояли на ее палубе рядом с Имперской Тенью и Фюрер-Евой, смотрели на остающихся на берегу с такой же тоской и завистью, с какой остающиеся смотрели вслед им, вырывающимся из огненного ада гибнущего рейха.

Огромный, лоснящийся под лучами мощных прожекторов корпус подводной лодки напоминал оберштурмбаннфюреру Скорцени тело инопланетного корабля, оставлявшего выжженную, оскверненную войной землю, чтобы унести с собой когорту спасенных избранных, которым где-то там, в иных мирах и эпохах, надлежало сотворять новый народ, новую страну, новых мнимых богов и новых истинных фюреров.

Вырываясь из-под скальных карнизов секретной подземной базы «Нордберг», субмарины одна за другой медленно, с ритуальной церемониальностью, уходили в густой прибрежный туман, величественно и необратимо растворяясь в таинственных глубинах океана, в легендах и преданиях самой вечности.

Мюнхен — Дрезден — Одесса

Художественое издание
Секретный фарватер

Сушинский Богдан Иванович

СУБМАРИНЫ УХОДЯТ В ВЕЧНОСТЬ

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Редактор *Д.С. Федотов*
Художник *Ю.М. Юров*
Корректор *И.В. Алферова*
Дизайн обложки *Д.В. Грушин*
Верстка *М.А. Виноградов*

ООО «Издательство «Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ООО «Издательский дом «Вече»
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.000129.01.08 от 16.01.2008 г.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 20.02.2008. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура «PeterburgC». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 14,5. Тираж 5000 экз. Заказ № 9800.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ОАО «Типография «Детская книга».
127018, Москва, Сущевский вал, 49.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»
ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»
129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24.
Тел.: (495) 188-88-02, (495) 188-16-50, (495) 188-40-74.
Тел./факс: (495) 188-89-59, (495) 188-00-73
Интернет: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».
Тел.: (495) 188-66-03.
E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!
Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:
Компания «Лабиринт»
115419, г. Москва,
2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4.
Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79
www.labirint-shop.ru
В Санкт-Петербурге:
ЗАО «Диамант» СПб.
г. Санкт-Петербург,
пр. Обуховской обороны, д. 105.
Книжная ярмарка в ДК им. Крупской.
Тел.: (812) 567-07-26 (доб. 25)
В Нижнем Новгороде:
ООО «Вече-НН»
603141, г. Нижний Новгород,
ул. Геологов, д. 1.
Тел.: (831 2) 63-97-78
E-mail: vechenn@mail.ru
В Новосибирске:
ООО «Топ-Книга»
630117, г. Новосибирск,
ул. Арбузова, 1/1.
Тел.: (383) 336-10-32, (383) 336-10-33
www.top-kniga.ru
В Киеве:
ООО «Издательство «Арий»
г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 2б, а/я 84.
Тел.: (380 44) 537-29-20,(380 44) 407-22-75.
E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»
в московских книжных магазинах:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Букбери», «Новый книжный».

НОВАЯ ЖИЗНЬ
ЗНАМЕНИТОЙ СЕРИИ

Вече

СЕРИЯ КНИГ

Военные Приключения

- Только приключенческие романы
- Только военная тематика
- О войнах больших и малых, великих и неизвестных
- Классика советского приключенческого романа
- Современные авторы
- Более 50 книг в серии

БЕСТСЕЛЛЕР 2006 ГОДА!

Вече

СЕРИЯ КНИГ

ЗАРУБЕЖНЫЕ ВОЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Ужасная изнанка Второй мировой войны и трагические судьбы воевавших на ней солдат многократно отражены в мировой и отечественной литературе. Но не так много произведений описывало тяжкий путь бойцов, сражавшихся в штрафных подразделениях. Были такие части и в германской армии. И, как обычно, им доставалась самая грязная и трудная работа — наступать первыми, а отступать последними. Лишь немногим удалось выжить в аду Восточного фронта...

Этот роман — первый из серии книг датского писателя С. Хасселя, воевавшего в рядах штрафного танкового полка германского вермахта. Автобиографический по форме, он обличает преступность этой войны и тех, кто ее развязал.

ДОРОГАМИ ГЕРОЕВ...

Вече

СЕРИЯ КНИГ

Исторические Приключения

Яркие картины прошлого,
умопомрачительные повороты сюжета,
живые, привлекательные образы
героев — все это читатель найдет
на страницах книг серии
«Исторические приключения»!

Лучшие произведения жанра историко-
авантюрного романа, от Ганнибала
до Бисмарка, от Геркулесовых Столбов
до Большой Берты!

Вече

ВАШЕ БЛАГОРОДИЕ, ГОСПОЖА РАЗЛУКА

СЕРИЯ КНИГ

Бѣлогвардейскій романъ

Генералъ-Лейтенантъ

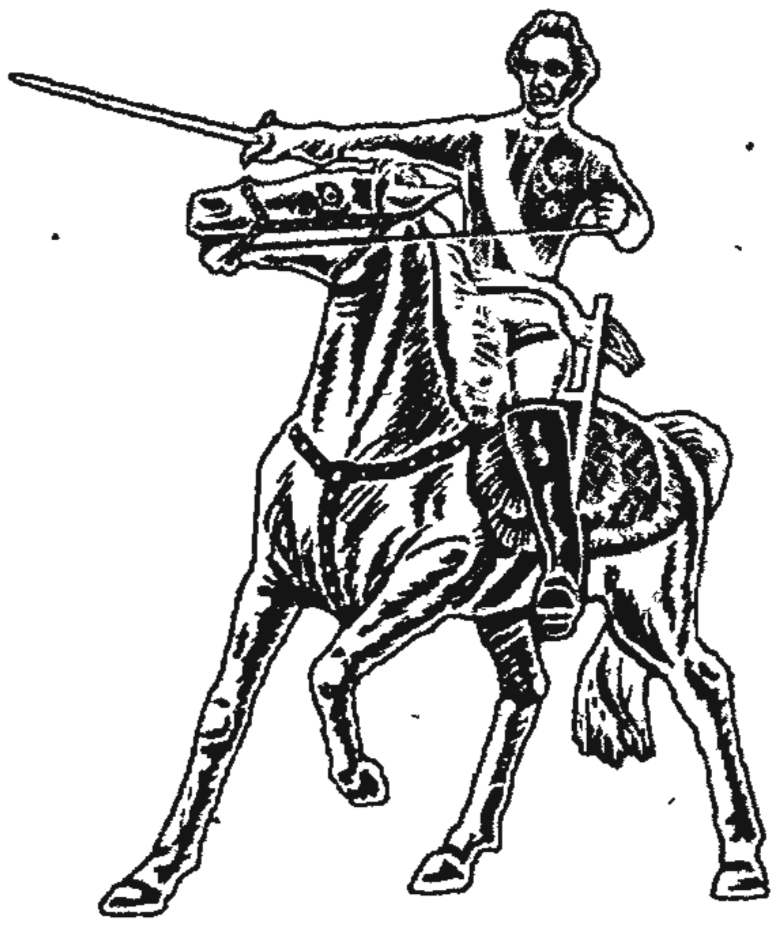
ПЕТРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ
Баронъ ВРАНГЕЛЬ.

- Продолжение традиций русской классической литературы.
- Легендарные (Краснов, Куприн, Шмелев) и забытые (Раевский, Давату, Мамонтов) имена.
- 20 томов произведений Русского Белого Зарубежья.

ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ, ВЕЛИКИЕ ДЕЛА

СЕРИЯ КНИГ

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ



Издательство представляет читателю широкое мозаичное полотно из талантливых исторических романов. Это не «другая» история, это та самая, единственная История!

Среди авторов серии знаменитейшие зарубежные романисты: Джованьоли, Хаггард, Парницкий, Линдсей, Рено, Фавье.

Лучшие произведения признанных классиков отечественной литературы — Брюсова, Алданова, Калашникова, Краснова, а также самых талантливых из ныне действующих авторов — Попова, Тумасова, Сегеня, Борщаговского.

ISBN 978-5-9533-2719-0
9 785953 327190
Вече

Новый военно-приключенческий роман-версия «Субмарины уходят в вечность» известного писателя, лауреата Международной литературной премии имени Александра Дюма (1993) Богдана Сушинского посвящен событиям 1944—1945 годов.

Роман является логическим продолжением романа «Антарктида: Четвертый рейх». В основу сюжета положены исторические факты, связанные с версией о формировании специального подводного флота — «Фюрер-конвоя», таинственно исчезнувшего в конце войны. Вместе с ним исчезли несколько десятков ведущих ученых и инженеров, создававших «оружие возмездия».

секретный фарватер